

СОДЕРЖАНИЕ. ТОМ 2

РАЗДЕЛ 11. ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВАХ И СПОСОБАХ САМОПОЗНАНИЯ И САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН

Брихунец М. Женщины-основательницы монастырей и церквей Молдовы	20
Козлова Н.Н. Женская биография как квинтэссенция гендерного мировоззрения: С.С.Уваров о мадам де Сталь	22
Сараева Е.Л. Идеино-нравственные основы воззрения русских западников на сферы жизни женщины	25
Красникова Ю.Н. Развитие кормленчества в XIX в.: причины и специфика	28
Солодянкина О.Ю. Женщины и мужчины в педагогической профессии в России в XIX в.: бедность, взаимопомощь, признание и благотворительность	31
Шнырова О.В. Новые женщины и новые мужчины: суфражистские династии в общественной жизни Великобритании второй половины XIX в.	34
Разживина Д.А. Участие женщин в проведении первой все-русской переписи населения Российской империи 1897 г.	37
Онипко Т.В. Меценаты Репнины	40
Крючкова Н.Д. Проблема континуитета британских традиций в переселенческих колониях (гендерный аспект).	43
Баранова Е.В. «...Девушка на велосипеде — это ужасно!»: к	

истории велосипедного спорта конца XIX – начала XX в.	45
Казакова-Апкаримова Е.Ю. Мотивы женской благотворительности в Урало-Сибирском регионе в конце XIX – нач. XX в.	48
Денисова Л.Е. Женщины в контексте диаколического служения Русской Православной Церкви	51
Рева Л.Г. Женская линия семьи Ревы: материалы к биографии	54
Рожков А.Ю. Биографический проект подростка в советской России 1920-х годов как средство конструирования идентичности: гендерный аспект	55
Куляпин А.И. Проблема сексизма в экстремальной ситуации (о советской полярной экспедиции 1932–34 гг.)	58
Ствольгин К.В. Гендерные вызовы в российской истории: военная эмансипация женщин	61
Шехтер Б.М. «Эрзац - солдаты» - женщин в РККА, 1941-1945 гг.	64
Ларионова Е.Н. Женское лицо ВЧК и НКВД: история, героическая составляющая образа	66
Бахолдина В.Ю. Самооценка у девочек и мальчиков старшего подросткового возраста как способ самоактуализации	69
Биличенко Е.Н. Самоактуализация и самоотношение личности женщины в профессиях социономического типа	71
Бороздина Е.А. Альтернативное акушерство в современной России: борьба за профессиональную автономию	74
Громов Д.В. «Культ» Святой Софьи: о чем просят женщины	77
Дондокова Б.Б. Самоопределение женщины как творческого	

субъекта в современной культуре	80
Чекалина А.А. Об особенностях гендерного самосознания женщины-профессионала	83
Магомедов. М. Дискриминация молодых мужчин как фактор распространения экстремизма на Северном Кавказе	86

РАЗДЕЛ 12. ИЗМЕНЕНИЯ В ИСТОРИИ МАТЕРИНСТВА, ОТЦОВСТВА, РОДИТЕЛЬСТВА, СЕМЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Иванова Е.Г. Основные формы социального призерения по обеспечению деторождения и охране материнства и детства в России во второй половине XIX – начале XX веков (на материалах Курской губернии)	89
Зайцева С.В. Роль Санкт-Петербургского земства в призерении незаконнорожденных детей в 1870–1890-е годы	93
Мельникова Н.Н. Категория материнства в «бордельном пространстве» русской литературы XIX – начала XX века	96
Михайлова М.В. Новая модель отцовства в творчестве Н.Г. Гарина-Михайловского	99
Jakubavičienė In. Motherhood in the First Republic of Lithuania (1918–1940)	102
Мельникова О.О. Интернет-мобилизация женщин: женский опыт родов и обмен средствами достижения идеалов родительства	103
Чернова Ж.В. Сетевые сообщества родителей: новые солидарности и ресурсы мобилизации для защиты прав	103

Шпаковская Л.Л. Идеальные представления об организации политики заботы о детях представителей общественных организаций родителей: возможности мобилизации	106
Тончу Е.А. Гендерный аспект роли материнства в российской истории	108
Афанасьева О.В. Особенности воспитания детей матерями, ориентированными на карьеру	111
Авдеева А.В. Вовлеченное отцовство современной России: новая форма мужского родительства	113
Муртазина С.Р. Особенности представлений о семейных отношениях и родительстве в однополых парах	115
Кукаренко Н.Н. Гендерное разделение труда в воспитании билингвальных детей (на примере русско-норвежских семей в Северной Норвегии)	117
Созинова М.В. Досуговая деятельность старших дошкольников как фактор становления содержательного времяпрепровождения взрослого	120
Шерстнёва Н.М. Права детей как угроза семье? Интерпретация «родительства» общественным родительским движением «Семья, любовь, отечество» в рамках кампании против ювенальной юстиции	122

РАЗДЕЛ 13. ИЗМЕНЕНИЯ В ЖИЗНЕННЫХ ЦИКЛАХ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН, ОБРЯДАХ ПЕРЕХОДА

Пежемский Д.В., Степанова Ю.В. Мужское и женское в культуре древнерусского населения Верхневолжья (по данным

археологии и палеоантропологии)	125
Колпакова Ю.В. Нателные кресты мужчин и женщин: реалии позднесредневекового Пскова	128
Мухина З.З. Вдова в русской крестьянской среде в пореформенной России	131
Винокурова И.Ю. Женский символизм в вепсской культуре: традиции и трансформации	134
Николаева Д.А. Сакральные функции повивальной бабки в родильных обрядах бурят конца XIX – начала XX в.	137
Нальчикова Е.А. Трансформация погребальной обрядности и женской риторики скорби в военные годы	139
Радова–Каранастас О.К. Этническая символика гагаузов и влияние символического порядка на социальное поведение мужчин и женщин	142
Сэрпиво С.Е. Ненецкая женщина в обрядах перехода	142

РАЗДЕЛ 14. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ СЕКСУАЛЬНОСТИ И ИНТИМНОЙ СФЕРЫ

Лисицына О.И. Женская сексуальность в российской дворянской культуре: актуальность изучения	143
Вершинина Д.Б. Политизация сексуальности в британском феминизме первой волны	146
Healey D. The silence of the Gulag queer: reading the diary of	

Vadim Kozin	149
Мозжегоров С.В. Мужская гомосексуальность в фокусе глубинного интервью: идентификационные и поведенческие аспекты	150
Панов С.В., Ивашкин С.Н. Проблема гендера: социальное воображение и конструктивный идеал органицизма	153

РАЗДЕЛ 15. ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СЕКСУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ И ЕВРОПЫ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН

Павлова О.Н. Новое видение женственности: Песнь песней	157
Игнатенко И.В. Женское тело как объект социального контроля (на примере украинской традиционной культуры)	159
Васеха М.В. «Меня милой разлюбил»: становление новых отношений в среде молодежи (по материалам Сибири 1920-х гг.)	160
Сенявская Е.С. Женщины Европы в 1944–1945 гг. глазами советских солдат и офицеров)	164
Змеева О.В. Сексуальные роли в контексте миграционной ситуации	167
Кадникова А.М. Гендерная мобилизация в современной России: случай антиабортной активистской организации «Международное движение пролайферов «Воины Жизни»	170

РАЗДЕЛ 16. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Меньшикова Е.Н., Иванова Н.Н. Деловая активность женщин-купчих в легкой и пищевой промышленности Курской	
---	--

губернии в конце XIX – начале XX века	173
Муравьева Е.В. Женский отход в Ярославской губернии в конце XIX — начале XX веков	175
Кабирова А.Ш. Роль женщин Татарстана в создании экономического фундамента Победы: опыт и уроки военных лет (1941-1945)	179
Гугова М.Х. Военная экономика: женская территория	183
Волкова Е.Ю. Роль женщин в экономическом развитии Костромского края в 1945-60-е годы XX в.	186

РАЗДЕЛ 17. ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ НА МЕНЯЮЩЕМСЯ РЫНКЕ ТРУДА

Цыбульникова А.А. Изменение гендерных стереотипов в хозяйственной сфере у кубанского казачества в условиях военного времени (первая половина XIX века)	189
Ильичева М.Б. Женщины Британии на рынке труда: особенности государственной социальной политики в 1940-1980-х годах	192
Коростылева Н.Н. Гендерные особенности кадрового потенциала России	195
Jurėnienė V. Men seek for a career, women just work	198
Евстифеева Г.Г. Гендерное разделение домашнего труда в России и зарубежных странах	199
Круглянская Л.Я. Гендерные стереотипы административной культуры	202
Матвеева Т.Н. Различия в стереотипных качествах успешных	

руководителей мужчин и женщин	206
Лупенко Н.Н. Взаимосвязь гендерного и профессионального образов Я и проблема самоактуализации личности руководителя	209
Олийнык Н. Оплата труда женщин в Украине: проблема гендерного разрыва	212

РАЗДЕЛ 18. НАСИЛИЕ ПРОТИВ ЖЕНЩИН В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН

Омельяничук С.В. К вопросу о насилии против женщины в древнерусской семье	216
Иликеева Ю.А. Проявления домашнего насилия против женщин (на примере башкирского традиционного общества)	219
Фролова И.В. К вопросу о насилии представителей дворянства в отношении дворовых девушек в середине XIX в. (на примере Череповецкого уезда Новгородской губернии)	223
Ворошилова С.В. Практика волостных судов по делам о жестоком обращении мужей со своими женами	226
Безгин В.Б. Мнимые изнасилования в российской деревне конца XIX – нач. XX в. (на материалах Тамбовской губернии)	229
Крадецкая С.В. «О самозащите женщин», или история одного домогательства	232
Савчук А.А. Чубаровское дело как прецедент законодательства и социокультурное явление в Советской России 1920-х гг.	235
Petrenko O. Ukrainian Insurgency against the Post-War Sovietization of the Western Ukraine: The case of the female teachers	238

Турутина Е.С., Дмитриева Т.М. Насилие в семье и репродуктивное здоровье женщины: опыт рефлексии 239

РАЗДЕЛ 19. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ ФЕМИНИЗМА

Успенская В.И. Истоки феминистского дискурса в политологии 242

Новикова Н.В. Феминизм, национализм и требования реформы морали в середине XIX–начале XX вв. 243

Николаенко О.А. Трансформация польского женского движения в Украине в конце XIX – начале XX в. 246

Воронина М.С. «Советский феминизм» как результат первой волны феминизма на украинских землях (1900–1930-е годы) 249

Митрофанова А.Д. Феминизм и различие либерального и радикального дискурсов 251

Малаховская Н.Л. Первые феминистские издания в СССР в конце 70-х годов 254

Наумова Е.И. Почему советский/постсоветский феминизм является постмодернистским? 258

Семенова В.Э., Семенова Л.Э. Женский протест, или по ту сторону постсоветского феминизма XXI века 261

Здравомыслова Е., Темкина А. «Pussy Riot» и др.: новое старое лицо феминизма 264

Мелешко Т.А. Антифеминизм: возможен ли диалог?. 266

РАЗДЕЛ 20. КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН

- Рыбакова О.Г.** Трансформация агиографических канонов женской святости в освещении американской научной периодики 267
- Смеюха В.В.** Женская пресса как источник изучения гендерной истории 271
- Рафалюк О.Е.** Жизнетворческая практика Зинаиды Гиппиус в контексте гендерной истории 274
- Олешкова А.М.** Сестры милосердия Красного Креста в годы Первой мировой войны: трансформация гендерной идентичности 277
- Сохань И.В.** Роковые женщины Лиля Брик и Лу Андреас Саломе: уникальный тип женской идентичности 280
- Щепанская Т.Б.** Шоферская профессия: исторические изменения и дискурс разрушения мужского братства 283
- Исаев Д.Д.** Современный подход к пониманию гендерной идентичности 285
- Вержибок Г.В.** Современные парадоксы маскулинности-фемининности 288
- Ожигова Л.Н.** Самореализация мужчин и женщин в контексте теории мультиполярной гендерной идентичности личности 291
- Леонтьева Т.Г.** «Мы» и «они» в криминальном пространстве: новая социальная реальность в детективах Александры Марининой 295

РАЗДЕЛ 21. КУЛЬТУРНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

- Лифшиц А.Л.** Екатерина Вторая – султан на троне: Неизвестная пьеса об одном романе императрицы 298
- Егерева Т.А.** Идеальный женский образ на страницах журнала Н.М. Карамзина «Вестник Европы» 300
- Строганова Е.Н.** О двух векторах развития женского писательства в России XIX века 303
- Павлова Н.И.** Формы репрезентации женской авторской субъективности в творчестве писательниц XIX века (писательская драма Е.П. Ростопчиной) 305
- Сварчевская Т.В.** Гендерные метафоры в русской литературе: женщина как символ провинции 307
- Ляпина А.А.** Оценки романа Карин Михаэлис «Опасный возраст» в России: «клевета» или манифест женского движения? 311
- Левандовский А.А.** Женщины Александра Грина (любовь и свобода как творческие составляющие в жизни писателя) 314
- Барашкова С.Н., Желобцова С.Ф.** Анатомия судьбы в современной женской прозе 317
- Попова М.П.** Субъектные формы выражения авторского сознания в женской лирике. Опыт гендерного исследования 319
- Окорокова В.Б.** Поэтика Натальи Харлампьевой 323
- Усачева А.В.** Образ женщины и гендерные стереотипы в современной румынской эссеистике и публицистике 326
- Хандина О.К.** Некоторые аспекты из истории развития совет-

ской моды в послевоенный период	329
Алексеева Е.В. Инновации в моде: женский способ изменения мира	332
Додхудоева Л. Европейские переселенцы в советском Таджикистане (фотоматериалы этнографического архива)	335
Закиров О.А. Гендерный аспект советских исторических фильмов 1930-1940-х гг. и их воспитательное значение	336
Жидкова Н.Г. Советские кинофестивали на страницах советских журналов в конце 1950-х – 1960-х гг.: гендерный аспект	337
Волков Е.В. Кинематографическая репрезентация образа врага в женском обличи. Случай Людмилы Касаткиной	339
Попова А.Д. Образ женщин судей и сотрудников правоохранительных органов в современном массовом искусстве	344
Шишелякина А.Л. Женская тематика в публичном пространстве Тюменской области	347
Лысикова О.В. Женское лицо отечественного туризма: культурные репрезентации исторических изменений	350

РАЗДЕЛ 22. ЖЕНСКИЙ И МУЖСКОЙ ВЗГЛЯД НА ЛИХИЕ ГОДЫ СТРАНЫ: ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ

Паулсон С.Е. Женщины и мужчины в Петрограде двоевластия: взгляд из посольства США	353
Бринюк Н.Ю. Личные письма – штрихи к семейному портрету В.О. Каппеля и его близких	358
Мирошниченко М.И. «Они» и «они»: социокультурные полюсы женского восприятия перемен в 1920-е – 1935 гг. (по мате-	

риалам Урала)	363
Разумова И.А. История войны в поморской семейной хронике	366
Кабульдинов З.Е. Об акмолинском лагере жен изменников родины: трагедия и мужество	369
Шаповалова В. «И где возьму благоразумье?»: «автонекролог» Евгении Ярославской-Маркон	378
Яркина В.А. Женщина в условиях ИТЛ (на основе воспоминаний Е. Керсновской)	381
Харрисон А. «Летать в небе - разве это женское дело?»: гендер и осмысление летчицами перемен в истории	384
Petrone K. Challenging Soviet Military Masculinity: Gender and Mobilization in Soviet and Post-Soviet Russia	388

РАЗДЕЛ 23. ГЕНДЕРНЫЕ ВЫЗОВЫ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: БЫТЬ ЖЕНЩИНОЙ И МУЖЧИНОЙ В ЭПОХИ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН

Хададова М.В. Роль женщин в польском национально-освободительном движении 30-60 гг. XIX века в Юго-Западных губерниях Российской империи (на примере Волынской губернии)	390
Егоров А.Н. Формирование сферы гражданской деятельности в Российской империи кон. XIX – нач. XX в. (пример семьи Поповых)	393
Синова И.В. Гендерный анализ девиантного поведения подростков на рубеже XIX-XX веков	396
Помалейко О.Л. Генезис и типологические особенности женских организаций в Северо-Западном крае Российской импе-	

рии в конце XIX – начале XX в.	399
Шестова Т.Ю. Надеждинская община сестер милосердия при Красном Кресте Пермской губ. в конце XIX - начале XX в.	402
Боброва Г.Е. Гендерный аспект в исследованиях феномена толпы (по работам социологов франко-итальянской школы конца XIX – нач. XX в.)	405
Афанасьева Ю.С. Историк переходного времени (на примере научного творчества А.М.Ону)	408
Волкова О.А. Работницы почтово-телеграфного ведомства Петербурга и Москвы в годы Первой российской революции	409
Воробьев А.А. Женщины на выборах в органы власти и городского самоуправления в Сев.-Западном регионе России в 1917 г.	414
Березовая Л.Г. Женщина в стиле модерн: мифология женских образов Серебряного века	417
Екопен К. Signs of Change: The 'New Women' Modernizing Russian Society (1900-1920)	420
Русова Ю.С. А.М.Коллонтай о новой женщине в новом обществе	421
Страхова Н.В. Образ А.М. Коллонтай в газетах Северной Европы в 1920–1930-е гг.	424
Chatterjee Ch. Lady in red: revolutionary languages in the American imagination, 1917–1939	426
Всеволодов А.В. Парадоксы Михаила Гусева: штрихи к биографии православного пролетария 1920-х гг.	428
Тарасюк А.Я. Женская инициатива в 1920 гг. и борьба с беспризорностью (на материалах ГБУТО ГАТО)	429

Гоманенко О.А. Женский труд на предприятиях речного транспорта Нижней Волги в 1941-1943 гг.	432
Новинская Т.Ю. Пензенские женщины в годы войны (1941-1945)	434
Копылов Ф.В. Раненые воины и медицинский персонал госпиталей: гендерные роли в военное время (на примере прифронтовых городов Вологодской обл.)	438
Лунева Ю.В. Женщины СССР за укрепление мира между народами (по материалам личного архива председателя Союза советских обществ дружбы Н.В. Поповой).	441
Кондратикова Л. Судьба настоятельницы молдавского монастыря Милитины (Трандасир)	444
Калинина О.С. Женская эмиграция из России	446
Цимбал Т.В. Феминизация эмиграции на рубеже XX-XXI вв.	449
Шафигуллина Л.Р. Женщина и «нация» (национально-культурное развитие татарской нации в постсоветский период на примере деятельности женских организаций РТ)	451

РАЗДЕЛ 24. ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ: МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ

Якубова Т.А. Роль женщин в исторической биографии украинского гетмана И.Мазепы. (По материалам польского и основного фондов Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского) ...452-455	454
Иларионова Т. Исторические эпохи и «гендерные часы»	457

Гуансян Ч. Сравнительный анализ традиционной социальной концепции «много детей – много счастья» в России и Китае	460
Крылова Н.Л. «Русские африканки» в XX столетии. Причудливые зигзаги эмиграции	461
Львова Э.С. Женщины-горожанки Танзании	464
Гавристова Т.М. Африканский модернизм: опыт гендерных исследований	464
Тлехурай З.А. К истории женских черкесских общественных организаций Турции и Иордании	467
Горшунова О.В. «Женская религия» в мусульманской среднеазиатской культуре	470

РАЗДЕЛ 25. ГЕНДЕР В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЖЕНЩИН И / ИЛИ МУЖЧИН?

Морозова Л.Е. Женское лицо древнерусской культуры	471
Фаизов С.Ф. Елена Волошанка в «Повести о Петре и Февронии» и «Повести временных лет»	474
Круглова А.Р. Занятия шитьем как идеальная модель деятельности знатных женщин Древней Руси	477
Ракитина М.Г. Женщины и власть. Образы цариц и княгинь в миниатюрах Лицевого Летописного свода 16 в.	480
Мачулин Л.И. Российские императрицы в истории модернизации Малороссии	484
Жеребчиков Д.П. Гендерный состав городского населения	

Тамбовской губернии во второй половине XIX в. 487

Белобородова И.Н. Гендерный аспект модернизации традиционного природопользования Русского Севера (кон. XIX – начало XX в.) 490

Пурышева Н.М. Мужчины и женщины Беларуси в сфере культуры (по материалам переписей 1897, 1926, 1939, 1959 гг.) 492

РАЗДЕЛ 26. «СТЕКЛЯННЫЙ ПОТОЛОК» В НАУКЕ: ИЗ ПРОШЛОГО В НАСТОЯЩЕЕ?

Орлова Н.Х. Университетская «Доска почета» 496

Бессуднова З.А. Почетный член АН СССР М.В. Павлова (1854-1938): путь в науку и в науке 499

Валькова О.А. Профессиональная карьера женщины-ученой: на материалах биографии О.А. Старосельской-Никитиной 502

Емельянова Н.А. Роль женщин в организации научных отделений медицинских учреждений СССР. Профессор Э.Ф. Левкоева 505

Помелова М.А. Творческий путь проф. М.А.Воронцовой 506

Плошница Е.Т. Роль и место женщины в становлении и развитии молдавской музеологии 509

Миронова Н.П. Филиппова Т.П. Образ женщины-ученого в объективе фотокамеры (на примере фотодокументов Научного архива Коми НЦ УрО РАН) 512

РАЗДЕЛ 11. ИЗМЕНЕНИЯ В СПОСОБАХ САМОПОЗНАНИЯ И САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН

М. Брихунец

Кишинев, Кишиневский Музей этнографии и природоведения

ЖЕНЩИНЫ–ОСНОВАТЕЛЬНИЦЫ МОНАСТЫРЕЙ И ЦЕРКВЕЙ МОЛДОВЫ

Чтобы показать место монастырей в национальной истории, недостаточно изучить время и обстоятельства их формирования – нужны знания об их основателях (–цах). Основание новых скитов и монастырей было уделом состоятельных землевладельцев, епископов и митрополитов, влиятельных священников, но и женщины играли в этом немалую роль как жены высокопоставленных персон.

Среди основательниц или ктиторов святых обителей (ктиторство считалось благородным делом) особо почитались жены обеспеченных помещиков и купцов. Ктиторы одаривали землями, подносили денежные средства для возведения и укрепления церквей и монастырей. Женщины–ктиторы и их дети обладали рядом обязанностей и привилегий. Они жертвовали в пользу монастыря жилые и гостевые дома, торговые лавки, которые впоследствии приносили немалую прибыль. Дарственные на дома оформляли в своекоштных монастырях – так нередко поступали будущие сестры, вступавшие в святую обитель на послушание (таковы молдавские м–ри Рэчула, Хирова, Табора, где дома–кельи формировали целые поселения, патронируемые своими основательницами). Многие поддерживали церкви и монастыри, поставляя продукты питания для «праздничной кормли», одеяния, дорогую церковную утварь, их земельные уделы были освобождены от уплаты дани и других платежей или повинностей. Так, например, в 1822 г. капитанская жена, жительница села Каларашь, Мария Жамбя, даровала часть своих земель своекоштному женскому м–рю Рэчула (сегодня список женщин–ктиторов этого монастыря пополнила семья бизнесмена Д.Зиссис, особенно его дочь Валентина–Лабрини, они и патронируют эту обитель). Среди ктиторов Хировского м–ря почиталась помещица А.Пулбере, даровавшая в 1850 г. большой участок земли.

Документы приводят достоверные факты о благотворительной деятельности; особое место занимают погребальные комплексы, надгробные кресты и памятники ктиторах, захороненных в самой возведенной церкви или в монастырском дворе. Этой участи удостоивались и настоятельницы монастырей, сыгравшие роль в возведении церквей, ремонте келий. Так, при Хировском Святоиколаевском м-ре была захоронена монахиня Пелагея (Балаша), сестра митрополита Гавриила Каллимаки и жена Господаря Каллимаки Водэ. А настоятельница Рэчульского скита Олимпиада сыграла огромную роль при строительстве новой церкви, для чего ее пришлось выставить на продажу весьма доходный монастырский виноградник. Во время наших экспедиций в поисках таких поминальных памятников, за последнее время было выявлено большое количество памятников, посвященных ктиторах-женщинам, рассмотрение и анализ которых мы и предполагаем в рамках нашего выступления.

Особую роль сыграли не только женщины-ктиторы церквей и монастырей, но и основательницы монастырских и приходских школ. Так, помещица А.Ризо, весьма эрудированная и благородная дама, на собственные средства открыла в Кишиневе школу-интернат для девочек. Будучи директором Бессарабской Епархиальной Школы, ей довелось принимать великих гостей: императора Александра II, принца-наследника Александра и великого князя Николая Николаевича. А.Ризо была захоронена на кладбище монастыря Рэчула, 4.XI.1891 г. Спустя 10 лет, на ее надгробном камне была высечена надпись: «Прахъ Анастасіи Димитріевны Ризо начальницы Кишиневскаго Епархиальнаго женскаго училища...Безкорыстной и честной труженице отъ чтущихъ память ея».

В этом же контексте, необходимо вспомнить об основательнице Святоиколаевской деревянной церкви с. Кобыльня, возведенной на ее средства, в 1782 г., а монахиня Елизавета (Екатерина Катаржиоае) была погребена в августе 1801 г. недалеко от престола деревянной церкви. Следующее прошение датируется 1823 г., когда помещица селения Бодешть, Елена Сергия «имея усердное желание выстроить в оном селении, на место плетневой ветхой церкви, вновь каменную церковь и сблизить оную к селению», пишет архиепископу Кишиневскому и Хотинскому, Дмитрию, о желании возвести на свои средства церковь во именование Успения Богоматери и «по прилагаемому при сем плану». В том же году, 1823, выполняя завещание мужа, вдова

молдавского полковника Иордаки Стихи, Мария, написала прошение о выделении средств на проект строительства каменной церкви в с. Бадражь, Хотинского у., строительство ее было завершено в 1838 г.

В формате сообщения мы постарались лишь обозначить место женщин-ктиторов (монастырей, церквей, школ), сыгравших важную роль в развитии молдавской церкви и национальной культуры. Память о их славных деяниях – в надписях на могильных камнях и крестах, в редких архивных источниках.

Н.Н. Козлова

Тверь, Тверской государственный университет

ЖЕНСКАЯ БИОГРАФИЯ КАК КВИНТЭССЕНЦИЯ ГЕНДЕРНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ: С.С. УВАРОВ О МАДАМ ДЕ СТАЛЬ

С.С. Уваров (1786–1855) вошёл в российскую историю как министр просвещения, сформулировавший известную триаду «Православие. Самодержавие. Народность»¹, названную историком общественно-политической мысли XIX в. А.Н. Пыпиным «теорией официальной народности»². Менее известны научные труды С.С. Уварова – «Исследование об элевсинских мистериях», «Общий взгляд на философию словесности» и др., получивших высокую оценку современников. Ряд исследователей справедливо отмечает, что Уваров не оставил сколько-нибудь развёрнутого изложения собственной политической философии³. Однако он создал ряд написанных в жанре эссе политических биографий Александра I, Наполеона I, князя де Лини, мадам де Сталь и др. В данной статье речь о специфике понимания Уваровым феминности и женских ролей, их сопряженности с общественными институтами, возможности социально-политической и гендерной модернизации, отраженных в созданных отставным министром в 1851 г. воспоминаниях об Анне-Луизе Жермене де Сталь-Гольштейн.

¹ Уваров С.С. Консерватизм середины XIX – нач. XX в. Энциклопедия. М., 2010. С. 529 – 534.

² Пыпин А.Н. Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х годов. СПб., 1906. С. 93 – 95, 107.

³Зорин А. Идеология «православия-самодержавия-народности»: опыт реконструкции // Новое литературное наследство. 1997. № 26. С. 71 – 104.

Общественно–политические убеждения, в рамках которых формировалась гендерная культура Уварова, можно обозначить как аристократический консерватизм. Он был ориентирован на сословные гендерные роли и в биографиях известных деятелей стремился продемонстрировать элитарный характер политики. Общественно–политическая деятельность в работах Уварова маскулинна по природе: он считал, что благородное юношество предназначено «самим происхождением своим и способами жизни к занятию важнейших должностей в государстве»⁴.

Обращение С.С. Уварова к персоне мадам де Сталь показывает, что он признаёт общественное значение женской личности. «Эта выдающаяся женщина принадлежит отныне истории», – пишет он. Урожденная Анна–Луиза Жермена Неккер (1766–1817) – одна из наиболее ярких фигур общественно–политического пейзажа Европы рубежа XVIII – XIX вв. Принадлежит с рождения к аристократическому кругу, общаясь с известными французскими писателями и мыслителями, Жермена заявила о себе литературными произведениями. Изгнанная Наполеоном, упрямая, не подчинившаяся его произвольной и капризной воле, Жермена (по словам Уварова) вынуждена была путешествовать по европейским странам, зорко наблюдая за их культурной и общественно–политической жизнью. Уваров ставит имя м–м де Сталь в один ряд с Шатобрианом, а произведения обоих квалифицирует как переворот в литературе с целью расширить языковые границы французской литературы. Во время пребывания в России Жермен встретила с императором Александром I, с которым впоследствии вела переписку о судьбах Европы. Так и фигура мадам де Сталь, так и её произведения приобрели публичный политический характер.

Очерк Уварова о Жермене де Сталь – это воспоминания автора об их совместном пребывании в Вене зимой 1807–1808 года. Первый штрих к портрету м–м де Сталь Уваров делает в традиционном гендерном ключе: он оценивает её внешность. «Среднего роста, довольно полная <...> платье в стиле ампир с высокой, почти до груди, талией придавало всей её фигуре что–то неуклюжее и массивное», – пишет Уваров, отмечая все же красоту её живых черных глаз и белых круг-

⁴ Уваров С.С. Избранные труды. М., 2010, С. 351, 523, 524, 526, 527, 529.

лых рук, но констатируя, что «все остальное было вульгарно и почти безобразно».

Однако недостатки внешности писательницы, с точки зрения Уварова, компенсировали её способности естественно и непринужденно поддерживать разговор, умение одинаково легко говорить на все темы, позволяя проявлять разнообразие своего красноречия. Это искусство салонной беседы Уваров в писательнице очевидно ценит («Она то устремлялась в глубины политических и социальных проблем, то затрагивала метафизику чувств... Не каждый мужчина мог оспорить у нее пальму первенства в импровизации»). Периодически проявляющееся снижение высоких стандартов ведения светской беседы французской писательницей Уваров связывает с её экспансивностью, которую считает феминным качеством. Когда речь заходила о вопросах, связанных с эмоциями, Жермена впадала в «чувствительную туманность, часто лишавшую ее речь чистоты и определенности, и сама того не осознавая, она едва не становилась посмешищем».

Небольшое внимание Уваров уделяет и научным талантам м-м де Сталь, отмечая некоторую несамостоятельность (поскольку она поручала подготовительную работу над материалами учителю своего сына немецкому мыслителю Августу Вильгельму Шлегелю, «влияние господина Шлегеля на Мадам де Сталь было слишком велико»). Среди произведений писательницы Уваров выделяет тексты, посвященные общественно-политической проблематике, например, «Рассуждение о Французской революции», в котором она выразила созвучное с мнением Уварова осуждение переворота, он расценивает как свидетельство полной зрелости её чудесного таланта. Её стиль, с точки зрения автора, «является отпечатком, если можно так выразиться, и *воплощением мужественности ее мышления (курсив мой – Н.К.)*, не встречающегося в стиле никакой другой женщины». Мужественность, видимо, проявляется в обращении к политическим темам, в выражении своей общественной позиции и оценке исторических событий, имевших для Франции судьбоносное значение. По этой же причине Уваров отмечает и произведение м-м де Сталь «Десять лет в изгнании», в котором она отразила свои острые наблюдения о происходящих в Европе общественно-политических процессах.

Итак, воссозданный Уваровым образ м-м де Сталь вписывается в рамки аристократического консерватизма. Главными женскими качествами с точки зрения традиционной гендерной культуры – красотой и

величественностью – м-м де Сталь не обладала, и компенсировала свои эстетические недостатки другими чертами, свидетельствующими о её принадлежности в высшему свету, а именно – обаянием и искусством вести салонную беседу. В рамках идеологии Просвещения, Уваров признаёт за женщиной в лице м-м де Сталь право на свободу художественного творчества, но при этом осуждает сентиментализм и романтизм её текстов. Полагая политику мужским делом, Уваров не приемлет придание деятельности женщин общественно – политического измерения, старается уйти от обсуждения собственно политических воззрений м-м де Сталь, показывает её несамостоятельность в создании общественно-политических произведений, но ценит её патриотизм и желание вернуть Франции дореволюционную модель общественного устройства. Таким образом, воссозданный Уваровым образ м-м де Сталь показывает, что она находится на грани балансирования между женским и мужским мирами.

Сараева Е.Л.

Ярославль, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

ИДЕЙНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ВОЗЗРЕНИЯ РУССКИХ ЗАПАДНИКОВ НА СФЕРЫ ЖИЗНИ ЖЕНЩИНЫ

Формирование нового общества в России «петербургского» периода, расширение многообразия культуры, восприятие гуманистической мысли Европы, национальная рефлексия интеллигенции создавали условия для осмысления развития личности, в частности, женщины. Семейные отношения, социальное поведение женщины в первой половине XIX века в России – сфера, где традиции оставались наиболее укоренными в силу недостаточной цивилизованности общества, слабо усвоившего представления о свободе и правах человека.

Идеи развития личности, сформулированные западниками сороковых годов XIX в., стали базовыми для осмысления ими социального и культурного пространства жизни женщины. «Русские европейцы», как называли себя западники, считали себя наследниками культуры, имеющей общечеловеческое содержание. Западники стремились к «мирообладанию»⁵. Они "хотели освободиться от всевозможных

⁵ Белинский В.Г. Римские элегии. Собр. соч.: в 9 т. М., 1976 – 1982. Т. 4. С. 98.

ошейников" и самостоятельно решать все волновавшие их вопросы. По оценке А.И. Герцена, его друзьям была свойственна "безграничная любовь к свободе мысли и такая же ненависть ко всему, что ей препятствует..."⁶. Западники дорожили свободой личности и ее правом на самостоятельный выбор. Они восстали против восприятия догм на веру, следования традициям, ограничивавшим свободу человека, почитания авторитетов, поскольку это лишь поддерживает бессознательную, простодушную детскую веру, препятствуя самосознанию личности. Чтобы убедиться в истинности суждений или самому прийти к пониманию истины, сомнение необходимо, утверждал В.Г. Белинский. Истина не боится сомнений. Западники надеялись пробудить общество к сознательной деятельности и вывести его из детского состояния доверия ко всем проповедуемым догмам. Стереотипы программируют социальное поведение личности.

В исследовательской литературе существует определение русских интеллигентов как *идеалистов*, мечтающих о вселенском преображении. Полагаем, что столь широкое обобщение упрощает постановку проблемы «частное – общее» интеллигентами-западниками. Герцен самореализацию человека видел в развитии его индивидуальности, следовании влечениям сердца и раскрытии души всему человеческому. По Герцену, концентрация на частных интересах была чертой патриархального общества. Новое время расширяет участие человека в общественных отношениях. С точки зрения Герцена, содержание жизни человека во многом зависит от времени, в которое он призван.

Западники полагали, что развитие личности происходит в определенном социуме, следовательно, сначала конкретная социокультурная среда формирует человека, затем он самостоятельно умножает свои интеллектуальные и нравственные силы для духовного роста. В своей деятельности человек должен руководствоваться не отвлеченными понятиями, ориентироваться не на заданные социумом модели, а исходить из своих интересов. Базовыми условиями развития самосознания, цивилизации общества «русские европейцы» сороковых годов считали расширение свободы, просвещение общества, включение в интеллектуальную деятельность высокообразованных личностей,

⁶ Герцен А.И. О развитии революционных идей в России. Собр. соч.: в 30 т. М., 1954 – 1966. Т. 7. С. 239.

формирование ими определенной картины мира, приобщение к знаниям граждан, духовное развитие личности. Знаковыми чертами культуры *разумно сознательной личности* Нового времени должны стать благородство, «великое сердце», здравый смысл, понимание действительности, независимость характера, воля, творческая индивидуальность, самостоятельность убеждений, развитые духовные интересы, самоуважение и признание достоинства других людей.

Западническая интеллигенция, понимая необходимость осмысления проблем развития общества, стремилась влиять на него, открывать ему возможности самостоятельного осознания своего существования. Она не присваивала себе функцию руководителя общества, что позднее стало свойственно радикалам.

Ядром субкультуры западников была идея самоценности личности. Ценностно-нормативное согласие западников было обусловлено общностью нравственных принципов, следованием этим нормам в своей жизни. Они единодушно признавали непоколебимыми ценностями достоинство личности, свободу ее духовного саморазвития, защищенные законами права человека, любовь, дружбу. Западники создали свою концепцию развития личности, стремились следовать ей.

Адресатами воззрения западников на развитие личности были и мужчины, и женщины. Западники верили в возможность формирования культуры личности посредством образования, литературы, искусства, любви, дружбы, гуманизации семейных отношений, воспитания потребности в самосознании, изменения вкусов, запросов, интересов.

Западники считали безнравственными традиции и устои, согласно которым девушка «сама в себе никакой цели не имеет, кроме замужества»⁷. Женщина принесена в жертву идее брака, писал Герцен. Его удивляло, что христиане не понимали идею личности. «Странное дело! Девятнадцать столетий христианства не могли научить людей понимать в женщине человека». Общество обязано признать за женщиной право на саморазвитие, самопознание, реализацию себя как личности в семейной и общественной жизни. Женщина должна иметь доступ к литературе, журналистике, салонам, театрам – всем формам общественной жизни. Ограничение сферы жизни женщины семьей не гарантирует ей свободного духовного развития.

⁷ Герцен А.И. По поводу одной драмы... Т. 2. С. 70, 61, 69.

Значимой общественной задачей западники считали изменение социальных стереотипов создания и поддержания семьи. Заданные женщине традиционным обществом социальные роли препятствуют развитию ее личности, она должна быть внутренне сильной, чтобы суметь противостоять обществу, диктовавшему ей свои нормы социального поведения, а обществом должно признать за женщиной право на самоопределение. Культурным людям, прежде всего мужчинам, необходимо вести борьбу за слом стереотипов общественного сознания. Изменить отношение общества к женщине, научить его уважать свободу личного выбора и мужчин, и женщин возможно путем формирования новой культуры личности – цивилизованной, просвещенной, нравственной, свободной, самостоятельно определяющей сферу своей самореализации.

Целью личностного совершенствования является развитие способности к самостоятельному осознанию себя в мире. Расширение сферы жизни женщины – проблема, решаемая в процессе цивилизационного движения общества. Западники считали возможным, реальным, необходимым воздействие культурного меньшинства на общество с целью укоренения гуманных принципов и идей, «очеловечения» человека. Однако они сознавали, что реальный исторический процесс, зависевший от многообразных обстоятельств, не является прямой широкой дорогой к идеалу цивилизованного общества. Действие различных сил, страшная сила традиций вносят вариации в движение.

Красникова Ю.Н.

С.–Петербургский гос. аграрный университет

РАЗВИТИЕ КОРМЛЕНЧЕСТВА В XIX В.: ПРИЧИНЫ И СПЕЦИФИКА

Год кормила, а век кормилицей слывет (русская поговорка)

В августе 2011 г. Россия поддержала Неделю грудного вскармливания, объявленную Всемирной организацией здоровья. Грудное кормление имеет свою историю. В XIX в., женщины, которые сами не могли кормить своих детей, и еще не были избалованны искусственными заменителями, старалась найти своему ребенку кормилицу.

Поиск кормилицы мог быть обусловлен следующими причинами. Во-первых, это социальная необходимость. Так, в сложившихся традициях высшего сословия просто не было принято самостоятельно

кормить ребенка. Кокетство, балы, танцы, пение — вот женские занятия. Конечно, это не касалось провинциальной бедной помещицы, а чаще всего было характерным для петербургской знати, включая императорскую семью.⁸ Период лактации снижал возможность забеременеть, а высокородным матерям надо было обеспечить надежное будущее себе, родив хотя бы одного сына, а лучше несколько⁹.

Во-вторых, это социально-экономическая причина. Так, крестьянки были вынуждены отказываться от грудного кормления из-за необходимости постоянной работы вне дома, особенно в пору страды. Протоиерей Гиляровский отмечал, что «никогда не извлекает из той же груди столь недоброкачественного молока, как в июле и августе, ибо мать в самых лучших хозяйствах на третий день утром должна идти на полевые работы».¹⁰ Нужно отметить, что если рождение ребенка не приходилось на активные полевые работы, то женщина старалась кормить ребенка грудью достаточно долго, хотя качество молока продолжало оставаться низким.

Третья причина, это физиологическая. Отказом от грудного кормления младенца могла стать болезнь матери или ребенка. Так, в крестьянской среде были довольно распространены вирусные и инфекционные заболевания, особенно сифилис¹¹.

Четвертая причина невозможности грудного вскармливания, это физическая, т.е. непосредственная гибель роженицы. Вплоть до конца XIX века случаи смертности среди рожениц оставались высокими, а ее показатели были одинаковыми вне зависимости от социального статуса и места, где принимали роды. Интересно, что смертность женщин в

⁸ Лотман Ю. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – нач. XIX в.) СПб., 1994. С. 60 – 101.

⁹Красникова Ю.Н. Кормилицы для императорской семьи // Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX – XX вв. Межд.научн. конф., 14 – 16 марта 2012 г. СПб., 2012. С. 166 – 170.

¹⁰ Гребенщиков В.И., Соколов Д.А. Смертность в России и борьба с нею. Доклад в соединённом собрании Общ-ва Русских Врачей, Общ-ва Детских Врачей... 22-го марта 1901 г. СПб., 1901

¹¹ Красникова Ю.Н. Департамент уделов и удельные крестьяне северо-запада России в конце XVIII – перв. четверти XIX в. Германия, 2012. С. 170 – 178

Европе при родах в специальных больницах была выше, чем при домашних родах.¹²

Кормилицей могла стать недавно родившая женщина, которой отдавали младенца «на грудь». Кроме того, что труд кормилицы, чаще крестьянке, приносил доход, длительное кормление защищало женщину от новой беременности. Продление лактации становилось методом регулирования рождаемости, который широко практиковался в российских губерниях вплоть до 1920-х гг.¹³ Некоторые женщины занимались кормленчеством вполне профессионально. Так, на северо-западе Российской империи, в силу рискованного земледелия, был распространен питомнический промысел¹⁴.

Требования к кормилице увеличивались прямо пропорционально социальному статусу матери. Так, если в крестьянской среде особого отбора среди кормилиц не осуществлялось, то ответственность за подбор кормилиц для членов императорской семьи целиком лежала на придворных медиках. В этом случае кормилиц отбирали в несколько этапов и при тщательном медицинском осмотре. Итак, идеальной кормилицей была женщина 20–35 лет, родившая 6–7 месяцев назад, а лучше 6–7 недель, так как молоко было лучшего качества. Обращали внимание и на телосложение «округленные, полные формы, красивую, довольно упругую, венами синевато-изчерненную грудь, на хороший цвет десен и красивые зубы». Проводился осмотр тела на предмет выявления рубцов от рахита, золотухи, лишая и сифилиса, тщательно осматривались половые органы¹⁵.

Отдельно отмечалось, что кормилицы должны были обладать веселым характером, желательно «развитыми умственными способностями» и сохранять нравственность. Существовало негласное правило: брать в кормилицы опытных женщин, у которых уже были дети.

¹²Loudon I. *Death in Childbirth: An International Study of Maternal Care and Maternal Mortality, 1800–1950*. Oxford, 1993.

¹³ Миронов Б.Н. *Социальная история России*. Т. 1. С. 185

¹⁴ ПСЗ. *Собрание 1*. 1796 – 1798. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 525 – 569.

¹⁵ *Полный практический детский лечебник, с рассуждениями о диетиках и физическом воспитании о влиянии настоящих и прошедших болезней кормилицы на дитя*. М., 1860. С. 16 – 17.

Работа кормилицей была сопряжена и с определенными трудностями. Женщина могла заразиться от больного ребенка, например, получить сифилитические шанкры в груди.¹⁶ Так же была опасность остаться без гроша в кармане с чужим ребенком на руках. За «нерадивость» по отношению к высочайшим младенцам кормилицу могло ждать серьезное наказание.¹⁷

Но работа кормилицей могла дать женщине ряд существенных преимуществ. Так, если крестьянка попадала в Петербург, для кормления высокородного младенца, то она получала достаточно значимые преференции¹⁸. Итак, кормленчество, в силу различных причин, было достаточно распространено в XIX веке. Непосредственно сам труд кормилицы был сопряжен как с определенными трудностями, так и мог обеспечить кормилице безбедное существование.

О.Ю. Солодянкина

Череповец, Череповецкий государственный университет

ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ – ПЕДАГОГИКИ В РОССИИ В XIX В.: БЕДНОСТЬ, ВЗАИМОПОМОЩЬ, ПРИЗРЕНИЕ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

В Новое время мужчины занялись образованием и воспитанием детей на профессиональной основе гораздо раньше женщин¹⁹. Уже сложились профессии домашнего учителя и гувернера, когда только начали появляться гувернантки и домашние учительницы. Утверждение женщин в педагогической профессии вызвало новые острые проблемы. Гувернанток в Российской империи было определено больше, чем гувернеров. Мужчины могли менять профессии: то быть аптекарем, то книгопродавцом, то гувернером, то поваром–кондитером или

¹⁶ Из лекции проф Фурньера. Кормилицы и сифилис. СПб., 1887. С. 1–15

¹⁷Красникова Ю.Н. Кормилицы для императорской семьи // Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX – XX вв. Межд. научн. конф., 14 – 16 марта 2012 г. СПб., 2012. С. 166–170

¹⁸ Российский гос. ист. архив. Ф. 515. Оп. 1. Д. 29. Л. 29. См. также. Ф. 1286. Оп.1. Д.104.

¹⁹ Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг., ГК П 360

музыкантом. Для женщины вариантов выбора профессии практически не было, и если мужчина мог рассчитывать поменять гувернерскую работу на какую-то другую службу, то для женщины, в большинстве случаев, это была работа на всю оставшуюся жизнь. В силу целого ряда причин родители в русских семьях предпочитали молодых мужчин как гувернеров и пожилых женщин как гувернанток. Пока позволяло здоровье, женщина продолжала трудиться домашней учительницей, причем наиболее высокооплачиваемой категорией были пожилые вдовы. В итоге, стареющие, больные гувернантки, не способные более выполнять свои обязанности, становились обездоленной частью тогдашнего общества, и это была именно проблема стареющих женщин, но не мужчин – бывших гувернеров. Все меры государственной помощи касались лишь российских подданных, иностранкам никаких выплат, невзирая на стаж педагогической работы, не полагалось. У гувернёров – российских подданных – служба помогала получать чины в соответствии с Табелью о рангах, ордена за выслугу лет; они носили мундир и т.п., поскольку считались в действительной государственной службе по ведомству Министерства Народного Просвещения. Мужчина-педагог был на службе государства и мог рассчитывать на его помощь, женщина надеялась на помощь бывших воспитанников, которые позволили бы ей доживать старость в их семьях. В случае отсутствия такого варианта оставались благотворительные структуры приказа общественного призрения – богадельня, приют, убежище.

В тяжелом положении оказывались и более молодые женщины, временно безработные. Мужчина мог жить один, и это было нормально, но что могли подумать окружающие об одинокой женщине, живущей без компаньонки, без служанки? Это было просто неприлично, что для гувернанток, как лиц, обязанных думать о своей репутации, было смертельно опасно в плане перспектив будущей работы. Простая домашняя учительница должна была заранее продумать, куда она пойдет после окончания службы, позволят ли ей остаться в прежнем доме вплоть до получения новой работы, и она не имела возможности резко порвать трудовое соглашение, даже если все обстоятельства толкали ее к такому шагу. В первой половине XIX в. любое перемещение на общественном транспорте для домашней учительницы тщательно продумывалось ее работодателями: составлялся маршрут и определялись попутчики, просто на произвол судьбы и волю самой гувернантки такой вопрос не оставляли, иначе могли быть самые не-

предвиденные ситуации, вплоть до выхода гувернантки замуж прямо по дороге и неприбытия ее к месту службы. Мужчинам в этом смысле было гораздо проще.

Иностранцы достаточно рано поняли, что нужны способы содействия прежде всего соотечественницам, которые трудились в России гувернантками / домашними учительницами. Разные меры помощи предпринимались землячествами с XVIII в., а благотворительные общества были созданы в XIX в. Для помощи гувернанткам – российским подданным возникли Общество взаимного вспомоществования гувернанток (Москва, 1866 г.) и Филантропическое общество попечительства гувернанток в России (Петербург, 1866–1870 гг.). Эти два общества строились на началах взаимной помощи гувернанток друг другу, однако оказались малоэффективными и недолговечными. В Москве взамен несостоявшегося Общества взаимного вспомоществования гувернанток в 1870 г. было учреждено другое по типу Московское общество вспомоществования гувернанткам. Здесь уже объединились представители общественности, меценаты, а не только гувернантки, и в правление на должности казначея и прочие ответственные посты вошли мужчины. При обществе открылись рекомендательная контора, приют для ищущих место гувернантки, дешевые квартиры, библиотека, педагогический музей, дом для престарелых, пенсионная касса. Однако помощь могла получить незначительная часть гувернанток: те, что вошли в Общество и платили взносы в течение ряда лет.

С 1897 г. начало оформляться С.-Петербургское Общество вспомоществования учительницам, похожее по своим целям и составу на Московское Общество воспитательниц и учительниц. По стандартному образцу в разных частях империи (Тифлис, Рига, Харьков и т.п.) возникли местные Общества вспомоществования гувернанткам и учительницам; в своих уставах они прописывали те же цели, что и служившее примером Московское общество воспитательниц и учительниц.

Итак, использовались разные механизмы оказания помощи, в том числе общие для разных категорий нуждающихся (наим дешевых квартир, создание интернатов, взаимная помощь людей разных профессий, кассы взаимопомощи) и специфические, ориентированные именно на педагогов (рекомендательная контора, педагогический музей, библиотека). Для привлечения денежных средств применяли разные формы благотворительности: студенческие балы, концерты, продажи цветов. Трудящихся женщин смущало то обстоятельство, что

благотворительные организации того времени во всем мире ориентировались прежде всего на помощь пауперам, но считать себя пауперами учительницы и гувернантки не могли. Они не были нищими, но сами обстоятельства их деятельности требовали соответствующих внешнего вида и образа жизни (как у того класса, в котором они работали – среднего или даже высшего). В итоге то же самое жалование, которое было бы совершенно достаточно для девушек-работниц, оказывалось мизерным для учительниц. Благотворительные организации по поддержке гувернанток и учительниц должны были сгладить особенно вопиющие противоречия их жизни и, прежде всего, помочь временно безработным в поисках нового места работы, а старым и больным обеспечить приют в старости.

В современной России, где педагогами трудятся в основном женщины, а пенсия по старости не обеспечивает достойное существование, опыт благотворительных организаций прошлого, как представляется, может быть переосмыслен и востребован.

О.В. Шнырова

Иваново, Ивановский государственный университет

НОВЫЕ ЖЕНЩИНЫ И НОВЫЕ МУЖЧИНЫ: СУФРАЖИСТСКИЕ ДИНАСТИИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Изучение происхождения и семейных связей первого поколения суфражистов приводит к выводу, что суфражистское движение было порождено определенной социальной средой. Его участники (по крайней мере, это верно для викторианского суфражизма) были выходцами из среднего класса (в плане социального статуса это были в основном семьи средней промышленной и торговой буржуазии), но представляли специфический его сегмент. Очень многое в суфражизме было заимствовано из радикальных традиций, берущих свое начало еще в последней четверти XVIII в. и еще более ранних традиций религиозного неконформизма. Не случайно практически все суфражисты первого поколения, как мужчины, так и женщины, происходили из радикальных, либо диссентерских семей, где женщины играли значительно более активную роль, чем обычно. Практически все семьи, из которых вышли суфражистки, принимали активное участие в движении за отмену хлебных законов, отмену рабства, расширение избиратель-

ного права, многие симпатизировали Мадзини и движению за освобождение Италии. Из этих семей вышли и другие выдающиеся женщины викторианской эпохи: так знаменитая Флоренс Найтингейл была двоюродной сестрой Барбары Лэй-Смит-Бодишон, основательницы одного из первых суфражистских обществ. Принадлежность к радикальной среде обусловила участие многих суфражисток первого поколения в движениях в защиту гражданских прав, за отмену законов о венерических заболеваниях, которые также рассматривались как нарушающие гражданские права женщин, за допуск женщин к профессиональному и высшему образованию, против принудительной вакцинации, за отмену палаты лордов, в движениях трезвости (Temperance movement) и за чистоту нравов. Следует отметить, что дискуссии о предоставлении женщинам избирательных прав начались в этой среде еще в 40-х-начале 50-х г. XIX века.

В этой среде сформировались известные суфражистские династии, мужчины которых как правило становились членами парламента, голосовавшими в поддержку избирательных прав женщин, а женщины – лидерами суфражистских организаций.

Самой многочисленной и разветвленной суфражистской династией был клан Брайтов-Макларенов, члены которого были соединены друг с другом многочисленными родственными связями. Женщины этого клана находились в руководстве практически всех первых суфражистских организаций. Имена всех женщин этих семей стоят под первой суфражистской петицией 1866 г.

Семья Брайт, вероятно, задавала тон в суфражистском движении в первое десятилетие его существования. Джейкоб Брайт в 1869 г. принял от Дж.С. Милля эстафету продвижения прав женщин в парламенте. Как общепризнанный представитель интересов суфражисток в палате общин он пользовался большим авторитетом среди суфражистских организаций. В 1848 г. семья Брайтов породнилась с семьей Макларенов, представителями радикального крыла либеральной шотландской элиты, также активными сторонниками избирательных прав женщин. На примере этого разветвленного клана мы можем проследить определенный цикл выстраивания отношений в рамках специфической социальной среды, оказывавший на первом этапе суфражистского движения достаточно большое влияние на его развитие: общность религиозных и политических убеждений порождала дружеские связи, которые перерастали в семейные, семейные связи, в свою оче-

редь, вновь порождали общность убеждений, приводившую к вовлеченности в одни и те же движения. Проследив биографии его членов, а также биографии членов других суфражистских семей можно также сделать определенные выводы о характере гендерного контракта, которым руководствовались суфражисты, и их образе жизни. Все семьи в клане Брайтов–Макларенов, относились к эгалитарному типу, что было совершенно нехарактерным явлением в викторианской Англии. К этому же типу относились и многие другие суфражистские семьи: Гареттов, Панкхерстов, Томассонов, Пристмэнов, Пеннингтонов, Тэйлоров и др. Женщины в этих семьях были партнерами и единомышленицами своих мужей, у них был высокий уровень гражданского сознания, их жизнь не ограничивалась частной сферой, ибо, так же как и их мужья, они решительно вторгались в сферу публичного, посвящая всю свою жизнь активной общественной деятельности. Девушки сами выбирали себе мужей, а юноши сознательно искали себе в жены не «ангела домашнего очага», а женщину, которая разделяла бы их убеждения и интересы и имела высокий уровень интеллектуального развития. Поэтому они, как правило, выбирали себе в спутницы жизни девушек из той же радикально-либеральной среды, к которой принадлежали сами: сестер и дочерей своих знакомых и дальних родственниц.

Несмотря на поглощенность суфражисток общественной деятельностью, многие из них были многодетными матерями, хотя количество детей в их семьях (как правило, три–четыре ребенка) было меньше, чем в обычных викторианских семьях, где нередкостью было 10–12 детей. Их дети становились частью «феминистского проекта»: девочкам стремились давать не менее качественное образование, чем мальчикам, их ориентировали на получение университетских дипломов и профессий, прежде считавшихся мужской прерогативой. Именно из этой среды вышли первые женщины–медики и женщины–адвокаты. Таким образом, личный опыт, семейные традиции, связи и религиозная принадлежность были важным побудительным мотивом для вступления в ряды суфражистского движения и суфражистские династии продолжали формироваться и позже, в начале XX века.

Д.А. Разживина

Ярославль, Ярославский гос. университет им. П.Г. Демидова

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ПРОВЕДЕНИИ ПЕРВОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1897 г.

Всеобщие переписи населения – это неотъемлемый атрибут жизни большинства современных государств. История всеобщих переписей в России насчитывает 115 лет. Первая всеобщая перепись была проведена в конце XIX в., 28 января 1897 г. Особая заслуга в подготовке и организации первой переписи населения принадлежит Петру Петровичу Семенову–Тянь–Шаньскому. Он был действительным членом Академии Наук, членом Международного Статистического Института и вице-президентом Русского Географического Общества, и при разработке проекта переписи заимствовал опыт стран Европы. Особенности Российской империи, как утверждали некоторые статистики того времени, заключалась в огромных пространстве, специфике образа жизни населения, отсутствие опыта проведения переписей и т.д., что отчасти влияло на результаты мероприятия²⁰. Тем не менее, будучи единственной дореволюционной переписью, она отразила всю сложность социальной и демографической ситуации того времени.

Большую роль в проведении переписи сыграли переписчики. Их контингент состоял по большей части из учителей, священников, врачей, канцелярских чиновников, личных почетных граждан, отставных офицеров, крестьян и землевладельцев, дворян и купцов, и т.д.²¹ В составе переписчиков были и женщины, взявшие на себя нелегкие обязанности счетчиков, хотя привлекать их к этой работе стали не сразу. Так, например, в Ярославской губ. переписные комиссии работали с октября 1896 г., а письмо уполномоченного по объединению действий местных учреждений Тверской, Ярославской и Костромской губ. Я.А.Плющевского–Плющика о разрешении привлекать учительниц к работе счетчиков датировано ноябрем 1896 года²².

²⁰ Проект РГНФ № 10-01-00500а. Пландовский В. Народная перепись. СПб., 1898 г.

²¹ Государственный архив Ярославской области (Далее ГАЯО). Ф. 599. Оп. 1. Д. 2 Л. 4.

²² Филиал ГАЯО в городе Рыбинске. Ф. 330. Оп. 1. Д. 5. Л. 18.

В записках заведующего переписным участком в Московском уезде Н.П. Штейнфельда отмечалось, что учителей на переписных участках в их местности было мало: «на одного сельского учителя и учительницу приходилось 6–7 совершенно неинтеллигентных личностей»²³. Н.П. Штейнфельд писал, что вопрос о привлечении женщин – учительниц и фельдшерц решался по Российской империи не однозначно: где-то их привлекали только в качестве запасных счетчиков, а где-то в ряды активных работников. Этот факт был особенно важен, так как чем выше был уровень образования, тем скорее счетчик усваивал требования, предъявляемые к заполнению переписных бланков и ведомостей. В Мышкинском уезде Ярославской губернии работали сразу несколько учительниц: учительницы Татьяна Константиновна Миреева, Екатерина Флегонтова Розова, Лидия Константиновна Приорова, которые работали на безвозмездной основе и Елизавета Александровна Зыкова младшая учительница женского епархиального училища, которая получила плату за свой труд, который был очень нелегким. За день переписчики успевали обходить от 20 до 50 дворов в день в сельской местности. Распоряжение о составлении вторых экземпляров переписных листов пришло поздно, первоначально в наставлениях счетчиков об этом сказано не было²⁴. Так, в архивных документах, в списках людей поданных на награждение медалью за труды в переписи, сохранились сведения о количестве человек переписанных счетчиками: учительница Вера Федоровна Гулева бесплатно переписала 1344 человека, Александра Константиновна Михеева – 849 человек. Но не только представительницы сферы образования Ярославской губернии были отмечены за свою работу. В Шуйском уезде Владимирской губернии переписной комиссией была отмечена единственная по уезду женщина-счетчик – учительница земского начального училища Анна Алексеевна Александрова, которая хоть и была платным счетчиком и получила двенадцать рублей, но с особой тщательностью и аккуратностью переписала 10 селений (298 хозяйств, 1517 лиц) среди которых были и раскольничьи поселения²⁵.

²³ Штейнфельд Н.П. Записки заведующего переписным участком в глухой провинции // Русское богатство. 1897 г.

²⁴ ГАЯО. Ф. 599. Оп. 1. Д. 2. Л. 70.

²⁵ Гос. архив Владимирской области. Ф. 433. Оп. 1. Д. 4. Л. 14.

В бумагах Костромской губернской переписной комиссии в списках бесплатных счетчиков также встречаются имена учительниц. По городу Кинешма работала Анна Алякритская, по Галичскому уезду – Елизавета Павловна Преображенская и Надежда Алексеевна Димиченская, по городу Судиславлю – Ольга Степановна Фортунатова²⁶.

Впрочем, в качестве счетчиков работали не только учительницы. По Рыбинскому уезду Ярославской губернии была отмечена деятельность монахини Софии, казначея, за перепись 322 обитателей Софийского женского монастыря²⁷. Но это, скорее был тот случай, когда женщина – счетчик была просто незаменима.

Свой вклад в дело первой всероссийской переписи внесли не только женщины – счетчики. В разработке собранного материала по Первой Всероссийской переписи тоже принимали участие представительницы слабого пола. Статистик А. Котельников в своей книге о первой переписи так отзывался о их работе: «Большинство работавших барышень совершенно не были подготовлены к пониманию сложного технического дела разметки, тем не менее, дело делалось, материал не подвергался никаким опасностям исчезновения, порчи, истребления, а в рабочих комнатах соблюдалась тишина и спокойствие, барышни молча работали, одновременно по звонку начиналась работа, одновременно и также по звонку она заканчивалась. Через год после переписи вышли первые издания центрального статистического комитета «Население империи по переписи 28 января 1897 года по уездам» и «Население городов по переписи 28 января 1897г».

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что вклад женщин в дело проведения Первой Всеобщей переписи населения был достаточно весомым. Представительницы сферы образования в роли счетчиков оказывались компетентнее и аккуратнее, чем счетчики мужчины. Свою роль в разработке первичных записей переписи, сыграли женщины, работавших в Центральном статистическом комитете.

²⁶ Гос. архив Костромской области. Ф. 195. Оп. 1. Д. 18. Л. 16–19.

²⁷ ГАЯО. Ф. 599. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

МЕЦЕНАТЫ РЕПНИНЫ

Опыт национальных традиций благотворительности как со стороны мужчин, так и со стороны женщин имеет важное значение, поскольку и ныне значительная часть наших соотечественников нуждается в защите и помощи. История Украины имеет яркие примеры семейного меценатства. Заметный вклад в развитие этого благочестивого дела внесли известные семейства Полтавщины: Капнистов, Кочубеев, Милорадовичей, Закревских.

Почетное место среди полтавских благотворителей справедливо занимает семья Репниных, которая почти два десятилетия проживала здесь (с 1816 по 1835 гг.). 22 июля 1916 г. князя Н.Г.Репнина назначили на должность военного губернатора Малороссии и управляющего гражданскими делами Полтавской и Черниговской губерний. Он пробыл на этой должности до 1 января 1836 р. «Полтавский период» Репнины считали самым содержательным этапом своей жизни²⁸.

Среди управленческой элиты Российской империи семья Репниных заметно отличалась образованностью, либеральными взглядами, благородством, бескорыстием. Муж Варвары Репниной, Николай Григорьевич, сумел завоевать уважение всех слоев Полтавы и Полтавского региона своей толерантностью, человеколюбием. Это был высокогуманный и благонамеренный администратор.

В то время, когда деятельность генерал-губернатора Н.Г.Репнина известна широкой общественности, о благочестивых деяниях его супруги известно мало, но Варварой Репниной для Полтавы и Полтавщины было сделано немало. Прибыв в Полтаву в 1816, она развернула активную благотворительную деятельность, в частности, начала на своей квартире бесплатно обучать 12 девушек из обедневших дворянских семей²⁹.

В скором времени Варвара Алексеевна пришла к выводу, что подобное благотворительное заведение образовательную проблему радикально не разрешит. Возник вопрос об открытии в городе женского

²⁸ Репнін Микола Григорович / Полтавщина : влада на історичних паралелях. Полтава, 2005. С. 35.

²⁹ Павловский И.Ф. Полтавцы: иерархи, государственные и общественные деятели и благотворители. Полтава, 1914. С. 241.

учебного заведения. Идею супруги поддержал Н.Г. Репнин, подготовив специальную записку об основании «дворянского благотворительного для девиц института». Документ был рассмотрен на заседании Полтавского дворянского собрания 17 января 1817 г. и поддержан. Освящение института благородных девиц состоялось 12 декабря 1818 г.³⁰

В 1820 г. полтавские дворяне вручили княгине В.А. Репниной благодарственный адрес за ее весомый вклад в создание института благородных девиц и содействие развитию образования в Полтаве. Начинания Варвары и Николая Репниных не прошли мимо внимания императрицы Елизаветы Алексеевны: она взяла институт под свое покровительство. В результате на обучение начали принимать девушек не только с дворянских семей, но и купеческих, чиновничьих. В.А. Репнина, получив в 1826 г. наследство отца, пожертвовала на нужды института 6 тыс. руб.³¹

К сожалению, благотворительных средств оказалось недостаточно. Институт часто попадал в сложное материальное положение, что и подтолкнуло генерал-губернатора Н.Г. Репнина к прошению у Николая I о переводе данного учебного заведения на государственное содержание. 17 сентября 1827 г. прошение было удовлетворено. В 1828 г. началось строительство нового капитального институтского помещения, через четыре года вырос красивый архитектурный ансамбль.

Семья Репниных была высококультурной. Н.Г. Репнин заботился о сборе и сохранении исторических документов и летописей, вел переписку по этому вопросу с известными в Украине деятелями. В начале 1818 г. генерал-губернатор пригласил из Харькова в Полтаву известную в то время труппу И.Ф. Штейна, в которой играл талантливый крепостной актер М.С. Щепкин. Князь Репнин вместе с И.П. Котляревским принимал участие в выкупе с крепостничества этого выдающегося актера.

В начале 1835 г. в связи с назначением Н.Г. Репнина членом Государственного совета, семья уехала с Полтавы. Однако и после этого Варвара Алексеевна продолжала опекать институт благородных девиц, хотя он и принес ей немало проблем. Поскольку строители увеличили расходы, покрывать их пришлось Репнину. Помимо взятых в долг 200 тыс. казенных руб. он потратил собственных 65 тыс. руб. Дело окончилось тем,

³⁰ Полтавщина: Энциклопедичний довідник / Ред. А.В. Кудрицький. К, 1992. С. 756.

³¹ Павловский И.Ф. Полтава (1802–1856). Исторический очерк ее, как губернского города в эпоху управления ген.-губернаторами. Полтава, 1910. С. 168.

что с его имений с 22 тыс. крепостными остался один Яготин (ныне Киевская область) с 5 тыс. душ. Все остальное пришлось продать с целью погашения долгов.

Продолжительное время и интеллигенция, и простые слои населения Полтавщины вспоминали княгиню Репнину. Бедные люди помнили о том, как она спасала их от голода. Иные ценили ее вклад в образовательную сферу. Достоинным памятником В.А. Репниной был созданный ею институт благородных девиц в Полтаве, со стен которого вышло немало украинских прогрессивных женщин, в частности писательница Л. Яновская.

Друзья и знакомые называли Варвару Алексеевну «Варварой старшей» в отличие от губернаторской дочери Варвары Николаевны, которую именовали «Варвара младшая»³². Дочь Репниных, как и ее родители, пыталась помогать нуждающимся. Известно, что она однажды в институте благородных девиц встретила маленькую девочку Глафиру. Та оказалась сиротой, которая приехала в Полтаву вместе с тётёй, чтобы устроить в институт старшую сестру Александру Псел. Варвара Николаевна убедила родителей, чтобы они взяли Глафиру на воспитание. Впоследствии девушка стала известным художником. Благодаря ей сегодня мы имеем портрет Варвары Николаевны, написанный в 1839 г.

Варвара Николаевна была талантливым человеком. Ей был присущ литературный дар. Об этом свидетельствуют ее произведения в журналах, которые выходили в печати под псевдонимом «писательницы Лизверской»³³. В.Н. Репнина переписывалась со многими известными в Украине и России людьми, в частности с Н.В. Гоголем. В.Н. Репнина была другом Т.Г. Шевченко, его «добрым гением и олицетворенной совестью поэта». В 40-х гг. XIX ст., находясь в родовом имении в Яготине, она принимала участие в распространении издания «Живописная Украина». На средства от его реализации Шевченко пытался выкупить с крепостничества своих родных.

В целом благотворительность семьи Репниных, их высокая жертвенность была и остается образцом для подражания. Обобщение опыта благотворительности имеет большое значение для пробуждения таких гуманных качеств, как милосердие, сопереживание, взаимопо-

³² Календар-щоденник «Полтаві – 825 (1100). Полтава, 1999. С. 382.

³³ Павловский И.Ф. К истории полтавського дворянства. 1802–1902. Вып. 2. Полтава, 1907. С. 259.

мощь. Традиции меценатства могут и должны способствовать социальной и духовной реанимации общества.

Н.Д. Крючкова

Ставрополь, Ставропольский государственный университет

ПРОБЛЕМА КONTИHYИТETA БРИТАНСКИХ ТРАДИЦИЙ В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ КОЛОНИЯХ (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)

Тема поддержания связей Британии с британскими переселенческими колониями стала одной из центральных в имперском дискурсе конца XIX в. Обретение колониями прав самоуправления создавало угрозу дезинтеграции империи и выдвигало на передний план проблему их лояльности английской короне. Успех имперского проекта в значительной степени зависел от того, сумеют ли колонисты сохранить связи с родиной. Это зависело не только от количества знакомых и родственников, оставшихся в Британии, но в первую очередь от национальной самоидентификации переселенцев. Обеспечение континуитета британских традиций становилось частью женской «имперской миссии». Ответственность за поддержание связи с прошлым, с родиной, за сохранение национальной идентичности ложилась в большей степени на женщин из-за приписываемых им более высоких моральных качеств, в частности терпимости, доброты, человеческого участия. Мужчины могли испытывать негативные эмоции, чувство разочарования и даже некоторой обиды на свою родину, которая не дала им шанс реализовать себя и вынудила искать счастья за морями. Женщины, напротив, должны были успокаивать их, примирять с родиной, ободрять, вселять надежду на будущее. Дженет Майерс, анализируя картину Ф.М. Брауна «Прощание с Англией» («The Last of England», 1855), обращает внимание на то, что тема женской ответственности за сохранение любви к родной земле звучит в ней неоднократно. Исследовательница сравнивает лица эмигрирующих супругов, находящихся на переднем плане картины: светлое, спокойное выражение лица женщины и мрачное, задумчивое лицо ее мужа. Этот контраст воплощал различные чувства по отношению к оставляемой ими родине и различное видение будущего. На заднем плане картины мать пытается успокоить сына, в ярости грозящего кулаком английским берегам. Дж. Майерс отмечает, что в этих действиях проявляется «не только бунт

против уничтожения родины, но и желание приостановить трансформацию национальной идентичности»³⁴.

Эмоциональные особенности полов, как предполагалось, определялись различной энергетикой мужчин и женщин. В изданиях, рассчитанных на массовую аудиторию, писалось о противоположной энергетике полов – катаболической мужской (мужчины рассматривались как активные агенты, расходующие энергию) и анаболической женской (женщины – как пассивные агенты, накапливающие и сохраняющие энергию). Подчеркивалось, что мужчины быстрее приспосабливаются к переменам, они легче вовлекаются в круговорот новой жизни и легче теряют связь с прошлым. Женщины же более консервативны, им нужна стабильность, они чаще вспоминают прошлое, более сильно привязываются к людям и вещам и процесс адаптации занимает больше времени. Кэтрин Парр Трейл, эмигрировавшая в Канаду в 1830-х гг. и сама испытавшая сложности адаптационного периода, писала: «Женщину, чья природа любить дом и привязываться ко всему, что связано с домом, нельзя вырвать из места, которое является для нее маленьким центром радости, мира и комфорта, не вызвав у нее мучительных сожалений. Как бы бедна она ни была, как бы низко ни бросила ее судьба, дом для нее дорог, мысли о нем и любовь к нему с ней, куда бы она ни шла. Воспоминание о нем никогда не покинет ее, оно высечено в ее сердце»³⁵.

Семейные ценности были ключевыми в викторианской культуре и их сохранение было особенно важным в проекте создания единого культурного пространства. Семья признавалась основой нормальной жизни для любого человека, но в первую очередь она была сферой женской ответственности. В викторианских сочинениях семья неизменно изображалась как «царство женщины, ее владения – ее мир», в котором она правит «любовью, добротой и кротостью»³⁶. Широко распространены были представления о том, что женщина несет в себе все, что нужно для создания дома, «всюду, где есть верная, истинная

³⁴ Myers J.C. *Antipodal England: Emigration and Portable Domesticity in the Victorian Imagination*. Albany, 2009. P. 19–20.

³⁵ Parr Traill C. *The Canadian Settlers' Guide*. L., 1860. P.12.

³⁶ Смайлс С. Сочинения в 2-х т. Т. 1. Характер. М., 1997. С. 282.

жена, всегда есть и такой дом»³⁷. То есть женщина способна переносить дом туда, куда бы она ни направлялась. Переезжая в другие уголки империи и создавая собственный дом, женщина тем самым обеспечивала преемственность английских традиций. В таком доме руководствовались английскими ценностями, соблюдали английские правила, воспитывали новые поколения «настоящих англичан» в колониальной среде. Таким образом, моральная ответственность женщин за собственный дом проецировалась на империю.

В целом, можно отметить, что к концу XIX в. меняется видение места женщин в империи. Если раньше империя рассматривалась как традиционно мужская зона активности, то теперь женщины получают свое место в процессе колонизации. Ответственность женщин за семью, воспитание новых поколений колонистов в английском духе, их тесная эмоциональная связь с родиной, влияние, которое они могли оказывать на окружающих мужчин, делали их в имперской пропаганде культурными посредниками, ответственными за преемственность британских ценностей и традиций. Они были представлены как важные участники имперского строительства. Идея сохранения единства англосаксонской расы полагалась на их усилия, от них во многом зависело сохранение целостности Британской империи.

Е.В. Баранова

Тамбов, ТГУ им. Г.Р. Державина

«...ДЕВУШКА НА ВЕЛОСИПЕДЕ — ЭТО УЖАСНО!»: К ИСТОРИИ ВЕЛОСИПЕДНОГО СПОРТА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

В доиндустриальном мире женщинам приходилось довольствоваться ролью матери и домашней хозяйки, этот статус жестко контролировался государством и общественной моралью. С развитием модернизационных процессов в государствах Европы и Северной Америки, а затем и России, во второй половине XIX в., все большее распространение стали получать социальные явления, связанные с развитием гендерного эгалитаризма.

Перемены касались разных сторон жизни женщин: профессиональных навыков, социального статуса, мобильности. У женщин поя-

³⁷ Рёскин Дж. Сезам и лилии. М., 1900. С. 61.

вилась возможность демонстрировать новый тип поведения. Они стремились к независимости, индивидуализму, образованию, мобильности. Эти желания реализовывались в получении высшего образования, посещениях открытых публичных лекций, поездках за границу. Одним из внешних проявлений демонстрации независимости стало освоение женщиной велосипеда.

В отличие от других видов спорта, которые женщины изучали вслед за мужчинами, велоспорт был принципиально новым занятием для представителей обоих полов, свободным от гендерных предрасудков. О росте популярности велосипеда свидетельствует тот факт, что с конца XIX в. стало выходить множество справочных изданий по велосипедному спорту, издавались альманахи, журналы, публиковались юмористические рассказы. Анализ содержания этих текстов позволил сделать вывод о взаимосвязи роста популярности велосипеда и эмансипации.

Для мужчины велосипед быстро стал атрибутом отдыха, спорта и работы. Обыватели-мужчины отмечали повседневное значение велосипеда. «Велосипед гораздо важнее для женатого. Например, выйдет неприятность у мужа с женой или ребята голову закружат, а ты сел на велосипед и махнул на волюшку: покатался и отвел душеньку». Комичность таких сюжетов свидетельствует о том, что велосипед очень быстро стал элементом повседневной жизни. Жители городов отмечали экологичность велосипеда и его пользу для здоровья, противопоставляя его «душным конкам и хамоватым извозчикам». Не стоит забывать, что если раньше транспорт представлял собой «совокупность верхового разделения на человека и лошадь», то велосипед стал именно индивидуальным средством передвижения. Первыми, практическое значение велосипеда, оценили артели посыльных, курьеры, почтальоны в городах, то есть люди, чьим занятием было перемещаться на большие расстояния.

Упомянутые профессии были чисто мужскими, кроме того мобильность женщины XIX в. была ограничена общественной моралью. Поэтому велосипед в жизни женщин первоначально являлся средством спорта и отдыха. Сначала с мужчиной или компаньонкой, а затем и одна она смогла самостоятельно путешествовать.

В российских городах женская езда на велосипедах не была официально разрешена до второй половины 90-х гг. XIX в. Официальное разрешение ездить на велосипеде по улицам столицы женщины полу-

чили летом 1895 г., чуть позднее подобное распоряжение было издано и в Москве.

Моду на велосипеды, также как и на автомобили в России ввела социально-сословная элита империи. Новомодное средство передвижения было весьма дорогим удовольствием. Представители имущих слоев населения (появившаяся буржуазия и богатая интеллигенция), являясь наиболее восприимчивой категорией населения, покупали велосипеды, предпочитая их более привычным удовольствиям. Велосипед стал символом истончения границ «старого» мира: все меньше значения стало играть сословное положение человека, уступая место имущественному. В России этот процесс шел в русле общемировой тенденции процессов социальной трансформации.

Женщина не могла купить велосипед самостоятельно, чаще он был дорогим подарком родственника – мужчины или мужа. Выехавшая на велосипедную прогулку женщина, пусть и в сопровождении мужчины, рисковала услышать от обывателей массу нелицеприятных эпитетов в свой адрес. Так, воплощение мещанских стереотипов чеховский «Человек-футляр» Беликов был потрясен, увидев потенциальную невесту на велосипеде: «Я вчера ужаснулся! Когда я увидел вашу сестрицу, то у меня помутилось в глазах. Женщина или девушка на велосипеде — это ужасно!»

В России популярным были двухместные велосипеды типа «Свифт-Тандем», приспособленные для езды мужчины и дамы. Также были распространены трехколесные велосипеды для одной дамы или дамы и мужчины. Таким образом, при одновременной езде мужчины и женщины черная работа доставалась мужчинам, но при равном распределении труда.

Таким образом, велосипед выступил как уникальный транспорт, который отвечая уровню развития индустриального общества изучаемого периода, сумел стать массовым видом персонального транспорта и оказать выраженное влияние на гендерную составляющую социальной динамики. Велосипед явился индикатором процесса эмансипации и разложения старых общественных устоев и порядков, именно велосипед позволили женщине почувствовать себя свободной.

Е.Ю. Казакова–Анкаримова

Екатеринбург, Институт истории УрО РАН

МОТИВЫ ЖЕНСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В УРАЛО–СИБИРСКОМ РЕГИОНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧ. XX В.

В историографии проблема мотивации благотворительной деятельности женщин Урало–Сибирского региона в конце XIX – начале XX в. является дискуссионной. Одни специалисты полагают, что главным мотивом женской благотворительности являлось религиозное чувство любви, сострадания и помощи ближнему (В.П. Бойко, А.Р. Соколов), другие историки усматривают в этом некую дань моде и способ повышения авторитета и влияния в обществе (Л.В. Жукова, Е.В. Храпоницева). В.П. Бойко, например, утверждает, что в Сибири мотивы благотворительности у женщин были несколько иными, чем у мужчин: «Женщинам не нужно было баллотироваться в городскую думу, получать чины и ордена, стараться расположить к себе чиновников, что делало их благотворительность в значительной степени «очищенной» от меркантильных интересов. В большей степени у них выступало религиозное чувство, материнское желание помочь сироткам и обездоленным, защитить их от жестокостей и невзгод»³⁸. В.В.Верхотурова подчеркивает, что женская благотворительность в своих традиционных формах служила милосердию, и, одновременно, позволяла женщинам некоторым образом выражать гражданскую позицию, имела комплексный характер³⁹. Цель доклада путем сопоставления исторических источников Урала и Сибири конца XIX – начала XX в. углубить научные представления о мотивах женской благотворительности, что является одним из ключевых аспектов при оценке данного исторического феномена.

³⁸ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ № НШ–6582.2012.6; Бойко в.П. К вопросу о женской благотворительности в Сибири XIX в. // Женщина в Сибири в XIX – XX вв.: место в региональном социуме и гендерные роли: Сб. научн. ст. / Ред. Ю.М. Гончаров. Барнаул, 2008. С.110.

³⁹ Верхотурова В.В. Благотворительная деятельность горожанок Томской губернии во второй половине XIX в. // Женщина в Сибири в XIX – XX вв. С.117.

Исторические факты свидетельствуют о том, что глубинные духовные мотивы лежали в основе крупных пожертвований на нужды церкви. Во второй половине XIX – начале XX в. пожертвования женщин в пользу церкви были распространенными (в форме взносов «на помин душ» усопших, в виде пожертвований на строительство и содержание храмов). Например, в 1865 г. во многом благодаря пожертвованиям удалось выполнить работы по украшению Богородской церкви в Перми. А.С.Любимова по случаю кончины супруга (потомственного почетного гражданина Ивана Филипповича Любимова) пожертвовала 4000 руб. на украшение храма ⁴⁰.

Благотворительность, помимо материальной стороны, часто подразумевала духовную помощь. Ценности православной этики определяли безвозмездную, добровольную одиннадцатилетнюю деятельность А.П.Рязанцевой в должности почетной попечительницы соликамского убежища бедных детей имени почетного потомственного гражданина В.А.Рязанцева.

В Екатеринбурге женщины, занимающиеся благотворительностью, трудились в Дамском комитете при Обществе милосердия имени св. Николая, способствуя делу открытия «убежища для детей улицы», собирая пожертвования. Приют открылся 30 декабря 1912 г. Не нуждается в комментариях факт крупного пожертвования (1800 руб.) на открытие приюта, поступившего через о. Дм. Пономарева от неизвестной благотворительницы. В отчете Общества Милосердия за 1912 г. ей выражалась общественная признательность: «Эти деньги пришли, как нельзя, кстати, и Общество милосердия этому пожертвованию обязано своим существованием. Не зная кого благодарить за щедрый дар, Совет через о. Дм. Пономарева низко кланяется скромной благотворительнице, отмечая ее пожертвование как помощь прямо спасительную для Общества милосердия» ⁴¹.

Еще одним ярким показателем истинных мотивов благотворительности является добровольный, безвозмездный, порой весьма тяжелый труд энтузиасток. Яркий пример «девятнадцатилетней безвозмездной полезной службы» Глафиры Григорьевны Лопатковой на по-

⁴⁰ Пермские губернские ведомости. 1889. 23 декабря. 1889. № 102. С. 445.

⁴¹ Отчет о деятельности Общ-ва милосердия за 1912 г. со дня открытия его 13.XI.1911 г. Б.м., б.г. С. 1 –10.

сту председателя Ирбитского попечительного общества о бедных, во многом благодаря ее труду и энергии в Ирбите появилось новое здание богадельни⁴².

Мотивация и успехи благотворительности зависели от индивидуальных личностных особенностей женщин. Для многих добрых, благородных и энергичных натур благотворительность становилась делом и образом жизни. Пермский губернатор И.Ф. Кошко в своих воспоминаниях пишет о В.А. Европеус (жене В.И. Европеуса пермского вице-губернатора): «Она ужасно любила хлопотать и по устройству всяких благотворительных затей – это было ее сферой. Она до такой степени вся вошла в это дело, что по этому поводу стали даже раздаваться нарекания, что вице-губернаторша своими благотворительными затеями прямо разоряет пермское общество, и я принужден был ее тут ограничить, допуская ее участие в благотворительности не более двух раз в год. Увы! Эта вынужденная сдержанность много раз пыталась прорываться за установленные барьеры, но я старался быть возможно тверже и добился некоторого ослабления. ...По доброте она не уступала своему мужу, за всех хлопотала, обивала пороги всех учреждений с ходатайствами за бедноту».

Отпечаток гендерной принадлежности сказывался на эстетической стороне благотворительности. Типичным явлением для провинции был описанный на страницах «Екатеринбургской недели» от 7 февраля 1893 г. (№6) благотворительный вечер под названием «Праздник цветов», на который приглашались лица в костюмах цветов. И.Ф.Кошко позволил себе высказывание: «Екатеринбургские дамы, вероятно, большие мотовки: шикарные парижские туалеты, ослепительные бриллианты охотно показываются при всяком удобном случае. Даже такие случаи в виде всяких благотворительных спектаклей, концертов и т.п. специально, кажется, создаются»⁴³.

Одно дело внешняя сторона массового явления. Иначе выглядит сущность феномена женской благотворительности при знакомстве с обстоятельствами жизни отдельных известных подвижниц. Порой благотворительность являлось той формой, которая позволяла женщинам

⁴² ГАПО. Ф. 65. Оп. 2. Д. 473. Л. 260. Об. 265 об.

⁴³ И.Ф. Воспоминания губернатора Пермь 1911–1914. Екатеринбург, 2007. С. 41 – 42, 116, 201 – 202.

пережить тяжелые жизненные проблемы, например, утрату близких родственников: постройка вдовьего дома на средства Е.И.Любимовой, законченная в 1906 г.⁴⁴; вклад супруги оренбургского губернатора Н.А. Крыжановского Олимпиады Кирилловны в учреждение в 1869 г. в Оренбурге детского приюта, названного представителями городской власти по случаю смерти ее дочери Ольги Николаевны «Ольгинским»⁴⁵. В голодный 1891 г. уральская писательница Елизавета Гадмер-Голова заботилась о помощи нуждающимся, учредив временный приют для голодных. «В ежедневных хлопотах о них, – пишет писательница в своих воспоминаниях, – я постепенно изживала свое горе, старясь отгонять его мыслью о том, что смерть Маргариты (дочери Е.Гадмер-Головой – Е.К.) спасла жизнь нескольким сотням детей. Когда эти хлопоты кончились, я взяла себе пятимесячную сиротку. Но вскоре она умерла...».⁴⁶

Можно видеть, что традиционное православное сознание благотворительниц сочеталось с использованием новых мер и способов оказания помощи нуждающимся, продиктованной в первую очередь мотивом человеколюбия и являющейся для женщин значимой формой самовыражения и средством гуманизации общества.

Л.Е. Денисова

Москва, Учебно-методическое управление Российского гос. геолого-разведочного университета им. Серго Орджоникидзе

ЖЕНЩИНЫ В КОНТЕКСТЕ ДИАКОНИЧЕСКОГО СЛУЖЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Научная разработка проблемы, связанной с исследованием социального служения Церкви, привлекает сегодня все большее число исследователей из разных областей науки – историков, философов, социологов, юристов, культурологов и др.

Подобный научный интерес объясняется, прежде всего, возрастанием роли Русской Православной Церкви в решении социальных про-

⁴⁴ Отчет о деятельности Пермской город. управы за 1906 год. Б.м., б.г. С.13.

⁴⁵ Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург. 1999. С. 260 – 261.

⁴⁶ Елизавета Гадмер: материалы к биографии. Екатеринбург, 2006. С. 25.

блем современного общества. Церковь прилагает сегодня значительные усилия для последовательного и эффективного формирования компонентов [*правовых, экономических, организационных*, прим. авт.], позволяющих характеризовать ее как действенный социальный институт, представляющий совместно с государством и обществом взаимозависимую и, одновременно, взаимодополняющую систему, обеспечивающую оптимальное взаимодействие по всем направлениям социальной жизни России.

Учитывая данные факторы, изучение истоков, видов и форм церковного социального служения представляет собой богатейший материал для инновационного переосмысления и творческого использования в настоящих условиях ранее существовавших в Церкви поистине уникальных форм, методов и технологий оказания помощи ближнему.

Феномен женского служения занимает в данном контексте свое особое место – это и социокультурная и просветительская деятельность женских монастырских обителей; и служение многочисленных подвижниц *земли Русской*; и социально-христианское служение мирянок. Его изучение помогает нам приобрести объективные знания о проблемах социального служения Церкви в целом, так и о различных возможностях для проявления женской общественной инициативы и гражданской деятельности в современном нам обществе.

Вопрос о месте и статусе женщины в христианстве не нов. С первых дней существования Христианская Церковь осуществляла свою миссию в историческом времени и в обществах, где подчинение женщин мужчинам было естественным порядком вещей, ни чем иным, как отражением божественного установления в общественном и семейном укладе. Новые религиозные и нравственные воззрения, открытые христианством, изменяя уклад древней жизни, должны были радикальным образом изменить и отношение к женщине в обществе, признать и утвердить ее общечеловеческое значение и права как *«творения Божия»*, выше всех других прав и привилегий [*вне зависимости от этнической принадлежности, общественного статуса и пола*, прим. авт.].

В дореволюционной России довольно пристальное внимание уделялось женскому служению в Церкви, главным образом, ввиду активизировавшихся в ходе движения за обновление Церкви попыток возрождения женского диакона. В довольно острой полемике по данному вопросу принимали активное участие представители архипастырства, священства, богословских научных кругов того времени. Одной из уча-

стниц данной полемики выступала и св. преподобномученица Великая Княгиня Елизавета Феодоровна Романова, основавшая в 1909 году Марфо–Мариинскую Обитель Милосердия.

В «Пояснительной записке», подготовленной к открытию Обители, Елизавета Феодоровна самым подробным образом представляет историю женского диаконического служения в раннехристианской Церкви, определяет цели и задачи христианской диаконии в современный ей период⁴⁷. Осуществление церковных реформ и определение основных контуров и вех канонического обновления связывались, в первую очередь, с проведением Поместного Собора Русской Православной Церкви, одним из важнейших исторических решений которого стало провозглашение в качестве основного фактора политики Церкви – восстановления канонического церковного устройства, основывающегося на принципе соборности – вселенского братства по духу, объединяющего в служении Христу, исполнении Его заповедей всех верующих, включая иерархов, священнослужителей, мирян⁴⁸.

В декабре 2010 г. Межсоборное присутствие Русской Православной Церкви представило проект документа «О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви», в котором были обозначены направления и организационные формы участия мирян в церковной социальной деятельности такие, как создание приходских социальных сетей; развитие церковной социальной работы, в том числе, с одинокими и пожилыми людьми, с детьми и молодежью и т.д.

В качестве особого вида участия православных женщин в церковной диаконии «Принципы» называют Марфо–Мариинскую Обитель св. преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы, положившей великий почин христианского и социального служения, думавшей об изменении всей системы благотворительности в России, о ее подчинении церковному началу, о христианском совершенствовании всех тех, кто к этой деятельности причастен.

⁴⁷ Романова Е.Ф. Пояснительная записка о задачах и целях открывшейся в Москве Марфо–Мариинской Обители Милосердия // Вдали от мирской суеты. Нижний Новгород. 1996. С. 68 – 85.

⁴⁸ Русская православная церковь в советское время (1917 – 1991). М., 1995. Т. 1. С. 115 – 120.

Л.Г. Рева

Киев, Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского
ЖЕНСКАЯ ЛИНИЯ СЕМЬИ РЕВЫ: МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

Для меня образ Украины одушевляла моя бабушка. Я рисовала в своем детском воображении какую-нибудь страну в образе живой ее жительницы, а если это был остров, то в образе мужчины.

Наша бабушка, Геращенко Мелания Павловна, родилась на Рождество Христовое, 7 января 1900 года в селе Черемушное Змиевского района, на Харьковщине. Семья была многодетной, как и большинство семей на то время на Украине. Родители — мать Христина и отец Павел, имели двоих сыновей и семерых дочек. По-разному сложилась судьба бабушкиных братьев и сестер, но все прожили жизнь честно, достойно, в труде и уважении, оставив после себя солидное потомство.

Бабушка Мелания была средним по возрасту ребенком в семье. Родители настояли на том, чтобы она была с образованием: сызмальства отдали ее учиться в гимназию, где обучали не только арифметике, письму и другим дисциплинам, но и зарубежным языкам: английскому, французскому, немецкому и латыни. Бабушку выдали замуж в 27 лет, еще был жив ее папа, за мужчину, по сельским меркам, зажиточного, но на 9 лет ее старше, моего деда Максима.

Так случилось, что в период раскулачивания забрали дом, скот, а самого деда Максима, отправили в ссылку на 10 лет в Мордовщину, вроде как за контрреволюционную деятельность. Дед Максим от верной смерти и холодных мордовских лагерей спасся только тем, что работал фельдшером. Но вернулся домой совсем больным.

В сложный для семьи период, когда дед был в тюрьме, началось всеобщее горе — Вторая Мировая война. Бабушка с 9-летней моей мамой на оккупированной фашистами территории, преодолевали холод, голод, и верили в то, что вернется дед Максим, а победа непременно будет за нами. После войны страна возрождалась, отстраивалась, заживляла свои раны. Дед Максим вернулся из лагерей, но уже нигде не работал. Он прожил еще 10 лет, и нянчил мою сестру Люсю. А бабушка, доярка, рано просыпалась и хозяйничала и дома, и в колхозе. Мама, Н.М.Рева, закончила 10 классов, институт культуры, получила назначение в Киев. Не хотела туда ехать, но, очевидно, от судьбы не убежишь. Уже потом, после смерти деда Максима, за 2 года до

моего рождения, мама с моим отцом, Григорием, забрали бабушку в Киев. Тут начали строить дом. Бабушка завела хозяйство, в огороде у нас росло все. Бабушка никогда не посещала больницу. Иногда болела, но болезни отступали от нее.... Выросшая в многодетной семье, где сызмальства каждый ее член имел свои непосильные обязанности, воспитанная в труде, нетерпимости к лжи, несправедливости, лености, бахвальству, честолюбию, нечестности, Мелания Павловна сумела стать авторитетной личностью. Ее совет, замечания всегда играли решающую роль. Не оставив материального богатства, Мелания Павловна была богата красотой духовной. Ее слова воспринимаются сегодня как афоризмы: «Нехай ти мало маєш, але ти багато знаєш, а багатство твоє в тому, що ти потрібен людям»; «Без верби і калини нема неньки України»; «У кого-то есть что вспомнить, а у кого-то — лишь то, что хочется забыть»; «Делитесь огорчениями с недоброжелателями: они всегда с радостью вас выслушают»; «Болезни — это наш грех»...

В страшные годы лихолетья бабушка выстояла, не потеряла веры в жизнь, в будущее. Благодаря ей единственная ее дочь, Нина Максимовна Рева, стала професором, заслуженным работником культуры, кавалером орденов Святой Ольги и «За заслуги». Веяние времени, путь Украины к евроинтеграции, гендерные стереотипы как социально-психологические проблемы современности, глобализация и информатизация общества, коснулись и нашей семьи. С большим почтением о своей прабабушке вспоминают правнучки — Наталья и Юлия, которых она учила уму-разуму. Правнучки Мелании Павловны — Пироженко Наталья и Шитлина Юлия, решительно отказались от традиционной семейной профессии — филологии. Рассказываем о прапрабабушке и нашим праправнукам, воспитывая их на примерах ее жизни.

А.Ю. Рожков

Краснодар, Краснодарский гос. университет культуры и искусств

**БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ПОДРОСТКА В СОВЕТСКОЙ
РОССИИ 1920–Х ГОДОВ КАК СРЕДСТВО КОНСТРУИРОВАНИЯ
ИДЕНТИЧНОСТИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ**

В 1929 г. в журнале «Пионер» развернулась горячая дискуссия на

тему «Кем я хочу быть»⁴⁹. Поводом к дискуссии послужило письмо 15-летней пионерки из Барнаула Шуры Климовой, мечтавшей стать киноактрисой. Школьница избрала профессию киноактрисы по двум причинам: ей это нравилось, и она хотела стать известной, как Мэри Пикфорд, зарабатывая 2 млн долл. в год. Половину этой суммы Шура была готова отдать на индустриализацию СССР, а на оставшиеся деньги купить себе дом с хорошей обстановкой, коврами и камином⁵⁰.

Биографический сценарий Шуры вызвал огромный резонанс в пионерской среде. Поддержавшая Шуру 14-летняя пионерка Луиза Литвинова пошла в своих планах ещё дальше. Она мечтала стать цирковой артисткой, купить большой дом, набрать беспризорников, обучить их акробатике, а затем открыть собственный цирк. Бытовые притязания были весомы: купить рояль, трюмо, «много ковров, диванов и кресел, огромную кровать и под потолок подушек». В доме должны были находиться телефон, радио и фисгармония. В жизненные планы входил также наём кухарки, прачки и дворника, открытие собственной бани⁵¹.

Феномен Шуры и Луизы был стигматизирован как «климовщина» – символ «мещанских» настроений подростков, хорошо прослеживающихся в девизах и темах частных дискурсов. Доля альтруистических девизов подростков, составлявшая в 1916 г. 41%, к 1926 г. понизилась почти втрое. Вдвое возросла эгоистическая направленность девизов. Личные темы разговоров, составлявшие в 1913 г. 45%, в 1926 г. возросли до 84%. Если в 1913 г. из указавших свою цель в жизни личные цели преследовало 50% гимназистов, то в 1926 г. – 78% школьников⁵².

Нормализация жизни при нэпе стимулировала принцип «хорошо одеться и погулять». Только 15% идеалов обладания у подростков приходились на нематериальные устремления. Около 70% опрошенных школьников мечтали о собственном благополучии и

⁴⁹ Пионер. 1929. № 2, 3, 6–9, 18, 19, 21, 23.

⁵⁰ Кем я хочу быть // Пионер. 1929. № 2. С. 15.

⁵¹ Кем хотят быть наши дети: сб. детских писем для отцов. М., 1929. С. 16.

⁵² Колотинский П.Н. Опыт длительного изучения мировоззрения учащихся выпускных классов // Труды Кубанского пед. инст. Краснодар, 1929. Т. 2–3. С. 112, 113, 130, 132.

материальных благ, причём 60% новоявленных «мещан» были детьми рабочих и лишь 10% – крестьян⁵³. Среди мотивов избранной профессии в опросах Н.А. Рыбникова на первом месте шли «мотивы личного характера» (26,5%), на втором месте «нравится» (25%) и только на предпоследнем, восьмом месте, стояли «политические мотивы» (2%). У Н.И. Иорданского на первом месте стояли «материальные соображения», на втором месте «власть и влияние» и совсем не было мотивов общественного характера⁵⁴.

Материальные интересы и стремление к личному счастью преобладали среди девушек. Типичными были пожелания в девичьих альбомах: «Фаня! Желаю тебе превратиться в шикарную женщину, найти жениха с хорошим окладом жалованья и иметь целый салон для гостей»⁵⁵. Даже получение образования девушки рассматривали как материальную выгоду: «образованному лучше жить», «учёный человек хорошо живёт»⁵⁶.

Что касается киноактёрского выбора Шуры и Луизы, то он характерен для тех лет. Кумирами многих подростков становились не персонажи киноактёров, а сами артисты. Мальчики увлекались «трюкистами» Дугласом Фербенксом, Гарри Пилем и Чарли Чаплиным. Девочки восхищались Мери Пикфорд, потому что она «милая и очень хорошая», умеет «очаровывать». Некоторые из них «хотели бы выйти замуж за Гарри Пилея», другие интересовались Игорем Ильинским⁵⁷. Одна ученица, испытывавшая острейшую материальную нужду, признавалась, что у них с подругой головы заняты только одной мыслью – стать кинозвёздами⁵⁸. По итогам пионерской дискуссии оказалось, что желание стать киноартистами имеет каждый десятый респондент (10,2%). Это был второй по количеству откликов

⁵³ Рыбников Н.А. Интересы современного школьника. М.; Л., 1926. С. 63–68.

⁵⁴ Кем хотят быть наши дети... С. 89.

⁵⁵ Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 171. Оп. 1. Д. 212. Л. 3; Родионов В.Д. Школьная стенгазета // Труды Кубанского пед. института... Т. 2 – 3. С. 72.

⁵⁶ Смирнов В.Е. Психология юношеского возраста. М.; Л., 1929. С. 233.

⁵⁷ Лацис А., Кейлина Л. Дети и кино. Под ред. Е. Угаровой. М., 1928. С. 23 –25.

⁵⁸ Gorsuch A.E. Soviet youth and the politics of popular culture during NEP // Social History. 1992. Vol. 17. № 2. P. 193, 194.

показатель, уступавший только стремлению стать техниками и агрономами (11,1%)⁵⁹.

Итак, пионерская дискуссия отчётливо выявила два различных культурных типа подростков конца 1920-х гг. Биографические стратегии одной части пионеров строились вокруг таких культурных тем, как личный интерес, индивидуальная ответственность и материальный успех; другая часть юных ленинцев была воспитана на идеях коммунизма, равенства и справедливости. Первые, находящиеся в меньшинстве, были свободными гражданами в несвободной стране. Вторые – с сервильной психологией – ощущали идентичность с советским режимом.

Возникает закономерный вопрос: насколько акцентирован гендер в вышеописанных биографических проектах двух пионерок? Только ли полом можно объяснить профессиональный выбор этих девочек? Здесь я склонен принять концептуальный подход Джудит Батлер, которая считает, что конструирование половой идентичности «невозможно отделить от политических и культурных пересечений, в которых гендер неизменно производится и подкрепляется»⁶⁰. В данном случае гендер тесно переплетается с возрастом, культурными традициями и новыми трендами эпохи, и не является доминирующим.

А.И. Куляпин

Ишим, Ишимский государственный педагогический институт

**ПРОБЛЕМА СЕКСИЗМА В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ
(О СОВЕТСКОЙ ПОЛЯРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1932–1934 ГГ.)**

Советская система настойчиво декларировала успехи в борьбе с сексизмом. Если судить по газетам, книгам, фильмам и пьесам, то проблема дискриминации женщин в СССР была решена полностью. Существуют, однако, ситуации, в которых гендерный конфликт практически неизбежен, и даже официозные писатели и публицисты не могли его игнорировать.

⁵⁹ Кем хотят быть наши дети... С. 12 –13.

⁶⁰ Цит. по: Пушкарёва Н. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007. С. 167.

В 1932 году начальником зимовки на Северной Земле была назначена женщина – Н. П. Демме. В компании трех мужчин-подчиненных она прожила на необитаемом острове до поздней осени 1934 года. Американские газеты преподнесли это событие как сенсацию.

«Советская Россия изощряется в самых рискованных экспериментах. Женщину в этой стране наделяют не только правами, но и обязанностями, наравне с мужчинами. Большевики создали такую атмосферу, что сами женщины стремятся к мужским подвигам.

По инициативе самой г-жи Демме советские власти решили произвести новый эксперимент. Эту отважную путешественницу назначили начальницей станции на одном из самых северных архипелагов, совершенно необитаемых.

В течение целого года на Северную Землю не сможет прийти ни один корабль, и все это время г-жа Демме вынуждена прожить в избушке с глазу на глаз с тремя мужчинами. Как нам сообщают, г-жа Демме находится в цветущем для женщины возрасте, привлекательна и весьма жизнерадостна.

Романистам, которые, по старым традициям, выбрасывают на необитаемые острова одинокую женщину в компании нескольких мужчин, надо бы послать своих соглядатаев в запорошенную снегом избушку на крайнем Севере.

Если бы это удалось, их романы и фильмы обогатились бы многими колоритными подробностями и увлекательными ситуациями»⁶¹.

Нина Демме в беседе с новомировским публицистом Владимиром Канторовичем, естественно, дает отпор «бульварным писателям». Делает она это, правда, настолько двусмысленно, что кое в каких деталях даже усугубляет сенсационность: «Они еще не знали, что в ушаковской рации всего одна комната. То-то глаза выкатились бы на лоб, – чего только не подскажет испорченное воображение!». Советские журналисты об интимной жизни никогда не пишут, но для Севера, к возмущению полярницы, почему то делают исключение: «<...> Женщина-де слабый пол, а если какая-нибудь проскочила в Арктику через заградительные кордоны мужского покровительства, то должна забыть, что она – женщина, личная ее жизнь – под стеклянным колпаком. Бессмыслица!».

⁶¹ Канторович В. Нина Демме // Новый мир. 1936. № 10. С. 144 – 145.

Итоги экспедиции трудно признать успешными. Один из ее участников умер, двое других тяжело заболели. Поразительно, но Н. Демме даже гордится этим: «К концу зимовки из всех четырех здоровье сохранила я одна. Минович поддался цинге, Ивлев заболел аппендицитом, Костя не выходил из простуды, а мне – все нипочем». Мужской коллектив, возглавляемый женщиной, оказался фатально подвержен автодеструктивным процессам. Н. Демме слегка намекает на неблагоприятное психологического климата, рассказывая о случае, когда «товарищи-мужчины напились, как свиньи», или рассуждая о «неизбежных передрыгах»: «"Его величество мужчина" возмущен: он не хочет, чтобы соседство женщины его "возбуждало"».

В своей научно-руководящей деятельности Н. Демме особо выделяет культурно-исторические и биологические компоненты. «Взволнованно и горячо» отстаивает она философию советского феминизма.

«– Существует еще один властный мотив многих поступков в моей жизни. К нам, женщинам, относятся как-то снисходительно. "Женщина должна быть женственной" – часто говорят мужчины. Ненавижу всех этих глашатаев вечной женственности, покровителей, хозяев».

Мужчину полярница настойчиво именуется с неприкрытой иронией «его величество мужчина». Ее монолог насыщен советскими идеологиями – «барство», «феодальный», «рабский» и т.п. Только надо учитывать, что в этих терминах описывается конфликт не классовый, а гендерный. В таком контексте сострадания бывшим «хозяевам» ожидать, разумеется, не приходится. «Идеи свои я привыкла доказывать на деле, собственным примером, – поясняет Н. Демме. – С "его величеством мужчиной" я тоже давно хотела померяться силами. Ну, мыслимо было мне, такой, как я есть, отказаться от начальствования над полярной зимовкой?». Понятым становится то нескрываемое удовлетворение, которое испытывает Н. Демме, перечисляя болезни и слабости своих подчиненных: так незыблемо утверждается ее абсолютное превосходство над мужчинами.

Тезис «женщины – прекрасный человеческий материал для Севера» Н. Демме, будучи биологом по профессии, доказывает с помощью смелой параллели: «Псы – мастера сильного, но короткого напряжения. В дальней экскурсии суки вначале еле поспевают за ними. Но чем длиннее путь, тем отчетливее становятся преимущества сук. Длительное напряжение они выдерживают легче, в их организмах обмен происходит более регулярно. Сука тянет упорно, самозабвенно, даже

ободрав лапы. Передовая сука лучше выбирает дорогу, бережется. Псовая упряжка мчит сани слепо, не считаясь с препятствиями, и быстрее выдыхается. В пургу псы ложатся в снег, ни за что их не подынешь. Суки гибнут реже, чем псы» .

Показательна смена эпохальных приоритетов. Роль Прекрасной Дамы советской женщине, конечно, не к лицу. Новый ее статус Н. Демме с шокирующей прямоотой определяет метафорой «передовая сука». Проблемы сексизма в экстремальной ситуации в СССР не существовало, но вряд ли это повод для гордости.

К.В. Ствольгин

Минск, Филиал Российского государств. социального университета

ГЕНДЕРНЫЕ ВЫЗОВЫ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: ВОЕННАЯ ЭМАНСИПАЦИЯ ЖЕНЩИН

Анализ истории военной эмансипации женщин приводит к выводу о том, что вплоть до XX в. во всех странах женщина–воин была лишь исключением из общего правила. Отметим, что это суждение будет верным только тогда, когда будут разведены понятия «женщина на войне» и «женщина–воин». В отличие от женщин на войне, выполняющих вспомогательные функции, женщины–воины лично физически уничтожают противника.

XX в. изменил степень участия женщин в боевых действиях. Количество женщин, берущих в руки оружие, стало стремительно нарастать. Процессы военной эмансипации женщин, происходящие в начале XXI в., дают все основания говорить об усилении данной тенденции. В Испании, Финляндии, Дании, Турции женщины к боевым операциям привлекаются очень широко, в странах Ближнего Востока из женщин–мусульманок комплектуются многочисленные подразделения.

Тенденция к увеличению числа женщин, стремящихся наравне с мужчинами нести военную службу, возможности, предоставляемые им результатами военной эмансипации, делает актуальным поиск ответа на вопрос – а будет ли это все способствовать самоактуализации современной женщины, сделает ли это ее счастливее? Две женские судьбы в контексте рассматриваемой проблемы представляются особенно значимыми – судьба Марии Леонтьевны Бочкаревой и судьба Людмилы Михайловны. Павличенко.

М.Л.Бочкарева (1889 – 1920) вошла в историю как мужественная женщина-воин, стоявшая у истоков женского военного движения в России начала XX в. М.Л.Бочкарева, родившаяся в бедной крестьянской семье, за короткий срок сделала успешную военную карьеру. Когда началась 1-я мировая война. М.Л.Бочкарева решила вступить в ряды действующей армии. Традиционное для женщин участие в войне в качестве сестры милосердия ее не устраивало. Другого варианта военные власти в то время предложить не могли. М.Л.Бочкарева обратилась с просьбой к царю, отправив ему телеграмму. Положительный ответ позволил М.Л.Бочкаревой в феврале 1915 г. с маршевой ротой отправиться на фронт. На фронте М.Л.Бочкарева проявила личное мужество – бесстрашно ходила в штыковые атаки, несколько раз была ранена. Прошла путь от солдата до офицера русской армии, ее заслуги были отмечены многими боевыми наградами, в том числе и Георгиевскими крестами. После Февральской революции М.Л.Бочкарева, получив поддержку со стороны военных властей и патриотических женских общественных организаций, приступила к созданию воинской части из женщин-добровольцев. Так в России возникли женские батальоны смерти. В странах, участвовавших в 1-й мировой войне, на то время подобных формирований не было.

Л.М.Павличенко (1916 – 1974) – самая знаменитая женщина-снайпер Великой отечественной войны. С первых же дней войны Л.М.Павличенко добровольцем уходит на фронт, где в офицерском звании сражалась в рядах стрелковой Чапаевской дивизии. На ее боевом счету 309 уничтоженных солдат и офицеров (в том числе 36 снайперов) противника. Общими в этих двух женских судьбах являются не только личное непосредственное участие в боевых действиях, проявленные при этом мужество и героизм, но и международное признание военных заслуг этих женщин. Именно эти женщины за свои боевые заслуги были на приеме у президентов США (М.Л.Бочкарева – в 1918г., Л.М.Павличенко – в 1942г.).

Итак, приведенные выше факты позволяют сделать вывод о том, что и М.Л.Бочкарева, и Л.М.Павличенко сделали успешную военную карьеру. Однако изученные источники оставляют без ответа вопрос о том, были ли эти женщины счастливы, не было ли разочарования в том пути, который они для себя выбрали. Так, М.Л.Бочкарева, командуя батальоном, обрела далеко не лучшие мужские черты, в результа-

те, к примеру, прибегала к рукоприкладству. Ее личную жизнь никак нельзя назвать счастливой.

Актуальность поиска ответа на вопрос о допустимости личного участия женщин в физическом уничтожении противника в ходе ведения боевых действий заставляет обратиться к ряду профессиональных деформаций личности военнослужащего. Речь идет, прежде всего, о посттравматических стрессовых расстройствах. По данным российских специалистов у 15 — 20% военнослужащих, прошедших через вооруженные конфликты, наблюдаются хронические посттравматические стрессовые расстройства. В настоящее время к числу основных проявлений посттравматических стрессовых расстройств у военнослужащих, принимавших участие в боевых действиях, относят: нарушения сна; нарушения в общении, в том числе с родными и близкими; стремление к самоизоляции; повышенную раздражительность, немотивированные приступы агрессии; желание вновь добровольно участвовать в боевых действиях; обостренное чувство вины; сексуальные расстройства; аддиктивное поведение. Подтверждением реальности перечисленных проявлений служат следующие факты. На ноябрь 1989 г. количество разводов и острых семейных конфликтов в семьях "афганцев" составляло 75%, более двух третей ветеранов часто меняли место работы из-за возникающих конфликтов, 60% страдали от алкоголизма и наркомании, около 50% (а по некоторым сведениям, до 70%) готовы были в любой момент вернуться в Афганистан. Заметим, что подобные исследования не отражают гендерный аспект проблемы. Однако можно предположить, что с учетом особенностей женской психики, приведенные показатели для женщин-военнослужащих значительно выше.

Таким образом, нарастание процессов военной эмансипации женщин носит очевидный характер. При этом последствия от этих процессов для личности женщины остаются малоизученными. С учетом сложившихся реалий приоритетной задачей представляется не ограничения женщин в выборе военной профессии, а обеспечение их научной информацией, позволяющей сделать выбор женщины относительно военной карьеры максимально осознанным.

В работе рассматривается опыт женщин, мобилизованных во время Великой Отечественной войны, их взаимодействие с материальной средой и модели поведения, сформированные в ходе их службы. В фокусе исследования – женщины служившие в частях смешанного состава, но не в партизанских отрядах. Источниками для работы стали нормативные документы органов РККА, мемуары, воспоминания и интервью с ветеранами.

В условиях дефицита ресурсов воинская мобилизация женщин оказалась одним из способов решить кадровую проблему. Массовое участие женщин в войне потребовало изменений во взаимоотношениях военнослужащих. Это произошло на двух уровнях: на уровне государственной политики и на практическом уровне взаимодействия солдат разного пола.

Государственная политика была направлена на определение места женщины в армии, при этом учитывались ее «особенности», что с одной стороны являлось проявлением чувствительности к потребностям женщин, а, с другой, позитивной дискриминацией. Были изданы приказы необходимые для пополнения боевых частей молодыми призывниками⁶², которые определили принцип замещающей мобилизации военнослужащих здоровые молодые мужчины заменялись *«ограниченно годными, женщинами и старшими возрастными»* (ссылка) в разных сферах (ПВО, связь, тыловых частях и учреждениях ВВС, бронетанковых и механизированных войсках и др.). Итак, прежде всего женщины должны были заменить мужчин на тыловых должностях, чтобы освободить их для фронта. Таким образом проявилось воспроизводство статуса мужчины как воина-защитника, выполняющего боевые роли – наступать, стрелять и умереть за Родину. Однако женщина также могла получить фронтовую должность (напр. санитар, связист, снай-

⁶² Приказ № 0284 14 апреля 1942г.; № 0297 (19 апреля 1942 г.); № 00224 (23 октября 1942 г.) // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2 – 2). М., 1997 (далее – РА). С. 214, 249; № 002 (3 января 1943 г.) // РА. С. 13.

пер, пилоты)⁶³, добровольно пойти на военные сборы и пройти обучение, в результате которого некоторые женщины стали пулеметчицами и разведчицами⁶⁴.

Попав на фронт, женщины вынуждены были адаптироваться к материальной среде, рассчитанной на мужское тело. Использование мужского белья и формы было необходимо во фронтовых условиях, где надо было ползать по-пластунски, бежать и преодолевать множество препятствий. Армия не обеспечила женщин бельем и средствами гигиены, что провоцировало женщин к импровизации и самоснабжению. Женщины шили себе юбки из солдатских гимнастерок⁶⁵, другие украшали свои блиндажи⁶⁶. Для многих, поиск выражения женственности был частью военного опыта.

Женщины должны были жить военным бытом, с его полным отсутствием приватности. Повсеместно была грязь и вши, вопросы санитарии и гигиены часто решались в присутствии других. Однако женщины с легкостью принимающие эти условия нередко подвергались критике⁶⁷.

На уровне межличностных отношений, ввод женщин в армию потребовал формирования новых моделей отношений между солдатами, расширился набор ролей. Социально одобряемые фронтовые роли: «боевая подруга» (равноправный товарищ, воин), «дочка-сестренка» (слабый младший товарищ), и «фронтовая любовь»⁶⁸ (легитимная романтическая связь с предполагаемым продолжением после войны). Для обозначения стигматизированной роли мы используем фронтовой сленг – это «полевая походная жена» (ППЖ). Эта модель предполагала внебрачные сексуальные отношения и совместное проживание, причем семейный статус партнеров не учитывался, часто женщина была младше своего партнера по возрасту и чину. Выделенные роли

⁶³ Приказ № 0099 8 октября 1941 г. // РА. С. 112.

⁶⁴ Кочнева А.Ф. Интервью с Баиром Иринчевым; Гантимурова А.А. Интервью с Баиром Иринчевым / www.iremember.ru (14 марта 2011).

⁶⁵ Яворская И.В. Интервью с Баиром Иринчевым. 2005.

⁶⁶ Krylova A. *Soviet Women in Combat: A History of Violence on the Eastern Front*. New York, 2010. С. 224.

⁶⁷ Генатулин А. *Нас остается мало: Рассказы и повесть*. М., 1988. С. 243.

⁶⁸ См. Александрова (Савельева), Зоя Никифоровна. Интервью с Артемом Драбкиным; Дерябина (Рыжкова) Кл.А. Интервью с Артемом Драбкиным / www.iremember.ru (14 марта 2007).

давали возможность мужчинам и женщинам адаптироваться к появлению женщин в армии.

Отношение к женщинам, вернувшимся с войны, было неоднозначным. Часто фронтовички испытывали настороженное, иногда враждебное отношение со стороны оставшихся в тылу, кто придерживался более традиционных представлений о занятости женщин. Фронтовички, показав способность выполнять традиционные «мужские» роли, оставались «эрзац солдатами». После войны опыт женщин-воинов уступил месту представлению о женщинах-матерях⁶⁹. Боевой опыт женщин стал воспринимался как вынужденное нарушение и исключение из правил.

Е.Н. Ларионова

Рязань, Рязанский гос. университет им. С. А. Есенина

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО ВЧК И НКВД: ИСТОРИЯ, ГЕРОИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБРАЗА

На каждом этапе исторического развития острота и характер постановки «женского вопроса» были свои. Особенно интересно рассмотреть изменение роли женщины в силовых и властных структурах. Обратимся к истории: право женщин на армейскую службу было зафиксировано в Уставе 1716 года, но речь шла лишь об обязанностях военных медиков. В конце XVIII века по указанию князя Потемкина в Крыму была создана «амазонская рота», формировавшаяся из жен и дочерей офицеров. По воспоминаниям современников, они отличались бесстрашием и храбростью, прекрасно ездили верхом, метко стреляли.

В критических ситуациях женщины участвовали в боевых действиях. Хорошо известна история Отечественной войны 1812г., когда Надежда Дурова, переодевшись в мужское платье, столь отважно сражалась с французами, что была зачислена в кавалеристы и дослужилась до чина штабс-ротмистра. Она стала не просто первой женщиной-офицером, но и кавалером Георгиевского креста. В русско-японской войне участвовали некоторые жены командиров, а во

⁶⁹ См. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О звании «Мать – героиня» был утвержден 18 августа 1944 г. / Ведомости ВС СССР. 1944, № 45: Anna Krylova. 'Healers of Wounded Souls': The Crisis of Private Life in Soviet Literature, 1944–1946 / The Journal of Modern History 73 (June 2001). С. 307–331.

время Первой Мировой девушки переодевались в мужское платье и уезжали на фронт.

Для того, чтобы женщинам не нужно было притворяться мужчинами, были необходимы изменения в общественном мнении и миропонимании. Они произошли в начале XX века. В конце Первой Мировой формировались женские отряды в Петрограде и других городах. Выпускницы Смольного института, разночинки, крестьянки и работницы сходились в ударных батальонах с целью защиты Отечества, перенося большие физические нагрузки. Произошла массовая интеграция женщин в профессии, традиционно считавшимися мужскими. Женщины осваивали новые области профессиональной деятельности, ломая стереотипы и доказывая, что могут наравне с мужчинами выполнять самую сложную и ответственную работу. В Гражданскую войну представительницы слабого пола воевали в пулеметных командах и кавалерийских частях, несли службу в штабах и госпиталях, были комиссарами в Красной Армии. Большевики открыли дорогу женщинам в сферу государственной деятельности: был принят ряд законов, защищающих права женщин; разработан механизм по работе среди этой части населения (например, женские советы под руководством женотделов партийных органов); создавались комиссии, пропагандирующие и агитирующие женщин принимать участие в жизни страны; большое внимание уделялось женскому образованию.

Все вышеперечисленные факторы привели к тому, что на всю страну зазвучали имена: Н.Крупская, М.Ульянова. Председателем Московского губсовнархоза была назначена И.Арманд, а первым наркомом государственного призрения – А.Коллонтай, ставшая затем первым послом в Норвегии и в Швеции. В. Ленин считал, что «успех революции зависит от того, насколько в ней участвуют женщины», а в партии «есть надежные, умные и неутомимые деятельные коммунистки».

Именно Революция 1917 года и последующая Гражданская война привели к созданию ВЧК СНК РСФСР, которая позднее трансформировалась в НКВД СССР. От сокращения ЧК произошел термин «чекист», т. е. первоначально – работник чрезвычайной комиссии, а позднее в целом работник органов госбезопасности. Поскольку методы работы этого органа требовали серьезного подхода (шифровки, провокации, конфискации имущества, заключение в концлагеря, иностранные миссии), а сфера деятельности была необычайно широка (от подавления антибольшевистских вооруженных восстаний и раскрытия

заговоров иностранных разведок до обеспечения работы транспорта и борьбы с беспризорностью), то служащие в нем лица должны были непременно обладать соответствующими качествами. Работа в государственном аппарате связана с высокой ответственностью, сосредоточенностью на служебных обязанностях, чувством долга. Исторически это было свойственно мужчинам, поэтому появление «чекисток» – как факт, обусловленный многими социокультурными причинами, так и проявление героизма как деятельности в нестандартных и опасных условиях, поскольку только особенные женщины могут решиться встать на защиту государственной безопасности, творить историю многих государств, влиять на судьбы людей, рисковать собственной жизнью.

Среди самых известных чекисток СССР можно назвать М.Герасимову, М.Фортус, Е.Зарубину, П.Георгиевскую, З.Воскресенскую и многих других. Их в органы госбезопасности привело в первую очередь то, что они родились и выросли в сложное время, которое так или иначе подталкивало к своеобразной героической миссии – принимать активное участие в истории страны с целью перемен к лучшему. Уже рассказы об их детстве полны эпитетов «мужественная, терпеливая, сдержанная». До 1917 года многие состояли в подпольных организациях, что приводило к арестам и ссылкам, портило их здоровье (как случилось с А. Андреевой–Горбуновой). Такая деятельность формировала в будущих чекистках как осторожность и скрытность, так и уверенность в себе и необходимости тех действий, которые они осуществляют. Некоторых (например, В. Яковлеву) к таким решительным шагам подталкивал консервативный семейный уклад; других, напротив, хорошее семейное образование, побуждающее задумываться о государственном устройстве, видеть общественные недостатки и желать перемен к лучшему (Е. Стасова, И. Гуро); а кого-то плохое материальное состояние родителей (Э. Грундман). Опасность, присущая их жизни, формировала в этих женщинах самоотверженность, решимость пожертвовать собой ради других; лишения и трудности формировали стойкость. Даже в тюрьмах и ссылке они занимались активной деятельностью (Е. Стасова, находясь в камере, писала «Учебник по истории первобытной культуры»). Многие исследователи, характеризуя женщин в силовых и властных структурах, отмечают две черты, свойственные им всем – преданность и умение подбирать надежные кадры. Почти к каждой чекистке были применимы термины: деловая, самостоятельная, энергичная, точная, наблюда-

тельная, бдительная, принципиальная, твердая, бесстрашная, т.е. термины, которыми принято описывать героев. К сожалению, судьба некоторых чекисток оканчивалась трагично: особенности политического режима 30-х годов приводили к арестам и расстрелам (В. Яковлева), самоубийствам (Э. Грундман).

И именно в 30-е годы, после бурного революционного взлета, государственная деятельность женщин в СССР начала постепенно сокращаться. И лишь после Великой Отечественной войны, в ходе которой советские девушки выполняли не только обязанности медработников и радистов, но и снайперов или летчиков, женщины заняли прочное место в органах госбезопасности. Однако, патриотизм, готовность рисковать жизнью за правое дело, настойчивость и творческий подход в достижении цели, хорошо развитая память, умение анализировать, быстро осваиваться в новой ситуации и принимать самостоятельные решения и другие героические качества, всегда были присущи женщинам, работающим в органах госбезопасности.

В.Ю. Бахолдина

Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

САМООЦЕНКА ДЕВОЧЕК И МАЛЬЧИКОВ СТАРШЕГО ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА КАК СПОСОБ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ.

Работа выполнена в русле нового направления антропологических исследований, которое можно назвать субъективной антропологией. В отличие от антропологии традиционной, субъективная антропология изучает влияние на человека его собственных антропологических особенностей, отношение субъекта к собственной внешности, попытки модифицировать её в соответствии или, наоборот, в противовес тенденциям и установкам, декларируемым современными масс-медиа. В основе этих исследований лежат работы многих авторов, посвященные изучению связей между биологическими и психологическими свойствами человеческого организма.

Внешним и наиболее ярким проявлением биологической индивидуальности человека является его конституциональный тип. Поэтому поиски связей между психологическими феноменами и соматическими особенностями неизбежно ведутся в системе конституционально-типологических координат. Как отмечала известный отечественный антрополог Е.Н. Хрисанфова, соотношение различных аспектов биоло-

гического статуса человека представляет собой один из центральных вопросов конституциологии, поскольку сама конституциональная концепция исходит из единства формы и функции.

Одним из центральных механизмов психологической саморегуляции человека является его самооценка. Как механизм саморегуляции, поддержания своеобразного психологического гомеостаза, именно самооценка может быть в наибольшей степени связана с процессами, отвечающими за поддержание равновесия биологического. Однако самооценка человека обусловлена не только внутренними, но и внешними, социальными факторами. Структура самооценки представляет собой своеобразный сплав эмоциональных и когнитивных компонентов, поэтому в настоящей работе общая самооценка изучалась через несколько частных самооценок: оценка уверенности в себе, отношения к себе других людей, оценка собственной внешности и интеллекта. Общая самооценка рассчитывалась как средняя величина по четырем показателям.

Социальная обусловленность такого сложного феномена как самооценка проявляется в наибольшем вкладе в общую самооценку такого показателя как представление индивидуума об отношении к нему других людей. Этот показатель оказался наиболее значим как для девочек, так и для мальчиков.

Влияние на подростков современной социальной ситуации выявляется и при анализе вклада в самооценку такого показателя как оценка собственной внешности. В старшем подростковом возрасте и для девочек, и для мальчиков обнаруживается отчетливая тенденция связи более высокой самооценки с показателями эктоморфии, то есть с худобой, небольшими размерами тела и удлинненными пропорциями, в чем, несомненно, проявляется влияние образцов внешности, пропагандируемых современными СМИ. В то же время в психологии подростков наблюдается достаточно высокий уровень устойчивости, свидетельствующий о наличии биологических и психологических компенсаторных механизмов, поддерживающих самооценку и девочек, и мальчиков, на оптимальном уровне, необходимом для успешной социальной самоактуализации.

Е.Н. Биличенко

Краснодар, Кубанский государственный университет

САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ И САООТНОШЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ЖЕНЩИНЫ В ПРОФЕССИЯХ СОЦИОНОМИЧЕСКОГО ТИПА

Изучение различных аспектов самореализации личности женщины является неотъемлемой многих психологических исследований. В конце 1980–х гг. А.В. Петровским и В.А. Петровским в теоретическом подходе к пониманию личности, получившем название «концепции персонализации», выдвинуто предположение о наличии у индивида стремления «привнести свое Я в сознание, чувства и волю других людей»⁷⁰.

Дополняя эту теорию и акцентируя внимание на созидающей роли личности, Д.А. Леонтьев определяет сущность самоактуализации как «самореализацию человека через процесс опредмечивания его сущностных сил»⁷¹. Д.А. Леонтьев считает, что этот процесс «опредмечивания» может принимать форму созидания объектов материальной и духовной культуры (культурализация) или полагания себя в форме личностных вкладов в других людях (персонализация). Д.А. Леонтьев указывает, что возможно соотнести эти две формы самоактуализации с полом личности, когда культурализация – это способ реализации сущностных сил мужчины, а персонализация – женщины.

В контексте популярной в отечественной психологии типологии профессий, самоактуализация личности в профессиональной деятельности происходит через «воплощение себя», отождествление и манипулирование с определенным предметом труда. Здесь выделяют 5 типов профессий: «человек–человек», «человек–природа», «человек–машина», «человек – знак», «человек – художественный образ»⁷². Соотнесение данной профессиональной типологии с формами самоак-

⁷⁰ Петровский В.А. Системно–деятельностный подход к личности: концепция персонализации. Психология развивающейся личности. М., 1987.

⁷⁰ Леонтьев Д.А. Самоактуализация как движущая сила личностного развития: историко–критический анализ. Под ред. Д.А.Леонтьева. М., 2002.

⁷² Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. М., 2004 г.

туализации, несколько упрощенно, но достаточно обоснованно показывает, что социономические (человек–человек) можно рассматривать как пространства для персонализации личности.

В контексте гендерных исследований отмечается, что традиционные модели воспитания и реализации личности, навязывают женщинам скорее способ персонализации – реализации себя «в других». Как постоянная включенность в реализацию себя в других поддерживает различные аспекты самоотношения женщины? На эти вопросы мы стремились ответить в исследовании, направленном на выявление особенностей самоактуализации, самоотношения женщин социономических специальностей на разных этапах обучения профессии в вузе.

Исследование проводилось на базе Кубанского государственного университета. Опрошено 98 девушек – студентки социономических специальностей (психологи, социальные работники, менеджеры по персоналу): 51 человек на 1 курсе, 47 человек на 4 курсе. Методики: САТ (модифицированный вариант опросника личностных ориентаций Э. Шострома); методика исследования самоотношения С.Р. Пантелеева. Получены следующие результаты.

(1) Среди респонденток нет самоактуализирующихся личностей, но ценности и черты самоактуализирующейся личности у девушек присутствуют. Девушки способны жить «настоящим», ощущают свою жизнь как целостную. Но такое мироощущение не всегда им присуще, так как они могут обращать существенное внимание только на один из отрезков временной шкалы (прошлое, настоящее или будущее), дискретно воспринимать свой жизненный путь. (2) Всех респонденток отличает не ярко выраженное стремление к независимости в отстаивании своих ценностей и поведении, то есть они ориентированы на групповые нормы, могут быть не гибкими в общении, ограничивают спонтанность в выражении чувств, предъявляют к себе высокие требования. Респондентки склоны воспринимать природу человека как положительную и целостную, но свою агрессивность подавляют. Испытывают трудности в установлении субъект–субъектных отношений с людьми. К 4 курсу способность устанавливать глубокие межличностные отношения повышается. Девушки имеют не очень высокое стремление к приобретению знаний об окружающем мире, не всегда способны к творчеству. (3) Результаты по методике исследования самоотношения С.Р. Пантелеева показали, что для респонденток 1 и 4 курса характерны следующие особенности образа Я: выраженная самоуве-

ренность, ощущение силы собственного Я, смелость в общении, доминирование мотива успеха, самоуважение, удовольствие от себя, ощущение собственной компетентности, восприятие препятствий на пути к достижению цели как преодолимых. Они высоко оценивают богатство своего внутреннего мира, склонны воспринимать себя как индивидуальность, рационально принимают критику и противостоят окружающим воздействиям. Склонны воспринимать все стороны своего Я положительно, ощущают симпатию ко всем качествам своей личности. Неудачи не дают основания считать себя плохим человеком. К 4-му курсу повышается сознательность Я: к концу обучения девушки более честны и открыты с собой и окружающими, не боятся говорить о себе даже неприятную информацию.

(4). Корреляционный анализ между самооценкой и самоактуализацией показал, что взаимосвязь между ними увеличивается к окончанию обучения. Для студенток 1 курса характерны следующие связи самоотношения и самоактуализации: осознанность Я связана с познавательными способностями; саморегуляция с целостностью Я; чувство привязанности к собственному Я с ценностными ориентациями, природой человека, синергией; ценность собственной личности связана с принятием агрессии; непонимание себя, внутренний конфликт связаны с ориентацией во времени; поддержка, самопринятие, самообвинение с поддержкой, агрессией. Следует отметить, что к концу обучения количество связей между самоактуализацией и самоотношением увеличивается. Т.е. для респондентов 4-го курса характерны следующие связи: осознанность Я связана со шкалами синергия, принятие агрессии, контактность. Саморегуляция и целостность Я связана с ценностными ориентациями, природой человека и принятием агрессии. Непонимание себя и внутренний конфликт связан с ориентацией во времени, поддержкой, ценностью ориентации, гибкостью поведения, сензитивностью, самоуважением, самопринятием. Шкала самообвинения связана с ориентацией во времени, поддержкой, ценностными ориентациями, самоуважением, самопринятием.

Т.о. девушки, получающие социологическую специальность способны говорить о себе любую информацию, даже не приятную, но это понижает их межличностную чувствительность и способность принимать свою агрессивность. Ориентация на себя повышает принятие ценностных ориентаций самоактуализации и принятие человека как положительного, но понижает принятие своей агрессивности.

В итоге выявлено, что студентки к концу обучения относятся к себе более осознанно, т.е. они с собой и окружающими честны и открыты и не боятся говорить о себе даже неприятную информацию. К концу обучения количество связей между самооношением и самоактуализацией увеличивается, но чем больше девушки понимают себя, тем ниже их самоактуализация. То есть повышение профессиональных компетенций в социомических профессиях «тренирует» и развивает рефлексии и осознанность своих качеств и включенность в других, но снижает самоактуализацию.

Исследование помогло сформулировать новую проблему: повышения рефлексии в процессе персонализация, развития осознанности самооношения женщины. Не ясно лишь, насколько женщины удовлетворены этим. Какие личностные смыслы стоят за измеряемой данной методикой самоактуализацией? Возможно, «шаблон» самоактуализирующейся личности – это мужская модель самоактуализации и необходимы более чувствительные модели и процедуры диагностики особенностей самоактуализации для женщин.

Е.А. Бороздина

С.–Петербург, Европейский университет в СПб

АЛЬТЕРНАТИВНОЕ АКУШЕРСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: БОРЬБА ЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ АВТОНОМИЮ.

В современных развитых странах в контексте коммерциализации здравоохранения и проблематизации вопроса о репродуктивных правах женщин происходит трансформация практик родовспоможения. Наряду с появлением новых сервисов внутри поликлиник и роддомов развиваются альтернативные формы помощи роженицам – «традиционное» или «домашнее» акушерство. Сторонники данного подхода ставят под вопрос догматы официальной медицины, сопротивляются существующему порядку, оспаривают легитимные ранее практики. В результате ситуация родов оказывается точкой борьбы экспертов–медиков и представителей более «слабой» профессии, которые также претендуют на обладание компетенцией в сфере заботы о здоровье матери и ребенка.

В России активное развитие альтернативного домашнего акушерства наблюдается с середины 2000–х годов: в этот период, помимо индивидуально практикующих акушерок, появляются специальные

центры, оказывающие такого рода услуги; проводятся ежегодные международные конференции и семинары; создаются соответствующие общественные организации; издаются журналы, посвященные домашним родам. Превратившись из замалчиваемой практики в распространенный социальный феномен, домашнее акушерство становится предметом обсуждения в средствах массовой информации, а также поводом для дискуссии среди врачей и чиновников.

Настоящее исследование посвящено изучению альтернативного акушерства как формирующегося профессионального сообщества. В фокусе моего интереса находится борьба данной социальной группы за профессиональную автономию и признание. В теоретическом плане я исхожу из неовеберовского подхода в социологии профессий и рассматриваю сферу родовспоможения в качестве пространства конкуренции между представителями различных профессиональных групп, претендующих на легитимный контроль над женскими репродуктивными опытами. Наиболее высоким статусом среди этих групп обладают врачи. В этой ситуации сторонники альтернативного акушерства сталкиваются с необходимостью переопределить роды и помощь в родах для того, чтобы обозначить область собственной профессиональной юрисдикции. Основная цель данного исследования состоит в том, чтобы проанализировать, как они это реализуют в контексте современного российского общества – к каким ценностям апеллируют и какие дискурсы задействуют.

Поскольку на настоящий момент в России сторонники альтернативного родовспоможения представляют достаточно неоднородную и слабо интегрированную группу, в своем исследовании я сосредоточилась на изучении деятельности одного из сообществ – сообщества, сложившегося вокруг первого российского журнала о домашних родах. Оно было выбрано мной, т.к. его представители ведут активную деятельность в сфере профессионализации отечественного домашнего акушерства. Эмпирической основой исследования являются материалы наблюдения на двух международных конференциях акушеров, которые проходили в 2010 и 2011 гг. в Москве.

На основе анализа указанных материалов я выделяю следующие основные дискурсы, к которым в своих публичных выступлениях обращаются традиционные акушерки. Переосмысляя с их помощью заботу о женщине во время родов, представители рассматриваемого сообщества стремятся очертить границы собственной профессио-

нальной автономии, утвердить акушерство в качестве самостоятельного и легитимного вида занятости.

Медицинский дискурс. Основной задачей, стоящей перед традиционными акушерами как представителями борющейся за свою легитимность профессии, является утверждение собственной автономии по отношению к официальной медицине. В ситуации современного мира, когда научное знание обладает очень высоким авторитетом, представители домашнего акушерства не могут просто отвергнуть его. Медицинские категории составляют основу языка, используемого традиционными акушерками для описания ситуации родов.

Вместе с тем, домашние акушерки рассматривают свою профессию как «более правильное» родовспоможение. Лейтмотивом многих выступлений является идея о том, что в начале XX века официальная медицина «пошла не тем путем»: она стала чрезмерно технологичной, роженицы начали рассматриваться в роли машин по производству детей. Обращение к услугам подобной «испорченной» официальной медицины описывается традиционными акушерками как потенциально опасное для роженицы и ее ребенка. В этой ситуации традиционное акушерство характеризуется его сторонниками как форма помощи беременным и роженицам, сохранившая гуманистический посыл, который был утрачен работниками больниц и госпиталей. Практикующие акушеры противопоставляют себя не столько медицине, сколько современному институту репродуктивного здравоохранения, который деиндивидуализирует рожениц, превращает их в пассивный объект технологических манипуляций.

Либеральный дискурс. Тезис о необходимости соблюдать репродуктивные права женщин является одним из краеугольных для сторонников домашних родов. Традиционные акушеры утверждают реализацию права женщины и ребенка на счастливые роды (к которым приравниваются роды вне госпиталя) в качестве своего приоритета. Они подчеркивают, что авторитарный институт медицины не предоставляет женщинам возможностей для такого выбора. Таким образом, деятельность представителей традиционного акушерства легитимируется с точки зрения либеральной идеологии. Члены данной профессиональной группы характеризуют себя как защитников репродуктивных прав женщин, утвержденных различными международными конвенциями, но попираемых представителями официальной медицины.

Религиозный дискурс. В рамках традиционного акушерства деторождение воспринимается не только в качестве физического, но и в качестве психологического, духовного опыта. В силу этого большое значение в идеологии традиционного акушерства играет религиозная составляющая. Сама профессия нередко описывается ее представителями как призвание, данное Богом. В отсутствие признания традиционного акушерства со стороны государственных властей, ссылаясь на трансцендентальный авторитет, выступает еще одним способом легитимации собственной деятельности.

Гендерный дискурс. Значимым положением, утверждаемым в рамках традиционного акушерства, является мысль о том, что момент родов представляет собой проявление женской телесности и женской личности. Представители официальной медицины критикуются акушерами за то, что они лишают пациентку возможности контролировать и полноценно проживать этот, столь важный для нее опыт. Члены рассматриваемого нами сообщества подчеркивают, что альтернативные роды, роды дома, позволяют роженице, доверившись своему телесному знанию и своей интуиции, обрести новые силы (empowerment), переосмыслить и раскрыть свою истинную природу, сбросить ограничения, накладываемые на нее обществом.

Другим элементом доктрины о естественности родов и о целостности женской природы, проявляющейся в этом процессе, выступает идея о сексуальности деторождения. Сторонники домашнего акушерства утверждают, что официальная медицина патологизирует беременность и роды, определяет их в качестве болезненных переживаний, чтобы обрести над ними контроль. В этой ситуации задача акушеров состоит в том, чтобы вернуть в роды изначально присущую им сексуальность, создать атмосферу любви.

Д.В. Громов

Москва, Государств. республиканский центр русского фольклора
«КУЛЬТ» СВЯТОЙ СОФЬИ: О ЧЕМ ПРОСЯТ ЖЕНЩИНЫ

За последние годы у Напрудной башни Новодевичьего монастыря в Москве сформировался «культ» Святой Софьи. Эта башня связана с именем царевны Софьи – непосредственно к ней примыкает терем, в котором она была заключена по приказу ее брата Петра I. На формирование образа Святой Софьи оказали влияние несколько историче-

ских и мифологических образов, в результате чего властолюбивая правительница царевна Софья превратилась в Святую Софью, добрую подательницу благ. Такое превращение неожиданно, особенно если учесть, что вопрос о причислении Софьи к лику святых церковью даже не ставился.

Считается, что Софья помогает приходящим сюда в исполнении их желаний; ее просят о здоровье, счастье, жизненных успехах; особенно заметен женский характер обращений (просительницы – преимущественно женщины, они просят о счастливом браке, рождении и здоровье детей).

Материалами для анализа стали, во-первых, собранные в 2010 году тексты граффити ($n = 373$ ед.) и записки ($n = 50$ ед.), оставляемые приходящими к башне, во-вторых, материалы проведенных в сентябре 2011 года интервью ($n = 50$ чел.) с посетителями башни.

В общих чертах рассмотрим «подробностей культ» Напрудной башни, в народе больше известной как Софьиная башня. Первое журналистское упоминание об этом «культе», насколько нам удалось установить, содержится в статье Марины Трубилиной 2004 года, однако журналистка сообщила нам в частном письме, что данные поверия существовали и раньше. Обряд, совершающийся здесь, предполагает обращение к Софье. Как правило, это сопровождается прикосновением к башне; во время исследования именно прикосновение рукой к башне считалось нами поводом для начала интервью.

Разбирая структуру обрядовости, которая осуществляется людьми, приходящими к башне, мы выявили следующую картину. Если взять 100 посетителей, то все они мысленно высказывают некое обращение к Софье или каким-то другим мистическим силам; все они прикасаются к башне. Из них только пятеро вербализуют свое обращение, оставив надпись на стене. Примерно столько же оставят монеты в щелях башни. Каждый сотый посетитель напишет записку. Еще меньше будет доля оставивших цветы или какие-то другие предметы.

Подавляющее большинство обращающихся к Софье – женщины (около 75%). Молодежь (16–30 лет) составляет около 60% посетителей, люди зрелого возраста (30–55 лет) – около 30%. Перечислим наиболее распространенные просьбы, обращенные к «святой».

1. Связанные с любовными отношениями и созданием семьи – 42%

1.1. Романтическое знакомство и создание семьи указывается в 25% текстов: «Хочу найти свою любовь»; «Очень хочу найти человека,

который будет меня любить. Я хочу попросить тебя о счастье. Очень мне нужно любимого человека»; «Пусть поллюбит меня [им. муж.]. И пусть вместе мы будем навсегда»; «Св. Софья, помоги мне встретить свою судьбу: И создать семью, родить детей»; «Помоги и мне выйти замуж, (...) забрать своего ребенка быстрее, благодарю тебя!!! может он и есть – моя любовь. Почему так Пусть позвонит»; «Прошу о мудром благочестивом супруге, добром, кротком наставнике, благочестивых детках».

1.2. Поддержание отношений (брака) – 13%. В некоторых случаях в тексте не просматривается связи с каким-либо кризисом отношений, запись носит характер общего пожелания: «Будь вместе с нами, со мной и Валерой, помогай нам во всем, чтобы мы были вместе всегда (...). Не разлучай нас с Валерой никогда охраняй нашу любовь»; «Помоги моим детям, мужу родителям жить в любви и здоровье!». В других случаях запись имеет кризисный характер, она призвана смягчить имеющиеся трения и даже спасти брак от разрушения: «Помоги нам меньше ссориться и больше быть вместе =)»; «С Андреем никогда не ссорится, чтоб любили друг друга вечно».

2. Связанные с карьерным успехом, достижением мат. благ – 30%.

2.1. Успехи в работе (6%): «Дай моему мужу [им. муж.] терпенья и силы духа на новом месте работы. Пошли смятение – в сердца его начальников».

2.2. Устройство на новую работу (5%): «Софья царевна! Помогите мне устроиться на работу в Москве».

2.3. Решение жилищных проблем (5%): «Помоги господи заработать деньги на квартиру чтобы к старости не остаться на улице».

2.4. Успехи в учебе (8%). Это просьбы о помощи в окончании школы или училища, поступлении в вуз, сдаче экзаменов, окончании вуза.

2.5. Помощь в поездке (2%).

2.6. Решение финансовых вопросов (4%): «Господи мне не хватает денег, помоги мне пожалуйста чтобы чуть-чуть добавили на работе».

3. Связанные с поддержанием здоровья – 26%: «...Помоги мне стать счастливой и здоровой»; «Дай мне крепкого здоровья, много денег, квартиру, мужа богатого»; «Св. Софья помоги выздороветь и выйти замуж»; «Помоги р Божьей [им. жен.]! Чтобы ее сын [им. муж.] бросил пить, работал, женился, дал мне внуков, сноху хорошую».

4. Связанные с зачатием и рождением детей – 11%.

4.1. Появление детей является частью позитивной жизненной программы, включающей любовь, брак, создание семьи (4%). Рождение детей здесь не является проблемой, проблема скорее в том, от кого этих детей родить: «Св. София, помоги получить хорошую работу, и удачно выйти замуж, родить здоровеньких детей».

4.2. Наблюдается сосредоточенность на процессе зачатия и успешных родах; здесь угадываются женщины, имеющие физические проблемы с деторождением (7%): «Св. Софья! Помоги пожалуйста зачать ребеночка в 2009 г. Наталья»; «Святая Софья! Помоги мне рабе Божией [им. жен.] Хочу быть беременной от [им. муж.] и родить нам здорового мальчика». Иногда (3 записи) к Софье обращается не одна женщина, а супружеская пара: «Св. Софья! Помоги нам родить ребенка! [им. жен. и муж.]». Наличие достаточно большого числа просительниц, имеющих проблемы с деторождением, указывает на то, что «культ» Напрудной башни встроился в традиционные женские магические практики.

Как можно видеть, в структуре просьб большую долю занимают проблемы семьи и деторождения, что типично для «женских» культов.

Обращает на себя внимание тот факт, что посетители башни очень редко ходят в одиночку. В большинстве случаев это пары, причем один человек явно более компетентен (он и являлся нашим информантом), а второй – является здесь новичком, при разговоре отмалчивается. Практически все посетители не ограничивались посещением башни, до или после этого шли гулять вокруг здешнего пруда. Только в 20% случаев посетители приходили без спутников (причем часто они были специфическими – собирающий деньги мальчишка, нетрезвый рыбак и др.). В выходные дни посетителей особенно много, но их компетентность значительно ниже – к башне приходят праздные гуляющие. Всё это наводит на мысль, что посещение башни обусловлено не столько потребностями людей (есть проблема – пошли просить), сколько их досуговым поведением (пошли гулять – заодно и посетили башню).

Б.Б. Дондокова

С.–Петербург, С.–Петербургский гум. универ. профсоюзов

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ КАК ТВОРЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Еще Георг Зиммель, рассуждая о существовании и предназначении автономной женской культуры, сформулировал вопрос, что

могут создать женщины и чего не могут создать мужчины? То, что женское движение стремилось к достижению равенства внутри общей культуры, указывает в большей степени на ее несамостоятельный характер. Тема матриархата и феминизма лишней раз подчеркивает особое, маркированное положение мужчины. В связи с этим актуальной становится проблема духовного самоопределения женщины как субъекта культуры. Здесь уместно обозначить одну из весьма тонких граней античного понимания соотношения мужского и женского, представленную российским философом В.В. Бибихиным в работе «Лес»: идеальное, эйдетическое, историческое, мужское придает материи, матери, женскому, только неуловимое нечто, что Ахутин называет применительно к аристотелескому эйдосу, «последний штрих»⁷³. В материи есть все, но нет полноты эйдоса. Требуется ли тогда развитие женской субъектности?

К традиционным сферам общественной жизни и культуры, где женщина может себя проявить как творческий субъект, относят искусство, красоту, медицину, воспитание, дом. Сложно не согласиться с М. Мид в том, что «вклад женской одаренности представляет собой очень сомнительную ценность, если приход женщин в те сферы, которые определялись как мужские, пугает мужчин, лишает женщин женственности, заглушает и искажает тот вклад, который женщины могли бы внести, — их присутствие либо исключает мужчин из профессии, либо меняет свойства мужчин, которые в нее приходят»⁷⁴.

Согласно А.А. Маслоу, в традиционной культуре мужское и женское рассматривались как продукт объективации высших сакральных сил в бытийной реальности. Разрушение традиционной культуры ведет и к исчезновению культурных практик сакрализации пола. Можно провести аналогию с мифоритуальной моделью мира, где мужское и женское выражают частные случаи общего принципа творения и существования мира вне их биологических оснований. Так и в современности, гендер воспринимается преимущественно как результат выбора и самоопределения, возникает острая необходимость переописания социокультурной репрезентации гендера.

⁷³ Бибихин В.В. Лес. СПб, 2011. С. 161.

⁷⁴ Мид М. Мужское и женское. Исследование полового вопроса в изменяющемся мире. М., 2004. С. 345.

Сложность духовного самоопределения женщины как субъекта культуры связана с проблемой особого способа индивидуализации женщин, которую достаточно четко сформулировал Э. Левинас в работе «Тотальность и бесконечное». Женский субъект всегда остается частично Другим по отношению к себе, поэтому ему только предстоит найти тот язык, с помощью которого он сможет себя выразить.

В истории культуры женская и мужская творческая субъектность имеют различное содержание. Анализ творческой субъектности женщин-авторов в рамках раннего модернизма показывает, что традиционным выступает представление о тесной обусловленности творчества женщин сексуальностью, любовью, материнством, что является безусловно односторонним подходом, в рамках которого подчеркивается неизбежная дуальность женского и мужского, природы и культуры, интуитивного и дискурсивного. Считалось, что женское начало естественнее проявляется на уровне жанров и иконографии в нишах, не заполненных мужским искусством. Творческая субъектность женщины анализируется в контексте совмещения функций «модели — музы — ученицы — подруги — жены — художницы (писательницы)» в одном лице. Так, например, исследовательница К. Келли подчеркивает положительное влияние подчеркнутой женственности для творческой субъектности женщин. К. Эконен отмечает, что метафорика природной обусловленности женского творчества последовательно отрицает возможности женского творчества на дискурсивном уровне. Действительно, подчеркивание фемининного аспекта творчества больше привлекало внимание, нежели чем способствовало действительному расширению границ женской субъектности. Конструирование творческого субъекта требовало от женщин-авторов воплощения идеала жизне-творчества, которое снимало границы между искусством и жизнью; отказа от символизации женского начала (идея маскулинности творческого субъекта З. Гиппиус); последовательной трансформации взаимоотношений между полами и внутри пола, снятия их естественной чуждости, что, по мнению К. Эконен, явилось источником постмодернистского понимания субъекта. Таким образом, мы увидели, что в развитии творческой субъектности женщин есть различные пути, и не все из них ведут к подлинному единству социокультурных репрезентаций мужского и женского. На наш взгляд, развитие творческой субъектности женщин в современной культуре должно осуществляться в контек-

сте созидания целостного общественного бытия, что требует изучения современных практик сакрализации пола.

Стремление преодолеть ситуацию половой неопределенности ведет к пышному расцвету различных учений, направленных на социокультурную и личностную идентификацию пола. Так, в учении Ю. Эвопы в качестве решения проблемы предложены свои сакральные образы абсолютного мужчины — героя или аскета, и абсолютной женщины — любовницы или матери. Также можно привести «инициационную терапию» Т. Василец как способ достижения мужской и женской зрелости, неоведическое учение О.Г. Торсунова, где «женщина — носительница благословляющей энергии», а мужчина — «созидающей», учение К. П. Эстес о «первозданной женщине» («Анима» К. Юнга). В этом русле характерной выступает позиция исследователя П. Евдокимова в отношении сакрального предназначения мужчины и женщины: цель мужчины — действовать, цель женщины — быть. Призвание женщины в осуществлении духовного материнства, что требует от женщины раскрытия в ней личностного потенциала. Актуальной, на наш взгляд, в этом контексте выступает метод «андрогинанализа», разработанной Т.И. Ерошенко⁷⁵.

Необходимость формирования творческой субъектности женщины не противоречит единству мужского и женского как всеобщих онтологических оснований физического и социального бытия. Напротив, это способствует преодолению современной неопределенности соотношения мужского и женского и качественному усложнению характера их взаимодействия.

А.А.Чекалина

Москва, Московский государственный педагогический университет

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ГЕНДЕРНОГО САМОСОЗНАНИЯ ЖЕНЩИНЫ-ПРОФЕССИОНАЛА

В настоящей работе дается определение гендерного самосознания, рассматривается роль профессионализации в его развитии, при-

⁷⁵ Ерошенко Т.И. Мужское и женское: биполярность и целостность. Ростов-на-Дону, 2006.

водятся результаты исследования гендерного самосознания женщин-профессионалов на примере учителей начальных классов.

Гендерное самосознание – процесс и результат осознания личностью себя как носителя гендерных характеристик и особенностей. Гендерное самосознание является продуктом развития личности, обладающей полом и гендером. По мере того как личность приобретает жизненный опыт, перед ней не только открываются все новые стороны бытия, но происходит более или менее глубокое переосмысление жизни и самого себя. Переосмысление самого себя как субъекта гендерного развития – это изменение своих представлений о себе и отношения к себе, это динамичное осознание себя как девочки, девушки, женщины, дочери, подруги, учителя, возлюбленной, супруги, матери, бабушки и т.д., одновременно как уникального, но и типичного представителя женской популяции. Гендерное самосознание женщины и женское самосознание синонимичны только в той части, в которой они характеризуют субъект самосознания и опираются на его половую принадлежность. Понятие гендерного самосознания шире, поскольку понятие гендера выходит за границы понятия «пол». Гендерное самосознание может быть женским, но может быть женским андрогинным, женским высокофеминным, женским высокомаскулинным и т.д.

Гендерное самосознание рассматривается большинством исследователей как социальный конструкт, надстраиваемый обществом над биологическим полом; на индивидуальном уровне выступает как процесс и результат самовосприятия, вне жесткой связи с физиологическим полом. Феминное и маскулинное самосознание определяется как формы самосознания, состоящие в осмыслении принадлежности к определенному гендерному типу.

Не углубляясь в факторы и условия развития женственности, отметим среди них роль профессионализации, задающей женщине деловые, инструментальные ориентиры, расширяющие ее приватное пространство, активизирующие ее социальное поведение, и в конечном итоге, изменяющей ее социальный статус, гендерные стереотипы и представления о собственной женственности. В настоящее время профессиональная деятельность женщин осуществляется в новых социальных, экономических и политических условиях. Распространяется контракт "равного статуса", в соответствии с которым на смену иерархии патриархата приходит выравнивание положения прав и воз-

возможностей мужчин и женщин в публичной и частной сферах. Соответственно постепенно меняются и гендерные стереотипы женщин.

Гендерное самосознание женщины-профессионала, в том числе и представления о собственной женственности и ее проявления, являются динамичным образованием, способным развиваться и изменяться в процессе профессионального функционирования, достигать в своем развитии определенных уровней. Теоретический анализ позволил определить гендерное самосознание женщины-профессионала как сложное личностное образование, которое в своей целостности, обусловленной системными связями содержательных и сущностных характеристик, включает показатели женственности / мужественности, развивающейся в профессиональной деятельности.

В гендерном образе Я сконцентрированы представления о себе как о женщине, обладающей определенными гендерными характеристиками, и, одновременно, специалисте, практике. В процессе самопознания формируется множество взаимопроникающих и взаимодополняющих элементов обобщенного образа Я женщины и профессионала. Индикаторами содержания гендерного самосознания будут когнитивная сложность гендерных представлений.

Процесс осознания своих гендерных и профессиональных особенностей формирует эмоционально-ценностное отношение к себе как женщине и профессионалу, оценку возможностей, качеств, своего места в профессиональной среде. Индикаторами являются отношение к собственной феминности / маскулинности; возможны варианты позитивного, негативного, индифферентного и амбивалентного отношения.

Экспериментальный анализ, проведенный на нескольких выборках учителей начальных классов, распределенных согласно стажу работы, подтвердил эти положения.

Содержание гендерного самосознания учителя когнитивно сложное, содержит определенный объем фемининных/ маскулинных представлений образа Я, его границы, внутрифемининную, внутримаскулинную дифференцированность компонентов, фемининно – маскулинную дифференцированность компонентов, характеризуется осмысленностью и конгруэнтностью. Фемининные и маскулинные черты воспринимаются женщиной-профессионалом во взаимосвязи, но дифференцированно, как ортогональные, что вполне соответствует традициям бинарных оппозиций фемининности/маскулинности. Фемининные и маскулинные представления дифференцируются, интегри-

руются в процессе профессионально–личностного развития учителя. Фемининные представления учителей включают широкий спектр качеств, относимых к общеличностным, т.е. менее дифференцированы от других представлений. Маскулинные представления дифференцированы: подавляющее большинство представлений принадлежат только маскулинному тезаурусу на всех этапах профессионального и жизненного пути.

Проявления маскулинности не осмысленны в полной мере, субъективно женщины выше оценивают свою женственность и ниже – мужественные проявления, чем показывают объективные измерения.

Фемининность оценивается высоко и с меньшим разбросом, маскулинные проявления оцениваются с большим разбросом. Различаются оценки гендерных качеств на начальном и на завершающем этапах профессионального пути. Женщины–учителя представляют все типы гендерной идентичности: феминный, маскулинный, андрогинный и недифференцированный, но подавляющее большинство продемонстрировало андрогинный тип, что, на наш взгляд, обусловлено характером и спецификой профессиональной деятельности.

Учителя начальных классов продемонстрировали определенный объем установок по отношению к детям разных гендеров, дифференцированность в зависимости от пола ребенка, противоречивость содержания и консерватизм в осмыслении. Соотношение представлений о себе и воспитательных стереотипов по отношению к детям разных гендеров также указывает на дифференцированность этих элементов в самосознании учителя начальных классов.

Итак, теоретический и экспериментальный анализ гендерного самосознания учителя показал, что это область самосознания личности, в которой интериоризированы представления о качествах женственности / мужественности, эмоционально–ценностное отношение к ним, определяющие гендерные особенности профессионального поведения.

М. Магомедов

Ставрополь, Северо–Кавказский гос. технич. университет

ДИСКРИМИНАЦИЯ МОЛОДЫХ МУЖЧИН – ФАКТОР РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Происходящая в современном мире ломка гендерного порядка, которую часто называют кризисом маскулинности, не может быть опи-

сана в терминах «феминизации мужчин» или «маскулинизации женщин» и не является исторической катастрофой. При сохранении базовых, обусловленных половым диморфизмом, половых различий, в мире идет процесс ослабления традиционных гендерных отношений, который затрагивает как нормативные представления и фактическое разделение социальных ролей и функций, так и связанные с ними индивидуально-психологические черты и способности. Много проблем возникает в процессе развития и социализации молодежи.

Молодость как определенная фаза, этап жизненного цикла биологически универсальна, но ее конкретные возрастные рамки, связанный с ней социальный статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации.

Молодежь всегда была одной из самых социально уязвимых категорий населения. Кавказская молодежь не является исключением. Каждый молодой человек решает для себя не простую проблему поиска, своей профессии, которая, с одной стороны, отвечала бы его психологическим потребностям и социальным ожиданиям, а с другой стороны, была бы востребована на рынке труда, достойно оценивалась материально.

Все процессы в обществе так стремительно изменяются, что это требует от молодого человека определиться с выбором сферы своей будущей деятельности как можно раньше. Подавляющее большинство выпускников средних школ считает для себя необходимым для себя учиться дальше. По проведенным нами соцопросам лишь 4,8% готовы ограничиться средним специальным или общим образованием, а 14% уже сейчас планируют поступать после вуза в аспирантуру. А между тем, реальный рынок труда диктует другие соотношения специалистов высшего, среднего, профессионального образования.

Кризис маскулинности – это, прежде всего кризис привычного гендерного порядка и освящающей его понимание, которая перестала соответствовать изменившимся социально-экономическим условиям. По всем трем главным макросоциальным осям – общественное разделение труда, политическая власть и брачно-семейные отношения – социально-ролевые различия между мужчинами и женщинами резко уменьшились.

В глобальной эволюционной перспективе, гендерная деполариза-

ция связана с уменьшением требований к мужской физической силе в добывании пищи и повседневной защите семьи и физических требований к женщинам, связанным с беременностью, лактацией и выхаживанием младенцев. Фактически же процесс гораздо сложнее.

Поскольку движущей силой этих перемен являются женщины, сдвиги в их социальном положении, характере жизнедеятельности, уровне притязаний и самосознании опережают соответствующие изменения в поведении и психике мужчин. Кавказские мужчины воспринимают происходящие перемены тревожно или агрессивно. Эти реакции, как и сами мужчины, неодинаковы, варьируют в зависимости от социально-групповых и индивидуально-личностных особенностей, от воинствующего традиционализма и моральной паники до свободного принятия новых социокультурных и психологических реалий.

Все личностные психологические проблемы замыкаются на самоуважении. По большинству критериев, как частные самооценки, так и общее, глобальное самоуважение у мужчин выше, чем у женщин, это дает мужчинам определенные социальные преимущества. Но полезная уверенность в себе часто оборачивается у мужчин необоснованной самоуверенностью, а то и просто средством психологической самозащиты. Ставя перед собой заведомо неосуществимые задачи, маскулинность обязывает его быть первым везде и во всем, мужчина часто терпит поражение, ощущая свою маскулинность несостоявшейся, ища выход в пьянстве, самоубийстве или агрессии.

На Северном Кавказе эта проблема приобрела характер историко-культурной проблемы. Отношение старшего поколения к молодой части населения демонстрирует отсутствие гендерного баланса между мужским полом и женским, так как женщины стоят в представлении стариков по уровню ниже. И не менее важна проблема предвзятого отношения старших по возрасту к молодым мужчинам. Доказательством этого является то, что находясь рядом с семьей в своем населенном пункте молодой парень чувствует ограниченность в его творческом потенциале, следуя навязанным традициям быта.

В среде экстремистов молодой парень или девушка идут именно самовыражаться, не осознавая настоящей опасности проявления экстремизма. Именно под молодежное эго направлена экстремистская идеология борьбы, сопротивления, протеста всем нормам и традициям Российской федераций.

Подтверждением вышесказанного может быть следующие выска-

зывания известного террориста Доку Умарова: «...Дорогие братья Мужахеды ... Сегодняшние события в России нам показывают, что мирное население России поддерживает чекистский режим Путина, этих нечестивцев. Мирное население является заложником того же режима, который сегодня жестоко воюет против ислама и... мы в своих спецоперациях собираемся оберегать это мирное население. Если это мирное население не принимает войны против мусульман или мирное население не поддерживает тех нечестивцев, которые воюют против ислама, оно истинно является мирным. Сегодняшние события показывают, что население... не поддерживает Путина. Поэтому я приказываю всем спецгруппам... спец операции проводить точно против спецслужб, нечестивцев, которые являются чиновниками,.. дай бог поймете мой приказ правильно...». В этом обращении можно проследить акцент призыва террористов – на героическую защиту мирного населения и противостояния государству.

РАЗДЕЛ 12. ИЗМЕНЕНИЯ В ИСТОРИИ МАТЕРИНСТВА, ОТЦОВСТВА, РОДИТЕЛЬСТВА, СЕМЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Е.Г. Иванова

Белгород, Белгородский государственный университет

О МЕРАХ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ДЕТОРОЖДЕНИЯ И ОХРАНЕ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА ВО ВТ. ПОЛ. XIX – НАЧ. XX В. (НА МАТЕРИАЛАХ КУРСКОЙ ГУБ.)

Во второй половине XIX – начале XX вв. в России произошли серьезные социально-политические изменения, которые особенно сильно отразились на институте материнства и детства. В связи с резким повышением младенческой смертности, значительным увеличением масштаба социального сиротства, стремительным падением физического, психического и социального здоровья населения, увеличением количества безнадзорных, больных и рожденных вне брака детей, возникла острая необходимость в обеспечении государственной и общественной защиты материнства и детства в России.

Общая социальная тенденция в России была направлена на реализацию необходимых мер по защите материнства и детства, путем создания государственных, общественных и церковных учреждений по обеспечению деторождению и охране материнства.

В этот период социальная ситуация в российских провинциях отличалась многообразием форм и проявлений. Во втор. половине XIX века в Курской губ. сложилась система общественного призрения, формировалась система государственной помощи материнству и детству, которая отражала основные тенденции в российской империи.

Государственная деятельность по обеспечению охраны детства в Курской губернии имела различные формы: пансионы, приюты и воспитательные дома. При Курском Благотворительном Обществе находился детский приют – ясли, возникший по частной инициативе и принятый Загородным обществом в свое ведение 25 ноября 1895 года.

Курское губернское попечительство детских приютов Ведомства учреждений Императрицы Марии имело широкую сеть уездных детских приютов. Главной целью приютов было оказание помощи неимущим родителям, поддержка социально незащищенных детей⁷⁶.

Важным направлением в работе отделения Попечительства о бедных стала деятельность Женского благотворительного отдела, в котором способствовали развитию женского труда и оказывали непосредственную помощь в реализации произведенной продукции.

В этот период курское Попечительство о бедных имело высокие расходы на приюты и как отмечено в архивных материалах, в среднем в год на одну воспитанницу расходовалось около 100 рублей, а на воспитанника около 70 рублей. Через два года, при увеличении численности воспитанников, расходы на содержание росли. В 1905 году каждую воспитанницу тратилось — 114 рублей, на воспитанника – 95 рублей⁷⁷.

Особой формой деятельности по охране материнства и детства в России во второй половине XIX – начале XX вв. стала церковное призрение и благотворительность. В монастырях создавались приюты для

⁷⁶ Курский сборник. Вып. V. Курск, 1905. С. 85

⁷⁷ Исторический очерк совета Императорского человеколюбивого общества и подведомственных ему благотворительных учреждений. СПб., 1898. С. 331. Курский сборник. Вып. V. Курск, 1905. С. 96, 86.

беспризорных детей и нищих, больницы для бедных, богадельни для престарелых и инвалидов, госпитали для раненых и т. д.

В конце XIX – начале XX веков в Курской губ. было 18 монастырей, из них 14 мужских и 4 женских. При Курском Знаменском монастыре существовал Александровский приют для малолетних круглых сирот – мальчиков, выходцев из духовенства Курской епархии. Приют был открыт по постановлению Епархиального съезда духовенства в 1879 г. в память об Александре I. В приюте жило 10 мальчиков-сирот. В Курской губернии в 1860 г. при губернском доме был открыт женский детский приют на Севской улице. Всего по Курской губ. в 1898 г. помощью благотворительных учреждений воспользовались 58418 чел.

Государственные реформы в России в 60–х – 70–х годах XIX века ввели новые органы власти в регионах – земства. Трудности в работе данных учреждений были связаны с дефицитом финансовых средств, наличием бюрократических сложностей, связанных с перечислением денег с банковского счета, ранее принадлежавшего Приказу общественного призрения⁷⁸. Материальные средства заведений складывались из недвижимых имуществ, капиталов, пожертвований, пошлин, штрафных и пенных денег, кружечных сборов, процентов от карточных игр, обязательных пособий от городов и земств, субсидий Государственного казначейства⁷⁹.

В ведении губернских земств находились и приюты для подкидышей. Содержались приюты за счет губернского земского сбора. В приюте дети находились около двух месяцев. Затем их отдавали на усыновление к опекунам. Опекуны, бравшие детей на воспитание, получали плату. Существовали случаи вымогательства денег с опекунов. В результате многочисленных жалоб, поступавших от крестьян на священнослужителей, наблюдение за приемными родителями передавалось губернским и уездным гласным и мировым судьям⁸⁰.

⁷⁸ Благотворительные учреждения Российской Империи. Т. I. СПб., 1900; ГАКО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1. Л. 88, 89, 90, 92, 113

⁷⁹ Фирсов М.В. История социальной работы в России. М., 2001. С. 127

⁸⁰ Курский сборник. Вып. V. Курск, 1907. С 82; ГАКО. Ф. 20. Оп. 1 Д. 2899. Л. 76; Д. 2543. Л. 25; Систематический свод действующих постановлений Воронежского губ. земского собрания за 1865–1898 г. Воронеж, 1898. С. 62 – 63.

В рассматриваемый период в Курске существовал и женский епархиальный детский приют, открытый в 1884 году в здании епархиального женского училища. В нем помещалось 15 девочек-сирот. Оба приюта, и мужской, и женский, находились в ведении Совета епархиального женского училища, а попечительницей их являлась начальница епархиального женского училища игуменья София⁸¹.

В Курской губернии монастырско-церковная форма призрения развилась особенно активно. Важное значение в сфере помощи материнству и детству имел Курский Свято-Троицкий женский монастырь, который находился в северо-восточной части Курска. Существенную помощь монастырю и его воспитанникам оказывали частные курские благотворители.

Среди православных духовных обителей Курской губернии, славящихся своей благотворительностью, выделялась Глинская Рождество-Богородицкая пустынь. В отчете Св. Синоду о Курской епархии правящие архиереи называли Глинскую пустынь "лучшей обителью", а ее старцев – "украшением монашества". Столь высокую оценку она заслужила потому, что весь внутренний уклад жизни в ней отличался строгостью, подвижничеством, духовностью. Благотворительная деятельность Глинской пустыни была многогранной и проникнута высокой духовностью. При пустыни находилась большая по числу мест больница, приюты для детей и родовспомогательные обители для женщин.

В 1890 году при Глинской пустыни был создан Дом трудолюбия для обучения в нем разным ремеслам и грамоте крестьянских детей-сирот. Цель создания Дома трудолюбия состояла в том, чтобы приютить сирот, дать им образование и возможность самостоятельно зарабатывать на жизнь, если они останутся в обители.

Важно отметить, что взаимодействуя с государственными и общественными учреждениями Курской губернии во второй половине XIX – начале XX веков, монастырско-церковное призрение имело высокую значимость для защиты материнства и детства и практической помощи данным категориям населения.

Изучив и проанализировав, сложившиеся формы деятельности государства, Церкви и общества по обеспечению деторождения и охране

⁸¹ Исторический очерк совета Императ. человеколюбивого общества и поддомственных ему благотворительных учреждений. СПб., 1898. С. 329 – 330.

материнства и детства в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв., мы пришли к выводу, что они отражали основные тенденции призрения и благотворительного движения в России, хотя и не в таком масштабном развитии, как в столице и крупных регионах. Проведенное исследование выявило, наряду с эффективностью работы учреждений социального призрения в Курской губернии и ряд проблем. Прежде всего, нехватку финансовых средств и слабую законодательную базу.

Опыт России в области государственной политики по социальной охране материнства и детства в XIX – начале XX в. имел свои положительные аспекты: это разнообразие форм и методов социальной помощи, умение привлекать значительные частные средства для выполнения государственных программ, эффективное стимулирование частных лиц, побуждающее их к активному участию в программах социальной помощи, а также наиболее эффективные по своим результатам формы церковного призрения.

С.В. Зайцева

С.–Петербург, Ленинградский гос. университет им. А.С. Пушкина

РОЛЬ С.–ПЕТЕРБУРГСКОГО ЗЕМСТВА В ПРИЗРЕНИИ НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫХ ДЕТЕЙ В 1870 – 1890-Е ГОДЫ

Организация заботы о детях в первой половине XIX столетия находилась в ведении приказов общественного призрения. В 1864 г. в результате земской реформы обязанности по общественному призрению были переданы губернским земствам⁸². Вместе с обязанностями новым органам власти перешли и учреждения приказов (богадельни, приюты, воспитательные дома и др.).

Однако, как утверждал Б.Б. Веселовский, земства С.–Петербургской губернии не получили от приказа общественного призрения ни сиротских домов ни богаделен⁸³. Тем не менее, забота о незаконно-рожденных на территории губернии осуществлялась Императорским

⁸² Временные правила для земских учреждений, по делам о земских повинностях, народном продовольствии и общественном призрении. СПб., 187?. С.15.

⁸³ Исторический обзор деятельности земских учреждений С.–Петербургской (ныне Петроградской) губернии (1865 – 1915 гг.). Пг., 1917. С.360.

Воспитательным домом, находившемся в С.-Петербурге и входившем в Ведомство учреждений императрицы Марии. Другой особенностью губернии являлось то, что С.-Петербург являлся столицей империи, крупным культурным, промышленным центром, где проживало не только местное население, но и стекалось много пришлых людей, приехавших на заработки или по другим причинам. Данное обстоятельство способствовало увеличению рождений незаконных детей, появлению подкидышей не только в столице, но и уездах С.-Петербургской губернии.

В рассматриваемый период судьба ребенка, попавшего в Императорский Воспитательный дом в С.-Петербурге, развивалась следующим образом: несколько дней ребенок находился в грудном отделении (в зависимости от состояния здоровья); затем большая часть детей передавалась на вскармливание в деревни, входившие в состав округов Воспитательного Дома (территория С.-Петербургской, Псковской и Новгородской губерний). У воспитателей питомец оставался до до 21 года; в течение их он должен был посещать учебные заведения, расположенные в округах и находившиеся в ведении Дома. В дальнейшем питомец мог быть усыновлен семьей воспитателя либо, совершеннолетним, уходил из семьи и приписывался к крестьянскому или мещанскому сословию⁸⁴.

В результате, в задачи С.-Петербургского земства, в отличие от других земств европейской России, не входило содержание специальных учреждений для незаконнорожденных (приютов, сиротских домов и т.д.), вопросы патронажа и усыновления детей, поскольку они решались правлением Воспитательного дома. Тем не менее, в 1880-е годы представители земства, прежде всего врачи, обратили особое внимание на ряд проблем, возникших и особо проявившихся благодаря деятельности данного учреждения.

Прежде всего, в губернии получило распространение такое явление как «питомнический промысел». Это объяснялось тем фактом, что дети передавались на воспитание за некоторую плату. При выборе семьи, готовой взять ребенка, существовал ряд критериев, главным из которых было наличие коровы, что свидетельствовало о зажиточно-

⁸⁴ Действующие постановления по Императорскому С.-Петербургскому Воспитательному Дому. СПб., 1906. С. 73 – 77.

сти, состоятельности семьи, о возможности накормить ребенка и воспитать его. Однако на практике желание взять на вскармливание младенца изъявляли главным образом беднейшие крестьяне. Основным мотивом для них нередко служила хоть и небольшая, но существенная для них плата от земства. В итоге, по мнению Н.В. Яблокова, матери-кормилицы отнимались «у их родных детей, которых они, лишая грудного молока и не всегда обеспечивая коровьим, тем самым обрекали на истощение и преждевременную смерть»⁸⁵. Тем самым, на принятых в семью детей стали смотреть как на источник доходов, при этом страдали как родные, так и принятые в семью дети.

Второй, не менее важной проблемой, тесно связанной с питомническим промыслом, стало распространение сифилиса в деревнях, на что обратили в 1880–е годы особое внимание члены губернской санитарной комиссии. Одним из способов заражения населения земцы признавали кормление крестьянками питомцев Воспитательного дома, болезнь которых не была определена либо вылечена врачами данного учреждения. Через молоко сифилис передавался кормилицам, те, в свою очередь, заражали своих детей либо других взятых на воспитание детей.

В связи с этим представители С.-Петербургского губернского земства в 80–е годы XIX в. особое внимание уделяли вопросу надзора за питомническим промыслом. Еще в 1860 – 1870–е гг. С.-Петербургское уездное земство неоднократно выступало с ходатайствами о введении правил отдачи детей в семьи крестьян (например, запрещения принятия в семью нескольких питомцев)⁸⁶. С 1887 г. на заседаниях губернского земского собрания регулярно ставился вопрос о передаче земству лечения и санитарного надзора за питомцами в округах с субсидией от Воспитательного дома⁸⁷. Обсуждение проблемы заражения сифилисом населения неоднократно включалось в повестку дня проводившихся с 1875 г. губернских санитарных съездов.

⁸⁵ Яблоков Н.В. Условия призрения детей в наших воспитательных домах (из дневника VI съезда русских врачей). М., 1896. С. 8.

⁸⁶ Исторический обзор ... (1865 – 1915 гг.). С. 362.

⁸⁷ См.: Сборник постановлений С.-Петербургского губернского земского собрания с 1865 по 1879 г. СПб., 1881; Сборник постановлений С.-Петербургского ... с 1884 по 1889 г. СПб., 1889; и др.

После многочисленных дискуссий о создании смешанной комиссии для решения указанных вопросов, степени предоставления полномочий земству было начаты переговоры с правлением Воспитательного дома, которые завершились отрицательно⁸⁸.

Необходимо отметить, что в С.-Петербургском земстве существовал и так называемый «частный патронаж», при котором матери самостоятельно либо при помощи «загадочной личности» передавали своих детей на воспитание в деревни за значительную плату и, как правило, не интересовались жизнью и здоровьем ребенка и не контролировали воспитателей. Такая ситуация возникла после введения в 1894 г. в Воспитательных домах явного приема и обязательного кормления матерями своих детей⁸⁹. Одной из задач земства в этом вопросе стал сбор сведений о передаче таких детей в крестьянские семьи земства и медицинский надзор за ними.

Таким образом, признание незаконнорожденных детей в 1870 – 1890-е годы С.-Петербургским земством не являлось отдельно взятым вопросом, а рассматривалось в тесной связи с общим положением и сохранением здоровья и жизни населения.

Н.Н. Мельникова

Москва, Российский государственный гуманитарный университет

КАТЕГОРИЯ МАТЕРИНСТВА В «БОРДЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

«Бордельное пространство» русской литературы XIX – начала XX в. – это «место» нерегламентированной эротики (т. е. *греха, морального падения, скверны*), «зона» нарушения предписанных норм сексуального поведения. Оно представляет собой совокупность отдельных локусов (дом терпимости, улица борделей и т. д.), формирующих единый континуум, смысловым ядром которого выступает *идея нерегулируемых социально-культурными конвенциями сексу-*

⁸⁸ Сборник постановлений С.-Петербургского... с 1896 по 1898 год. СПб., 1898. С. 365.

⁸⁹ Шванебах Х. К вопросу о регистрации младенцев, отданных в деревни на частный патронаж // Призрение и благотворительность в России. СПб., 1915. № 5 (май). С. 344 – 346.

альных отношений между мужчиной и женщиной. Как убедительно показал А.К. Жолковский, «бордельное пространство» нередко описывается в терминах семейного родства, среди которых ключевую роль играет категория «материнства», художественно воплощаемая в текстах о грешницах в темных, зловещих тонах, реализуемая в трагических формах: происходит «отторжение» представлений о святости материнства, характерных для русской культуры.

Прежде всего, важное место занимает фигура реальной *матери (мачехи), с чьего согласия дочь становится проституткой (содержанкой).* Так, активно участвует в растлении собственной дочери старая Аглая из рассказа И.И. Ясинского «Наташка»; купринскую Женьку («Яма») в десять лет мать продает в городе Житомире доктору Тарабукину; андреевской Ольгой Николаевной так же торгует родная мать Евдокия Антоновна («Дни нашей жизни»). Нередко в текстах появляется *мать, торгующая другими девушками ради благополучия своей дочери.* Подобным «семейным бизнесом» в «Яме» А.И. Куприна занимаются Анна Марковна и Исай Саввич ради дочки Берточки.

Матерью может быть и сама грешница. Например, *девушка вступает на путь проституции, чтобы прокормить своих / чужих детей и вообще семью,* как это делает Сонечка Мармеладова («Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского), позже величаемая арестантами «матушкой, Софьей Семеновной», матерью «нежной, болезной»⁹⁰. Ради своей дочери отплясывает канкан героиня «Погибшего, но милого созданья» В. Крестовского. Клотильда Н.Г. Гарина-Михайловского «начала эту свою дорогу, чтобы спасти свою семью от нищеты...»⁹¹. Хильда в «Трагедиях падшей» О. Белавенцевой вынуждена танцевать в кафешантане и таким образом «содержать родителей и маленьких сестер, для которых она единственная опора и благодетельница»⁹². В «Старательной женщине» И. Бабеля героиня, договорившись с тремя махновцами о свидании «за два фунта сахара»⁹³, отказывается привести с собой подругу, не желая делить плату, поскольку у нее трое детей, которых нужно кормить. Героиня «Женщины

⁹⁰ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 6. Л., 1973. С. 419.

⁹¹ Гарин-Михайловский Н.Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. М., 1958. С. 225.

⁹² Белавенцева О. Трагедии падших: Фрина. СПб., 1911. С. 15.

⁹³ Бабель И.Э. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 160.

с голубыми глазами» М. Горького, в фигуре, походке, характере которой обнаруживаются черты благородной матроны и добродетельной матери, занимается проституцией на ярмарке, чтобы обеспечить своим детям приличное будущее.

Грешница может не быть матерью в прямом смысле, но *материнство в этом случае функционирует как некая виртуальная категория, возникает в форме мечты – как высшее предназначение женщины*. Так, в рассказе М.П. Арцыбашева «Бунт» она трансформируется в *субмотив потребности проститутки в собственном ребенке*. Лежа с подругой в одной кровати, Польшка рыдает: «Я деточек люблю <...> мне бы детку своего, я бы... Боже мой, как бы я его любила!»⁹⁴ Другой реализацией мотива материнства является акцент на *материнской любви, которая просыпается в грешнице к случайно встреченному ребенку* (ср. «любовную улыбку матери, похоронившей своего ребенка»⁹⁵, которая играет на губах подсудимой проститутки Таньки-Белоручки в ответ на наивные заявления «свидетеля» обвинения – маленького мальчика – в рассказе Л.Н. Андреева «Защита: история одного дня»). *Проститутка может чувствовать себя «матерью» по отношению к клиенту*. Так происходит в купринской «Яме». «Материнская» привязанность Женьки к кадету Коле останавливает ее от умышленного заражения юноши сифилисом. Интересной вариацией мотива материнства выступает ситуация, когда *честная девушка ведет себя как «мать» по отношению к грешнице*. Так, например, во «Фрине» О. Белавенцевой Таня, выслушав историю падения Наташи, с материнской нежностью гладит девушку по голове.

Фигурально «матерью» может выступать сводня, хозяйка борделя. «Мадам» чаще всего изображается женщиной в годах, полной, даже толстой (это подчеркивается почти в каждом тексте), утратившей женские черты, превратившейся в существо, не имеющее пола. В «Яме» роль «матери» играет Анна Марковна: «Ей лет под шестьдесят. Она очень мала ростом, но кругло-толста: ее можно себе представить, вообразив снизу вверх три мягких студенистых шара – большой, средний и маленький, втиснутых друг в друга без промежутков; это – ее юбка, торс и голова». В купринском же «Штабс-капитане Рыбникове»

⁹⁴ Арцыбашев М.П. Бунт: Рассказ. СПб., 1906. С. 26.

⁹⁵ Андреев Л.Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1990. С. 65 – 66.

хозяйка дорогого борделя – «пожилая полная дама в черном», «очень приличная на вид, с лицом лимонно-желтым и дряблым» – ведет себя с гостями «с милым, непринужденным кокетством дамы, годящейся им в матери»⁹⁶, а они называют ее «мамашей». *«Мать» иногда замещается фигурой «тетки» выполняя при этом все ту же функцию «покровительства».* Например, в «Марье Лусьевой» А.В. Амфитеатрова героиня путешествует с «почтенной тетушкой» баронессой Ландио, на самом деле оказывающейся «наемной дуэньей»⁹⁷, нанятой для сводничества. В другом его романе «Лиляша» Лили Сайдакову сопровождает ее бывшая служанка Дросида, теперь – тетушка Дросида Семеновна. Наташу продает в хор к Дарье Ивановне тетка Серафима («Парадиз» Г.И. Чулкова) и т. д. Наконец, фарсовую окраску приобретает намек на «материнскую» заботу в рассказе М.П. Арцыбашева «Бунт». Проститутку Сашку, решившую уйти из публичного дома, «тетенька» избивает, совершая при этом условно «родительский» акт: проклинает «неблагодарную тварь»⁹⁸.

Итак, наиболее распространенной стратегией описания «бордельного пространства» в русской литературе XIX – начала XX в. является фигуральное придание дому терпимости и другим локусам «бордельного текста» «семейных» черт, их «одомашнивание». Повествование опирается на мотивы сестринства, братания, отцовства, детскости, свадьбы и т. д. Художественное воплощение категории «материнства» при этом принимает разнообразные формы, которые «покрывают» практически весь диапазон возможных семантических валентностей, не противоречащих стереотипам и константам русской культуры.

М.В. Михайлова

Москва, Московский гос. университет им. М.В.Ломоносова

НОВАЯ МОДЕЛЬ ОТЦОВСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ

Н.Г. ГАРИНА-МИХАЙЛОВСКОГО

При имени Н.Г.Гарина-Михайловского (1852 – 1906) в памяти всплывает разве что «Детство Тёмы», прочитанное еще в раннем воз-

⁹⁶ Куприн А.И. Указ. соч. Т. 6. С. 10; Т. 4. С. 257, 258.

⁹⁷ Амфитеатров А.В. Указ. соч. Т. 2. М., 2000. С. 149, 150.

⁹⁸ Арцыбашев М.П. Указ. соч. С. 34.

расте. И хотя в программу филологических факультетов включено и продолжение этой вещи – вся автобиографическая тетралогия писателя, вряд ли кто-нибудь дочитал ее до конца, т.е. осилил еще и последнюю часть «Инженеры» (а ведь существуют еще и «Гимназисты», и «Студенты»). Так же не повезло этому писателю и в литературоведении: его творчество рассматривали в русле усиливавшегося с годами интереса Гарина-Михайловского к марксизму. Кроме того, ученых волновала главным образом его тетралогия, остальные же произведения, составившие в дореволюционном собрании сочинений 8 томов, не привлекали должного внимания (о них упоминается вскользь в предисловиях к обильно выходявшим в советское время переизданиям его текстов). И это несмотря на то, что разнообразие его творческих интересов неоспоримо: здесь и документалистика, связанная с русско-японской войной, и очерки о русской деревне, и сказки, и аллегории, и другие жанровые модификации.

Тем интереснее установить некие «доминанты» его творческих устремлений. И здесь ответственно можно заявить, что в центре его внимания почти всегда находится семья, становление личности ребенка, место и роль отца в иерархии семейных отношений. Гарин-Михайловский обрисовывал семьи самого разнообразного социального состава: и интеллигентные («Дворец Дима», «Радости жизни», «Коротенькая жизнь»), и принадлежащие к средним общественным слоям («Наташа», «Адочка», «Заяц»), и крестьянские («Дикий человек», «Деревенская драма»). Дружная сплоченная семья для него – ценностный ориентир, о котором он пишет порой даже с долей назидательности. Несколько умилительно-слащаво выглядит разговор счастливых родителей (кстати, *разорившихся*), когда они размышляют о будущем своих детей («Радости жизни»). Налет сентиментальности присутствует и в воспоминаниях отца, чей сын отдал свою жизнь ради спасения из воды своего товарища («Коротенькая жизнь»). Отец видит причины такого поступка в основах воспитания, которые были заложены им же (и это призвано подтвердить мысль писателя о степени важности этого семейного фундамента). Но таких идиллических картинок в наследии Гарина-Михайловского немного. Почти неправдоподобной, но, несомненно, трогательной выглядит разворачивающаяся в «Адочке» коллизия, когда горячая любовь к отцу буквально ставит на ноги только что умиравшую девочку. Но именно отсутствие отца, его кратковременные, почти призрачные явления в жизни мальчика (герой –

незаконнорожденный ребенок) становятся едва ли не главной причиной смерти Димы («Дворец Дима»).

В остальных же произведениях писатель по большей части исследует проблему власти над беззащитным и подчиненным существом. Этому будут посвящены самые трагичные страницы «Детства Тёмы», когда через унижение (возможно, здесь впервые в русской литературе появляется *обгадившийся* в процессе порки ребенок!) и боль достигается послушание, выстраивается вертикаль зависимости, и только усилием целенаправленной воли можно эту иерархию разрушить. Но эта воля проявляется отцом только на смертном одре, когда уже ничего, по сути, нельзя исправить. И возникает парадокс: только в умершем отце способен Артемий Карташев обнаружить того «живого папу», о котором мечтал: «сурового и строгого», «доброго и честного, того <...>, с которым связана была вся жизнь». Это происходит потому, что мальчик сумел освободиться от сковывающего страха, который пронизывает все его существо при соприкосновении с родителем. Страх всего семейства перед разъяренным животным, в которого превращается пьяный отец, с огромной силой обрисован художником в незавершенном отрывке «Заяц». И этот страх, испытанный в детстве («бесмысленные мутные глаза», «вид идиота», «злая радость» от произведенного удара) становится доминантой существования уже выросшего ребенка, определяя навсегда формы его трусливого поведения.

Силу патриархальной власти (воспроизводящую модель авторитарного отцовства) дублируют и общественные институты, в частности гимназия, которая требует беспрекословного подчинения, изворотливости, приспособляемости к определенным установкам, объясняя это заботой о будущем ребенка. Еще более страшным диктатом оборачивается власть общины (наиболее ненавидимый Гариним способ крестьянского миропорядка), задавливающей все сколько-нибудь отличное от нее самой, способной довести до смерти любого, только бы не дать вырваться из-под своей «опеки» («Волк»).

Но Гарин-Михайловский прозревал и новую модель отцовства, которая едва начинала пробиваться сквозь напластования патриархального мировоззрения. Для этого он выбирает неожиданный ракурс. В рассказе «Исповедь отца» предложена схема «разрушения» традиционной семейной иерархии. Потеряв сына, герой сознательно отказывается от роли отца в обычном понимании, т.е. не хочет более изнурять себя грузом ответственности за будто бы правильное воспитание.

После смерти сына его настигает понимание непоправимости случившегося... И кого может теперь утешить уверенность, что ребенку действовали на пользу, что хотели его воспитать должным образом? Отныне он хочет быть другом, который мог бы только любить – ведь отцу было дано наблюдать чудо любви, освобожденной от необходимости давить и принуждать. Капризного Коку настигает любовь к двоюродному брату, и он, нелюдимый, угрюмый, оказывается способен говорить часами, смотреть влюбленными глазами. А все потому, что когда он начинал капризничать, Володя трогательно и нежно ухаживал за ним, как за слабым и больным, стоял терпеливо рядом, с болью и лаской смотрел в полные слез глаза, не утомляясь, слушал непрерывный рёв.

И итог размышлений писателя таков: не учить, не думать об авторитете, а сострадать и любить. И со вторым сыном отец уже ведет себя по-другому: он учится любви и терпению.

In. Jakubavičienė

Lithuania, The Historical Presidential Palace in Kaunas

MOTHERHOOD IN THE FIRST REPUBLIC OF LITHUANIA (1918 – 1940)

Raising a child was exceptionally mother's duty. In the First Republic of Lithuania (1918 – 1940) conditions for motherhood were far from excellent – women were entitled to two weeks of maternity leave before childbirth and six weeks after. Due to the shortage of nurseries women were forced either to give up their jobs or sacrifice the wellbeing of their babies. Most women opted for getting back to work. Doctors and women organisations demanded the improvement of conditions of motherhood especially for representatives of the working class. Following the example of Poland they issued recommendations to establish nurseries at factories. Unfavourable conditions of motherhood for working women resulted in the increasing numbers of foundlings. Unduly strict moral norms were accountable for 700 women dying annually from illegal abortions and about 1,000 from child-birth-related complications.

The author analyses the status of women in the family, compares motherhood conditions in rural and urban areas as well as the standard of medicine in Lithuania and other Baltic countries and exposes the reasons of high death-rate among babies under 12 months and children under 5 years. The author also analyses what social organisations and informational publications helped women deal with their problems.

О.О. Мельникова

Томск, Томский ГУ – Европейский университет в С.-Петербурге
**ИНТЕРНЕТ–МОБИЛИЗАЦИЯ ЖЕНЩИН: ЖЕНСКИЙ ОПЫТ РОДОВ И
ОБМЕН СРЕДСТВАМИ ДОСТИЖЕНИЯ ИДЕАЛОВ РОДИТЕЛЬСТВА**

Фокус данной работы сделан на женской мобилизации в Интернет–сети, которая является источником средств перераспределения ответственности и контроля реализации женской репродуктивной функции в ситуации доминирования экспертного сообщества медиков. Современное родовспоможение под воздействием социально–политических решений и коммерциализации дифференцируется. Большую роль в данных изменениях играют особые пользователи: имеющие доступ к информации, анализирующие, принимающие решения на основе медицинских знаний. Огромное значение имеет родительская (прежде всего женская) мобилизация вокруг родовспоможения – Интернет–сообщества на специализированных сайтах.

Такая форма женской активности обеспечивает доступ не только к информации (медицинской статистике, справочной информации, консультациям квалифицированных специалистов–медиков, правовым нормам и т.п.), она позволяет вырабатывать представления о «нормальном родительстве», и способах его достижения в ситуации разрыва между потребностями сознательных родителей и предложением медицинских учреждений. Особое место отводится обмену опытом между женщинами эффективными средствами и ресурсами достижения поставленных целей.

Ж.В. Чернова

С.–Петербург, НИУ «Высшая школа экономики»
**СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА РОДИТЕЛЕЙ: НОВЫЕ СОЛИДАРНОСТИ
И РЕСУРСЫ МОБИЛИЗАЦИИ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ**

Цель доклада – проанализировать интернет–сообщества родителей как новую форму гражданского активизма в современной России. Интернет–сообщество родителей будет рассмотрено как структура, позволяющая аккумулировать социальный капитал, а также как механизм мобилизации внешних и внутренних ресурсов сообщества. Изменения происходят не только благодаря появлению новых мобилизую-

щих ресурсов, но и новых проблемных областей, вокруг которых происходит формирование коллективных мнений, которые осмысляются как значимые элементы коллективной и индивидуальной идентичности, и которые становятся точками сборки гражданского сознания и инициатив.

Благодаря участию в форуме, пользователи могут увеличивать количество контактов, расширять свои социальные сети. Если изначально связи, которые формируются между участниками являются «слабыми» (опосредованные виртуальной коммуникацией), то постепенно и в определенных ситуациях (например, совместное празднование дней рождений детей, совместные прогулки с детьми мам, проживающих в одном районе и т.п.) они могут приобретать качества «сильных» (личного дружеского общения). По нашему мнению, данное свойство он-лайн взаимодействия является чрезвычайно важным с точки зрения мобилизации участников и превращения виртуального сообщества в реального социального актора. При анализе возможностей мобилизации виртуального сообщества значимыми являются такой внешний ресурс, которым выступает сам форум и созданная им площадка для коммуникации. Выделим стимулы, которые способствуют трансформации виртуального сообщества в реальное, он-лайн дискуссий в конкретные действия участников, а также рассмотрим как происходит мобилизация сообщества в каждом случае.

(1) Благотворительность и помощь родителям и детям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации. Стимулом мобилизации ресурсов сообщества в данном случае выступают обращения с просьбой о помощи, которые позволяют участникам получить информацию о конкретной проблеме, оценить собственные ресурсы и возможности и оказать посильную поддержку. В данном случае происходит мобилизация внутренних ресурсов сообщества, а совместные действия диффузные, имеют форму посильного индивидуального вклада в общее дело. Среди участников форума находятся активисты или кураторы топика, которые берут на себя обязанности по координации помощи, поступающей от отдельных участников, а также по взаимодействию с нуждающимися людьми и организациями. Как правило, пользователи, оказывающие помощь не встречаются друг с другом в реальной жизни, например, когда речь идет о переводе денег на банковский счет, сдача крови в поликлинике или контактируют с куратором топика. Реже они встречаются в реальной жизни для совершения совместных действий, например, посещения праздника в детском доме. В отдельных случаях

оказание помощи не ограничивается мобилизацией внутренних ресурсов интернет сообщества, переходит к мобилизации внешних ресурсов (СМИ, органы местной власти, бизнес-сообщество, благотворительные фонды), которые становятся доступными благодаря связям и социальному капиталу участников в «реальной» жизни.

(2) Защита общих интересов и требования прав. Стимулом мобилизации сообщества может выступать проблема, которая затрагивает интересы или оценивается как потенциально касающаяся большого числа участников форума, находящихся в сходной ситуации. Как правило, к таким проблемам относятся различные политические и/или организационные меры, затрагивающие те или иные социальные права участников. Совместные действия в этом случае направлены не на решение конкретной ситуации, в которую попал кто-либо из участников форма или их знакомые/близкие, а на оказание влияния на решения властей различного уровня и проблематизацию нарушения прав целой категории граждан, к которой причисляют себя активисты форума. Такие совместные действия носят протестный характер, содержательно связаны с критикой властей и нацелены на восстановление нарушенного порядка или позитивное решение вопроса.

Схема мобилизации ресурсов и организации совместных действий выглядит аналогичным образом как и в случае организации благотворительности и оказания помощи родителям и детям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, описанной выше. Она включает следующие этапы: 1) проблематизация ситуации, когда один из участников форума открывает топик / публикует пост и привлекает внимание других участников к наличию проблемы; 2) легитимизация, когда происходит осознание данной проблемы как коллективной, расширяется число вовлеченных участников и осуществляется перевод частного случая в термины «общего дела»; 3) мобилизация внутренних ресурсов сообщества, связанная с выделением инициативной группы, которая координирует совместные действия (сбор и оказание конкретной помощи, обмен информацией между участниками); 4) мобилизация внешних ресурсов сообщества происходит в тех случаях, когда решение проблемы невозможно исключительно с помощью внутренних ресурсов, участники сообщества привлекают свои социальные связи за пределами сообщества, обращаются с запросами, петициями к властям, общественности, представителям СМИ и политических партий. Отличие коллективных действий по защите интересов и требованию

прав заключается в том, что они принципиально не могут быть реализованы без обращения к властям, что невозможно без генерализации проблемы, перевода ее в плоскость общегородской и/или общенациональной значимости, публичного обсуждения (в отличие от проблем, связанных с оказанием помощи конкретным людям, которые могут решаться на уровне виртуального сообщества без генерализации и выхода во вне).

Л.Л. Шпаковская

С.–Петербург, НИУ «Высшая школа экономики»

ИДЕАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ЗАБОТЫ О ДЕТЯХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИЙ РОДИТЕЛЕЙ: ВОЗМОЖНОСТИ МОБИЛИЗАЦИИ

Доклад посвящен анализу представлений о том, как должна быть устроена забота о детях, с точки зрения участников родительских организаций С.–Петербурга. В докладе также обсуждается вопрос о том, совпадают ли эти идеалы заботы с моделями заботы, поддерживаемыми текущей социальной политикой или они представляют собой ее критику, выделяются основные направления этой критики. Кроме того, автор рассматривает вопрос о том, как и в какой форме представители родительских ассоциаций готовы предпринимать совместные действия для защиты интересов и продвижения своего видения необходимого устройства политики заботы о детях на политический уровень.

Эмпирическую базу, представляемого в докладе исследования, составляют интервью с руководителями и участниками десяти организаций родителей. Эти организации имеют разную степень институционализации (от зарегистрированных НГО до неформальных клубов встреч матерей и родителей), различные цели и идеологическую направленность (защита прав матерей, совместное проведение времени, возрождение традиционных ценностей и др.). Общим для них является то, что они представляют собой гражданские инициативы «снизу», не имеют коммерческих целей, их деятельность связана с реализацией

социально значимых проектов, то есть, попадает под классическое определение гражданского активизма⁹⁹.

Концептуальную рамку исследования задает понятие идеала заботы¹⁰⁰ (Kremer, 2010), под которым в общем виде понимается моральная норма, которая «подразумевает определение заботы, идею о том, кто ее осуществляет, а также сколько и какого типа забота является «достаточно хорошей»¹⁰¹. Концепт идеалов заботы подчеркивает, что политика заботы о детях — это не только вопрос экономики или рынка труда; это также моральная дискуссия о том, что представляет собой «хорошая забота». Голландская исследовательница Моник Кремер показывает, что одним из ведущих факторов, который определил содержание социальной политики в отношении детей в европейских странах выступало женское движение и деятельность женских организаций, которые продвигали разные идеалы заботы часто совместно с другими более влиятельными политическими акторами¹⁰².

Используя материалы интервью, в докладе реконструируется аналогичная моральная дискуссия происходящая в современном российском обществе вокруг организации заботы о детях, которую инициируют родители. Автор выделяет следующие идеальные модели организации заботы о детях с точки зрения общественных организаций родителей: ответственные родители, социабильные матери, заботящееся государство, гражданские родители. В заключении обсуждаются направления критики представителями ассоциаций родителей российской политики заботы о детях и возможности их мобилизации.

⁹⁹ Burns T., Schlozman K.L., Verba S. The private roots of public action: Gender, equality and political participation. Cambridge, 2001.

¹⁰⁰ Kremer M. The politics of ideals of care: Danish and Flemish child care policy compared. *Social Politics*, 2006. 13(2). PP. 261 – 285

¹⁰¹ Hochschild A. The Culture of Politics: Traditional, Postmodern, Coldmodern and Warm-modern Ideals of Care. *Social Politics*, 1995. 2(3). P. 333.

¹⁰² Kremer M. The politics of ideals of care: Danish and Flemish child care policy compared. *Social Politics*, 2006. 13(2). P. 263.

Е. А. Тончу

Москва, Издательский Дом Тончу

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ РОЛИ МАТЕРИНСТВА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Семья – один из важнейших социальных институтов общества и одновременно малая социальная группа, имеющая первостепенное влияние на личность. Под воздействием социально–политических и социально–экономических условий происходящие изменения в семье приводят к проблемам, к трансформации семейного образа жизни, к изменениям семейных отношений в системах «муж–жена», «отец–мать», «родители–дети». Меняется значение понятий «родительская культура», «семейная педагогика», «семейные ценности», меняется взгляд на роль матери и отца в воспитании детей.

В дореволюционной России предусматривалась четкая супружеская и детско–родительская иерархия и признание семьи как безусловной ценности. Мужчина должен быть главой семьи, добытчиком (кормильцем) и защитником. От женщины требовалось, что она будет хорошей матерью, женой, хозяйкой. Поэтому на Руси материнство всегда считалось главным предназначением женщины, родить ребенка – это реализовать себя и выполнить свой долг перед людьми и Богом.

Мать должна была не просто произвести ребенка на свет, но вырастить его и воспитать. На матери лежала ответственность за нравственный климат в семье, поддержание в ней согласия и покоя. Мать постоянно думала о детях и молилась за них. Считалось, что материнская молитва обладала особой действенной силой.

Быть может, сейчас представления о материнстве кажутся устаревшими, но суть остается вечной, она точно определена В. Белинским: «Женщина – мать по призванию, по душе и по крови...».

После революции в нашей стране взгляд на роль матери изменился. Советское правительство пыталось построить новое государство, «разрушив до основания» старое. Бесспорным стало утверждение, что настоящей матерью, воспитывающей и подающей пример своим детям, может быть только женщина, живущая полноценной гражданской жизнью, активно вовлекаясь в общественное производство. Считалось, что организация быта в городе и на селе полностью освободит женщину от семейных забот и позволит ей целиком отдать себя строительству социализма.

Октябрьский переворот повлек за собой резкую смену идеологии, приведшую, в конечном счете, к революции семейных отношений. Идея достижения «всеобщего равенства и братства» была прописана на уровне законодательных актов советского государства. Мужчины и женщины уравнивались в правах и обязанностях, от них ожидалась одинаковая отдача физических и интеллектуальных сил.

Достижение долгожданного равенства мужчин и женщин (экономического, социального, политического и др.) оценивалось политическими деятелями того времени в качестве одной из главных побед социализма. Однако, многие современные психологи, социологи, демографы с горечью свидетельствуют, что такая государственная семейная политика повлекла за собой комплекс негативных последствий:

1). Снижение ценности материнства. В советской России, прежде всего, восхвалялись ценности передовой работницы, стахановки, хотя и сохранялись отголоски прежнего, трепетного отношения к материнству. В постсоветский период стало поощряться стремление к самореализации, к достижению личной независимости. Материнство как самостоятельная ценность в эту систему координат просто не вписывается. Поэтому не удивительно, когда значительная часть современных российских женщин воспринимает материнство не как свое призвание, как препятствие в профессиональном становлении.

2). Снижение ценности отцовства. В русской традиции и культуре роль отца в семье особая. Отец (не случайно одного корня с отечеством и отчизной) – непререкаемый авторитет. Он несет ответственность за семейное благополучие, осуществляет помощь и защиту. В этой системе ценностей в дореволюционной России мальчики воспитывались с раннего детства. В современных российских семьях отцы часто занимают периферическое, дистанционное положение по отношению к матери и к детям. Кроме того, современные психологические исследования свидетельствуют о том, что растет количество мужчин, вступающих в брак с инфантильными, а порой и потребительскими установками в отношении своей второй половины. В постсоветской России внимание мальчиков наравне с девочками концентрируют на профессиональные успехи, личные достижения, независимость, успешность, богатство. На осознанное отцовство как ценность сейчас не ориентируют. Молодые люди нацелены «брать от жизни все».

3) Увеличение количества разводов. В неполной семье мальчик не имеет возможности «списывать» свое поведение со значимого взрос-

лого одного с ним пола в виду физического отсутствия такового, и тогда характер ребенка мужского пола формируется под влиянием матери и бабушки, чьи модели поведения и способы реагирования он произвольно усваивает.

4). Увеличение количества безнадзорных детей вследствие хронических психоэмоциональных перегрузок у родителей. Родители приходят домой настолько уставшими после напряженного рабочего дня, что они порой просто не в состоянии уделить собственным детям необходимое для полноценного воспитания и образования время. У таких детей, возникает чувство собственной ущербности, ненужности. А вместе с тем резко возникает вероятность, что именно они со временем пополнят и без того многочисленные ряды российских наркоманов, алкоголиков или станут легкой добычей преступного мира.

5). Демографический кризис и увеличение количества малодетных семей. Современные российские семьи на почти 90% являются малодетными, причем 50% из них – однопородные. Дети в таких семьях развиваются, не осваивая того богатого опыта общения, которое можно получить в повседневных взаимоотношениях с родными братьями и сестрами. Он вырастает эгоистичным, невротичным и очень одиноким.

6). Рост социального сиротства. Современная статистика показывает, что 90% детей сирот – это социальные сиротами, сиротами при живых родителях. Основная причина происходящего в том, что долгие годы в нашей стране теоретически и практически утверждался приоритет общественного (обеспечиваемого государством) воспитания над семейным, когда государство взяло функции воспитания детей на себя и не стимулировало развитие здоровых семейных отношений.

Описанные выше основные негативные последствия красноречиво свидетельствуют о том, к чему приводит разрушение ценностей семьи, изменение роли материнства и отцовства. Падение престижа материнства и отцовства, угасание родительской ответственности, кардинальное изменение демографического поведения не могут не вызывать серьезной обеспокоенности. Поэтому среди задач, стоящих перед специалистами в области гендерных и семейных исследований, важное место должно занять изучение исторического опыта для решения гендерных проблем в России.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ МАТЕРЯМИ, ОРИЕНТИРОВАННЫМИ НА КАРЬЕРУ

Согласно последним социологическим исследованиям, общей тенденцией, как для России, так и для большинства европейских стран является широкое распространение материнской занятости, то есть подавляющее большинство современных женщин стремятся сочетать работу и семью. Между тем, социальные аспекты материнства, проблема «вписывания» поведения женщин в практику трудовой занятости, остаются в рамках частного дела каждой конкретной семьи.

Для современной женщины труд вне дома является не только средством материального обеспечения, но и одной из сфер ее самореализации как личности. Ведь речь идет не просто о профессиональной активности женщин, а об их стремлении добиваться успеха и высокого социального статуса, то есть об ориентации на карьеру. Вместе с тем такая позиция женщины уже являющейся матерью, существенно усложняет отношения в семье, так как не всегда мужчина, особенно если он ответственный отец, готов понять и принять необходимость сокращения времени, которое жена проводит внутри семьи, в частности с детьми. С другой стороны, ситуация усложняется повышением требований со стороны общества к подрастающему поколению, проблемой адаптации нового поколения к нестабильным и зачастую экстремальным условиям жизни в современном мире. Потому особенно остро встает вопрос о возможности сочетания карьерных притязаний матерей с эффективным исполнением ими их воспитательных функций.

Семьи, в которых матери ориентированы на построение карьеры, нельзя однозначно отнести к категории неблагополучных, но в них возможно проявление латентного неблагополучия, как следствие увеличения психологических нагрузок на работающих женщин, что иногда приводит к деформации личности и искажению семейных ролей.

Матери, имеющие разные карьерные ориентации, являются носителями и разнообразных систем ценностей, а значит, стили их семейного воспитания также не могут не отличаться. В частности, близкие человеческие отношения, такие как любовь и дружба, в большей степени ценят женщины, ориентированные на профессиональную компе-

тентность, а ориентированные на менеджмент, выше ставят комфорт и материальное благополучие.

Матери-карьеристки, в целом, отличаются более высоким уровнем ожиданий к детям, как в семейной, так и в профессиональной сфере, что отражает общий повышенный уровень мотивации достижений. При воспитании детей обоего пола они реже, чем это сейчас принято среди женщин, для которых карьера не значима, разделяют идеи свободного воспитания, а также придают значение формированию деловых качеств (ответственность, трудолюбие). А женщины-руководители довольно часто необходимым считают жесткое, авторитарное воспитание детей.

Следует отметить также снижение значимости супружеской роли у женщин, ориентированных на предпринимательскую деятельность. Вместе с тем именно среди женщин-предпринимателей весьма распространена альтруистическая (вплоть до жертвенности) позиция по отношению к детям. Интересным также является факт, что матери-предприниматели большее внимание, чем другие карьерно-ориентированные женщины, уделяют воспитанию своих детей в соответствии с традиционными гендерными ролями, способствуя становлению силы, выносливости у мальчиков и формируя женственность, умение создавать домашний уют у девочек.

Не секрет, что карьерные ориентации матерей оказывают существенное влияние и на карьерные притязания детей, независимо от их пола. Дети, которые выросли в семьях, где матери ориентированы на карьеру и сами имеют повышенные карьерные устремления. Нельзя не отметить тот факт, что карьерно-ориентированные матери, в большинстве своем, признают приоритет не профессиональных, а семейных ценностей в своей жизни. Карьерные ориентации сочетаются у них с высокой значимостью материнской роли, которая признается самой главной в жизни женщины. Значимость материнства для женщин, занимающихся карьерой, поддерживается такими факторами как: высокая мотивация достижений (желание быть успешной во всем, в том числе и в материнстве), традиции семей, где воспитывались эти женщины; кадровая политика современных организаций, предпочитающих при устройстве на работу семейных женщин, женщинам-одиночкам.

По мнению исследователей (Киселева И.В., Козина И. М.) основными условиями, обеспечивающими, повышение воспитательного по-

тенциала карьерно – ориентированных матерей являются: учет работодателями и сотрудниками кадровых служб предприятий специфики женских карьерных ориентаций; повышение культуры женщин в области возрастной психологии, психологии семейных отношений, а также общей педагогической культуры; профессионализм специалистов служб поддержки и укрепления семьи.

А.В. Авдеева

С.-Петербург, Европейский университет

ВОВЛЕЧЕННОЕ ОТЦОВСТВО СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: НОВАЯ ФОРМА МУЖСКОГО РОДИТЕЛЬСТВА

Многочисленные западные исторические и социологические исследования отцовства и исследования бюджетов времени показывают, что на протяжении последних ста лет предписания и практики отцовства постоянно изменялись¹⁰³ – отцы все больше вовлекались в процесс воспитания детей и ухода за ними [Wall, Arnold, 2007: 509 – 510; Aldous et al., 1998: 818; LaRossa, 1995: 451 – 452]. Если еще в первой половине XX века отец был прежде всего добытчиком (breadwinner), которому в категориях Парсонса, предписывалась инструментальная функция – обеспечивать детей материально и контролировать их поведение, то в 1960-е отец мыслится исследователями как воспитатель (nurturer). Отец-воспитатель – это «экспрессивный актер приватной сферы, который сосредоточен на социо-эмоциональных потребностях своих детей», он не только материально обеспечивает детей и контролирует их поведение, но и участвует в их повседневной жизни – посещает с ними спортивные мероприятия, ходит на прогулки, занимается хобби.

Десятилетием позже, в результате глобальных трансформации общества, таких как эмансипация женщин, вовлечение их в сферу оплачиваемого труда, и, как следствие, переопределения мужской и женской роли, роли отца и матери, изменений социального значения

¹⁰³ Исследователи отцовства отмечают, между предписаниями и практиками отцовства довольно часто существует «разрыв» – практики и предписания не соответствуют друг другу, причиной чему могут быть как структурные условия существования общества, так и личное нежелание индивида следовать некоторым правилам.

детства («из экономической ценности дети превратились в ценность эмоциональную») и усиления критики традиционных культурных идеалов семьи и родительства, возникла модель «вовлеченное отцовство». Эта модель усилила свои позиции в общественном сознании на рубеже XX–XXI вв. Модель вовлеченного отцовства предписывает отцу быть не только защитником и добытчиком, но и заботливым воспитателем (участвовать в играх и общении с ребенком), т.е. в категориях Парсонса все более исполнять не только инструментальную, но и экспрессивную роль. Главное отличие модели вовлеченного отцовства от других моделей (например, от модели «отец–добытчик») заключается в том, что она предписывает мужчине постоянное активное участие в процессе ежедневного бытового ухода за ребенком и заботы о нем. Здесь забота вовлеченного отца переопределяется в феминистском ключе, ее основные характеристики – это постоянное внимание к нуждам и потребностям ребенка, как уникальной и значимой личности, готовность незамедлительно отреагировать на запрос ребенка и аффективность. Вовлеченный отец характеризуется тем, что берет на себя часть ответственности за работу заботы о детях, «качественно» проводит с ними время (гуляет, играет) и активно взаимодействует с детьми на постоянной основе независимо от пола ребенка. Он помогает жене готовиться к родам, присутствует при рождении детей, осуществляет повседневный уход за маленькими детьми. Кроме того, вовлеченный отец разделяет с супругой бремя домашних обязанностей, так как признает и уважает ее потребности в личном пространстве и времени. В рамках данной модели отцовства социальным критерием успешности мужчины в роли отца является степень и характер его участия в жизни ребенка: «хороший» отец должен быть максимально вовлечен в жизнь своих детей.

Сходные тенденции трансформации отцовства обнаруживаются и в современной России. К сожалению, мы не можем утверждать, что данные российских исследований однозначно подтверждают все большее вовлечение отцов в процесс воспитания детей и ухода за ними на уровне практик, так как доступных общероссийских данных по бюджету времени, полученных исследователями за последние десять лет, обнаружено не было, а имеющиеся данные по России разрознены. Однако отдельные исследования показывают увеличение количества времени, которое мужчины затрачивают на уход за детьми, и российские исследователи также отмечают, что появляются «новые» от-

ветственные отцы, которые принимают активное участие в воспитании и уходе за детьми.

Однако, несмотря на это, в настоящее время феномен российского вовлеченного отцовства остается мало изученным. Качественные исследования практик и предписаний современного российского вовлеченного отцовства отсутствуют, как и отсутствуют качественные исследования практик советского отцовства, что значительно осложняет сравнительные исследования мужского родительства и анализ трансформаций практик отцовского участия в процессе воспитания и ухода за детьми в России в XX веке.

В рамках своего выступления я представлю результаты исследования вовлеченного отцовства в современной России, которое проводилось в 2010 – 2011 гг. в С.-Петербурге, Ленинградской области и Москве. Целью данного исследования было выяснить, что как на практике реализуются новые формы активного участия отца в уходе за ребенком в современной России. Помимо результатов исследования российского вовлеченного я также представлю анализ характера и причин трансформации практик и предписаний отцовства в XX веке.

С.Р. Муртазина

С.-Петербург, С.-Петербургский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ И РОДИТЕЛЬСТВЕ В ОДНОПОЛЫХ ПАРАХ

На сегодняшний день институт семьи все больше изменяется как на социальном, так и на государственном уровне. Представление о семье, как о сообществе, в центре которого находятся муж и жена, состоящие в официальном браке, уходит в прошлое. Различных вариантов семей становится все больше. Однополые семьи являются одним из видов современных семей, который в наши дни становится более распространенным и заметным в обществе явлением, они, так же как и разнополые, имеют свои семейные особенности, которые требуют внимания и изучения. Важно отметить, что в однополых семьях, как и в разнополых, появляются и растут дети, что дополнительно повышает актуальность исследования таких семей. В ходе эволюции института брака и семьи, меняется его значение в жизни общества и влияние на индивида. Изучение особенностей этих изменений способно

расширить понимание самой сути семьи и его влияния на жизнь и развитие человека.

В России на данный момент, исследований на тему родительства или семейных отношений в ЛГБТ-сообществе¹⁰⁴ крайне мало, а исследований представлений вообще нет. Учитывая актуальность этой темы, мы провели исследование *представлений* о семейных отношениях и родительстве в однополых (женских и мужских) и разнополых парах. *Целью исследования* было выявление особенностей представлений о семейных отношениях и себе в роли родителя, в *гомосексуальных и гетеросексуальных парах*, а так же выявление особенностей этих представлений у *мужских и женских гомосексуальных пар*.

Среди методик исследования были: «Роловые ожидания и притязания в браке» (Волкова Н., 1990), «АСВ» (Эйдемиллер Э. Г., Юстицкий В. В., 1996), «Parental Attitude Research Instrument» (Шефер Е.С., Белл Р.К., адапт. Неццерет Т.В. 2001) и др.

В исследовании приняли участие 108 человек: 23 гетеросексуальных пары, 24 женских и 7 мужских гомосексуальных пар. Необходимыми условиями участия в исследовании были: возраст 23 – 35 лет, отсутствие совместных детей в актуальной паре, продолжительность отношений в паре больше 1 года, продолжительность совместного проживания более 6 месяцев.

В ходе работы привлекло внимание различие в определении участниками понятия «семья». Так у лесбийских пар чаще всего встречаются слово «дети» и «любовь», у геев – «пара» и «близкие люди», а у гетеро-пар – «главное» (в жизни). Такое различие позволяет увидеть некоторые особенности представлений о самой семье в разных парах.

Что касается представлений о семейных отношениях, то было обнаружено, что для однополых пар большее значение имеет эмоциональная близость в отношениях, наличие общих интересов и ценностей, эмоционально-психотерапевтическая функция отношений, и вместе с тем высокое значение имеет социальная активность каждого из партнеров. Примечательно, что не только мужские, но и женские

¹⁰⁴ ЛГБТ – аббревиатура, образованная по первым буквам названий групп представителей сексуальных и гендерных меньшинств, сообщество лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров.

гомосексуальные пары в сравнении с гетеросексуальными, *меньше* значения придают хозяйственно-бытовой сфере.

Представления о родителстве показали, что в однополых парах ярче выражен нетрадиционный взгляд на женщину в роли матери. Тогда как в разнополых, – присутствует более традиционное представление об ограниченности интересов женщины рамками семьи в целом и ее некоторой несамостоятельности в роли матери.

В представлениях о родителстве у *мужских и женских* гомосексуальных пар были так же обнаружены некоторые отличия. Так, в женских парах, больше чем в мужских выражено стремление к созданию безопасности в семье, прослеживается опасение обидеть «домашних». В воспитании ребенка присутствует стремление развивать его активность, однако при этом девушки больше (чем молодые люди) поощряют проявление детских качеств в ребенке. Так же, исходя из данных исследования у девушек больше чем у молодых людей выражено представление о доминировании матери и чрезмерном ее вмешательстве в мир ребенка.

Резюмируя результаты можно сказать, что в ходе данного исследования были выявлены некоторые особенности представлений в однополых парах о семейных отношениях и себе в роли родителя. Были так же обнаружены специфические особенности этих представлений в мужских и женских гомосексуальных парах. Полученные результаты имеют значение как для научного сообщества, занимающегося вопросами сексуальной ориентации и семьи, так и для общества в целом. Данные, полученные в ходе исследования, расширяют понимание сути современной семьи в различных ее вариантах и дают интересный материал для практической работы, как с гомосексуальными, так и с гетеросексуальными молодыми семьями.

Н.Н. Кукаренко

Архангельск, Северный Арктический Федеральный университет

**ГЕНДЕРНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА В ВОСПИТАНИИ
БИЛИНГВАЛЬНЫХ ДЕТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ РУССКО-НОРВЕЖСКИХ
СЕМЕЙ В СЕВЕРНОЙ НОРВЕГИИ)**

В работе представлена часть материалов пилотного исследования гендерных практик родительства и воспитания детей-билингвов, кото-

рое проводилось в русско–норвежских семьях в северной Норвегии в 2010 – 2011 гг.

Россия входит в десятку стран, поставляющих наибольшее число иммигрантов в Норвегию. В отличие от выходцев из других стран, русские иммигранты в основном обосновываются в Северной Норвегии. Несовершеннолетние дети составляют почти 40% русских иммигрантов. Следует отметить, что реальные цифры русскоговорящих детей в Норвегии значительно выше статистических: в категорию русских детей–иммигрантов в статистике включаются дети, которые родились (а) в России (б) в Норвегии от двоих русских родителей. Это обозначает, что дети из русско–норвежских смешанных семей не включены в категорию детей–иммигрантов, поскольку получают норвежское гражданство при рождении.

Воспитание билингвальных детей: теоретические установки.

У детей в смешанных семьях существует больше возможностей для овладения билингвальными и бикультурными компетенциями, чем у детей из монолингвальных семей. Однако ряд исследований показывает, что этот потенциал реализуется разными семьями в разной степени¹⁰⁵. С одной стороны, родители–иммигранты могут быть заинтересованы в том, чтобы их ребенок выучил язык принимающей страны и быстрее интегрировался в общество. С другой стороны, родители–иммигранты могут стремиться к тому, чтобы передать детям языковые и культурные компетенции своей родной культуры. Но, даже при условии высокой мотивации и настойчивости родителей в стремлении развить в детях билингвальные и бикультурные компетенции, они могут столкнуться с непредвиденными препятствиями, мешающими им воспитывать детей активными билингвами¹⁰⁶. Разработка и поддержание билингвальных навыков у детей на практике оказываются под влиянием межличностных, семейных и общественных отношений¹⁰⁷.

¹⁰⁵ См.: Pavlenko, Blackledge, Piller and Teutsch–Dwyer (eds): *Multilingualism, second language learning, and gender*. Berlin: Mouton de Gruyter; Piller, J. *Bilingual Couples Talk: The discursive construction of hybridity*. Amsterdam, 2002.

¹⁰⁶ Okita T. *Invisible Work, Bilingualism, Language choice and childrearing in intermarried families*. Amsterdam / Philadelphia, 2002.

¹⁰⁷ Pavlenko, Blackledge, Piller and Teutsch–Dwyer (eds): *Multilingualism, second language learning, and gender*. Berlin, 2002.

Хардинг и Райли¹⁰⁸ указывают на гендерный аспект процесса принятия решений и реализации проекта по билингвальному воспитанию детей.

Норвежско–русский билингвизм ребенка: гендерное разделение труда в семье. Норвежский контекст отличается сильным влиянием идеологии и политики гендерного равенства в семье. Можно было бы предположить, что большая вовлеченность отцов в вопросы заботы и воспитания детей, делает гипотезу о гендерном разделении труда в воспитании детей билингвами не актуальной в условиях норвежского общества. Но, как будет показано далее, политика гендерного равенства в семье в реальности может иметь негативный эффект на норвежско – русский билингвизм ребенка, помещая матерей–иммигранток в лингвистически неблагоприятную ситуацию. Согласно статистике, 66,7% русских иммигрантов в Норвегии составляют женщины, которые мигрируют для вступления в брак¹⁰⁹.

Находясь в обществе норвежско–говорящего большинства, дети получают доступ к русскому языку в основном через общение с матерью. Успешность освоения русского зависит от внутрисемейных договоренностей и степени вовлеченности родителей в развитие билингвальных компетенций детей. Ратикайнен утверждает, что постоянство матери в общении с ребенком на русском языке увеличивает шансы того, что и ребенок будет использовать русский язык в общении с ней¹¹⁰. Отношение отца–норвежца к России и русской культуре отражается в одобрении / неодобрении контактов с русскоязычными родственниками и друзьями, в поощрении / отказе от визитов в Россию. Отсутствие контактов ребенка с другими носителями русского языка усложняет работу матерей по развитию и поддержанию билингвизма.

Исследование показало, что русский язык в норвежско–русских семьях используется в семье, только если партнер может и хочет говорить на русском. При этом, норвежские мужчины говорят по–норвежски со своими детьми, даже если они общаются на русском

¹⁰⁸ Harding E., Riley P. The bilingual family: a handbook for parents. Cambridge, 1986.

¹⁰⁹ Lotherington A.–T. Over grensen. Konstruksjoner av likestilling og norskhhet i russisk–norske familier // Tidsskrift for Kjønnforskning. 2008. 1/08. P.6 – 19.

¹¹⁰ Ratikainen J. Language use and childrearing in cross–linguistic Norwegian – Russian families in Norway. MA thesis. University of Oslo. Oslo, 2006

со своими женами. Русские матери более постоянны в общении на русском языке со своими детьми в случаях, когда дети родились в России и приехали в Норвегию вслед за ними. Ситуация осложняется, если партнер негативно реагирует на общение матери с детьми на русском языке в их присутствии. Более того, ряд матерей в нашем исследовании сообщили, что чувствуя ответственность за атмосферу в доме, они отказались от использования русского языка с детьми. Пиллер утверждает, что в смешанных браках лица, использующие родной язык для повседневного общения, могут оказаться в выгодном положении, поскольку «говорение на неродном языке всегда сопряжено с определенным отказом от контроля»¹¹¹. Исследование показало, что русский язык имеет высокое символическое значение для большинства русских матерей, и все респонденты-мужчины говорили о том, что они позитивно относятся к русско-норвежскому билингвизму. Однако ответственность за достижение хороших результатов ребенком во владении двумя языками ложится именно на русских матерей. Таким образом, билингвальное воспитание детей тесно переплетается с гендерным разделением труда. Отсутствие признания работы, проделанной матерями-иммигрантками, и в семье, и со стороны общества, может привести женщин к кризису культурной и лингвистической идентичности, низкой самооценке и ощущению бесправия¹¹².

М.В. Созинова

С.-Петербург, С.-Петербургский гум. университет профсоюзов
**ДОСУГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ КАК
ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО
ВРЕМЯПРЕПРОВОЖДЕНИЯ ВЗРОСЛОГО**

Одним из перспективных направлений исследования детского досуга является его рассмотрение как своеобразного вид деятельности, интегрирующего отдых, развлечение, творчество ребенка и предос-

¹¹¹ Piller I. Language choice in bilingual, cross-cultural interpersonal communication, 2000.

¹¹² Okita T. Invisible Work, Bilingualism, Language choice and childrearing in intermarried families. Amsterdam / Philadelphia, 2002

ставляющего уникальную возможность самостоятельного выбора деятельности (М.В. Крулехт, М.В. Созиновой, Данг Лан Фьюнг).

Педагогическая технология развития творческого потенциала старших дошкольников в продуктивной досуговой деятельности выстраивается поэтапно в соответствии с логикой нарастания субъектной позиции ребенка. Включает два взаимосвязанных этапа. Первый этап – «Путешествие в мир волшебников» – направлен на освоение детьми позиции субъекта в продуктивных видах деятельности. Отбор видов деятельности для последующей организации детского досуга целесообразно осуществлять на педагогическом совете детского сада путем интеграции возможностей воспитателей, педагогов дополнительного образования и с учетом выявленных интересов и предпочтений детей в продуктивных видах деятельности. Исследования показали, что мальчиков старшего дошкольного возраста привлекают такие деятельности как конструирование, работа с деревом, рисование, а девочкам интересно заниматься разными видами рукоделия (вышивание, шитье, вязание и т.п.), рисованием, конструированием. Работа с детьми строится в зависимости от уровня детской умелости в продуктивной деятельности. Как правило, такие деятельности как изобразительная, конструктивная требуют только закрепления имеющихся у детей знаний и умений, тогда как работа с деревом, разные виды детского рукоделия являются новыми для дошкольников и предполагают их планомерное освоение в педагогическом процессе детского сада. Второй этап – «Я – волшебник» – направлен на развитие творческого потенциала детей в продуктивных видах досуговой деятельности, реализацию позиции субъекта ребенка в выбранном виде досуговой деятельности. Наиболее оптимальной организацией детского досуга в педагогическом процессе детского сада является работа небольшими подгруппами по 4–5 человек. Следует подчеркнуть, что взрослый участвующий в совместной досуговой деятельности с дошкольниками должен быть так же увлечен, заинтересован данным видом досуговой деятельности, как и дети. Поэтому важно комплектовать досуговые группы с учетом интересов, хобби педагогов дошкольного учреждения. Такой подход позволит детскому саду организовать досуговую деятельность воспитанников в соответствии с ее сущностными особенностями, обеспечит ее планомерное развитие, закономерное становление культуры содержательного досуга ребенка–дошкольника.

Таким образом, организация досуга детей в соответствии с их полоролевыми предпочтениями и интересами в продуктивных видах деятельности способствует не только развитию индивидуальности ребенка, реализации его творческого потенциала, но и содействует становлению позитивных культурных стереотипов в организации досуговой деятельности будущих мужчин и женщин.

Н.М. Шерстнёва

С.–Петербург, Европейский университет в С.–Петербурге

ПРАВА ДЕТЕЙ – УГРОЗА СЕМЬЕ? ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РОДИТЕЛЬСТВА ОБЩЕСТВЕННЫМ ДВИЖЕНИЕМ «СЕМЬЯ, ЛЮБОВЬ, ОТЕЧЕСТВО» В КАМПАНИИ ПРОТИВ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ

Проблема исследований и выступления – выяснение нормативной модели «семьи», которую изображает родительское движение «Семья, любовь, Отечество», участвуя в протестной кампании против ювенальной юстиции¹¹³. Несколько слов о контексте кампании и причинах мобилизации. В 1990 г. Россия ратифицировала Конвенцию ООН о правах ребенка, что «заложило фундамент внедрения в России ювенальной системы»¹¹⁴. В 1998 году в России был закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации».¹¹⁵ В 2002 г. в Государственной Думе обсуждался закон «О внесении изменений в ФЗ «О судебной системе Российской Федерации»¹¹⁶. Он предусматривал создание в рамках федеральных судов общей юрисдикции системы специализированных ювенальных судов, в компетенции которых было бы

¹¹³ Понятие «ювенальной юстиции» (ЮЮ) раскрывается в двух направлениях: с одной стороны, как «правосудие для несовершеннолетних» (ювенальная юстиция в узком смысле) и, с другой – как система защиты прав несовершеннолетних, которые не имеют проблем с законом, но находятся в трудной жизненной ситуации. В этом случае мы говорим о ювенальных технологиях (или ювенальной юстиции в широком смысле). В данной общественной мобилизации ЮЮ рассматривается в широком смысле.

¹¹⁴ Что же такое ювенальная система? // Родительское Собрание. Специальный проект. 1.06.2010.

¹¹⁵ № 124–ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации».

¹¹⁶ ФЗ «О внесении дополнений в Федеральный конституционный закон РФ "О судебной системе Российской Федерации»

рассмотрение дел, где есть хотя бы один несовершеннолетний. Однако данный законопроект был принят только в первом чтении и с того момента к дальнейшему обсуждению не предлагался. В 2008 г. был принят ФЗ «Об опеке и попечительстве»¹¹⁷, который «регулирует отношения, возникающие в связи с установлением, осуществлением и прекращением опеки и попечительства над недееспособными или не полностью дееспособными гражданами». На 2009 г. пришлось сразу несколько событий, касающихся внедрения ювенальной системы. Ст. 156 УК РФ, предусматривающая штраф за «неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего», была дополнена новой мерой наказания: лишением свободы до трех лет, если «деяние соединено с жестоким обращением». В августе того же года была образована рабочая группа «по созданию, внедрению и развитию механизмов ювенальной юстиции в системе правосудия Российской Федерации»¹¹⁸. И наконец, Указом президента в России был создан институт уполномоченного по правам ребенка, а также рекомендовано учредить такую же должность на уровне регионов¹¹⁹.

Во всех этих законах ребенок рассматривается как самостоятельный субъект права, наделенный определенными правами. Обязанность защищать эти права накладывается на родителей, опекунов, государство и НКО. Кроме законов в 17 регионах были запущены пилотные проекты по реализации ювенальных технологий. Среди них Ростовская, Саратовская, Московская области, Москва и др. Ювенальные технологии, которые предлагаются в проектах, основываются на использовании превентивных мер, направленных на снижение правонарушений среди несовершеннолетних, что предполагает работу не только с несовершеннолетним, но и с его или ее семьей, выяснение внутренних обстоятельств жизни ребенка.

Против проекта ювенальной юстиции выступил ряд родительских движений и организаций, отстаивающих право семьи на автономию. Был создан «Общественный комитет в защиту семьи, детства и нрав-

¹¹⁷ ФЗ «Об опеке и попечительстве» № 48-ФЗ от 24 апреля 2008 г.

¹¹⁸ Постановление Президиума Совета судей РФ № 185 «О ювенальной юстиции в системе правосудия Российской Федерации», г. Москва

¹¹⁹ Указ Президента РФ от 01.09.2009 № 986 "Об уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка"

ственности». В него вошли православные, патриотические и родительские организации. Репертуар коллективных действий общественной кампании против ЮЮ включает в себя: общественные слушания и родительские форумы; митинги; пикеты; юридическое консультирование семей, столкнувшихся с органами опеки; анализ документов с последующим предложением органам законодательной власти поправок к тексту законопроектов.

Основной стратегией движения «Семья, любовь, Отечество» («Семлот») в данной мобилизации является протестная деятельность. Движение возникло в 2010 году в результате общественных слушаний по вопросам внедрения в России ювенальной системы. Лидер движения параллельно является членом Президиума центрального совета движения «Народный собор» (военно-патриотическое движение), на сайте которого сказано, что его «целью является преобразование России на основе традиционных духовно-нравственных ценностей Русской цивилизации». Название движения «Семлот» и членство лидера указывают на патриотический и отчасти националистический дискурс движения. Проведя в течение 2010 г. в Москве, Петербурге, Екатеринбурге, Костроме и др. городах акции «Родительские стояния», движение заявило о себе как об активном участнике мобилизации. Кроме ювенальной юстиции движение также выступает против сексуального просвещения, абортов и с января 2012 – против закона о гендерном равенстве.

Поскольку в интервью с лидером движения было отказано, исследование проводилось на основе двух типов эмпирических данных: 1) опубликованных на РНЛ текстах лидера движения «Семья, любовь, Отечество», где выражается позиция движения по поводу ряда законодательных актов, высказываются опасения, связанные с их принятием и формулируются представления о семье и воспитании детей; 2) аудиозаписей выступлений лидера движения на родительском форуме «Спасем семью – спасем Россию» (25.12.2011 г., православный театр «Странник», СПб) и личной встрече с родительской общественностью на тему «Семья в современном мире» (01.04.2012, театр «Странник»).

Методологическим основанием анализа аргументации движения является фрейм-анализ общественных движений, разработанный Д. Сноу и Р. Бенфордом (Snow R., Benford R. 1986). В ходе исследования были сделаны следующие выводы. В рамках основной схемы интерпретации семьи движение создает нормативный образ семьи как гетеросексуального, зарегистрированного партнерства, формирование

которого происходит в соответствии с «общественными и нравственными нормами». Партнеры в нем ориентированы на «семейный образ жизни» и родительство, которое предполагает рождение и воспитание детей. Роли между родителями распределяются традиционным образом: женщина – это, прежде всего, мать, она осуществляет заботу о ребенке, а мужчина – отец и защитник семьи.

Такая семья оказывается самодостаточной и имеет абсолютную ценность. По отношению к ней не является релевантным спрашивать, насколько правильно или не правильно родители воспитывают своего ребенка, хватает ли ему игрушек, уютно ли и комфортно ли ему в этой семье. Главное, что он в семье. Отсутствует в риторике движения представление о «компетентном родительстве».

Отношения в такой семье строятся по принципу иерархии, где родители обладают авторитетом как легитимной властью, а от детей ожидается – беспрекословное послушание и подчинение им. Под угрозой семье со стороны ЮЮ понимается, прежде всего, угроза этой родительской власти. Семья, понятая как такое нормативное родительство, способствует стабильности государства и является его основой.

РАЗДЕЛ 13. ИЗМЕНЕНИЯ В ЖИЗНЕННЫХ ЦИКЛАХ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН, ОБРЯДАХ ПЕРЕХОДА

Д.В. Пежемский, Ю.В. Степанова
Москва, Музей антропологии МГУ,
Тверь, Тверской гос. университет

МУЖСКОЕ И ЖЕНСКОЕ В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ)

Эта работа освещает результаты обобщения данных о погребальном обряде и палеоантропологических характеристиках женского и мужского древнерусского населения по материалам могильника Избрижье X – XIII вв., расположенного в Калининском районе Тверской области. Данные археологии и палеоантропологии позволяют выявить различия в физическом облике и погребальном обряде мужчин и жен-

щин, свидетельствующие об особенностях процесса формирования древнерусского населения Верхневолжья.

В погребальном обряде Избрижья прослеживаются черты, характерные для курганных древностей Смоленской земли, что уже было отмечено А.А.Спицыным. К ним относится количество и характер совершения погребений в курганах. На наличие впускных захоронений как характерную особенность курганов X–XIII вв. Смоленской земли обращали внимание Е.А.Шмидт и В.В.Седов. Такой способ сооружения курганов рассматривается исследователями как продолжение погребальной традиции культуры длинных курганов. На территории Верхневолжья наибольшее количество курганов с впускными захоронениями сосредоточено в Ржевском, Зубцовском, Старицком и Калининском районах Тверской области – территории, как бы примыкающей к устью р. Вазузы.

Интересные выводы получены и в результате изучения височных колец (найжены в 90 % женских погребений). В Избрижье, как и на большей части территории Верхневолжья, преобладают браслетообразные височные кольца с завязанными концами, рассматривающиеся как этноопределяющий признак смоленских кривичей. В погребениях раннего этапа существования Избрижского некрополя (XI в.) зафиксированы браслетообразные височные кольца с двумя завязанными концами. На следующем этапе (вторая половина XI – середина XII в.) распространены браслетообразные височные кольца с одним завязанным концом, либо с небрежно перекрученными концами, как правило, более грубые по технике исполнения. Именно такие кольца являются наиболее характерными для Избрижья, а также для многих других погребальных комплексов, расположенных на территории современных Осташковского, Селижаровского, Ржевского, Зубцовского, Старицкого и Калининского районов Тверской области, что позволяет рассматривать их как тверской вариант браслетообразных височных колец с завязанными концами.

К курганам Смоленской земли заставляют обратиться отдельные комплексы погребального костюма и находки керамики. Так, некоторые женские уборы сопровождались, помимо височных колец с двумя завязанными концами, обрубленноконечными браслетами и бубенчиками, которые характерны для женских погребений смоленских курганов (например, для курганной группы Харлапово XI – XIII вв.). Наиболее показательным в этом отношении является курган № 109 Избрижья, где костюм погребенной женщины включал браслетообразные височ-

ные кольца с двумя завязанными концами, выполненные из тонкой проволоки, с аккуратно закрученными концами, подпоясанную одежду, украшенную бубенчиками. Руки женщины украшали две пары бронзовых круглодротовых браслетов с обрубленными и со скругленными концами, пластинчатые прямые и «усатые» перстни. В этом же погребении найден лепной сосуд, по форме и орнаментации аналогичный керамике VIII – X вв. культуры смоленских длинных курганов.

В погребальном обряде Избрижья выявлены также черты, указывающие на северо-западное направление культурных связей. Прежде всего это особенности технологии изготовления отдельных предметов вооружения – боевого топорика, боевых ножей, наконечников копий. Так, ножи по форме и технике изготовления наиболее близки образцам из Центральной и Северной Европы, включая Прибалтику. В Избрижье также найдены два круговых сосуда (курганы № 108 и 134), которые находят аналогии в поморской керамике типа Фрезендорф–Тетеров. В Новгороде керамика этого типа является одной из древнейших форм круговой посуды, и границы ее бытования определяются с 930-х гг. до середины XII в.

Палеоантропологические материалы из Избрижья, позволяющие изучить физические особенности населения XI – XIII вв., являются крупнейшей палеоантропологической коллекцией, из всех когда-либо собранных в Верхневолжье и сохранных до настоящего времени. В рамках настоящего исследования для сравнения были взяты краниологические данные по смоленским кривичам XI – XIII вв. (сборная серия), черепам из Гнёздова X – XI вв. и новгородским словенам XI – XIII вв. (Хреплё и Удрай). Кроме того, были привлечены данные по городскому населению XIV в., представляющему, на наш взгляд, один из древнейших на Северо-Западе морфологических вариантов (Старая Русса, материалы из кладбища, изученного на Георгиевском II раскопе). Параллелизм краниологических особенностей Избрижья и суммарной выборки смоленских кривичей прослеживается, однако отличия существенны – это и более широкая мозговая капсула, и, как следствие, больший черепной указатель, и более широкий лоб, и заметно более узкое лицо. Избрижье ближе всего стоит к серии из Старой Руссы. Все эти результаты на данном этапе могут быть поняты следующим образом: мужская часть популяции Избрижья представляет собой относительно массивный европеоидный краниологический вариант, наиболее распространенный в северной части Восточной

Европы, включая Прибалтику, детальное же его сравнение (на уровне палеопопуляций) должно в будущем прояснить отдельные вопросы генезиса данного населения. Отличия Избрижья от смоленских кривичей идентичны таковым для некоторых соседних верхневолжских, но несколько более удаленных популяций (Юрятино и Тухино).

Итак, в погребальном обряде Избрижья зафиксированы черты, имеющие аналогии в синхронных древностях Смоленской и Новгородской земли. Причем, аналогии со смоленскими курганами прослеживаются преимущественно в элементах погребального обряда и женских украшениях. Тесная связь со смоленскими древностями четко прослеживается по материалам женских захоронений, что позволяет выделить особую «женскую» погребальную культуру Избрижья, основанную на сохранении погребальной традиции населения и отражающую его происхождение. Аналогии с древностями Новгородской земли прослеживаются в отдельных категориях погребального инвентаря, в основном в бытовых предметах, оружии и керамике, содержащихся в основном в мужских захоронениях. По данным предварительного краниологического анализа Избрижье в своей мужской части несколько отличается как от окружающих его верхневолжских, так и от более отдаленных, верхнеднепровских, групп населения и несколько ближе стоит к отдельным популяциям Новгородчины.

Ю.В. Колпакова

Псков, Псковский государственный университет

НАТЕЛЬНЫЕ КРЕСТЫ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН: РЕАЛИИ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПСКОВА

Нательный крест является самой широко представленной в археологических материалах категорией христианских подвесок. С первых веков становления христианства на Руси он становится зримым маркером принадлежности к этой религии, а с периода позднего средневековья – частым, если не обязательным атрибутом каждого живущего, а также погребенного христианина.

Нательные кресты, крестовидные привески из различных материалов (металла, янтаря, кости, рога, перламутра), иконки, энколпионы, находимые при раскопках средневекового города, представляют собой материальное подтверждение многообразия повседневных традиций личного благочестия. Соотнесение предметов из слоя поселе-

ния с комплексами городских дворов позволяет выделить среди них элитные предметы и вещи рядовых горожан. Однако вопрос о гендерной принадлежности владельцев христианских подвесок возможно поставить и решить только при изучении погребальных памятников.

Соотнести пол погребенного и тип его нательного креста можно и на материале псковских погребений X – XIV вв. Однако количество изученных погребальных комплексов этого времени довольно невелико, встречаемость нательных крестов в них низкая (что обусловлено особенностями религиозных норм и повседневной религиозной практикой того времени¹²⁰). Разнообразие типов изделий в погребениях этого времени настолько велико, что сделает подобное соотнесение малоубедительным в смысле статистики перечислением единичных предметов в мужских и женских погребениях.

Изучение некрополей XV в. и более позднего времени позволяет говорить о том, что уже у трети сохранившихся захоронений в составе погребального инвентаря присутствуют нательные кресты¹²¹. Достаточно показательную статистику встречаемости нательных крестов в мужских и женских захоронениях можно составить на материалах территории Петровского конца в Пскове, археологическое изучение которой в последние годы было весьма активным (как полевые работы, так и научное осмысление археологического наследия¹²²).

Такую сферу повседневной жизни горожан, как бытовые традиции личного благочестия, на археологически изученной территории Петровского конца в Пскове характеризуют 109 находок, как типовых, так и уникальных. Из них 108 являются нательными крестами, подавляющая масса которых представлено произведениями мелкой металлопласти-

¹²⁰ А.Е. Мусин указывает на существовавший в XII в. «канонический запрет на помещение христианских святынь в могилу вместе с умершим»: Мусин А.Е. Христианские древности Средневековой Руси IX–XII вв. как исторический источник // Вестник РГНФ. № 3. 2001.

¹²¹ Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI вв. М., 2004. С. 157 – 160.

¹²² Проект РГНФ, 2009–2010, № 08–01–00376а «Петровский конец Пскова XV – XVIII вв. по данным археологии и письменных источников». Руководитель – Е.В. Сальмина

ки и лишь один крест – янтарный, два – костяных, один – деревянный и один – перламутровый.

Так, на IV раскопе в исследованной части могильника (XIII – до начала XV вв.), где было обнаружено порядка 70 погребений по обряду труположения разной степени сохранности, не обнаружено ни одного нательного креста в составе погребальных комплексов. Вместе с тем, на том же раскопе культурный слой, связанный с поселением, содержал 10 нательных крестов, что позволяет исключить возможность того, что кресты не сохранились в погребениях на этой территории по каким-то причинам геохимического характера.

В комплексе из 111 захоронений в Окольном городе (некрополь функционировал с II пол. XVI в. до конца XVII вв.), изученном на Петровском-II раскопе, найдено 33 крестик¹²³. На 172 погребения из усыпальницы в галерее церкви Иоанна Милостивого, исследованного на Петровском-VIII раскопе, приходится 61 крест. Захоронения производились в церкви с XVII в. и, как минимум, до середины XVIII в.¹²⁴. При обработке археологической коллекции Петровского-VIII раскопа Д.В.Пежемским было выполнено определение костных остатков, что позволило нам приблизиться к решению задачи этого небольшого гендерного исследования коллекции заупокойных крестов.¹²⁵

В двух случаях в погребениях (в мужском и женском) находилось по два креста. Привлекательным выглядит объяснение, что мы имеем дело с погребениями вдовцов, захороненными с крестами своими и своих супругов. Возможно, в женском погребении находился крест усопшей и ее ранее умершего ребенка, в пользу чего косвенно свидетельствуют малые размеры креста. В детских погребениях с неопределенным полом в 2х случаях присутствуют миниатюрные четырехлопастные прямоугольноконечные тельники, один из которых искусно вы-

¹²³ Ершова Т.Е. Петровский II раскоп // Седов В.В., Лабутина И. К., Белецкий С. В. и др. Отчет о раскопках в Пскове в 1986 г. Рукопись. Архив ИА РАН. Р-1. № 11299, 11299а. С. 104.

¹²⁴ Харлашов Б.Н. Археологические раскопки церкви Иоанна Милостивого в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Мат. научн. семинара. 2008. Псков, 2009. С. 195

¹²⁵ Харлашов Б.Н. Отчет об археологических раскопках в г. Пскове на ул. Голя, 33 в 2007 г. Псков, 2008. Рукопись. Архив АНО ПАЦ.

полнен, имеет надпись на обратной стороне. Впрочем, самый миниатюрный крестик (высотой всего 2 см), из встреченных на данном участке могильника, принадлежал не ребенку, а женщине 45 – 55 лет.

В литейной номенклатуре старообрядческих нательных крестов присутствуют так называемые «девичьи», «женские» и «мужские» кресты.¹²⁶ Но экстраполирование поздних, пусть и старообрядческих традиций, на средневековые реалии правомерно лишь с оговорками и коррективами, которые вносит собственно аутентичный археологический материал.

3.3. Мухина

Ст. Оскол, Старооскольский технол. институт им. А.А. Угарова

ВДОВА В РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Вдовы составляли особую категорию женщин в крестьянском мире. Изменение семейного положения женщины после смерти мужа – переход в состояние вдовы – влекло за собой всеобъемлющее изменение ее статуса: в правовом, экономическом, социальном, ритуальном отношении. Это закономерным образом следовало из самого устройства традиционного крестьянского социума, где доминировали жесткие причинно–следственные связи: из изменения положения в каком–нибудь одном аспекте неизбежно следовало изменение во всем остальном. В 1897 г. среди женского сельского населения вдовы составляли 7.8 %, а на замужних женщин приходилось 40.1 %, при этом мужчин–вдовцов было 3.4 %¹²⁷.

Правовое положение вдовы определялось не только нормами официального гражданского и народного обычного права, имевшего свои локальные традиции, но и множеством факторов, обусловленных особенностями конкретной крестьянской семьи: тип семьи (большая неразделенная семья или малая семья); наличие детей, их пол и воз-

¹²⁶ Русский православный крест в собрании Российского Этнографического музея / Авт.–сост. А.Б. Островский. СПб, 2007; Станюкович А.К. Осипов И.Н. Соловьев Н.М. Тысячелетие креста. М., 2003.

¹²⁷ См.: Вербицкая О.М. Российская сельская семья в 1897–1959 гг. М.– Тула, 2009. С. 65.

раст; продолжительность брака; взаимоотношения в семье, характер самой вдовы, ее поведение и репутация.

Брачно-семейные отношения были системообразующими для всего крестьянского общества, но женщина являлась его полноценным членом только при наличии у нее детей. Вдова, имевшая детей, и бездетная вдова в глазах крестьянского мира существенно различались. В вопросах наследования вдов отчетливо прослеживаются гендерные аспекты. В самом деле, если вдова оставалась с одними дочерьми, она приравнивалась к бездетной, и ее права на наследство определялись местными традициями. Если вдову не допускали к участию в разделе наследства, ничего не доставалось ни ей самой, ни ее дочерям. В случае, когда вдова не отстранялась полностью от наследства, она с дочерьми могла получить часть имущества лишь на правах бездетной, о чем говорят многочисленные материалы волостных судов.

У вдовы имелось несколько альтернатив дальнейшего устройства своей жизни: вступить в новый брак, остаться в семье умершего мужа, вернуться в дом родителей или жить отдельно. Согласно Б.Н. Миронову, в повторный брак вступало около 23% мужчин и лишь 4% женщин¹²⁸. Обычно вторично выходили замуж молодые вдовы без детей или с одним ребенком. Вдовам, имевшим детей, гораздо труднее было вступать в новый брак, все старались избежать такой «обузы». Кроме возраста вдовы и наличия детей, большое значение имело, какое наследство она получила от умершего мужа и ряд других факторов. Следует отметить, что выход вдовы замуж влек за собой изменения и в правовом отношении. Так, при выходе вдовы замуж она не должна была продавать недвижимое имущество от покойного мужа. Если она выходила замуж в другую деревню, община назначала опеку над имуществом; если приводила мужа в дом, она и новый муж являлись хозяевами всего имущества.

Если вдова после смерти мужа продолжала жить в семье свекра, она должна была продолжать повиноваться старшим в семье и на ее поведение накладывались довольно жесткие ограничения. Положение существенно менялось, если вдова жила отдельно, «своим домом», хотя здесь имели место локальные вариации.

¹²⁸ Миронов Б.Н. Социальная история России. В 2-х тт. Т. 1. СПб., 2000. С. 172.

Вследствие отсутствия власти родителей и мужей вдовы имели большую свободу в своей личной жизни, в том числе, в области интимных отношений. В некоторых местностях вдовы составляли главный контингент местных сельских проституток, иные активно предавались разврату вплоть до второго замужества. В домах терпимости Москвы, которая в этом отношении стояла в числе первых среди больших европейских городов, было 957 зарегистрированных проституток. Из них на крестьянок приходилось 257, на солдаток и солдатских дочерей – 150. Из этого числа вдов-крестьянок было 48, вдов-солдаток – 47, в сумме – 95¹²⁹, что составляло около 10 %.

В традиционном крестьянском обществе вдовы занимали свою нишу, со своими функциями, со своими связями с социумом, другими категориями женщин. Модернизационные процессы основательно ослабили традиционные узы брака и семьи. Не вышедшие замуж вдовы (а они составляли около 96%), оставшись одни с детьми, бросив хозяйство, уходили в работницы к зажиточным крестьянам, к духовенству или на ближайшие фабрики в надежде на лучшую жизнь.

Положение вдовы, которая не вышла замуж или у которой новый муж уходил на заработки, а порой вообще не возвращался, сближало ее с положением замужних за отходниками женщин. В данном случае она самостоятельно вела хозяйство, платила подати, справляла повинности. При этом ей приходилось еще исполнять свои материнские обязанности: кормить, растить и ставить детей на ноги.

Пореформенное время внесло коррективы в положении вдов. Возросшая экономическая роль стимулировала рождение нового самосознания, самоутверждения женщин. У вдовы, не вышедшей замуж, новые качества усиливались вследствие относительной свободы, когда над ней не довлела власть мужа или других членов семьи. Косвенным свидетельством возросшего самосознания женщин стали участвовавшие случаи их жалоб в волостные суды. В отсутствие мужчин женщины становились ключевыми фигурами, происходило их духовное перерождение, активное утверждение своего нового положения в собственных глазах и в глазах всей общины.

¹²⁹ Шашков С.С. История русской женщины. М., 2011. С. 333 – 334.

И.Ю. Винокурова

Петрозаводск, Институт языка и литературы КарНЦ РАН

ЖЕНСКИЙ СИМВОЛИЗМ В ВЕПССКОЙ КУЛЬТУРЕ: ТРАДИЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ

В этом докладе реконструируется женский символизм в вепсской культуре, т.е. система представлений и образов, с помощью которых вепсское традиционное общество осмысляло отрезок жизненного пути женщины от вступления в брак. Кроме того, в задачи доклада входит рассмотрение некоторых исторических изменений, повлиявших на разрушение традиционной женской возрастной системы у вепсов.

Изучение женского символизма начинается с выявления «возрастов» женщины в вепсском традиционном обществе и их границах, которое представляется делом достаточно сложным, ввиду фрагментарности сохранившихся источников, в том числе половозрастной вепсской терминологии. Два узловых события определили на трансформацию вепсских возрастных названий, представлений, ритуалов: (1) русское (славянское) влияние, начавшееся на рубеже I–II тыс. н.э. (2) Октябрьская социалистическая революция, положившая начало коренным преобразованиям в бытовой и обрядовой жизни вепсской семьи.

В вепсском языке зафиксированы следующие термины, обозначающие взрослый период жизни человека: *t'äuzigaiñe* (*t'äuzigäiñe*, *t'äuzigääñe* – букв. «полновозрастной») и заимствованный из русского – *mañori* (букв. «матерый»). Таким образом, достигнуть взрослого состояния означало обрести наполненность всего необходимого человеком в биологическом и социальном плане. Точкой отсчета взрослой стадии всегда являлось вступление в брак, сопровождающееся появлением новых половозрастных названий.

В конце XIX – начале XX в. вепсы выделяли две фазы в жизни взрослой женщины. 1) *Muñzäin* (*muñzei*, *moñzä*) – женщина в первый год замужества, до появления первого ребенка или до появления первой дочери. Встречаются также локальные термины – *norik* (Шелтозеро, Каскесручей), *naine* (северные и оятские вепсы). Верхняя граница использования названий, как явствует из словарей, – рождение первого ребенка. Однако комплексное прочтение документов (местные фрагментарные этнографические данные и сравнительные материалы) позволяет утверждать, что в северновепсской традиции длительность функционирования этого термина зависела от пола первого ребенка:

его употребляли до рождения девочки. 2) *Ak* – женщина после рождения первого ребенка или первой дочери. Верхняя граница употребления этого названия колеблется. Для вепсов повсеместно словом *ak* называлась замужняя женщина любого возраста до самой смерти, в том числе и старуха. В некоторых деревнях южных и вологодских вепсов *ak* именовали женщину до старости (*vanhuž, rouhuž*), с наступлением которой она получала названия, заимствованные из русского языка *tatš* или *bab* 'старуха, бабушка'.

Анализ неравномерно сохранившихся возрастных терминов у прибалтийско-финских народов позволяет выдвинуть предположение, что в народных воззрениях периода существования единой прибалтийско-финской общности жизнь взрослой женщины могла представляться состоящей из большего количества фаз: 1) вступление в брак – рождение первого ребенка (фин. *morsian*, кар. *moršien*, вепс. *muřzäin, muřzei, mořzä*); 2) рождение первого ребенка – 10 лет брака (фин. *nuorikko*, вепс. *norik*); 3) 10 – 20 лет брака (кар. *naiñi*); 4) после 20 лет брака (фин., кар. *akka*, вепс. *ak*). Во второй половине I тыс. н.э. под влиянием славянской колонизации произошел распад прибалтийско-финской общности, положивший начало изменениям в женской возрастной системе.

Определению границ перехода от одного женского возраста к другому помогают ритуалы. У вепсов наиболее насыщенным ритуалами был переход в первую женскую взрослую стадию. В основном эти ритуалы были сосредоточены в послевенчальном цикле свадьбы, которая подверглась значительному русскому влиянию. Судя по имеющимся в нашем распоряжении текстам, названия, обозначающие молодуху, как правило, появлялись на смотринах в доме жениха до первой брачной ночи. Некоторые единичные обряды, демонстрирующие умирание невесты в прежнем состоянии, и ее возрождение в новом качестве, можно обнаружить и в вепсском предсвадебном периоде, например, «новое рождение» невесты матерью при одевании после бани у капшинских вепсов.

К послевенчальным переходным ритуалам невесты во взрослую стадию можно отнести следующие: первая встреча с «новыми родителями» на пороге дома жениха; приобщение к новому семейному очагу; изменение внешнего облика (прически и одежды) и смотрины после венчания и первой брачной ночи; укладывание с молодым на брачное ложе, подчеркивающее новое зависимое положение молодухи от вла-

сти мужа; реальное или символическое оповещение о дефлорации новобрачной. Вода «смывала» прежнее состояние человека и наделяла его новым возрастным и социальным статусом, жизненно-оздоровительными и плодородными силами.

Особенностью обрядов перехода во взрослую стадию было участие взрослого состава (от членов семьи до жителей деревни) в принятии молодухи в свою возрастную категорию общины. С появлением первого ребенка молодая получала новое название – *ак* ‘баба’ и вступала во вторую взрослую стадию. Выявляется только один обычай, демонстрирующий ее переход в новый биосоциальный статус: *pahnad* – посещения роженицы замужними родственницами и соседками. В других прибалтийско-финских языках слово *pahna* трактуется иначе: соломенная подстилка для домашних животных; логово (гнездо) зверей, птиц, потомство (человека, животных). Эти значения свидетельствуют о том, что первоначально такой визит мог происходить к месту родов в хлеву (на подстилку), где обычно вепские женщины рожали, и, судя по названию, похоже – табуированному, был тайным собранием взрослых женщин.

Поскольку *ак* у вепсов повсеместно одновременно означает женщину и старуху, достаточно сложно определить женский переход в период старости (*vanhuž, rouhuž*). Анализ некоторых вепских обрядов заставляет предположить, что показателем наступления старости женщины могло быть вступление в брак детей, меняющее и ее социально-возрастной статус. Например, в некоторых северновепских деревнях банный ритуал объединял два поколения взрослых – молодоженов, их родителей и взрослых жителей деревни. После новобрачных в бане мыли свекровь, иногда вместе со свекром. Затем их или одну свекровь катали в санях. Женщина считалась старой с появлением внуков, ее начинали называть *bab*. В вепской традиции известны обряды, в которых участвовали три поколения (бабушка, мать, внук).

В 1920–е гг. среди вепсов постепенно начал распространяться брак «самоходкой», который способствовал исчезновению многих свадебных обрядов, в том числе и переходных во взрослую стадию. Обычай *pahnad* оказался одним из наиболее стойких в вепской традиции.

Улан-Удэ, Вост.- Сибирская гос. академия культуры и искусств
**САКРАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ПОВИВАЛЬНОЙ БАБКИ В РОДИЛЬНЫХ
ОБРЯДАХ БУРЯТ КОНЦА XIX – НАЧ. XX ВВ.**

Традиционно обряды перехода любого этноса являются проявлением социальной сути и одновременно средством контроля жизнедеятельности социума как на сакральном, так и на профанном уровнях. Известно, что процесс рождения – хорошо разработанный ритуал, включающий в себя обрядовые церемонии и действия, связанные с определенными мифологическими представлениями, направленными на благополучную социализацию ребенка и его семьи. Руководила этими действиями повитуха – старая женщина, потерявшая способность к деторождению, имеющая здоровое потомство, хороший человек, умелая и расторопная. Женщин, у которых дети умирали, в дом к роженице не впускали. По старинному обычаю, необходимо было, чтобы детскую пуповину перерезала женщина «с целым потомством».

Повитуха рассыпала около кровати мягкую впитывающую подстилку – сухой измельченный коровий помет. Новорожденный падал на эту подстилку, повивальная бабка не трогала его до тех пор, пока он не издавал первого крика. Тогда новорожденный и его мать становились объектами цикла обрядов, которые проводила повитуха.

На этапе проведения ритуалов социализации и адаптации пол новорожденного не имел значения, он лишь определялся повитухой в первом действии сразу же после рождения – обрезании пуповины – церемонии по отделению новорожденного «от сферы природного, нечеловеческого, т. е. того мира, откуда он появился»¹³⁰. Обрезание пуповины мальчика проводили специальным ножичком, который хранился в колыбели ребенка. Он использовался только для перерезания пуповины при последующих родах. Для девочки – ножницы. Во-вторых, предмет-основа, на котором проводилась операция. Это были действия, направленные на формирование судьбы будущего члена общества в соответствии с половой (профессиональной) стратификацией. Мальчику обрезали пуповину на «мужских» инструментах – топор, молоток; девочке – на «женских» – чашка, веретено и т. д.

¹³⁰ Обряды в традиционной культуре бурят. М., 2002. С. 53.

Кроме того, повитуха задавала и параметры частей тела «человека» в соответствии с будущей семейной (сексуальной) жизнью, «чтобы у мальчика член не был короткий, а девочка не была похотливой». Пупок перевязывался нитками из сухожилия животных непременно дважды. Первый узел затягивали на расстоянии двух пальцев от тельца, а второй, отступив на два-три пальца от первого узла. На вербальном уровне ребенка этого периода называли только словами, не определяющими его пол или имя – *хоохэй, буубэй, няанай* (дитя, младенец, малютка).

Затем повитуха, поочередно или совмещая, проводила церемонии очищения и социализации, связанные с процессами *о-своения* и окультуривания новорожденного. Во-первых, это очищение/обмывание младенца. Таким образом, действия бабки соотносились с идеей «смывания» с него того, что указывало бы на принадлежность к иному миру. Кроме того, очистительные обряды основывались на универсальных представлениях о том, что младенец и роженица сакрально нечисты и в то же время наиболее уязвимы от воздействия враждебных сил.

Во-вторых, повитуха совершала действие, программирующее процветание, умножение, плодовитость, а также связь новорожденного с предками. Это заключалось в процессе «заворачивания» его в первую одежду – меховое одеяло (барашковая или волчья шкура, старая отцовская рубаша). Меховая одежда подчеркивала связь младенца с миром природы, наделяла его животворящим *сульдэ* (душа, жизненная сила). Бычок, которого приносили в жертву при рождении мальчика, указывал на тотемную связь и, возможно, усиливал мужское начало (рога, фаллос). При рождении девочки в жертву приносили барана (культ солнца).

В-третьих, повивальная бабка проводила церемонию «доделывания» младенца посредством массажа, который буряты понимали как средство «достижения красоты», «совершенствования» его тела. Действия повитухи, совершаемые над телом новорожденного, вполне сопоставимы с ритуальной технологией «вылепливания» головы, туловища, рук, ног и «открытия» глаз, рта, ушей; последнее можно сравнить с процедурой «вдувания» жизненных сил в тело через лицо.

Главной функцией повитухи на данном этапе был процесс перевода «новорожденный → человек» и включение его в социокультур-

ную среду. Это символическое отделение ребенка от матери (перерезание пуповины, отлучение от груди, «развязывание» шагов, речи).

В бурятской возрастной периодизации наиболее ритуализированы первые годы жизни ребенка. Особенно многочисленны поверья и обряды, отражавшие народные представления о хрупкости и незащищенности новорожденного, страха за его жизнь. Для ребенка это время знаменовалось началом комплекса обрядов инициационного цикла, призванного преобразовать его из «неприродного» в «природное», затем в «культурное» (человеческое) и, наконец, в «социальное».

Как видим, с первых моментов рождения ребенка актуализируется сфера знакового, связанного с культом матери-прародительницы. Проведение социализирующих и инициационных обрядов было связано с повитухой, выполняющей жреческие функции праматери. После успешных родов повитуху одаривали в соответствии со своими материальными возможностями и провожали с почетом, обязательно дарили кусок мяса, как считалось, от имени новорожденного *буубэйн зэмһэн* («подарок новорожденного»). Следует отметить, что уважительные, почти родственные отношения с ней поддерживались ребенком и его матерью всю жизнь.

Е.А. Нальчикова

Нальчик, Кабардино-Балкарский государственный университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ И РИТОРИКИ ЖЕНСКОЙ СКОРБИ В ВОЕННЫЕ ГОДЫ

В годы Великой Отечественной войны перемены коснулись всех сторон жизни, и затронули даже столь консервативную погребальную обрядность. Погибавшие за пределами малой родины, вдалеке от родных и близких, солдаты, естественно не могли рассчитывать на реализацию традиционной модели погребения, на отдельную, оформленную в соответствии с религиозными предписаниями могилу, на оплакивание и поминовение в духе национальных обычаев. Как в годы войны осуществлялась процедура похорон? Как оплакивали погибших? Как поминали?

Зачастую женщинам приходилось осуществлять похороны «заочно», так как тела погибших оставались на дорогах войны. Этот аспект военной повседневности требует особого внимания – с незапамятных времен у адыгов останкам человека принято оказывать чрезмер-

ные знаки уважения (*хьадэ гьэлъэп/эн*), что соблюдалось еще более скрупулезно в случаях гибели на полях сражений: «тела убитых товарищей с удивительной решительностью уносят с собою... защищая тело убитого товарища, целые партии погибают».

Следствием частой гибели мужчин вне дома, стало формирование у адыгов целого комплекса правил и ритуалов, связанных с необходимостью доставки покойного домой и предварительного извещения его родных о трагедии. Если гибель случалась на чужбине, то к родным погибшего отправлялся горевестник (*шъхьэклуэ шьлу*): «Всадник одинокий сюда вниз едет подъезжает и горькую весть сообщает». В плачевых песнях адыгов с благодарностью указывается человек, привезший тело домой: «...твое тело привез домой, о горе, Шериев Кушук».

Подобное развитие событий оказалось неприемлемым в условиях Великой Отечественной, когда гибель случалась не просто на чужбине, а слишком далеко, да и традиционная «доставка тела» домой была нереальной. Но война стала стимулом, с одной стороны, к возрождению традиционных институтов, а с другой – к изменению традиционных ролей. Афаунова Раиса Туловна, 1932 г.р. из с. Куба вспоминает: «Почтальон на лошади объезжал село. Печальную весть он сообщал не сразу, искал подходящий случай, чтобы вдова/ сестра/ мать была не одна. Он утешал, подбирая особые слова для каждого, рассказывая о горе остальных, о том, что надо заботиться об оставшихся. ...Когда погиб Сохов Барасби, почтальон носил три дня похоронку, не мог отдать матери Хуцац, поэтому о гибели первой узнала сестра Зулижан».

Таким образом, почтальон становится тем самым «горевестником», и даже больше – выступает в роли утешителя, «врачевателя».

Обращаясь к значению погребения умершего в традиции, следует заметить, что народная эсхатология выражалась в убеждении – только те, кто был удостоен подобающего погребения, продолжают посмертную жизнь. Ситуация, когда сын или муж пропал без вести, незнание места его захоронения, отсутствие уверенности в его существовании вообще, делает горе женщины более глубоким, а беспокойство о его посмертной судьбе перманентным.

Поэтому родные (чаще всего женщины) посвящали поиску могилы погибшего на войне многие годы. «Шихболат Махотлов ушел на фронт в 1942г. из Малки. А в начале 43-го его семью оповестили: пропал без вести в Ростовской области... В 70-х годах ... его дети Римма и Хасанби пешком обошли район в поисках одинокой, либо братской моги-

лы, но тщетно... В 1992 узнали, что погиб он южнее города Горячий Ключ... Сразу отправились на место захоронения. С собой повезли горсть земли из Малки, высыпали ее на могилу... Теперь он – не без вести пропавший. Мы нашли его». Ср.: «У Фатимат было трое детей: сын Хасанби, дочери Мамрира и Майя. Когда пришла похоронка на Хасанби, оплакивали его много дней и ночей. Иссохли слезы. Стали думать о том, как бы узнать, где могила... Когда получили известие, насыпали аргуданской земли в мешочек и передали в Польшу, чтобы положили на могилу... Посетить могилу не пришлось, но есть снимок с братской могилы, где выбито имя «Х.Л. Жигунов». Могила ухожена, на ней цветы. Намного легче стало на душе».

После войны Сохова Зулижан навестила братскую могилу на Украине. В письме друга погибшего брата упомянуто, что однополчане похоронили его на месте гибели, а после войны перезахоронили в братской могиле. Ее скорбь, когда она приехала туда, не смягчилась – на могиле не указано имя брата. Традиционная ментальность, вообще, предполагает только индивидуальное захоронение, представители всех социальных, возрастных и гендерных страт, включая рабов, детей и женщин, имели право на персональную могилу. Зулижан высыпала горсть земли из дома на братскую могилу – поступила ставшим традиционным для послевоенных лет способом приближения погибшего к родине.

Афаунова Р.Т. рассказывает: «Помню девочкой, как соседка получила похоронку на мужа, как громко причитала, рыдала, как собирался *хаблэ* (квартал), соседки причитали, создавали плачевые *бжэ* (песни-импровизации). Мужчин не было, только несколько стариков, а также мальчишки 4–5 класс, стояли рядом с ними, делали *дуа*».

Особые ожидания в проявлении горя были связаны также с траурным поведением дочери и сестры: «его двух сестер, собачим воем воющих, от твоей могилы еле увели», «обеих сестер с коленями стертыми, скорбящих, от пояса отрывают». Анализируя женскую модель поведения при оплакивании брата, следует отметить аффектированное отношение к смерти брата у балкарок. Так, по информации Битковой Д.А. (1930 г.р., с. Псыгансу), получив извещение о гибели брата во время Великой Отечественной, сестра покончила с собой, бросившись с моста в реку.

Таким образом, некоторые свойственные традиционному периоду адыгской истории «погребальные формальности» соблюдались и в

годы Великой Отечественной войны. Активное участие женщин в обрядах похоронно–поминального цикла (проявляющееся, в первую очередь, в ритуальном оплакивании) продолжало восприниматься как одна из значительных их обязанностей в социуме, а поиск места захоронения и сохранение памяти об ушедших стало новой женской заботой.

О.К. Радова–Каранастас

Ассоциация ученых Молдовы им. Н.Милеску Спатару

ЭТНИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА ГАГАУЗОВ И ВЛИЯНИЕ СИМВОЛИЧЕСКОГО ПОРЯДКА НА СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

В этом году исполняется 200 лет с момента присоединения Бессарабии к России. С момента окончания Русско–турецкой войны 1806–1812 г., территории южной Бессарабии или Буджака, где были расселены предки гагаузов и сами гагаузы, остались в составе Государства Российского. Условия, созданные гагаузскому этносу в составе Государства Российского, позволили ему сохраниться до сегодняшних дней. В советский и постсоветский период, гагаузы получили дальнейшее образовательное и культурное развитие. Вместе со всем советским народом они пережили годы войны, засухи и неурожая, прошли тяжелейшие, жизненные испытания, но остались стойкими духом.

Исследования показывают, что этническая символика, символический порядок в гагаузском обществе влиял на социальное поведение его членов. Этническая символика гагаузов – неписанные законы общества – передавались вместе с молоком матери, и эти законы мог понять только действительный член гагаузского этнического общества, они постигались поэтапно, по мере взросления человека.

С.Е. Сэрпиво

Салехард, Научный центр изучения Арктики

НЕНЕЦКАЯ ЖЕНЩИНА В ОБРЯДАХ ПЕРЕХОДА

Термин обряды перехода или переходные обряды является общепринятым. Основной работой, на которую ссылаются исследователи при изучении обрядов, является работа Арнольда ван Геннепа «Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов». Автор теории утверждает, что «каков бы ни был тип общества, жизнь конкретного человека обусловлена последовательными переходами от одного

возраста к другому, из одной социальной группы в другую». Для этого необходимо пройти ряд обрядов, включающих в себя обряды отделения, обряды промежуточные и обряды включения.

Жизнь ненецкой женщины, как у многих других народов Сибири, разделена на периоды, «её положение в каждом из этих периодов тесно связано с диспозицией к брачному состоянию, способности к деторождению, с представлениями о ритуальной чистоте и нечистоте». Переход из одного периода в другой сопровождался обрядом. Именно обряды перехода в традиционном обществе выполняли знаковые функции, готовя индивида к новым ролям и моделям поведения.

В своем докладе на примере обрядов перехода из категории девочек в категорию девушек, из категории женщин в категорию сакрально очистившихся – *няромы*, и обрядов жизненного цикла (родильного, свадебного и погребального) я продемонстрирую действие теории обрядов перехода применительно к ненецкой культуре.

РАЗДЕЛ 14. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ СЕКСУАЛЬНОСТИ И ИНТИМНОЙ СФЕРЫ

О.И. Лисицына

Тверь, Тверской гос. университет

ЖЕНСКАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ДВОРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ: АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ

В работах отечественных и зарубежных исследователей (Э. Гидденса, А. Рэйс, И. Кона, Н.Пушкаревой, С. Голода, Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной) зафиксированы серьезные сдвиги в сексуальной морали и поведенческих установках, связанных с сексуальностью, произошедшие в нашей стране за последние два десятилетия. Характеризующая данный период в истории нашей страны демократизация общества способствовала заимствованию ряда западных духовных и культурных ценностей, либеральных нравственных и эстетических идей, что привело, в частности, к существенным подвижкам в сфере сексуальности. В российском обществе по сей день осуществляется

переход от традиционной сексуальной культуры к современной¹³¹. Это актуализирует проблему изучения сексуальности в русле гуманитарных наук. Однако если в социологии и психологии интерес к подобной проблематике уже вылился в достаточно большое количество публикаций, то в исторической науке тема сексуальности остаётся практически не исследованной. К примеру, важной и, в то же время, не достаточно изученной остаётся проблема сексуальности российской дворянки XVIII – середины XIX в., заслуживающая специального анализа как один из аспектов женской дворянской повседневности.

Учитывая современное сближение мужских и женских гендерных ролей, актуальным может стать исследование, выявляющее наличие или отсутствие связи в установках и сексуальном поведении в эпоху, которая, являясь периодом господства традиционализма, может быть противопоставлена современности.

Во 2-й половине XVIII в. сословная структура российского общества переживала расцвет. Подразумевалась передача сословной принадлежности по наследству, однако теперь социальные группы становятся ещё более купированными, в связи с чем «каждая социальная страта нуждается в специальной реконструкции собственного... повседневного опыта, «прочитанного» в гендерном контексте»¹³².

Внимание же исследователей к сословиям Имперской России распределялось неравномерно, во время господства марксизма в отечественной историографии преимущественное внимание уделялось изучению масс «трудящихся». Однако изучение дворянского сословия Российской империи мы находим не менее важным, ведь именно дворяне, составлявшие чуть более 1% населения, играли, тем не менее, определяющую роль во всех сферах жизни общества¹³³.

Среди множества определений понятия «сексуальность» наиболее значимыми представляются два. Одно из них даёт Мишель Фуко в

¹³¹ Здравомыслова Е., Тёмкина А. Российская трансформация и сексуальная жизнь // В поисках сексуальности: Сб. ст. / под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб., 2002. С. 7.

¹³² Белова А. В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – сер. XIX в. СПб., 2010 С. 58.

¹³³ Белова А.В. Повседневная жизнь провинциальной дворянки Центральной России (XVIII – сер. XIX в.): Автореф. дисс... д-ра. ист. наук. М., 2009. С. 3.

своей «Истории сексуальности», характеризуя её как «исторический конструкт, неразрывно связанный с целостной системой общественных отношений». Иная трактовка характерна для феминистских теорий, где сексуальность представлена как «дискурсы, конструирующие эротические возможности», а проявления сексуальности и формирование сексуальной идентичности обусловлены особенностями взаимодействия людей, способами интерпретации того или иного поведения на основе существующих образцов действий, адекватных культуре и конкретному контексту.

Говорить о сексуальности в ретроспективе – значит, так или иначе, перевести её в категории гендера. Дефиниция «гендер» эквивалентна понятию «социокультурный пол», определяющий как поведение человека в обществе, так и восприятие этого поведения социумом. Данный концепт «был призван подчеркнуть социальный характер неравенства между полами и исключить биологический детерминизм», ведь «представления о том, что такое мужчина и женщина, каковы отношения между ними... являют собой продукт культурно-исторического развития общественного человека», а не биологически обусловленную данность. С позиции гендерного подхода «важно не только различие и особенности мужского и женского (это предмет гендерной психологии), а более широкий пласт: выявление условий и факторов, формирующих различие и специфику ролеполовых моделей и обеспечивающих становление половых различий на микроуровне статусных самоидентификаций и социальных притязаний»¹³⁴.

Однако, если говорить о проблематике сексуальности, в истории, как и в других гуманитарных науках, «тема тела развита довольно слабо, во-первых, в силу ограниченности концептуализации понятия, во-вторых, в предпочтении заниматься привычными темами (институтами, социальными механизмами, структурными составляющими)»¹³⁵.

На сегодняшний день применение гендерной методологии – новое явление для отечественных исторических исследований. Происходящая на волне демократизации общества индивидуализация и плюрализация жизненных стилей и сохраняющаяся тенденция к глобальной

¹³⁴ Усачёва Н. Теория и методология современных гендерных исследований.

¹³⁵ Фурсов К. В пространстве между гендером и сексуальностью: о понятии и природе феномена унисекса в европейской и российской культуре.

унификации и стандартизации актуализируют гендер как сферу изысканий ряда гуманитарных наук, а применение данных методологических оснований на поле истории открывает, на наш взгляд, новое перспективное направление развития междисциплинарных исследований.

Д.Б. Вершинина

Пермь, Пермский гос. национальный исслед. университет
**ПОЛИТИЗАЦИЯ СЕКСУАЛЬНОСТИ В БРИТАНСКОМ
ФЕМИНИЗМЕ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ**

Мишель Фуко в знаменитой работе 1976 г. «Воля к истине» постулировал огромную важность дискурса сексуальности для Англии XIX столетия. Пуританский характер викторианских сексуальных представлений («Сексуальность теперь тщательно скрывается. Она меняет место жительства... Секс окружают молчанием. Закон вершит супружеская пара, узаконенная и производящая потомство») в действительности, как утверждал знаменитый французский историк, скрывал разномножение «дискурсов о сексе», в том числе о сексе перверсивном: «... так или иначе, от одной крайности до другой, секс стал чем-то таким, о чем нужно говорить, и говорить исчерпывающим образом...». В то же время Фуко отмечал, что в центре сексуального дискурса викторианской эпохи находилась гетеросексуальная пара, вступившая в брачные отношения, и именно сексуальные отношения такой пары регулировались законодательством наиболее строго. Но были ли эти предписания одинаковы для партнеров?

В статье 1886 г. «Двойной стандарт морали» феминистка Джозефина Батлер ввела термин, вошедший в словарь всех представительниц первой волны женского движения и обозначавший ситуацию, при которой мужчинам разрешалось многое из того, что для женщин в сексуальной жизни было признано неприемлемым (измена, полигамия, использование выгод от проституции), и, как писала Батлер, «даже тех мужчин, которые лично чисты и безупречны, заставляют убедиться посредством наблюдения за мужской распутностью вокруг них, что этот грех мужчине простителен».

Во многом именно из-за существования двойного стандарта сексуальной морали с момента возникновения женское движение в Англии апеллировало к проблеме власти сексуального дискурса. Ключевой идеей феминистской теории стало представление о том, что

сексуальные отношения между полами имеют характер отношений господства/подчинения. Еще основоположница английского феминизма Мэри Уоллстоункрафт в эссе 1792 г. «В защиту прав женщины» проводила параллели между рабством и замужеством, приравнивая замужних женщин к проституткам, ибо уважаемые британки, по ее мнению, были вынуждены продавать свое тело будущему мужу в обмен на материальные блага. Считая мужскую сексуальность социально сконструированной, Уоллстоункрафт спорила с известным убеждением о естественности мужского сексуального желания и полагала, что отказ от него мужчин может освободить их сексуальных рабынь, вынужденных заниматься «легальной проституцией».

Юридическим подтверждением существования двойного стандарта стал Акт 1857 г., согласно которому мужчина мог подать на развод по причине измены жены, в то время как женщине необходимо было доказать дополнительные обстоятельства, такие как насилие со стороны мужа или его длительное отсутствие. Подобное дискриминирующее женщин законодательство стало толчком к открытому обсуждению проблемы насилия в уважаемых британских семьях, и в качестве решения этой проблемы многие феминистки предлагали стародевичество (в 1913 г. 63% членов Женского союза были старыми девами), которое было рискованным выбором в обществе, где женщина не имела равных с мужчиной возможностей для заработка. Идеолог Женского социально-политического союза Кристабель Панкхерст заявляла, что стародевичество является политическим протестом против мужского господства: «Не может происходить спаривания между духовно развитыми женщинами нового времени и мужчинами, которые в мыслях и поведении в сексуальных вопросах стоят ниже их».

Еще одним вариантом протеста против мужского насилия и лицемерия для феминисток начала XX в. становилось лесбиянство, дававшее «эмоциональную поддержку членам группы, изолированной от всего остального общества». На пике движения активно муссировались слухи об однополый сексуальной ориентации Эммелин и Кристабель Панкхерст; открытыми лесбиянками были композитор и автор гимна «Марш женщин» Этель Смит и написавшая работу «Брак как торговля» Сесилия Хамилтон.

Помимо критики института брака, феминистки подняли вопрос и о проституции, и уже упоминавшаяся Дж. Батлер стала инициатором кампании за отмену Актов о заразных заболеваниях 1864, 1866 и 1869

гг., согласно которым жившие в гарнизонных городах и портах и подозревавшиеся в проституции женщины должны были подвергаться обязательному обследованию и отправляться в закрытые госпитали на срок до 9 месяцев в случае обнаружения венерического заболевания. Применение репрессивных мер, называемых феминистками «инструментальным изнасилованием», исключительно в адрес проституток, но не их клиентов позволяло говорить об Актах как о методе угнетения женщин.

Побочным эффектом успешной борьбы против Актов, отмененных в 1866 г., стало рождение движения за социальную чистоту. Его активистки выступали за ликвидацию угрозы заражения жен венерическими заболеваниями, но видели выход не в регулировании проституции, а в ограничении мужской сексуальной свободы. Классическим примером было эссе К. Панкхерст 1913 г. «Великое бедствие, и как с ним покончить», где автор заявила, что 75–80 % мужчин заражены гонореей, многие другие – сифилисом, и предложила в качестве выхода целомудрие для мужчин и право голоса для женщин. Иными словами, представители этого движения предпочитали распространить жесткие сексуальные предписания на оба пола: как писала Панкхерст, «суфражистки... верят в то, что мужчина может жить такой же чистой и моральной жизнью, как и женщина».

Однако среди активисток женского движения были и те, кто выступал за раскрепощение сексуальных нравов. Среди них можно назвать журналистку Дору Марсден и других авторов журнала «Свободная женщина», впервые заявивших о праве женщины быть сексуальной, что ранее ассоциировалось исключительно с проституцией, а для Марсден и ее сторонниц означало «осознание [женщинами – Д.В.] индивидуальности». Однако открытая пропаганда журналом свободной любви была чересчур радикальной для того времени: журнал обсуждал сексуальные проблемы слишком «громко, внятно и неоднократно», а большинство суфражисток не разделяли идеи Марсден и склонялись в вопросах сексуальности к морализаторству в духе Панкхерст. Это, однако, не должно ставить под вопрос революционный потенциал той критики мужской сексуальности, которую начали феминистки первой волны и которая, как утверждают некоторые историки, стала центральным вопросом всего викторианского феминизма. Однако именно идеи сторонников свободных сексуальных отношений заложили основы для произошедшего во время движения за женское освобождение 1960–1970-х гг. раскрепощения женской сексуальности, и

если в ходе первой волны британского женского движения проблема политических прав все же восторжествовала над вопросами личной, в том числе и сексуальной, жизни, то теоретики второй волны феминизма довели идею политизации сексуальности до красноречивого лозунга «личное есть политическое».

Д. Хили

Свансеа, Великобритания, Университет чтения
**THE SILENCE OF THE GULAG QUEER:
READING THE DIARY OF VADIM KOZIN**

Vadim Aleskeevich Kozin (1905 – 1994) shot to Soviet superstardom as a singer of apolitical “gypsy romance” songs during the height of Stalin’s Terror and then the Great Patriotic War. Between 1937 and 1943 he released at least 68 separate phonograph recordings of his work, including no less than three versions of his biggest hit, *Druzhiba* (Friendship). He entertained the Allies when Stalin hosted the Teheran Conference in 1943; according to one legend, Winston Churchill himself asked Stalin to let Kozin sing for him. Yet within a year he was imprisoned in the Gulag forced labour camps of Magadan in the Far East for his homosexuality and supposed anti-Soviet sentiments. Released in 1950, he struggled to rebuild his career while remaining a Magadan resident, topping the bill on tours of Siberia with the Magadan Musical Theatre in 1955 – 1956. His diary recording eighteen months “on tour” during these years offers a tantalizing glimpse of the everyday life of a Siberian superstar with a queer eye for the Soviet guy. At the same time, the diary raises troubling questions for the historian of the Gulag queer, for its provenance is problematic, its editing, somewhat dubious, and in any case, the conventional commemoration of Kozin erases all memory of his homosexual appetites. Despite these worries, to me the diary still offers exciting opportunities for the historian alert to the existential questions for Soviet queers that it poses, and for the ways in which it figures in the politics of queer visibility in today’s Russian Federation.

С.В. Мозжегоров

Москва, НИУ «Высшая школа экономики»

МУЖСКАЯ ГОМОСЕКСУАЛЬНОСТЬ В ФОКУСЕ ГЛУБИННОГО ИНТЕРВЬЮ: ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В общем ряду социально-актуализированных форм сексуальностей находится мужская гомосексуальность, включающая в себя поведенческие, ориентационные и идентификационные паттерны проявления человеческой самости (self). Выстраивание мужской гомосексуальности осуществляется в контексте социально-конструктивистского понимания, которое и является когнитивным базисом современных социальных наук в исследовании сексуальностей.

Теоретико-методологическая рамка. Исследования мужской гомосексуальности, впрочем, как и любых иных форм сексуальностей, должны находиться в единой связке с эмпирическими данными, раскрывающими особенности проявления гомосексуального как такового в условиях заданного социокультурного контекста. Между тем, фокусируясь на моментах проявления мужской гомосексуальности, мы акцентируем внимание на соотношении аспектов гомосексуальной идентификации и однополого сексуального поведения. Таким образом, референтная группа данного эмпирического исследования состоит из индивидов мужского пола (возрастной диапазон от 23 до 28 лет), имеющих осознанно-выстроенную гомосексуальную идентичность, и чьё сексуальное поведение определяется реализацией соответствующих интимных практик с представителями собственного пола.

Методикой исследования явились глубинные интервью (в количестве 9 интервью), позволившие выявить общие *типические* особенности проявления индивидами своей гомосексуальности. Тематически, мы сфокусируем внимание на проблематизации двух личностных аспектов социосексуального бытия геев: 1) фиксация и артикуляция гомосексуального Я, что и предполагает самоидентификацию индивидов; 2) гомосексуальный опыт, реализация сексуальных (интимных) практик и последующие поведенческие стратегии в контексте выстраивания межличностных и/или (вне)семейных отношений. Как показал последующий анализ транскриптов интервью, заданные тематические сюжеты формируют определенный когнитивный фрейм в понимании мужской гомосексуальности в условиях российской постсоветской действительности.

Гомосексуальная самоидентификация. Осознанное принятие гомосексуальной модели собственной личности строилось в контексте её восприятия как нормы, т.е. информанты мыслили собственную «нетипичную» форму сексуальности как вполне приемлемую социальную категорию, находящуюся вне рамок патологизации и маргинализации. В понимании информантов, быть «другим» – не значит являться носителем отклонения и иметь некий социально-предписанный статус неполноценного индивида, а значит просто иметь некую отличительную особенность от большинства. В этом смысле проблематика внутренней гомофобии информантами не актуализируется; наличие же психологических и эмоциональных переживаний связывается не с трудностями принятия собственно гомосексуального Я, а в контексте взаимодействия с окружающей социальной средой, и проблемой идентификации себя с абстрактным и негативно-стереотипизированным в российском социуме гей-сообществом.

Интересен воспроизводимый сюжет появления и осознания гомосексуального влечения, которое воспринималось информантами как вполне естественное, нормальное (*«мои влюбленности совершенно не мешали мне жить»*). В то же время влечение к своему полу фиксирует нарратив «странного желания» (*«я понимал, что это странно», «я ощущал желание того, что надо попробовать»*). На контрасте с гетеросексуальностью, гомосексуальная влюбленность понимается как «более удобная» (*«удобнее, проще общаться как-то с мальчиками»*), тогда как разнополюсные отношения могут восприниматься как «ненужные» (*«общение с девочками ненужней»*).

(Гомо)сексуальные практики. Само по себе приобретение гомосексуального опыта (в том числе т.н. *гомодебют*) происходило в контексте общего сценарного тренда становления гомосексуального Я. В этом смысле, гомодебют не воспринималось как некий эксклюзивный момент, а скорее как предсказуемый (скорее нейтральный, но не негативный опыт) шаг информантов на пути к сексуальной жизни, дальнейшей реализации гомосексуальных практик. Между тем, в отдельных случаях отмечается наличие мотивационных и целевых установок на осуществлении сексуального желания (*«я специально сделал так, что мы с ним переспали», «с моей стороны это не было случайно, это было вполне намеренно»*).

Реализацию постдебютных сексуальных практик трудно однозначно унифицировать, сведя к некому единому поведенческому паттерну.

Однако можно сказать о двух общих тенденциях реализации гомосексуального поведения. Во-первых, сценарный тренд *«секс ради секса»*, что предполагает постоянный поиск партнеров, и ориентацию на одно-разовые и кратковременные сексуальные связи и контакты (*«у меня были периоды, можно сказать блядства», «есть секс и мне этого хватает»*). Во-вторых, сценарный тренд *«секс – не главное, но важное...»*, определяющих первостепенную значимость иных (не связанных с сексом) составляющих межличностных и интимных интеракций гомосексуалов (эмоциональная близость, понимание, проявление заботы, личностные характеристики партнера). Однако и в данном контексте сексуальные практики не противопоставляются, а также презентуются как значимые и необходимые элементы межличностных отношений (*«в отношениях важно наличие положительно-доминируемых эмоций, а уж потом секс»*).

Межличностные отношения и вне/семейные ценностные ориентиры. Каждый сценарный тренд предполагает определенные усвоенные индивидами ценностные ориентиры, которые регулируют поведенческие стратегии гомосексуальных мужчин в контексте межличностных интеракций. Ценностные установки индивидов являются отображением усвоенного и накопленного ими гомосоциального опыта. В данном контексте уместно введение дихотомии *семейного/вне-семейного*. Социальный конструкт *гей-семьи*, не смотря на свою когнитивную неопределенность, распознаваем и артикулируем в нарративах информантов. Подсознательное стремление к выстраиванию гей-семейных отношений находят своё отражение, но наличие негативного опыта межличностных однополых отношений влияет на формирование скептического отношения к самой возможности заведения гей-семьи (*«я верю, что такая семья может продержаться там год-два, пять, десять лет, но они заканчиваются разрывом»*). Обнаруживаются и сюжеты осознанного непринятия и обесценивания гей-семейных отношений как таковых (*«семья, она мне не кажется чем-то обязательным, нужным, необходимым мне...»*), а также замещения приватного-семейного иными формами социальности (*«я знаю, что у меня не будет личных отношений, у меня вот будет только семья социальная»*).

Выделенные идентификационные и поведенческие аспекты бытия гомосексуальных индивидов представляются важными элементами для понимания проявления мужской гомосексуальности в российском

социуме. Методика глубинного интервью позволила нам выйти за рамки абстрактного теоретизирования, а презентовать конкретные случаи, и, в исследовательской перспективе выстроить эвристически-ценную типизацию сюжетов явления мужской гомосексуальности.

С.В. Панов, С.Н. Ивашкин

Москва, Московский институт стали и сплавов – Москва, ЦБС №3

ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРА: СОЦИАЛЬНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ И КОНСТРУКТИВНЫЙ ИДЕАЛ

Джудит Батлер – одна из классиков современной гендерологии, автор книги «Беспокойство гендера. Феминизм и субверсия идентичности»¹³⁶ пытается по-новому определить сущность гендерного конструктивизма, который имел целью, во-первых, преодолеть все формы биосоциального детерминизма, во-вторых, предложить социальную и политическую программу воспроизводства, обеспечения условий легитимности и защиты прав новых гендерных идентичностей, уже размывших границы традиционного «бинаризма».

Батлер заявляет о значимости концептуального наследия М.Фуко, для которого сексуальность явилась точкой взаимопределения удовольствия и власти, желания и закона, что уже предполагает в любом обозначении пола дискурсивный компонент, включающий пол в контекст норм и конвенций, которые установлены и развиваются и должны быть легимизированы социальным согласием для возможности функционировать. Однако гендерный конструктивизм имеет для Батлер некоторые ограничения, сформулированные в вопросе «каким способом я «конструирую» мое тело, каким способом, тело уже «сформировано» для меня и вопреки мне», оставаясь для меня весьма смутной реальностью.

Цель гендерного конструктивизма, далекого от абсолютизации субъективной власти над телесной данностью, – критиковать способы и формы биологического детерминизма, проникающие в аксиомы медицинского контроля, в психиатрический дискурс, в социальную и юридическую теорию во всех оправданиях и узакониваниях регулирующих сексуальность правил. Поэтому императив гендерного конструктивиз-

¹³⁶ Gender trouble. Feminism and the subversion of identity. L., N.Y., 1990

ма таков: мыслить интерсексуальность и пределы бинарной концепции, подвергая сомнению бинарные различия – источник всех гендерных неравенств. Отсюда гибкая политика идентификации пола как «поля различий», как конструкта, соединяющего в ситуативном балансе индивидуальные проекции, коллективные формы и властные императивы. Одна из центральных задач гендерного конструктивизма – выявить способы влияния власти на уже сконструированное тело и формы его социального конструирования. Концепция гендерного конструктивизма предполагает аксиому сконструированности самой природы, которая проявляется в перформативном функционировании гендера как своеобразном пучке контекстуальных предикатов, как фокусе рационализации чувственной данности.

Батлер заимствует из археологического словаря М.Фуко понятие «регулятивного идеала» пола, предполагающее исследование социальный регуляций пола в сообразности с идеальной нормой, самого характера регулятивных действий в их временных и пространственных модальностях, в их перформативных процессах постройки гендерного конструкта. Исходя из априори конструктивизма, Батлер считает половое воспроизводство человеческого рода только историко-социальной институцией, формирующей и развертывающей субъективное тело в его функциональности, что, разумеется, не обозначает его единственный способ существования. Материальность тела дана нам только «через призму определенного исторического дискурса», а история тела и сексуальности не предполагает, что половое воспроизводство является единственным и необходимым фактором, вокруг «которого организуются тела и сексуальности». Поэтому нет и не может быть какого-либо детерминизма и телеологии, согласно которым гендер мог бы существовать. Однако нет и не может быть сферы абсолютной свободы, которая бы преодолела все определяющее ее отношения, – свободы самоконструирования. Речь скорее идет об опыте проживания во «временной матрице властных отношений» и об определении возможностей гендерного конструирования внутри такой матрицы, чем и обусловлен весь политический пафос гендерного конструктивизма, который в рамках «демократии меньшинств» становится политической риторикой борьбы против всех видов гендерного экстремизма и доминирования, борьбы, требующей объединения усилий разных гендерных групп, конструирования их коалиций в отношении прагматического идеала социального согласия и диктуемых им политических целей.

В перспективе такого «идеал-реального» гендерного конструирования Батлер пытается переосмыслить отношения воображения и символического, порядка представления и порядка закона, указывая, что уже для Фрейда телесное самовосприятие субъекта было определено воображаемым. Однако воображаемое и «воображаемая оркестровка» гендера в философской и культурной традиции Запада было «колонизировано» маскулинной властью, что может и должно быть поставлено под сомнение. Отсюда и критика Батлер концепции закона исключения у Лакана, который объяснял механизм психического травматизма действием символического порядка. Но не ведет ли исключение символического и доминанта воображаемого в гендерном конструировании к тупику существования, в котором гендер и гендерная группа не только не могут адекватно воспринять себя и социальный контекст, но и мыслить объективные условия своего бытия, желать, реагировать и действовать?

В русле гендерного органицизма Мартин де Годмар предлагает рассмотреть гендерную идентификацию с позиций монадологии Лейбница, оправдывающей порядок универсума как органическую метаморфозу. Де Годмар отмечает, что Лейбниц никогда не смешивает живого индивида, которому его физическое тело служит основой и выражением, с отдельными активными монадами, входящими в состав этого живого тела и сообщающими ему свою энергию. Индивид как монадный агрегат наделен пассивной силой сопротивления и активной силой выражения, вписанных в пределы предустановленной гармонии. Делез – внимательный читатель Лейбница – уже указывал на несводимость отдельных монад к индивидуальным существам и персонам. Личность (персона) существует в своем теле, как тело существует в личности, что продиктовано законом взаимопроникновения в логике органической метаморфозы. Монада не выводится из индивидуальной субстанции, она выводима из субстанциальной формы (имманентной силы, определяющей ее место в универсуме). Все живые существа, организованные по прогрессивной лестнице творения, наделены чувственным восприятием и познавательными способностями согласно эвристическому и архитектурному принципу непрерывности. Восприятия и стремление к смене восприятий (аппетит) лежат в основе индивидуации любого живого существа, среди которых человек наделен еще способностью к рефлексии, исток которой – в органической сложности человеческого индивида.

Индивиды как органические «машины» – агрегаты монад в их бесконечно малых частях являются продуктами бесконечных серий других «природных машин» по принципу гармонического порождения монад и их комплексов во всеобщей логике природы. Поэтому живые индивиды в органических телах обретают в органике условие собственного воспринимающего и желающего естества. Концепт «органической машины» объединяет активность отдельных монад для того, чтобы послужить условием индивидуации любого живого существа. Лейбницевская доктрина монадологии объемлет структуру всех живущих существ независимо от того, вовлечены ли они в социально-исторический контекст или символические практики, поэтому акцент необходимо смещается от исторического как способу сосуществования волевых проектов к органическому как порядку проявления естества. Отсюда кажется безусловной связь между индивидуальностью существ и их телесностью: живой индивид может выразить мир только принадлежа целому, будучи сам отражением этого целого, где внутреннее и внешнее, сознание и бессознательное слиты воедино.

Жизнь – это становление непрерывных динамических обменов между внутренним и внешним, из которых составлена любая «природная машина». Она всегда связана с функциональностью органов. Исходное ограничение творений в их индивидуации трактуется как предел непрекращающихся метаморфоз, причина которых в многообразных изменениях монад, в своем сосуществовании создающих явленный и мыслимый мир.

В человеческих индивидах органическое тело и рефлектирующая субстанция (дух) совершенно сообразны: органическое тело «природной машины» – единственная материальность, сообразная способности рефлексии, т.к. она таким способом предустановленно создана и организована. Более того, эта материальность необходима для мыслящей деятельности в себе и над собой рефлектирующего человеческого существа, что, собственно и делает индивидов способными на личностное самоопределение. Поэтому пресловутый вопрос о биологической и социальной природе понимается здесь как вопрос о связи телесной органики, пол которого вписывается в непрерывность становления, преодолевающего противоречия, и гендере, который относится, по мнению де Годмар, к юридическому статусу личности.

РАЗДЕЛ 15. ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СЕКСУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ И ЕВРОПЫ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН

О.Н. Павлова

Москва, Институт философии РАН

НОВОЕ ВИДЕНИЕ ЖЕНСТВЕННОСТИ: ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

Интересно и информативно обратиться к необычному каноническому библейскому тексту, входящему в Старый завет «Песни песней», происхождение которого относят к эротическим фольклорным песням свадебной церемонии. Не смотря на то, что создание «Песни песней» датируется античным периодом (авторство ее приписывается иудейской мудрости царя Соломона, X век до н.с.), но свое дошедшее до настоящего времени применение она получила в религиозной христианской традиции. По своему духу она скорее отражает эпоху раннего зарождающегося христианства, его нравы, обычаи и устои в отношении вопросов «пола», «идеологии любви» и восприятия образа женщины. У самого загадочного фрагмента Библии есть два прочтения – одно из них мистико-аллегорическое, характерное для авторов раввинистического иудаизма.

Но если данный текст читать в буквальном его понимании, то это, прежде всего, повествование о женщине, в первую очередь, и о любви между мужчиной и женщиной со всеми тонкостями и деталями или о любви мужчины к женщине в большей степени, высвечивающей женщину как в лучах прожектора, по которым можно почерпнуть многое, что было характерно в восприятии женского и этих отношениях в ту далекую эпоху. За проявляющимися в песне традициями, вскрывается пропитанный сексуальностью и эротизмом определенный женский и мужской менталитет человека раннего средневековья.

Текст становится источником (пока единственным), обозначающим переломный момент в европейской культуре, знаменующий *новое видение женской сущности*, вскорости которое будет утрачено в эпоху

засилья и религиозного догматизма Средневековья. Произошедшее кардинальное изменение философии взглядов на женское при переходе от античной к христианской культуре, характеризуется «инновационными» изменениями в вопросах пола, «женской» проблематики.

В тексте читается новый по сравнению с античным образ женственности, соотносимый с открытой в христианской этике любовью «в стиле» *caritas*, основные качественные характеристики которой: сочувствие, сострадание, милосердие. Эта любовь имеет мало общего с античным Эросом, для *caritas*: «Любить означает, прежде всего, страдать. На этом основаны все нормы и правила христианской этики, в том числе и правила семейной жизни: живите в любви, не прелюбодействуйте, мужа любите жен, как тела свои, а жена да убийтца мужа». Любовь-*caritas* видится логическим эволюционным продолжением античной любви – агапэ. Древний античный эрос видится как в большей степени мужской или мускулиный, если не сказать «фаллоцентристский». Основанный на чувственной любви, он стремится к мистическому союзу между мужчиной и женщиной и получению сексуального удовольствия, отмечает Денис де Ружмон. В то время как агапе (в дальнейшем ставшая *caritas*) в основе своей заключает любовь к ближнему, приводящую к общности и вызывающее интенсивное болезненное чувство, что может быть осмыслено как сдвиг в сторону «феминной системы», женского способа любить. Именно в «идеологии» зародившейся христианской этики, пропитанная ее свойствами и качествами, четко видна наметившаяся трансформация восприятия женской субъективности.

«Песня песней» представляет редкую по тем древним временам возможность для женщины (пусть, хотя устами мужчины, но близко к ее внутренней правде) озвучить свои душевные порывы. Текст обнажает перед нами тайную тайных, невероятно искренне прямо и в зашифрованном символическом виде аллегорий боли и радости душевных переживаний женщины: «Отперла я возлюбленному моему, возлюбленный мой повернулся и ушел. Души во мне не стало, когда он говорил; я искала его и не находила его; звала его, и он не отзывался мне». Потеря мужчины, сексуальное использование мужчины, «горькая женская доля» быть соблазненной и брошенной, звучащие в сновидении Суламифи в главе 5, озвучивают «обыденную» повторяющуюся во все века трагедию женской судьбы: любви без ответа, брошенности, любовных мук, потери, неутешных страданий в поиске и

желании возвращения любимого мужчины. Мечтания женщины разбиваются о реалии жизни, где она будет покинута мужчиной, после того как он овладеет ей.

Женщина делает свой выбор сама – Сулимиць предпочитает своего возлюбленного – простого пастуха, безумно влюбившемуся в нее великому царю Соломону. Возникает до этого момента «невозможная возможность», пусть не закрепившаяся в дальнейшем, и давшая ростки, лишь спустя долгие столетия после темного Средневековья – способность и потенция женщины к самоопределению и самоосуществлению, в данном случае пока еще только в любви, но и это не так мало как может показаться сегодня с позиции современного положения женщины в обществе и ее степеней внутренней свободы, которыми она сегодня уже обладает в своем женском бытии не задумываясь.

В этом фрагменте сюжета «Песни песней» содержится глубокая нравственная и аксиологическая (относящийся к системе ценностей) смысловая нагрузка. В этом плане книга Песни Песней была несомненно «новым словом» для общества, в котором женщина находилась в крайней степени подчинения мужчине, и свобода её выбора и реализации (даже в таком глубоко личном вопросе, который сегодня видится очень женской прерогативой) себя была весьма и весьма ограничена, если не сказать что ее совсем не было.

И. В. Игнатенко

Киев, Киевский государственный университет

ЖЕНСКОЕ ТЕЛО КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ)

Женское тело было объектом строгого контроля сельского социума с начала полового созревания женщины и до угасания ее репродуктивной сферы. Существовали строгие предписания, запреты, ограничения в связи с женской физиологией. Так, во время месячных на женщину, которая считалась в этот период «нечистой», накладывался ряд табу в религиозной, обрядовой, хозяйственной, общественной деятельности, сексуальной жизни. Например, она не могла участвовать в родильных обрядах, навещать роженицу и новорожденного, так как, согласно народным поверьям, это могло плохо отразиться на новорожденном. Табу налагалось и на саму роженицу, которая считалась «нечистой» в течение 40 дней после родов.

Важным этапом в развитии женской физиологии следует считать дефлорацию – первый половой акт и лишение девственности. Этот интимный процесс также не был личным делом девушки и ее мужа, а становился объектом пристального контроля со стороны громады. Согласно канонам украинской традиционной культуры, она должна была потерять девственность во время свадебного обряда, в «коморе» – нежилом хозяйственном помещении (отсюда и пошло название этого обряда – «комора»), куда, вместе с женихом, ее провожала многочисленная родня. При этом молодых осматривали, чтобы где-либо в вещах не был спрятан предмет, с помощью которого можно было сделать надрез и сымитировать дефлорацию. Молодых оставляли в «коморе» не более получаса, а затем выносили простыню и демонстрировали собравшимся на свадьбе. Если на ней была кровь, это приводило к всеобщей радости, ликованию, прославлению чести молодой и ее семьи. В противном случае невесту и ее родню бранили, унижали, показывая всеми способами презрение как к «гулящей».

Следующим важным этапом в женской физиологии следует считать половую жизнь, беременность и роды. В традиционном обществе использование контрацептивов и аборт (хотя техника и была известна) считалось недопустимым и греховным. По народным воззрениям, женщина должна была рожать столько детей, сколько зачиналось. Любая контрацепция или прерывание беременности осуждались.

Сексуальная жизнь регламентировалась. В определенные периоды иметь половые отношения считалось недопустимым – это посты (многодневные и однодневные), кануны праздников и обрядово-ритуальных действий, поминальные дни. Такие запреты были связаны прежде всего с представлениями о половом акте как «нечистом». Исходя из него, климактерий считался возвращением женщины в «чистое» состояние, которое исключало и половую жизнь.

М.В. Васеха

Москва, Институт этнологии и антропологии РАН

«МЕНЯ МИЛОЙ РАЗЛЮБИЛ»: СТАНОВЛЕНИЕ НОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СРЕДЕ МОЛОДЕЖИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СИБИРИ 1920-х ГГ.)

В 1920 – х гг. молодая советская власть делала «ставку» на молодое поколение. В художественных зарисовках из жизни народа, даже в рассказах из учебников того времени, именно молодое поколение на-

ходило правильные решения вопросов, здраво рассуждало о различных проблемах, поучало и личным примером показывало старшему поколению, как нужно жить правильно¹³⁷. Модернизация общества в русле молодой советской политике подразумевала разрыв между поколениями, а именно: устранялась преемственность, подрывалась существующая система ценностей. В стране должен был родиться «новый советский человек», не отягощенный связями с «буржуазным прошлым», без «патриархальных пережитков» в сознании, работающий на идею социалистического строительства советского государства. Русская крестьянская семья, базовые ценности которой не коррелировали с новой политикой, являлась одним из препятствий к коренной ломке сознания населения.

Появление знаменитой теории о том, что будто бы «в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовную потребность так же просто, как выпить стакан воды»¹³⁸, принципиально изменило отношение части молодежи, к половой жизни. Провозглашение «половой свободы», идеи обобществления жен и детей некоторые восприняли в буквальном смысле. Партийные документы 1920-х годов сообщают, что «обнаружен центральный комитет свободы любви», у которого есть определенный устав, задания и т.д.

В периодической печати в первой половине 1920-х годов в рубрике «Борьба за новый быт» нашла отражение дискуссия о том, что такое «семья», нужна ли регистрация отношений в загсе? Корреспондент газеты «Путь молодежи» Марнупольский не был согласен с теми, кто утверждал, что «если мы, мол, друг друга любим, то и без Загса будем жить, а если нет, и с регистрацией разойдемся». «Так, – пишет автор, – да уж больно зазорны наши ребята, если бы брак ограничивался только любовью, а ведь каждый из нас старается любовь девушки использовать на 100 % и получить все 24 удовольствия, а у девушки че-

¹³⁷ См. например, П. Муравей. Бабыя революция // Красная сибирячка. 1922. № 2 – 3. С. 3 – 6; Зорский А. Семейный митинг...// Красная рубашка. 1928. № 2. С. 1–2.

¹³⁸ Партийная этика: Документы и материалы дискуссии 20-х годов. Под редакцией А.А. Гусейнова и др. М., 1989. С. 333, С. 199.

рез девять месяцев появляется «результат», и после этого парень начинает выявлять отрицательные стороны девушки...»¹³⁹.

Периодическая печать 1920–х гг. содержит массу примеров своеобразного понимания деревенскими парнями положений о «новом быте». Например, в газете «Путь молодежи» было опубликовано, что секретарь ячейки РЛКСМ села Батама Зиминского уезда Иркутской губернии Оленхович «женится недавно на девушке–крестьянке, а через две недели сказал: «Слушай, ты мне больше не нужна. Вот тебе восемь рублей. Кстати, сними ботинки, они на мои деньги куплены». Ушла, что делать. Оленхович взял ботинки и подарил их другой... На комсомол девушки смотрят косо»¹⁴⁰. Корреспондент газеты К. Ривик в очерке «Свадебный обоз» ведет рассказ о комсомольце Кольке Крутилове, меняющем «жену» каждые две недели. «И не один такой Колька, – пишет автор, – много их, и плодят эти Кольки страдания девушкам, называемым позорным словом «брошенки». А много их теперь в деревне. Ходят они с девочками и поют вымученную ими скорбную частушку «Дайте–дайте мне уздечку»:

Дайте, дайте мне уздечку // Дайте быстрого коня,
Сяду, сяду и уеду // Бросил миленький меня
Ветер дует, надувает, На дороженьку песку,
Меня «брошенкой» считают, Навевают все тоску¹⁴¹.

Изменения морали в брачной и семейной жизни сибирского сельского общества отметились в бурно расцветшим в те годы народном жанре *частушек*. В частушках очень точно, с юмором отражались происходившие в обществе события. Известная сибирская исследователь–этнограф начала XX в. М. Бородкина¹⁴² в деревнях Томского края, исследователь М. Слободский¹⁴³ в селе Коларово Томского окр.

¹³⁹ Марнупольский // Путь молодежи. 16 марта 1924. № 11. Л. 3.

¹⁴⁰ О новом быте // Путь молодежи. 25 ноября 1925. Л. 3.

¹⁴¹ Ривик К. Свадебный обоз // Путь молодежи. 25 ноября 1925. Л. 3.

¹⁴² Бородкина М. Частушки // Труды Томского краевого музея. Т. 1. Томск. 1927. С. 90–94; Бородкина М. Деревня Иткара Томского края. Хозяйственно – бытовые очерки. Томск. С. 20–23.

¹⁴³ Слободский М. Песни с. Коларово, Томского округа // Труды Томского краевого музея. Т. 1. Томск, 1927. С. 95 – 109.

собрали в 1920–х гг. обширный этнографический и фольклорный материал, в котором значительное место заняли частушки. Сибирские журналы на своих страницах публиковали ставшие столь популярными в народе частушки, присылаемые сельскими корреспондентами¹⁴⁴. Носительницей частушечного творчества была молодежь. Информаторами М. Бородкиной и М. Слободского были девушки 12 – 23 лет¹⁴⁵.

Абсолютное большинство частушек были посвящены отношениям между полами, отражая их раскрепощение и распространение в среде молодежи понятия романтической любви. В некоторых из них выражается отношение к свободному добрачному общению молодежи старшим поколением, родителями. В частушках отражается усилившееся в 1920–х гг. противопоставление мира молодежи миру родителей – ограничителей поведения и блюстителей морального облика молодого поколения:

<p>Шила милому кисет, Покуль мамы дома нет. Мамонька за скобочку, Я кисет в коробочку. (М. Бородкина).</p> <p>Там – там, по задам, Ласточка летала; Третий годик милый ходит, Мамонька не знала. (М. Слободский).</p> <p>Я на тятеньку, на маменьку Составлю протокол. Приду рано, приду поздно И ложусь на голый пол (М. Бородкина).</p>	<p>Меня мамочка лупила, Помутила в глазах свет, Повареночкой лупила За малиновый кисет (М. Бородкина).</p> <p>Мамонька ругается: Куда платки деваются. Она не здогадается, Что милый утирается. (М. Бородкина).</p> <p>Я сидела на полешке, Ела пряники, орешки. Мама била по щекам, Не гуляй с прикащиками (М. Бородкина).</p>
---	---

¹⁴⁴ Например: Деревенские частушки, собранные деревенскими корреспондентами // Сибирская деревня. 1924. № 3. С. 3.

¹⁴⁵ Информаторы: Аграфена Ложкина, девица 16 лет, Александра Скороходова, девица 13 лет // Бородкина М. Деревня Иткара Томского края. Хозяйственно–бытовые очерки. Томск. С. 20–23.; Информаторы: Наталья Одинцова, девица 23 лет, Таня Карташова, девица 15 лет // Слободский М. Песни села Коларова, Томского округа // Труды Томского краевого музея. Т. 1. Томск. 1927. С. 95 – 109.

Образ девушки, который вырисовывается из бытовавших в то время частушек – это скорее «разбитная девица», мечтающая о романтической любви, с активной жизненной позицией вопреки традиционному представлению о скромном поведении девушки. Однако отсюда не следует, что «раскрепощение» сельской женщины означало ее феминизацию, то есть осознание женщиной себя как независимой творческой личности, стремящейся преобразовать окружающую действительность. Девушка традиционно не мыслила себя без мужчины, без потенциального жениха, о чем и пела в частушках.

Многочисленные источники указывают на то, что в сибирской деревне 1920–х годов наблюдалось «падение нравов», дефамализация социальной жизни, примитивизация моральных норм, связанных не только с отношениями между полами, но и в отношении собственных детей. Во многом это было связано с поддерживаемыми государством процессами разрушения «устоев» старой семьи, упрощавшимися половыми отношениями, политикой по «раскрепощению» женщин.

Е.С. Сенявская

Москва, Институт российской истории РАН

ЖЕНЩИНЫ ЕВРОПЫ В 1944 – 1945 ГГ.

ГЛАЗАМИ СОВЕТСКИХ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ

На завершающем этапе Великой Отечественной войны, освободив оккупированную немцами и их сателлитами советскую территорию, Красная армия перешла государственную границу СССР. Начался ее победоносный путь по странам Европы – и тем, которые шесть лет находились под фашистской оккупацией, и тем, кто выступал в войне союзником III Рейха, и по территории самой гитлеровской Германии. В ходе продвижения на Запад советские военнослужащие получили немало противоречивых впечатлений о представителях других народов и культур. Среди них важное место занимал образ европейских женщин.

Первой европейской страной, в которую в августе 1944 г. вступила Красная Армия, была Румыния, где советские военнослужащие «впервые встретились с борделями». Борис Слуцкий отмечал: «Наверное, наши солдаты будут вспоминать Румынию как страну сифилити-

ков...»¹⁴⁶. Подполковник Федор Смольников 17 сентября 1944 г. писал из Бухареста: «Публика разодета, красивейшие румынки лезут глазами вызывающе...»¹⁴⁷

У молодых, физически здоровых мужчин была естественная тяга к женщинам. Но легкость европейских нравов кого-то из советских бойцов развращала, а кого-то, напротив, убеждала в том, что отношения не должны сводиться к простой физиологии. Посещение – как правило, из любопытства, – публичного дома, по свидетельству многих, оставляло «неприятный осадок» и чувство брезгливости¹⁴⁸, причем не столько из-за страха перед заражением или дороговизной, сколько из презрения «к самой возможности купить человека»¹⁴⁹.

В Польше, по словам Д.Самойлова, «не встречалось ничего шляхетского и рыцарского. Напротив, все было мещанским, хуторянским – и понятия, и интересы... Впрочем, женщины были утешительно красивы и кокетливы, они пленяли нас обхождением, воркующей речью, где все вдруг становилось понятно, и сами пленялись порой грубоватой мужской силой или солдатским мундиром...». Младший лейтенант Владимир Гельфанд писал в своем дневнике о «красивых полячках, гордых до омерзения». 22 ноября 1944 г. среди впечатлений о городе Минске-Мазовецком он особое место уделил горожанкам: «Шумная праздная толпа, женщины, как одна, в белых специальных шляпах, видимо от ветра надеваемых, которые делают их похожими на сорок и удивляют своей новизной... Крашенные губки, подведенные брови, жеманство, чрезмерная деликатность...». Не только горожанки, но и селянки производили сильное впечатление. «Воскресный день в польском селе, – вспоминал Александр Родин. – Красивые, элегантные, в шелковых платьях и чулках женщины-польки, которые в будни – обычные крестьянки, сгребают навоз, босые, неумоимо работают по хозяйству. Пожилые женщины тоже выглядят свежо и молодо... Розовоцекие девушки – «паненки». Красиво завитые белокурые прически...»¹⁵⁰

¹⁴⁶ Слуцкий Б. Записки о войне. Стихотворения и баллады. СПб., 2000. С. 48.

¹⁴⁷ Смольников Ф.М. Воюем! Дневник фронтовика. М., 2000. С. 228 – 229.

¹⁴⁸ Родин А. Три тысячи километров в седле. Дневники. М., 2000. С. 127.

¹⁴⁹ Слуцкий Б. Указ. соч. С. 46 – 48, С. 70 – 71, С. 107, С. 110, С. 127, С. 128.

¹⁵⁰ Родин А. 3000 километров в седле. Дневники. М., 2000. С. 122 – 123.

В Венгрии «женщины, не столь развращенные, как румынки, уступали с постыдной легкостью». Здесь воспитанные в патриархальных традициях русские узнали, что венгерская девушка, «прежде чем войти в брак, с одобрения родителей может испытать близость со многими мужчинами»¹⁵¹, чтобы выбрать наиболее подходящего партнера.

В Австрии, куда советские войска ворвались весной 1945 г., они столкнулись с «повальной капитуляцией». Именно здесь, по словам Б.Слуцкого, солдаты «дорвались до белообрисых баб». При этом «австрийки не оказались чрезмерно неподатливыми. Подавляющее большинство крестьянских девушек выходило замуж «испорченными», а горожанки традиционно отличались свободой нравов.

Но наибольшее впечатление на победителей произвела покорность и расчетливость немцев. В мемуарах описаны случаи, когда солидные фрау обращались к советским комендантам с предложением организовать «сексуальное обслуживание» русских, выделив несколько десятков женщин помоложе, мотивируя это тем, что «у солдат есть маленькие потребности»¹⁵². В советских войсках бытовало мнение, что «все немки развратны. Они ничего не имеют против того, чтобы с ними спали»¹⁵³. И подкреплялось это не только наглядными примерами, но и неприятными последствиями – ростом венерических заболеваний в армии. Специально выпущенная листовка предупреждала: «Товарищи военнослужащие! Вас соблазняют немки, мужья которых обошли все публичные дома Европы, заразились сами и заразили своих немцев».

Практичных немцев больше всего волновал вопрос о снабжении продовольствием. Процветала проституция, а формой оплаты становились продукты питания или универсальная валюта – сигареты. В мае 1945 г. австралийский военный корреспондент Осмар Уайт писал об открытии ночных кабаре в Берлине: «Щеки берлинских женщин бы-

¹⁵¹ Чухрай Г. Моя война. М., 2001. С. 258–259.

¹⁵² Самойлов Д. Люди одного варианта. Из военных записок // Аврора. 1990. № 2. С. 88.

¹⁵³ Богомолов В.О. Жизнь моя, иль ты приснилась мне?.. // Наш современник. 2005. №№ 10–12; 2006. № 1.

ли нарумянены, а губы покрашены так, что казалось, что это Гитлер выиграл войну. Многие женщины были в шелковых чулках»¹⁵⁴.

Общее впечатление от европейских женщин, сложившееся у советских военнослужащих, – холеные и нарядные, доступные, корыстные, распушенные либо трусливо покорные. Исключением стали неприступные югославки и целомудренные болгарки. Но в остальных странах, через которые прошла армия победителей, женская часть населения не вызывала к себе уважения¹⁵⁵. Среди мотивов, способствовавших распространению «международной любви», было и женское любопытство к «экзотическим» любовникам, и невиданная щедрость русских к объекту своих симпатий, выгодно отличавшая их от прижимистых европейских мужчин¹⁵⁶. При этом никто не помышлял о серьезных отношениях, о браке, так как было известно, что военнослужащим Красной армии запрещено жениться на иностранках¹⁵⁷.

В целом следует признать, что образ европейских женщин, сформировавшийся у воинов Красной армии в 1944 – 1945 гг., за редким исключением, оказался весьма далек от страдальческой фигуры с закованными в цепи руками, с надеждой взирающей с советского плаката «Европа будет свободной!».

О.В. Змеева

*Апатиты, Центр гуманитарных проблем Баренц-региона
Кольского научного центра РАН*

СЕКСУАЛЬНЫЕ РОЛИ В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ

В настоящей работе мы обратимся к гендерному аспекту взаимодействия этнических мигрантов и постоянных жителей Кольского Севера. Этнические мигранты в постперестроечный период заняли свою нишу в узкоспециализированной экономике малых городов Мурманской области – торговлю. Стереотипное восприятие приезжих привело к конкуренции представителей этнических групп в различных сферах.

¹⁵⁴ White Osmar. *Conquerors' Road: An Eyewitness Account of Germany 1945*. Cambridge, 2003 [1996].

¹⁵⁵ Слуцкий Б. Указ. соч. С. 71, 99, 177 – 178.

¹⁵⁶ Из интервью с Д.Ф. Златкиным от 16 июня 1997 г. // Личный архив.

¹⁵⁷ Богомолов В.О. Указ. соч.; Слуцкий Б. Указ. соч. С. 180 – 181.

Так, представление о «кавказцах» как о рыночных торговцах, таксистах или террористах часто дополняется образом любвеобильного мужчины – завоевателя русских женщин¹⁵⁸.

Материалами для исследования стали полуструктурированные интервью с постоянными жителями малых городов области, публикации в СМИ, письменные интервью–размышления и самозаписи студентов Гуманитарного факультета Кольского филиала Петрозаводского ГУ (г. Апатиты), направленные на выявление образа «кавказца».

Анализ полученных материалов показал, что «кавказец» в представлении северян, всегда ассоциируется с представителем сильного пола. Если попытаться объединить ассоциации, которые относятся, прежде всего, к внешности, то можно нарисовать следующий портрет «выходца с Кавказа». Он смугл, кареглаз, у него большой нос, густые брови, черные волосы, он отпускает бороду. Жена всегда находится «в тени» мужа, она хорошая домохозяйка и хранительница очага¹⁵⁹. Женам «кавказцев» местные жители, сочувствуют: считается, что они остаются с детьми на этнической родине и ждут возвращения супруга, догадываясь при этом, об активной сексуальной жизни в другой стране. Представления принимающего населения о переезде этнических мигрантах заключается в простой формуле – приезжает один, чтобы закрепиться, обосноваться. В качестве причины одиночной миграции указывают экономические стимулы, легкость интеграции, высокую степень свободы (в том числе и в интимных отношениях)¹⁶⁰.

В итоге, жены «кавказцев» и вообще кавказские женщины представлены вполне традиционно, они занимают позиции отличных хозяек, любящих жен и матерей, но сами не являются любимыми женщинами. Кавказский мужчина разграничивает интимные отношения в семье, направленные на продолжение рода, и вне семьи, ориентированные на получение удовольствия.

¹⁵⁸ Дятлов В.И., Дорохов Д.А., Палютина Е.В. «Кавказцы» в российской провинции: криминальный эпизод как индикатор уровня межэтнической напряженности // Вестник Евразии. 1995. № 1. С. 46–63.

¹⁵⁹ Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001. С. 268 – 273.

¹⁶⁰ Дятлов В.И. Торгаши, чужаки или посланные богом? (симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки). М., 2006. С. 112.

В отношении к местным женщинам «кавказец» демонстрирует две противоположные поведенческие модели: «нахальное» и, наоборот, благородное, отношение к русским женщинам. Условно мы назовем такие типы поведения «потребительским» и «рыцарским». Конечно, о первом варианте чаще размышляют мужчины, а о втором склонны рассуждать больше женщины. В результате «кавказец», попадая в новое социальное окружение, потенциально представляет опасность для мужчин, проживающих на данной территории, он становится для них конкурентом не только в сфере занятости, но и в сфере взаимодействия с женщинами.

Составной частью образа «кавказца» становится отношение к русской женщине как к объекту сексуального наслаждения. Сексуальная активность списывается на традиционную полигамию выходцев с Кавказа. Возмущение и осуждение вызывает поведение русских девушек, которые вступают с мигрантами в интимные отношения. При этом, сексуальные связи не вызывают удивления, например, между этнически «родными» мужчинами и женщинами. Как правило, внешнее осуждение возникает, если затрагиваются интересы различных социальных и возрастных групп. Но тесные взаимодействия русских с «кавказцами» воспринимаются местными жителями как естественно невозможные. Происходит неформальная купля–продажа, хотя такое поведение «русских» не оценивается как способ заработка. Это противоречие дополняется проблемой значения терминов «проституция», «проститутка», их однозначностью в сознании обывателя. Еще больше усугубляет ситуацию этнический фактор.

С точки зрения «продажности», «расчетливости» могут быть оценены любые взаимоотношения между полами, людьми разного статуса и возраста – между людьми, изначально не равными. «Продажность» же «местным» женщинам приписывается только по отношению к определенной иноэтнической группе («кавказцам»), на похожие ситуации внутри этнической группы такая точка зрения не распространяется. Женщины очаровываются обещаниями «красивой» жизни, материальной обеспеченности, а в итоге отношения с «кавказцами» (в реальности же и не только с ними) превращаются в схему: товар – деньги.

Мигрант–«кавказец» в массовом представлении наделяется статусами различного уровня. С одной стороны, это низкий социальный статус, чаще всего рыночного торговца. С другой стороны, «кавказцам» приписывают высокий сексуальный статус. Повышенная сексу-

альная активность в большей степени приписывается молодым «кавказцам» и является отталкивающим фактором межэтнического взаимодействия. Снижение же сексуальной активности с возрастом становится основанием для положительной оценки «гостей с юга».

Таким образом, взаимодействия этнических групп может проходить по принципу взаимодействия между полами. Женщины положительно оценивают сексуально активных мужчин, пусть даже внешне их не устраивающих. Потребительское отношение к русским девушкам (или к девушкам тех этнических групп, которые для «кавказцев» сексуальны) может быть объяснено необходимостью повысить социальный статус, жениться на местной женщине – перестать быть мигрантом, получить гражданство и уважение обеих групп; удовлетворением сексуальных потребностей без обязательств; более легкой адаптацией в принимающем сообществе.

А.М. Кадникова

С.-Петербург, Европейский Университет в С.-Петербурге

**ГЕНДЕРНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
СЛУЧАЙ АНТИАБОРТНОЙ АКТИВИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «МЕЖ-
ДУНАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ ПРОЛАЙФЕРОВ «ВОИНЫ ЖИЗНИ»**

Один из общественных дебатов, происходящих на данный момент в России, строится вокруг вопроса о том, в какой степени законодательные акты должны регулировать доступ к процедуре искусственного прерывания беременности. На протяжении советской и российской истории правила доступа к процедуре несколько раз претерпевали кардинальные изменения, однако на начало 1990х являлись самыми либеральными в мире. В контексте пост-советского неотрадиционализма и дискурсов о демографическом кризисе и необходимости повышения рождаемости продолжается постепенное ужесточение законодательства в отношении аборт. В российском дебате с обеих сторон принимают участие политики, врачи (как секулярные, так и православные), религиозные деятели, демографы, социологи, представители некоммерческих организаций (НКО), а также активисты инициативных групп. Происходит мобилизация как противников ограничений, так и сторонников дальнейшего ужесточения формальных правил доступа к процедуре, вплоть до полного ее запрета.

Работа будет посвящена исследованию мобилизации активистов, участвующих в деятельности организации «Воины Жизни», выступающей за запрет абортов в России, а также аргументации, используемой активистами для защиты своей позиции в отношении абортов. В то время как достаточно большое количество литературы посвящается исследованию антиабортной мобилизации по всему миру (например, в США, см. Munson, Herring, Maxwell), в России гражданская мобилизация, нацеленная на ограничение доступа к процедуре или ее запрет остается явлением неизученным. Организация «Воины Жизни» (полное название – «Международное движение пролайферов Воины Жизни») является группой активистов, выступающих против абортов на основании своих религиозных взглядов. Участники организации оказались в ней, предварительно участвуя в различных церковных мероприятиях (например, посещая воскресные школы или церковный молодежный клуб; о существовании организации будущие участники узнавали от священников). Организация образовалась на базе православного просветительского центра помощи беременным женщинам («Православный медико-просветительский центр Жизнь»), однако отделилась от него на основании желания участвовать в непосредственном активизме («движухе» по выражению лидера организации), а не только в просветительской работе и помощи оказавшимся в кризисной ситуации. Целью организации является полное законодательное запрещение абортов в России. Можно выделить несколько основных направлений деятельности организации: уличные протесты (регулярные пикеты клиник планирования семьи, «абортариетов», одиночные пикеты у Государственной Думы РФ). Протесты сопровождаются чтением молитв. Участники используют крупные плакаты с изображением абортированного материала – иными словами, используется тактика визуального шокирования в публичном пространстве. Далее выделим просветительскую деятельность – проведение лекций в университетах С.-Петербурга. В ходе лекций производится отсылка к экспертному знанию. Религиозные аргументы упоминаются в последнюю очередь, при этом лекции проводятся врачами, которые при проведении их апеллируют к своему статусу эксперта. Важным аспектом деятельности организации является привлечение внимания СМИ – даже негативные репортажи об организации приветствуются ее участниками. Лекции в университетах проводятся врачами-участниками (хотя эти

врачи не являются гинекологами, они используют свой статус врача-эксперта в аргументировании своей позиции).

Хотя ряд аргументов, приводимых «Воинами Жизни», встречается и среди антиабортных активистов других стран (например, статус фетуса как человека, заявление о начале человеческой жизни после зачатия, греховность процедуры, приравнивание процедуры к убийству, некоторые из аргументов специфичны российскому контексту:

Аборты как символ «кровавого» коммунистического прошлого. «Воины Жизни» призывали на одном из пикетов снести все памятники «детоубийце Ленину». Аборт рассматривается как неразрывно связанный с «темным», по мнению антиабортных активистов, коммунистическим прошлым. «Воины» устанавливают символическую связь между абортами и геноцидом или нацизмом. Как пишет Обухов, аборты разрешались и даже поощрялись нацистами на оккупированных территориях. Отдельно говорится о запрете аборта как методе приобретения к передовым государствам мира. В антиабортном дискурсе производится апелляция к международному опыту в целом и западному опыту в частности. Отказ от аборта описывается как метод модернизации России, выведения ее из списка стран с низкими мировыми статистическими показателями (в этом плане одно из первых мест по числу абортов упоминается в таком же плане, как и одно из последних в рейтинге коррумпированности). В соответствии с такой риторикой либеральный подход к доступу к абортам в России является своеобразным символом «отсталости» – аборты требуется запретить для того, чтобы стать ближе к более развитым странам. Более того, «Воины Жизни» связывают катаклизмы и экономические проблемы, происходящие в мире и особенно в России с большой распространенностью абортов – убийств, за которые человечество карается богом). Следствием запрета абортов, по логике «Воинов жизни», станет улучшение благосостояния в стране.

РАЗДЕЛ 16. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Е.Н. Меньшикова, Н.Н. Иванова

Белгород, Белгородский гос. нац. исследовательский университет

ДЕЛОВАЯ АКТИВНОСТЬ ЖЕНЩИН–КУПЧИХ В ЛЕГКОЙ И ПИЩЕ- ВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В конце XIX – начале XX века в России промышленность являлась отраслью экономики, проявлявшей наиболее быстрые темпы в развитии. В это время в Курской губ. мелкие промышленные предприятия представляли собой большинство, и составляли одну из главных сфер приложения деловой активности купечества вообще и женщин–купчих конкретно. Отрасли лёгкой и пищевой промышленности, не требующие крупных капитальных затрат на сооружение и эксплуатацию заведений, окупали себя и обеспечивали владельцу прибыли в короткие сроки.

Среди отраслей пищевой промышленности Курской губ. исследуемого периода мукомольно–крупяное производство было одной важнейших. Так, в Курской губ. водяные мукомольные мельницы содержали в 1893 году М.В.Черникова в Краснополянской вол. Щигровского у.; в 1899 году – А.М.Перепёлкина в с. Муравлево Курского у., производившая пшеничную муку¹⁶¹. В 1893 г. М.Н.Степановой принадлежала мукомольная мельница, находившаяся в дер. Волобцовой Каменевской вол. Курского у.; мельница выпускала пшеничную муку и пшеничные отруби. В этот же период фатежская купчиха Е.Г.Щедрина владела водяным мукомольным заводом, производившим ржаную муку в дер. Овсянниковой Фатежского у.¹⁶².

Наряду с производством муки предприятия, принадлежавшие женщинам–купчихам, специализировались на переработке различных круп. Так называемые крупорушки производили пшеничную, ржаную и гречневую крупу. Так, например, в 1893 году гречневую крупу выпускали конная крупорушка купчихи А.Р.Лапшиной в Курске

¹⁶¹ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 109. Л. 77, 281, 376.

¹⁶² ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 109. Л. 199.

на Золотаревской улице; пшеничную – крупорушка купчихи А.М.Поволяевой на Белгородской улице в г. Старый Оскол¹⁶³.

Значительная доля промышленных заведений купчих относилась к масложировой промышленности. Примерами подобных предприятий, содержащихся купчихами в пер. половине 90-х гг. XIX в., являются следующие: паровой маслобойный завод в слободе Чернянка, принадлежавший купчихе Е.В.Марковой; маслобойный завод в г. Дмитрове К.С.Прокоповой, специализировавшийся на выработке конопляного масла; маслобойное предприятие купеческой жены Е.А.Марьиной в Рыльске, производившее конопляное масло.Ещё одной заметной отраслью производства, которая представляла интерес для женщин купеческого сословия Курской губ., была винокуренная и пивоваренная промышленность. Так, пивомедоваренный завод А.И.Квилиц являл собой одно из крупнейших предприятий такого типа¹⁶⁴. К предприятиям винодельческой промышленности относился водочный завод по изготовлению, который в 1893 г. в Белгороде содержала купчиха А.В.Пацева, выпускавшая водку, наливки и очищенное вино.

В конце XIX века табачная торговля стала одним из самых выгодных коммерческих предприятий. Женское купеческое предпринимательство в этой сфере в Курской губернии было представлено деятельностью купчихи Н.А.Лавровой, фабрика которой специализировалась на переработке русского и иностранного табака, выпуске курительного табака четырёх сортов и папирос¹⁶⁵. Предприятие купчихи Лавровой развивалось быстрыми темпами, о чём свидетельствовало увеличение штата рабочих со 100 человек в 1901 году до 800 в 1916 году¹⁶⁶.

В конце XIX – начале XX в. в Курской губ. Женщины-купчихи проявляли активность и в перерабатывающей промышленности. Принадлежавшие им мыловаренные и свечные заводы, занимаясь переработкой животных продуктов, производили товары, необходимых в быту. К примеру, в 1893 г. купчихе В.Ф.Голевой принадлежал завод по

¹⁶³ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 109. Л. 380, 352.

¹⁶⁴ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 110. Л. 5 об.; Там же. Д. 109. Л. 77, 109, 211, Ф 23. Оп. 1. Д. 16. Л. 271.

¹⁶⁵ ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 1882. Л. 468, 468 об.

¹⁶⁶ ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 1882. Л. 468.

изготовлению восковых свечей в с.Чёрная Поляна Старогородской вол.; в 1893 г. в Курске М.И.Желомаяевой принадлежал парафиновый завод¹⁶⁷. Мыловаренными заводами владели в 1893 г. П.Н.Беляева в Пригородней вол. Путиловского у., В.В.Баркова в Новом Осколе на Набережной улице, А.В.Перепелкина в Курске на Московской улице и в 1900 году А.М.Перепёлкина там же на Херсонской улице¹⁶⁸.

Реализовать свой предпринимательский потенциал, женщины купеческого сословия могли, и владея заводами по обработке шерсти. Отрасли обрабатывающей промышленности, в которых проявляли активность женщины купеческого сословия Курской губ., не ограничивалась переработкой животных продуктов. К примеру, в 1893 году в Пригородской вол. Курской губ. купчихе О.С.Нечаевой принадлежал завод по обработке извести.

Таким образом, в конце XIX – начале XX века относительно крупные промышленные заведения в Курской губ., владелицами которых становились женщины-купчихи, были довольно редки. Приоритетными отраслями промышленности для женщин купеческого сословия Курской губернии в конце XIX – начале XX века были пищевая и легкая промышленность. Основными их отраслями, были мукомольно-крупяная, масложировая и пивоваренная; в меньшей степени – хлебопекарная и табачная.

Е.В. Муравьева

Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова

ЖЕНСКОЕ ОТХОДНИЧЕСТВО В ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

В конце XIX – начале XX в. участие крестьянок в отхожих промыслах увеличивается и становится более активным. Это происходит в силу ряда причин, во-первых: в пореформенный период положение женщин в семье изменяется, что приводит к большей самостоятельности. Во-вторых: отходничество в Ярославской губернии было достаточно широко распространено и являлось важным элементом экономики пореформенной деревни.

¹⁶⁷ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 109. Л. 123; ГАКО. Ф. 4. Д. 109. Л. 23.

¹⁶⁸ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 109. Л. 158, 180, 321; ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 77. Л. 428.

В основном в отходе участвовали молодые, незамужние женщины, которые через несколько лет возвращались в деревню, вдовы без детей или чьи дети стали взрослыми, одинокие женщины потерявшие шансы выйти замуж. Нередко крестьянки уезжали в город вместе со своими мужьями, но встречались случаи, когда отхожими промыслами занимались и замужние женщины, ушедшие от своих мужей¹⁶⁹.

Можно выделить несколько направлений отхожих промыслов крестьянок Ярославской губернии. Основной поток отходников приходился на С.-Петербург и Москву. В 1901 г. в Ярославской губернии 75, 7% женщин трудились за пределами родной губернии, а 20, 7% уходили на заработки в свой уезд и губернию, что указывает в свою очередь на то, что для ярославских крестьян более свойственен дальний отход¹⁷⁰.

Как отмечает Б.Н. Миронов в своей работе «Социальная история России» отход давал женщине экономическую независимость и расширял ее кругозор. Так же это свидетельствовало о трансформации традиционных взглядов на роль женщины в семье и крестьянском хозяйстве¹⁷¹. Так например крестьянка Мышкинского уезда Плосковской волости деревни Иванищева Анастасия Семенова проживающая в Петербурге, просила о выдаче ей отдельного от мужа вида на жительство. Называя при этом следующие причины: «...прошу Вас пожалуйста выдать мне вид на жительство отдельный от мужа, я уже не живу с ним 2 года и не желаю с ним жить, жизнь моя была с ним невыносима, что я когда была в деревне, то свекровь, или его мать, сделала совместную жизнь не возможной, а со стороны мужа терпела одни побои и дурное обращение, конечно плохие примеры для детей ...»¹⁷².

Из приведенного выше документа мы видим, что крестьянка считает веским аргументом в пользу отдельного от мужа проживания грубое к ней отношение, придирки свекрови, и говорит, что все это подает плохой пример детям. По видимому ее представления о семье, и положении женщины в ней были сформированы городом и городской

¹⁶⁹ Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Т.1. СПб., 2007. С. 244 – 245.

¹⁷⁰ Александров, Н.М. Отхожие промыслы крестьян Верхнего Поволжья в конц. XIX – нач. XX вв. Ярославль, 2007. С. 33–34.

¹⁷¹ Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 244.

¹⁷² ГАЯО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1881. Л. 9.

жизнью, что противоречило патриархальной модели семьи, основанной на безусловном подчинении мужу.

Чтобы женщина могла получить паспорт для отхода в город она должна была подать прошение в волостное правление. Если волостное правление отказывало в выдаче паспорта или по какой то причине не выдавала его, крестьянка могла обратиться в вышестоящие инстанции. Так, например, крестьянка Ярославской губернии Любимского уезда Осецкой волости деревни Ившина Параскева Павлова Чеснакова подала прошение ярославскому губернатору о выдаче ей паспорта, т. к. волостное правление несколько месяцев не давала ей ответа:

«2 октября минувшего 1909 года я послала паспорт в заказном письме в Осецкое волостное правление, Любимского уезда, Ярославской губернии, в котором просила правление выслать мне в город Ярославль возобновленный паспорт; но вот уже прошло пять месяцев, как мне не высылают его. ... Ввиду всего вышеприведенного я покорнейше прошу Ваше Превосходительство сделать зависящее распоряжение о высалке мне возобновленного паспорта или если возможно бессрочной паспортной книжки в город Ярославль по месту моего жительства... 1910 г. марта 23 дня»¹⁷³.

Это прошение было передано в Ярославское губернское присутствие, которое в свою очередь дало ответ, что с данной жалобой ей надлежит обратиться к участковому Земскому Начальнику, что она и сделала. В результате проведенного расследования было выяснено, что паспорт крестьянки Параскевы Чеснаковой был выслан Волостным правлением, но не дошел до нее. После нескольких месяцев разбирательств, заседание Ярославского Губернского Присутствия признала жалобу «заслуживающей уважения» и предложило Земскому начальнику немедленно ее рассмотреть¹⁷⁴.

Этот пример очень хорошо показывает, что растет социальная активность крестьянок, теперь они не просто сетуют на свою долю, но ищут пути решения своих проблем, обращаясь для этого к государственным органам власти.

¹⁷³ ГАЯО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 2062. Л. 1 – 1об.

¹⁷⁴ ГАЯО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 2062. Л. 28 об.

В случае если крестьянка была замужем необходимо было предоставить разрешение от супруга на отдельное от него проживание. Если такого разрешения не было, то в выдаче паспорта отказывали.

Как уже отмечалось выше, жизнь в городе накладывала большой отпечаток на представление и взгляды крестьянок. Так, например, крестьянка Мышкинского уезда Плосковской волости деревни Иванищева Анастасия Семенова была совершенно не способна к жизни в деревне, т. к. с малых лет проживала в С.-Петербурге и занималась торговой деятельностью. Так она описывает свою жизнь с мужем: «... потом я уехала с ним на его родину, в деревню, где пожила с ним 1,5 года и там он так же грубо обращался со мною, да притом же я оказалась не способной к деревенской жизни и в силу таких обстоятельств наша совместная жизнь с ним оказалась невозможной, и я как неприносящая никакой пользы в деревне отпросилась у мужа в С.-Петербург и он дал мне отдельный паспорт на 1 год...».¹⁷⁵

Так как муж Анастасии Семеновой отказал ей в выдаче нового паспорта, Земским Отделом Министерства Внутренних дел было принято решения отставить жалобу без последствий. Важно отметить, что все прошения и жалобы Анастасии Семеновой направленные в Ярославское Губернское Присутствие и лично Ярославскому Губернатору были написаны ее рукой, что говорит о достаточном уровне грамотности, самостоятельности и способности излагать свою позицию.

Делая вывод о женском отходе в Ярославской Губернии во второй половине XIX – начале XX в., нужно отметить, что отходничество играло большую роль в экономике деревни, привело к изменению взглядов на роль крестьянки в семье и в обществе, а так же способствовала росту социальной активности женщин.

¹⁷⁵ ГАЯО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1881. Л. 20 – 20 об.

А.Ш. Кабирова

Казань, Институт истории АН Республики Татарстан

**РОЛЬ ЖЕНЩИН ТАТАРСТАНА
В СОЗДАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФУНДАМЕНТА ПОБЕДЫ: ОПЫТ
И УРОКИ ВОЕННЫХ ЛЕТ (1941 – 1945)**

В годы Великой Отечественной войны Татарская АССР стала одной из важных тыловых баз страны. В кратчайшие сроки работа всего народного хозяйства республики была перестроена¹⁷⁶. Предприятия, выпускавшие гражданские изделия: фабрика «Спартак», фабрика киноплёнки, Казанский авиазавод, Казанский кетгутный завод, завод «Пишмаш» – переключились на выпуск необходимой военной продукции. Кроме того, на территории Татарстана было размещено более 70 эвакуированных промышленных заводов и фабрик¹⁷⁷, среди которых такие крупнейшие предприятия, как Московский авиационный, Московский часовой, Ленинградский авиационный, Ленинградский металлообрабатывающий, Воронежский моторостроительный и другие.

В связи с мобилизацией в армию мужчин в республике, как и по всей стране, самой злободневной все военные годы оставалась проблема обеспечения и эффективного использования рабочей силы.

Одним из путей решения кадрового вопроса стало массовое вовлечение женщин в различные отрасли общественного производства. В Татарстане процент женщин, занятых в промышленности республики, возрос с 33,1% в первой половине 1941 г. до 53,8% в 1944 г.¹⁷⁸

По всей республике «гремели» имена зачинательницы движения двухсотников–закройщицы юфти Казанского комбината «Спартак» Н. Хабибуллиной, трехсотниц артели им. «XX–летия Татарии» М. Романовой и А. Булаевой, пятисотниц кондитерской фабрики «Светоч» М. Юсуповой и работницы завода им. В.И. Ленина М. Фадеевой, тысячницы шорной фабрики Нины Ульяновой. Далеко за пределами Татарстана было известно имя работницы Казанского мехового комбината Антонины Богатыревой. Изобретенный ею метод шитья без использования пинцета для заправки волоса (названный «богатыревским»), бла-

¹⁷⁶ При поддержке РГНФ проект № 12–11–16012а/В/2012.

¹⁷⁷ ЦГА ИГД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 129. Л. 153 – 154.

¹⁷⁸ Кабирова А.Ш. Женщины Татарстана на фронте и в тылу. Казань, 1995. С. 21.

годаря которому производительность труда скорняка–машинистки воз-
растала в два раза, применялся не только в Казани, но и на москов-
ских, ленинградских, харьковских фабриках.

Широкое распространение в годы Великой Отечественной войны
получило движение работниц за овладение сложными «мужскими»
профессиями. Женщины начали работать кузнецами, клепальщиками,
литейщиками и т.д. Только на заводе «Серп и молот» в 1944 г. из 380
рабочих основного производства 258 человек составляли женщины. В
литейном цехе, например, из 75 литейщиков мужчин было не более 10,
остальные–женщины¹⁷⁹. Появились также женские бригады грузчиков
на пристанях, на железной дороге и т.д.

Еще более существенно увеличилась доля женщин в сельском хо-
зяйстве республики. Если до войны женские колхозные кадры состав-
ляли 54%, то к концу войны число занятых в аграрном производстве
Татарстана возросло до 80%¹⁸⁰. Женщины освоили профессию меха-
низатора, которая ранее тоже традиционно считалась «мужской». В
марте 1942 г. в республике насчитывалось 11 067 трактористов и 2854
комбайнера, женщин среди них было 2189 и 389 соответственно¹⁸¹.

Кампания по организации обучения женщин механизаторским
специальностям продолжалась и в последующие годы. В целом, со-
гласно официальным статистическим данным, удельный вес женщин
в составе трактористок республики за годы войны поднялся с 21 до
73%, комбайнеров–с 26 до 79%¹⁸². И только в последний военный год
за счет возвращения с фронта раненых воинов доля жен-
щин–механизаторов начинает понижаться. Наиболее известными в
Татарстане были тракторные бригады Хатимы Хуснутдиновой и Сагу-
ры Мустафиной из Яныльской МТС Кукморского района, Альфии Ибра-
гимовой из Дубъязского района, не раз завоевывавшие призовые мес-
та в социалистическом соревновании.

Возрастание мастерства женщин в общественном производстве,
ответственность при выполнении любого порученного им дела стали
главными факторами и при выдвижении женщин на руководящие

¹⁷⁹ Негуляев А.П. Завод–ветеран. Казань, 1968. С. 83 – 84.

¹⁸⁰ Кабирова А.Ш. Указ. раб. С. 21.

¹⁸¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 195. Л. 31.

¹⁸² НА РТ. Ф. Р–5874. Оп. 7. Д. 3500. Л. 22.

должности. Многие опытные производственницы в военные годы выросли до «командиров производства»: они успешно возглавляли работу цехов, участков и даже целых промышленных предприятий. Например, директором кетгутного завода работала А.П. Шувалова, директором Казанской швейной фабрики № 4 – П.В. Корнилова. Заслуженным авторитетом пользовались в Татарстане директора фабрики «Светоч» И.Л. Шакирова и фабрики им. Микояна Р.Н. Губайдуллина.

Возросло число женщин – руководителей и в аграрном производстве республики. Если до войны в Татарстане среди 3880 председателей колхозов было лишь 19 женщин, то к концу войны – уже 320, число женщин – заведующих фермами увеличилось с 747 до 2575, бригадиров полеводческих бригад – со 150 до 6327¹⁸³.

Таким образом, роль женщин в создании экономического фундамента Победы была весьма значительна. Они пришли на заводы и фабрики, вышли на колхозные поля, заменили мужчин в промышленности, на транспорте, в аграрном производстве. Безусловно, привлечение женщин в общественное производство в военный период было необходимо и имело положительное значение для развития экономики страны. Но, на наш взгляд, при рассмотрении форм и методов обеспечения народного хозяйства республики новыми кадрами, правомерно поставить и некоторые вопросы, связанные с указанным явлением. Крайняя необходимость вынуждала женщин трудиться на тяжелых и вредных работах, что не могло не отразиться на их здоровье.

Проблема женского производственного травматизма в военный период в отечественной историографии начала подниматься сравнительно недавно. Хотя в архивных фондах ВЦСПС в открытом доступе хранились документы, свидетельствующие о высоком уровне заболеваний и травм в различных сферах трудовой деятельности женщин, в том числе и в Татарстане. Например, на Казанском меховом комбинате (80% работающих составляли женщины) только в 1942 г. произошло 95 несчастных случаев с рабочими, вызвавших утрату трудоспособности продолжительностью 1901 день. На авиационном заводе № 22 (женский контингент равнялся 60%) в 1942 г. был зафиксирован 621 несчастный случай на производстве, в 1943 г. – 577, в 1944 г. – 386¹⁸⁴.

¹⁸³ 25 лет Татарской АССР. 1920 – 1945: сборник статей. Казань, 1945. С. 75.

¹⁸⁴ ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 27. Д. 11. Л. 127; Оп. 31. Д. 155. Л. 23.

Несмотря на снижение уровня травматичности, общее количество таких фактов было весьма значительно.

В некоторых отраслях народного хозяйства республики положение было еще серьезнее, чем в целом по стране. Так, по данным Центрального Комитета профсоюза льняной промышленности, на Казанском льнокомбинате (80–90% работающих – женщины) в 1943 г. коэффициент частоты (т.е. количество несчастных случаев, происходящих в среднем на 1000 работающих) составлял 25,8; коэффициент тяжести – 21,0, в то время как средние показатели в отрасли равнялись 19,0 и 18,3¹⁸⁵.

Перманентно «крайними обстоятельствами» характеризовался и труд женщин в сельском хозяйстве: им приходилось справляться с тяжелой техникой, переносить огромные тюки с сеном, продуктами, минеральными удобрениями, заниматься скирдованием, вручную молотить зерно и др. При организации большинства работ нарушались производственно–технологические и санитарно–гигиенические нормы, что в итоге приводило к патологическим изменениям специфических функций женского организма.

Все эти данные позволяют говорить о том, какой ценой заплачено за Победу. Сегодня трудно подсчитать, сколько женских судеб искорежила война, сколько из них стали инвалидами, не смогли познать счастья материнства. Долгие годы в отечественной историографии тема о вкладе женщин в экономическое развитие страны в военный период рассматривалась только с точки зрения проявления героизма, патриотизма и стойкости советских тружениц. Между тем исторически достоверное освещение событий минувшей войны требует показа и негативных явлений и процессов. В военное время было «забыто» самое главное, пожалуй, условие, определяющее режим существования и развития любого государства. Оно заключается в том, что какими бы важными политическими и экономическими обстоятельствами ни диктовался рост женской занятости на производстве, необходимо учитывать при этом его влияние на демографические последствия. Конечно, предполагалось, что использование женщин на работах, противопоказанных им по социальным и медицинским параметрам, должно было стать временной мерой и прекратиться с окончанием войны. Од-

¹⁸⁵ ГАРФ. Ф. Р–5451. Оп. 27. Д. 11. Л. 94–95.

нако такое положение, когда гендерные различия практически не принимались в расчет, к сожалению, закрепилось в нашей стране надолго.

М.Х. Гузова

Нальчик, Инст. гум. исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН

ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА: ЖЕНСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Война, развязанная фашистской Германией 22 июня 1941 г. против СССР, была самой тяжёлой из всех войн, когда-либо пережитых страной¹⁸⁶. Она потребовала предельного напряжения сил народа, использования всех ресурсов государства для укрепления боеспособности Красной Армии, превращения страны в единый военный лагерь. Особую значимость приобрела работа тыла. Экстремальная ситуация для страны вызвала невиданное в истории единение патриотических сил, сплочение всех слоев общества.

Специфика социального поведения кавказской женщины в период войны 1941 – 1945 гг. коренилась в самой ее природе, биологических и психологических особенностях как матери, продолжательницы рода; в самобытной традиционной культуре, а также в процессе «раскрепощения горянки» в годы советской власти, направленного на превращение женщины в активного работника. Таким образом, когда война с фашистской Германией потребовала небывалого использования женского труда, патриотки уже были готовы к этому. Но масштабы Великой Отечественной войны потребовали большего.

15 сентября 1941 года в г. Орджоникидзе прошел антифашистский митинг, объединивший тысячи и тысячи женщин со всех уголков Северо-Кавказского региона. С первых дней войны первоочередными задачами перед тружениками региона стали: перевод промышленности на выпуск военной продукции; обеспечение армии продовольствием, решение проблемы кадров, в связи с массовой мобилизацией в действующую армию мужчин. Война потребовала введения особых условий для работников тыла. Решением правительства, в короткие сроки предприятия перешли на круглосуточную работу, рабочий день был

¹⁸⁶ Проект РГНФ № 12–11–07004а/Ю

удлинен на 2 часа, введены обязательные сверхурочные работы, для колхозников повышен минимум трудодней.

В Дагестане за первый месяц войны из промышленности ушло в армию до 8 тыс. человек. Их заменили женщины и подростки. Удельный вес женского труда в промышленности увеличился в 1,5 раза. С начала войны и до ноября 1942 г. по 32 ведущим промышленным предприятиям республики было подготовлено более 10 тыс. рабочих из числа женщин, численность их в промышленности республики удвоилось, а доля горянок среди них составляла 21,6%¹⁸⁷. На Орджоникидзевском кожзаводе Северной Осетии из 830 рабочих, принятых на работу за 1-й военный год, женщины составили 80%. Всего в республике к началу 1943 г. среди рабочих в промышленности работало 69,2% женщин¹⁸⁸. В первое военное полугодие в нефтяную промышленность Грозного влилось 500 женщин, к весне 1943 г. – 2,5 тысячи¹⁸⁹.

В традиционном обществе кавказская женщина почти не принимала участия в полевых земледельческих работах. Например, из всех полевых работ адыгская женщина принимала участие только в жатве нового урожая. На поле отправлялись всей семьей, кроме маленьких детей и девушек на выданье. Жали серпами. Если поле находилось далеко от села, оставались там с ночевкой до окончания работ. По свидетельству Хан-Гирея, «сверх всех работ по управлению домом и воспитанию детей жена простого земледельца помогает мужу и при уборке хлеба: она ходит с ним вместе жать серпом, помогает складывать стоги хлеба, скирды сена и т.п.»¹⁹⁰. Следует отметить, что участие женщин в сенокосе ограничивалось формированием стогов сена, но никогда они не пользовались косой. Известный радиожурналист Кабардино-Балкарии Р. Афаунова рассказывала, что за свою полувековую практику она лишь однажды интервьюировала женщину, Ворокову Жан из селения Карагач, которая для того, чтобы подчеркнуть, насколько тяжело приходилось женщинам в военные и послевоенные

¹⁸⁷Каймаразов Г.Ш., Керимов И.К., Койстинин Г.С., Мелешко А.Г. Дагестан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Махачкала. 1963. С. 67.

¹⁸⁸Абаев А.И. Рабочий класс Северной Осетии в годы войны. Дис. ... канд. ист. наук. Орджоникидзе, 1979. С. 54.

¹⁸⁹Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2. Грозный. 1972. С. 243.

¹⁹⁰Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 239.

годы, сообщила, что она «во время войны даже косила!»¹⁹¹. Она говорила об этом как о событии, из ряда вон выходящем. Ни одно из несвойственных традиционному разделению труда занятий («я и пахала, и копала, и кукурузу ломала») не расценивались респонденткой настолько категорично. С этим коррелируется замечание, сделанное относительно ближайших соседей кабардинцев–осетин: «У осетин та женщина считается почетною, которая может сказать про себя безукоризненно: я не ходила за плугом, и не косила траву»¹⁹².

В годы Великой Отечественной войны резко возросла роль женщин в такой отрасли сельскохозяйственного производства как животноводство, хотя скотоводство, как и полевое земледелие на Северном Кавказе–отрасль мужской хозяйственной деятельности. Уход за скотом, отгон мелкого и крупного рогатого скота на пастбища, стрижка шерсти и т. д. целиком находились в ведении мужчины, а женщина допускалась лишь к молочной составляющей животноводства: дойке, обработке молока и производству молочных продуктов. В тяжелый период для страны кавказские женщины освоили новые для них профессии конюхов, чабанов, табунщиков, заведующих фермами. Тысячи женщин пошли на фермы в качестве доярок, телятниц, пчеловодов. Высокой производительности труда добились доярки Эльбрусского района Кабардино–Балкарии: Базинаева Назифат (с. Былым), Хайрова Ради и Улакова Тоня (с. Гунделен) и другие¹⁹³. Организовывались женские сенокосные бригады по заготовке сена для общественного животноводства. Большая работа была проведена женщинами по сохранению молодняка и увеличению поголовья скота в колхозах и совхозах Северного Кавказа. Знаменательно, что на долю той же Жан Вороковой во время войны пришлось работать колхозным табунщиком – пасти табун кобылиц, что совершенно несовместимо с существовавшим в обыденном сознании народа женским статусом.

Война высветила всю мощь и величие женского характера, безмерность ее морального потенциала и духовной силы. Вспыхнувшая

¹⁹¹ Информатор Афаунова Раиса Туловна, 1932 г.р., с. Куба.

¹⁹² Карпов Ю. Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001. С. 220.

¹⁹³ Хакушев Е.Т. Кабардино–Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Нальчик, 1978. С. 78.

война распрямила простую труженицу, создала условия для раскрытия ее личности. Документы времен войны свидетельствуют о смелости и решимости ранее инертных, законопослушных женщин. Доказательством великой жертвенности женщины, присущей ей доброте, отзывчивости на чужую беду, милосердию явились многочисленные формы моральной и материальной помощи фронту.

Е.Ю. Волкова

Кострома, Костромской гос. технологический университет

РОЛЬ ЖЕНЩИН В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ КОСТРОМСКОГО КРАЯ В 1945 – 1960-е ГОДЫ XX В.

Территория Костромской области в годы Великой Отечественной не была оккупирована, но последствия войны, тем не менее, были тяжелые. Из 259 151 костромичей, призванных на фронт, не вернулись 115 500, или 44,5%. Это больше, чем в среднем по стране, где потери составили 30 %. Тысячи фронтовиков пришли с войны инвалидами, десятки тысяч женщин остались вдовами с малыми детьми. В областях центра России в 1946 г. среди трудоспособного населения мужчин было всего 24,3 %. Даже через 15 лет после войны женщин в Костромской области было на 125,8 тыс. больше, чем мужчин. В 1959 г. они составляли 57 % населения в области и 59 % – в Костроме, оставаясь основной рабочей силой в текстильной, швейной и пищевой промышленности, наиболее представленных в крае, и особенно в сельском хозяйстве, здравоохранении, образовании и торговле. Об этом косвенно говорит и тот факт, что за 1948–1950 гг. в области из 2527 человек, получивших правительственные награды, 76% составляли представительницы слабого пола¹⁹⁴.

Если в США в послевоенные годы на государственном уровне велась пропаганда привлекательности домашнего труда для женщин, чтобы они оставили производство и уступили рабочие места демобилизованным воинам, то в СССР уступать их места было особенно некому. Исключение составляли отрасли с вредным производством, где женщинам снова запретили работать. Все средства пропаганды были направлены на рекламирование производственной дея-

¹⁹⁴ Северная правда. 2003. 25 июля.

тельности женщины. Выходили фильмы: «Сельская учительница», «Сельский врач», «Кубанские казаки», «Судьба Марины» и др., в которых показана счастливая судьба женщины-передовой работницы, специалиста, руководителя.

Для подавляющего большинства жительниц Костромского края производственный труд также стал основным видом занятия, источником благосостояния. На работе женщина проводила почти весь день. Здесь у неё в коллективе были единомышленники, товарищи, друзья. Часто вместе отмечали праздники, юбилеи, ходили в театр, ездили на экскурсии, проводили субботники. Успехи в труде стали главным мериллом ценности личности. Почётом и вниманием окружали умелых, энергичных талантливых тружениц. О женщине судили теперь по тому положению в обществе, какое она занимала благодаря собственному труду. Менялось и отношение женщин к работе. Большинство из них старались не отставать от своих товарищей, хотели отличиться, прославиться, заработать, наконец, для семьи лишний рубль или получить квартиру вне очереди за геройский труд.

В годы первой послевоенной пятилетки (1946 – 1950 гг.) на костромском комбинате имени В.И.Ленина ткачиха Е.И.Андрук поставила задачу выполнить пятилетний план за 3,5 года, а ее подруга И.Морозова нередко выработывала до 100 м ткани сверх нормы за смену. Сверловщица второго механического цеха завода «Рабочий металлист» Е.Смирнова часто выполняла по три дневные нормы, а токарь Бикмухаметова – по две. Накануне XXП съезда КПСС, взявшего курс на построение коммунизма в СССР, свыше 50 тыс. тружеников Костромской области участвовало в движении за коммунистическое отношение к труду. Его зачинателями стали комсомольско-молодежные бригады Ф.Сорокиной на фабрике имени Октябрьской революции, А.А.Смирновой на Мантуровском фанерном комбинате, С.Смирновой на заводе «Рабочий металлист», Е.А.Смирновой и З.И.Смирновой на комбинате им. В.И.Ленина. В итоге более 3,5 тыс. бригад по области завоевали звание «Бригады коммунистического труда». Среди них было немало коллективов, возглавляемых женщинами: депутатом Верховного Совета СССР Е.А.Смирновой на комбинате имени Ленина, Р.А.Гуртовой на фабрике «Искра Октября», З.М.Сейфутдиновой на фабрике имени Октябрьской революции, Н.Н.Новиковой на льнокомбинате «Красная текстильщица» в Нерехте.

Выдающимся новатором производства стала ткачиха комбината им. В.И. Ленина В.Н.Плетнёва. Вместо 4 ткацких станков по установленной норме она обслуживала 12. Она рассказывает: «Иной раз летом в цехе температура выше 30 градусов, влажность такая, что дышать трудно. Да ты в таких условиях ещё бегаешь от станка к станку. Понятно, тут и пот градом, и платишко к концу смены хоть выжимай. Конечно, не все так пластались». За достигнутые успехи в 1960 г. она была удостоена звания Героя Социалистического Труда. Одновременно знаменитая ткачиха активно занималась общественной деятельностью. 18 лет она была депутатом Верховного Совета РСФСР, избиралась делегатом пяти съездов КПСС. Её труд был отмечен тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, а в 1975 г. стала лауреатом Государственной премии СССР¹⁹⁵.

Особенно отличились в этот период костромские животноводы. Среди них традиционно женщины были в подавляющем большинстве. В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 16 сентября 1947 г. о награждении орденами и медалями работников племенного совхоза «Каравaeво» в списках награждённых орденом Ленина из 15 человек было 10 женщин (все доярки), орденом Трудового Красного Знамени из 29–27 (доярки, скотницы, телятницы), удостоенных звания Героя Социалистического из 10–8 женщин. В течение 1948–1955 гг. 39 работников совхоза были удостоены звания Героев Социалистического Труда, из них 26 женщин. Шесть: У.С.Баркова, Е.И.Грехова, Л.П.Иванова, А.В.Нилова, А.И.Смирнова и Н.А.Смирнова стали дважды Героями. Им в 1960 г. в п.Каравaeво была торжественно открыта единственная в стране Аллея Героев–бронзовые памятники–бюсты. В совхозе были семьи, где насчитывалось по два и даже по три Героя, как в семье Ситушкиных, где героями стали Иван и две его сестры – Лидия и Нина–уникальное явление для всей страны.

Однако такие высокие показатели достигали тяжелейшим ручным трудом в одну смену с 3–4 часов утра и до 22–23–х вечера с короткими перерывами днём. Большинство животноводов были многодетными матерями. Мало того, в результате войны многие из них стали вдовами. Даже среди животноводов, Героей Социалистического Труда были многодетные вдовы: К.И.Максимова имела троих детей,

¹⁹⁵ Почетные граждане города Костромы. Кострома, 2002. С.35.

А.И.Смирнова, А.Д.Всемирнова, А.П.Иванова. М.А.Харитоновна – четверо, Т.А.Смирнова – шестеро, М.Б.Антонова – восемь и т.д.

В итоге самозабвенный труд в основном женщин костромской земли послужил поводом для решения Президиума Верховного Совета СССР издать Указ 16 августа 1967 г. о награждении Костромской области орденом Ленина достигнутые за успехи.

РАЗДЕЛ 17. ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ НА МЕНЯЮЩЕМСЯ РЫНКЕ ТРУДА

А.А. Цыбулькиова,

Армавир, Армавирская гос. педагогическая академия

ИЗМЕНЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СФЕРЕ У КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

В условиях противостояния с горцами в конце XVIII – первой половине XIX в. половое разделение труда в казачьих семьях Кубани не было четким, т.к. большинству женщин приходилось выполнять множество мужских хозяйственных обязанностей, не считаясь с их силой. Особенно это заметно на примере Черноморского казачества, где во многих семьях даже в начале XIX в. сохранялись традиции противопоставления рефлексов маскулинности семейной и аграрной сферам. В силу этого черноморцы – мужчины легко передавали женщинам свои сельскохозяйственные функции и далеко не всегда стремились выполнять их даже при имеющейся возможности. У линейных казаков Кубани, в силу патриархальности их быта, половое разделение хозяйственных занятий было более традиционным, чем у черноморцев. Но и оно испытало изменения в условиях военного времени.

Наиболее трудоемкими полевыми работами в указанное время были посев и уборка хлеба, сенокошение. По казачьей традиции посевом и вспашкой должен был заниматься мужчина¹⁹⁶. Это диктовалось не только физической сложностью этих работ, но и сакральной опло-

¹⁹⁶ Астапенко Г.Д. Из истории обычаев, обрядов и праздников донских казаков XVIII–XX вв. // Казачество в истории России. Краснодар, 1993. С. 199.

дотворяющей мощью мужского начала, без которой невозможно получить хороший урожай¹⁹⁷. Поэтому в военное время, когда в станицах не оставалось мужчин, женщины просили стариков, чтобы они хотя бы начали сев¹⁹⁸. Традиционно считалось, что зерно, посеянное женщиной, даст плохие всходы. До окончания т.н. Кавказской войны косили и хлеб, и сено преимущественно тоже женщины, хотя первоначально это входило в перечень мужских занятий.

В период военных действий уход за крупным и мелким скотом – кормление, доение, стрижка – также лежал на женщинах. Количество скота во многом зависело от численности семейства. Чем больше рабочих рук, тем выше благосостояние семьи. Ведь за большим количеством животных одна (а ведь именно на нее ложится основная нагрузка в годы военных действий) женщина ухаживать не могла. Например, у Ефима и Марины Кузнецовых, имеющей 7 детей, 2 невесток и 2 внуков, было 10 лошадей, 8 волов, 10 коров, 10 телят, 30 овец, 11 свиней. А в малой семье Терентия и Домны Есауловых, имеющих только троих несовершеннолетних детей, было 2 вола, 1 корова и 4 овцы.

Одной из самых опасных обязанностей женщин были походы за водой. Даже, несмотря на усиленный караул, они нередко заканчивались трагически, особенно на Кубанской линии, где русло было узким и легко простреливаемым с противоположного берега. Для предотвращения несчастных случаев среди женщин в ряде станиц (Кавказской, Усть-Лабинской и др.) были сделаны специальные крытые траншеи, подходящие к самой Кубани¹⁹⁹. Но даже при наличии таких мер (траншея обязательно охранялась караулом казаков) ходить по воду можно было только ночью, днем было слишком опасно²⁰⁰.

Кроме того из-за частого отсутствия мужчин женщинам в рассматриваемый период нередко приходилось самим ходить за дровами, нередко при этом рискуя жизнью. В этом отношении показателен случай с черноморской казачкой Мариной Крутофоловой, муж которой

¹⁹⁷ Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001. С. 20.

¹⁹⁸ Бондарь Н.И. Воины и хлеборобы//Вопросы казачьей истории и культуры. Вып.1. Майкоп, 2002. С. 64.

¹⁹⁹ Соловьев В.А. Пушкин на Кубани. Краснодар, 2000. С.19.

²⁰⁰ Захарченко В.Г. Песни станицы Кавказской. Краснодар, 1993. С. 264.

был в походе в Польше и ей самой пришлось идти за дровами в лес. Занимаясь вырубкой, она «пришла к самому берегу реки Кубани. Где едущие тою стороною черкесы, выпалив один по ней с ружья ранил в правую по выше косточки ногу так что пуля насквозь не прошла. Которая женщина хотя и представляема была содержащим пограничную стражу полковником армии капитаном Гелдышем к находящемуся в сем войске штаб-лекарю Барвенскому для вынятия пули и излечения... раны. Но он не известно почему того сделать не захотел и от того помянутой женщине зделалась нога распухлою, тем что дошел опух до самой внутренности» и через 5 дней она умерла²⁰¹.

Во многих казачьих семьях женщины выполняли мужские хозяйственные обязанности вплоть до прекращения военных действий в регионе. В результате только в середине XIX века у казаков Кубани складывается следующее половое разделение введомашних хозяйственных обязанностей. Пахота и посев традиционно являлись мужской работой²⁰². Пололи гуртом – всей семьей, но т.к. на май часто назначались лагерные сборы²⁰³, то и после окончания т.н. Кавказской войны прополкой больше занимались женщины. Косили и хлеб, и сено мужчины, но казачки помогали мужьям во время сенокоса и уборки хлеба (основным орудием уборки хлеба в первой половине века остается серп). Сушка сена целиком лежала на женщинах и подростках. Скирды метал так же, как правило, они, а сено подавали им мужчины. Что касается уборки хлеба, то женщины вязали снопы, складывали их в крестцы, но больше хлеб складывали в копны, зачастую ночами. Копнили мужчины, а женщины огребали копны деревянными граблями и укручивали их перевеслами из соломы, чтобы копны не раскидывал ветер²⁰⁴. Заготовка дров в большинстве станиц считалась мужским делом, они их рубили и складывали в поленицы; женщины заносили их в хату и топили печь. Подобное разделение труда достаточно условно, т.к. существовало множество локальных особенностей, диктуемых происхождением переселенцев, географическими особенностями, степенью

²⁰¹ ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д. 319. Л. 52 – 53 об.

²⁰² Куракеева М.Ф. Казаки Верхней Кубани и Зеленчуков. Черкесск, 1994. С.18.

²⁰³ Кубанские станицы: этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967. С. 61.

²⁰⁴ Панфилец В.К. Кубанская станица. Краснодар, 1993. С.11.

военной напряженности (и соответственно степени маскулинности хозяйственных обязанностей женщин) и т.п.

М.Б. Ильичева

Мурманск, Мурманский гос. гуманитарный университет

ЖЕНЩИНЫ БРИТАНИИ НА РЫНКЕ ТРУДА: ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В 1940–1980–х ГГ.

Одним из важнейших направлений государственной политики, воздействующей на семью, в послевоенной Великобритании стала политика в отношении женщин. Сюда относится не только разработка юридических прав женщин в законодательстве о браке, – они почти не изменились за 40–50 лет. Имущество и доход замужней женщины все так же рассматривается как часть дохода ее мужа, и именно он несет ответственность за выплату налогов семьи в целом²⁰⁵. Права женщины в браке попали в поле зрения разработчиков социальных реформ лишь в конце 1980–х годов. Но гораздо сильнее воздействовала на семью государственная политика в области женской занятости, неотъемлемым элементом вошедшей в жизнь страны. Этот феномен стал одним из проявлений большой гибкости социальной роли женщины.

Важно, что массовой рабочей силой стали именно замужние: их доля в общем числе работающих женщин поднялась с 22% в 1951 г. до 52%–в 1985 г.²⁰⁶. К концу 1980–х работали более двух третей замужних женщин²⁰⁷. Доля всех работающих женщин также поднялась, а доля мужчин на рынке труда снизилась с 81% в 1971 г. до 74% в 1987 г.²⁰⁸.

Характерно, что фактором, определяющим, идти ли женщине на работу, было не замужество, а наличие маленьких детей. В зависимости от возраста младшего ребенка выбирался режим труда–полный или неполный рабочий день. В стране сложилась так называемая

²⁰⁵ Times. London. 2.03.1988.

²⁰⁶ Social Trends. № 17. London, 1987. Т.А. 1.

²⁰⁷ Social Trends. № 20. London, 1990.

²⁰⁸ Economist. London. 21.01.1989; Family budgets = Budgete familiaux / EUROS-TAT. Luxembourg, 1984.

"трехфазная модель" работы замужней женщины²⁰⁹. Обычно до вступления в брак женщина работает полный день. При рождении первого ребенка она бросает работу (исключения из этого правила составляют лишь 4%) и возвращается к ней, когда дети идут в школу – сначала используя возможность работать неполный рабочий день, затем, по мере подрастания детей, переходя, при желании, на обычный рабочий график. То, что большинство матерей, в отличие от стереотипного представления, через какое-то время возвращаются на рынок труда, далеко не новое явление: 87% из числа родивших первого ребенка в начале 1940-х гг. также возвращались к работе. Однако для группы матерей, родивших первенца в конце 1950-х-начале 1960-х, эта доля превысила 90%. Важно другое: сокращение сроков, на которые прерывался трудовой стаж женщины. 50% родивших в 1975–79 гг. возвратились к работе в течение 4 лет; для когорты 1950–54 гг. этот срок составлял 9,6 лет. Возросла и доля женщин, возвращающихся на работу в течение первого года жизни ребенка, достигнув к 1989 г. 25%.²¹⁰ Больше женщин работает между рождениями детей.

Политика государства в отношении замужних работающих женщин являлась важнейшим средством материального и идеологического воздействия на семью. Она осуществлялась по нескольким направлениям, таким как оплата труда, возможности повышения квалификации и профессионального роста, социальная защищенность. Сколько-нибудь заметных успехов британские женщины добились лишь в 1970-х гг., во многом их достижения были связаны с деятельностью феминистских организаций (Движение за освобождение женщин и др.) и влиянием общеевропейской политики в этих вопросах (Закон о равной оплате 1975 г. и др.). Особенно важно, что работающим неполный рабочий день, а таких среди замужних большинство, меньше были доступны социальные льготы: оплаченный отпуск, разные пенсионные схемы, членство в профсоюзе и т.п., особенно у частных нанимателей.

В то же время именно политика правительства в вопросе ухода за детьми дошкольного возраста в наибольшей степени влияла на выбор женщиной графика работы, являясь своего рода инструментом, с помощью которого государство регулировало положение женщины на

²⁰⁹ Myrdal A., Klein V. Women's Two Roles. London, 1963. Chs. 9, 10.

²¹⁰ Social Trends. № 21. London, 1991. Т. 4, 9.

рынке занятости и определяло ее роль в семье и на производстве. Предоставление на рынке труда широкого выбора мест с частичной занятостью, неполным рабочим днем при одновременном низком уровне развития детских дошкольных учреждений предопределяло предпочтительную для британских женщин схему работы, оставляя за ними обе социальные роли—наемного работника и домохозяйки. Этот выбор не является абсолютно свободным, так как именно отсутствие учреждений по уходу за детьми в течение всего послевоенного периода оставалось главным фактором, сдерживающим участие женщин в работе по найму и вынуждающим их соглашаться на низкооплачиваемую работу. При этом в истории страны были периоды, когда государство и предприниматели оказывали существенную поддержку работающим матерям. Пример тому—годы Второй мировой войны. В 1940 г. в Великобритании было всего 14 государственных детских садов. Через три года—1345, с общим числом мест более 60 тыс., —в два раза превышающим показатели конца 1980-х годов.²¹¹

И лейбористские, и консервативные правительства в 1960–80-х годах, когда работа замужних женщин приняла массовые масштабы, не предприняли никаких действенных усилий для создания достаточного количества мест в государственных детских учреждениях. В 1980-х годах рост их сети еще более замедлился, что было связано с линией тори в этом вопросе. Их точку зрения выразила М. Тэтчер: «Женщина может совмещать работу и семейную жизнь при наличии двух условий. Первое — ее муж должен с пониманием и одобрением относиться к ее желанию работать. Второе — если у молодой семьи хватает средств нанять высококвалифицированную домашнюю прислугу или экономку для ведения хозяйства в отсутствие жены. Второе условие является ключевым»²¹². Такое понимание проблемы, больше отражающее личный опыт М.Тэтчер как супруги состоятельного человека, не способствовало ее решению. Представители правительства тори прямо заявляли, что содержание сети государственных детских учреждений не является приоритетным направлением²¹³. Основное

²¹¹ Labour Research. London., 1989. № 3. P. 23.

²¹² Brown G. Women and Tory family policy // Where there is greed... Margaret Thatcher and the betrayal of British future. Edinburgh, 1989. P. 152.

²¹³ Times. London. 2.03.1988.

развитие в период правления консерваторов получили частные детские учреждения, где плата довольно высока, а режим работы не всегда согласуется с нуждами родителей²¹⁴. Кроме того, многие были вынуждены прибегать к услугам нянь, хотя лишь 3% родителей считали это лучшим вариантом²¹⁵. Долгое время родители, чьи дети посещали детские ясли и сады по месту работы отца или матери, платили налог, и лишь в 1989 г. правительство решилось ввести скидку. Но и детские учреждения по месту работы не могли улучшить положение: из 5,5 млн. детей до 5 лет они могли обеспечить местами лишь 3 тыс.²¹⁶.

Ситуация с уходом за детьми дошкольного возраста для полных семей осложнялась тем, что в Великобритании приоритет при распределении мест в дошкольных учреждениях отдается одиноким родителям, а также тем, кто серьезно болен. Большинство работающих женщин были вынуждены прибегать к помощи мужа, родственников, обычно по женской линии, и друзей.

Таким образом, государственная политика в сфере ухода за детьми оказывала огромное влияние на организацию семейной жизни, ее бытовой уклад, связи с окружающим миром и ресурсы. Одновременно поддерживался идеологический образ "нормальной" семьи и сохранялось в целом традиционное распределение половых ролей в обществе: мужчина – основной работник в семье, женщина – хранительница домашнего очага, чья работа вносит дополнительный доход в семейный бюджет и является делом личного выбора.

Н.Н. Коростылева

Москва, Рос. Академия нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ
ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ

Государственная кадровая политика (ГКП) – это стратегия государства по воспроизводству (формированию) и востребованности кадрового потенциала общества. В более широком смысле – это система официально признанных идей, приоритетов, целей и задач по регулированию всех кадровых процессов и отношений.

²¹⁴ Social Trends. № 20. London, 1990. Т. 3.2.

²¹⁵ Times. London. 2.03.1988.

²¹⁶ Labour Research. London, 1990. № 4. P. 7.

С учетом гендерной составляющей государственная кадровая политика будет представлять собой стратегию государства по формированию, востребованности, профессиональному развитию и рациональному использованию мужского и женского кадрового потенциала страны. Другими словами, объект исследования государственной кадровой политики кадровый потенциал страны будет четко подразделяться на женскую и мужскую составляющую, при этом всегда должны учитываться интересы каждой социально-демографической группы.

Цель ГКП находит выражение в основных задачах. Они с учетом гендерного подхода будут следующие: (1) создание условий для наиболее полной реализации мужчинами и женщинами своего профессионального потенциала; (2) преодоление дискриминации по признаку пола и иных негативных явлений и тенденций в кадровой политике и кадровой работе; (3) повышение профессионализма и компетентности мужчин и женщин-работников государственных/негосударственных организаций; (4) эффективное использование гендерного кадрового потенциала страны на основе умелого кадрового прогнозирования и планирования; (5) соблюдение гендерного баланса в руководящем составе государственного/негосударственного управления; (6) преодоления гендерной сегрегации в сфере трудовой деятельности.

Эти задачи можно достичь при условии активной роли государства, бизнеса и гражданского общества в решении социально-трудовых и кадровых проблем, при формировании цивилизованного рынка труда, преодоления безработицы, повышении ценности труда.

Современная гендерная ситуация при анализе кадрового потенциала складывается следующим образом. В целом по стране в январе 2012г. превышение числа умерших над числом родившихся составило 1,2 раза (в январе 2011 г. – 1,3 раза), в 21 субъекте Российской Федерации оно составило 1,5 – 2,4 раза. Естественный прирост населения в январе 2012г. зафиксирован в 26 субъектах Российской Федерации (в январе 2011г. – в 15 субъектах). Всего родилось в январе – феврале 2012г. 293.3 тыс.чел., а умерло 324.2 тыс.чел. Все это свидетельствует о суженном воспроизводстве населения, а значит и о количественном уменьшении кадрового потенциала страны.

Анализ гендерного состава населения говорит о численном превосходстве мужчин моложе трудоспособного возраста, но, начиная с 29-летнего возраста, доля мужчин в населении страны неуклонно уменьшается и уже на 1000 мужчин в этом возрасте приходится 1162

женщин. То есть гендерной особенностью кадрового потенциала страны является численная гендерная диспропорция в пользу женщин, начиная с 29-летнего возраста.

Положение женщин в государственной сфере показывает существенную кадровую диспропорцию в распределении должностей, и чем выше уровень власти, тем меньше представлено в нем женщин. Такое положение дел ставит перед государством и общественностью в отношении кадровой политики задачу справедливого распределения кадрового потенциала в структурах власти, особенно верхнего эшелона.

Что касается гендерного аспекта анализа кадрового потенциала общества в трудовой сфере, то здесь в силу особенностей исторического развития складывается определенная гендерная асимметрия в пользу мужчин в наиболее «престижных» секторах экономики. В настоящее время наблюдается гендерная сегрегация (доминирование представителей того или иного пола) на уровнях секторов экономики, отраслей, предприятий, профессий и должностей. Женщины как трудовой ресурс традиционно сконцентрированы в определенных секторах экономики страны (образовании, здравоохранении, сфере бытовых услуг, торговли, текстильной и пищевой промышленности и т.д.). В советское время женщины были широко представлены также в торговле, кредитовании, финансах и страховании. С изменением приоритетности этих отраслей (здесь наблюдался в 90-е годы XX века наиболее быстрый рост заработной платы) женщин в этих отраслях становится заметно меньше, особенно на руководящих должностях.

Гендерное разделение труда влияет и на профессиональную гендерную горизонтальную сегрегацию. Уже на уровне профессиональной ориентации при выборе профессий женщины и мужчины четко распределяются по группам специальностей. Женщины традиционно выбирают профессии, связанные с социальной сферой, с предоставлением услуг, конторской работой, воспитанием и обучением детей, тогда как мужчины – профессии, связанные с физическим трудом, риском, техникой, транспортом, информатикой, военным делом.

Из-за выполнения женщинами репродуктивных функций, они вынуждены часто прерывать свою работу и соответственно – карьерный рост. Это является мощным сдерживающим фактором для многих женщин, особенно для женщин-россиянок по причине отсутствия продуманной социальной и демографических политик. Нарушается принцип карьерной стратегии, который определяется как «непрерывность в

профессиональном развитии». Естественное прерывание карьеры вызывает дополнительные трудности при выходе на работу после декретного отпуска. Конкуренция при должностном продвижении растет. Женщине, чтобы быть конкурентоспособной, надо в сжатые сроки профессионально адаптироваться, обновить «устаревшие» знания.

Рынок труда в России в гендерном отношении продолжает оставаться несбалансированным, необходима взвешенная научная оценка многих вопросов, касающихся положения как мужчин, так и женщин на рынке труда и социальная гендерная политика, кадровая политика в данном направлении. Нужны продуманные шаги по пути сокращения безработицы и деятельности государственной власти по регулированию занятости населения.

V. Jurėnienė

Kaunas, Lithuania, Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities

MEN SEEK FOR A CAREER, WOMEN JUST WORK

According to the sociologist V. Lisauskaite the statistics allow to speak of the phenomenon of „glass ceilings”, when, despite of legal acts guaranteeing equality, due to the prevailing attitudes of employers or the society, women are less often offered positions of leaders. Men are the employees seeking for career, and women are “just employees”. Even in strongly feminized fields of work women form minority in the leading section.

In certain fields, a horizontal labour market segregation is still strong- there is a distinct distribution into „male” and „female” professions. Men dominate in the fields of construction (92,8 per cent), transport (71,9 per cent), agriculture (62,8 per cent); women dominate in health care (85,5 per cent), education (81,9 per cent), hotels and restaurants (81,1 per cent), social services (66,5 per cent). In spite of the equal payment for the same work or work of equal value as enforced in the EU and Lithuanian legal acts, women earn 15–25 per cent as less than men in the EU. In Lithuania the gap between the payment of men and women is among the biggest ones. It is up to 24,4 per cent and each year it increases by one per cent. Therefore, some women often have additional unqualified work next to their main job, for example, that of a cleaner, in order to earn as much as a man in one position. On the other hand, child care and family duties which make women less mobile in the labor market also fall into the category of vertical

segregation. The average income of a household, where a woman is the leader, is smaller in all categories of households.

The Presidents Dalia Grybauskaitė also noted that the biggest problem of Lithuania in the labour market is not only the small payment for employees, but also the inadmissible situation when women gain a smaller payment for the same work. The main concern in the Europe Union is how to use the work of women. On February 7, 2011 a meeting was held in Stockholm where the leaders of the Northern and Baltic states as well as the leader of Great Britain discussed how to encourage women to be more active in starting their own business. Lithuania was taken as an example, where business women make up even 40 per cent of all persons engaged in business. By the data of the Department of Statistics of Lithuania, it is evident that these are mostly small business companies.

Г.Г. Евстифеева

Владимир, Владимирский филиал

Российской акад. народн. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ

ГЕНДЕРНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ДОМАШНЕГО ТРУДА В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Исторические изменения, происходящие в современном мире и касающиеся всех сфер жизни человека, не обошли и сферу семейных отношений. Трансформации общественных отношений и социально-экономических основ жизни привели к видимым переменам в отношениях между мужчинами и женщинами, их взаимодействию внутри семьи, в распределении семейных обязанностей и перераспределении ответственности. Однако, общественное сознание, консервативное по своей сути, гораздо медленнее откликается на происходящие изменения, что приводит к ощутимому диссонансу между реалиями современного мира и гендерным неравенством в семье. Несмотря на массовое вхождение женщин на рынок труда, в большинстве стран мира и на уровне осознания, и в реальности женщине предписывается заниматься домашним хозяйством, тогда как роль мужчины – добывать средства существования. Огромное влияние, которое оказывают традиции и стереотипы на семейные отношения, приводит к неравномерности распределения домашних обязанностей внутри семьи.

Под домашним трудом обычно понимают такие виды деятельности членов семьи, которые не приносят денежных доходов домохозяй-

ствам: приготовление еды, уборка, стирка, мелкий ремонт и так далее, то есть все, что с экономической точки зрения приносит неявный доход, трудно выражаемый в универсальном эквиваленте²¹⁷.

В большинстве стран мира феномен домашнего труда остается весьма значимым фактором распределения времени и усилий членов семей, а также одним из важнейших социальных процессов, определяющих распределение гендерных ролей в семье и обществе.

В данной статье использованы данные по 29-ти странам-членам ОЭСР, а также данные по избранным развивающимся странам. Для сравнения с ситуацией в России использованы данные проводимого нами исследования жителей города Владимира. Целью исследования было выявление тенденций трансформации гендерной структуры домашнего труда в городской семье.

Начнем с того, что большую часть времени опрошенных людей во всех странах занимает уход за собой, включая сон и еду, составляя в среднем 46% 24-часового дня. Остаточное время тратится на досуг (20% полного времени), и на оплачиваемый труд (работу) или учебу (в среднем 19% времени). Меньше чем 1% суток в среднем посвящается религиозным действиям и другим разнообразным способам использования времени. На неоплачиваемый труд люди в странах ОЭСР в среднем тратят 3,4 часа в сутки, или 14% суток. По данным, полученным нами в ходе исследования городских семей (г. Владимир) – житель города тратит на неоплачиваемый труд примерно 19% суток, или 4,7 часа.

Таким образом, жители города Владимира посвящают неоплачиваемому труду даже больше времени, чем жители Мексики (4,5 часа), которые лидируют по этому показателю среди жителей стран ОЭСР. А вот жители Японии, Кореи и Китая тратят на неоплачиваемый труд меньше всего времени, около 2 часов.

Статистические данные показывают очевидную зависимость между соотношением оплачиваемого труда и неоплачиваемого труда. Страны с высокой долей оплачиваемого труда в бюджете времени, такие, как Китай, Япония и Корея, имеют тенденцию к более низкой доле неоплачиваемого труда. Противоположная ситуация складывается в странах Западной Европы, в Австралии, Новой Зеландии и Тур-

²¹⁷ Becker, G. A Theory of the Allocation of Time // Economic Journal, Vol. 75. № 299. 1965. P. 493 – 517.

ции, в которых высокая доля неоплачиваемого труда коррелирует с временем оплачиваемого труда.

Исследования показывают, что во всех странах включая и Россию на долю женщин приходится существенно большая доля неоплаченного труда, чем на долю мужчин. В среднем, этот гендерный разрыв составляет 2,5 часа в день. Российская ситуация (гендерный разрыв – 3,5 часа) ближе всего к таким странам, как Турция, Мексика, Индия, в которых женщины посвящают в день неоплачиваемому труду на 4,3–5 часов больше, чем мужчины. Отметим, что менее всего этот разрыв заметен в скандинавских странах, в которых различие составляет только немногим более часа.

В странах с самым большим гендерным разрывом по этому показателю мужчины посвящают неоплаченному труду минимальное время. Меньше часа в день в среднем посвящают неоплаченному труду мужчины в Корее, Индии и Японии, 1,5 часа в Китае и Южной Африке, почти два часа в Турции, Италии, Мексике, Португалии и Испании, 2,5 часа в России и в остальных странах, представленных здесь. В российском случае превышение доли неоплачиваемого труда женщин над мужчинами составляет более чем 2 раза. Однако, отметим, что небольшое количество мужского неоплаченного труда не всегда приводит к компенсации за счет женского неоплаченного труда. В Китае, например, как мужчины, так и женщины, тратят меньше времени на неоплаченный труд по сравнению с другими странами.

Изучение структуры неоплачиваемого труда показывает, что в основном во всех странах женщины тратят свое неоплачиваемое время на весьма разнообразные занятия с преобладанием доли работы на кухне и заботы о детях. Тогда как у мужчин время распределено довольно равномерно при существенно меньшем количестве времени, посвященных неоплачиваемому труду. Одна из основных причин увеличения неоплачиваемого труда для семьи – рождение детей, что сразу же увеличивает долю домашнего труда родителей на 15–30% (жители Владимира –28%).

Исследования показывают, что частично преобладание женского участия в неоплачиваемом труде, обуславливается более коротким рабочим временем женщин. В странах с высокой женской занятостью гендерные различия по затратам времени на оплачиваемый и неоплачиваемый труд, сводятся к минимуму. С другой стороны, в некоторых странах женщинам на законодательном уровне предоставлено право

на укороченный рабочий день, либо на частичную занятость, что является некоторой компенсацией за большое количество времени, посвящаемого домашнему труду в домохозяйствах. Неполный рабочий день для женщин распространен в Австралии, Германии, Японии, Нидерландах, и Великобритании, где больше чем 40% женщин работают на основе частичной занятости.

Таким образом, несмотря на то, что в распределении домашнего труда произошли изменения, они недостаточны для того, чтобы назвать отношения между мужчинами и женщинами в разделении домашних обязанностей эгалитарными. Домашняя сфера по-прежнему остается ядром существующего гендерного неравенства.

Л.Я. Круглянская

С.–Петербург, С.–Петербургский гум. университет профсоюзов
ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И СТАТУС ПРОФЕССИИ

Сложившиеся в последнее время в обществе устойчивые представления о том, что существуют «мужские» и «женские» профессии, привели к формированию так называемой «гендерной пирамиды», т.е. такой структуре власти, где на «низших» должностях трудятся в основном женщины, а «высшие» занимают мужчины. На основе стереотипов различий в содержании труда в зависимости от пола мужчинам предписываются занятия созидательными и творческими видами деятельности, а для женщин более подходящим считается исполнительский, репродуктивный характер труда.

По данным ЮНЕСКО²¹⁸, стереотипный перечень мужских занятий включает профессии архитектора, водителя, инженера, механика, исследователя и т.д., а женских – библиотекаря, воспитательницы, учительницы, телефонистки, секретаря и др. Однако в массовом сознании гендерные стереотипы могут изменяться под влиянием таких объективных условий, как социально-экономические или политические

²¹⁸ Ким Л. Гендерные стереотипы. Введение в теорию и практику гендерных отношений. Ташкент, 2007. С. 48.

трансформации. Процесс изменения стереотипов обусловлен, как объективными, так и субъективными факторами.²¹⁹

Проиллюстрируем это на примере профессии секретаря. До середины XIX в. профессия секретаря считалась «мужской», а словом «секретарша» в обиходе называли жену секретаря. На должность секретаря назначались на основе рекомендательных писем и высокого покровительства, имели высокое жалование, именные пенсии, награждались орденами, медалями, знаками. Это были образованные люди, знали языки, и обладали немалой властью. Были также молодые люди из знатных фамилий для "курьерских посылок в чужие края". В местных органах управления секретарям принадлежала главная роль в присутствии. О влиянии и даже некоторой власти Государственного секретаря свидетельствуют высказывания министра внутренних дел П.А.Валуева²²⁰, который писал: "Член государственного совета – ничто, председатель – кое-что, государственный секретарь – все".

С появлением во второй половине века новых средств связи телеграфа и телефона в сфере управления начал использоваться труд женщин. В 1865 г. были утверждены "Временные правила о порядке определения лиц женского пола на должности телеграфистов", а в 1874 г. установлены нормы численности женщин, которые могли занимать должности телеграфистов 3 разряда. В конторах потребовались "женские" качества – внимание, исполнительность, аккуратность. Постепенно приходило понимание того, что именно женщина с одинаковой легкостью может исполнять, как творческие функции, так и рутинную работу, требующую большой выдержки и усидчивости. Примечательно, что и систему стенографии, и систему печати слепым методом изобрели мужчины, но применять эти методы на практике, скрупулезно и терпеливо, оказались способны лишь женские руки.

Успешность работы женщин в телеграфной системе способствовала расширению сферы применения женского труда и "Именным указом" от 29 ноября 1869 г. женщины, из числа окончивших курс в педагогических классах или высших женских заведениях ведомства Импе-

²¹⁹ Клецина И.С. Психология гендерных отношений. Дисс. на соиск. уч. ст. докт. псих. наук. СПб., 2005.

²²⁰ Дневник П.П.Валуева. М., 1961. Т.1. С. 356.

ратрицы Марии, например, Смольного института, стали допускаться на должности секретарей и бухгалтеров, но только в данном ведомстве.

В начале XX века в свете общих преобразований права женщин на государственную службу были значительно расширены и в 1905 г. женщинам разрешили работать в канцелярии Государственной Думы "по письмоводству и счетоводству". Но в Думе женщины работали главным образом как стенографистки²²¹. В 1925 г. секретарей разделили на две группы. Первую составляли референты, занимавшие должности в высших эшелонах власти, вторую официально включили в так называемую канцелярско-техническую группу служащих и фактически уравнивали с машинистками, рассыльными, конторщиками.

И, несмотря на то, что в советское время, в период объявленного «народовластия», секретарями назывались главные руководители местных и государственных органов власти (секретари райкомов, обкомов, генеральный секретарь коммунистической партии), профессия секретаря стала считаться чисто «женской».

С одной стороны, по объективным причинам с этой профессией действительно лучше справляются женщины. Американские ученые Алан и Барбара Пиз связывают это со способностью женщин к сложной многоплановой работе. В секретарском деле умение выполнять несколько задач одновременно абсолютно необходимо. По их мнению, не удивительно, что среди 716 148 секретарей, которые насчитывались в Великобритании в 1998 году, было 99,1% женщин и только 5913 – мужчин. Там, где требуются искусство общения и хорошая речь, коммуникабельность, возможность делать несколько дел одновременно, бал правят женщины²²².

Однако, по субъективным причинам, стал формироваться стереотип, что женщины-секретари обладают малыми возможностями профессионального роста и достаточно низким интеллектом. Отмечается, что на уровне обыденных представлений интеллектуальность тради-

²²¹ Конькова А.Ю. Развитие средств связи и стенографии в России во вт. пол. XIX в. и появление женского труда в государственном аппарате // Секретарское дело. 1999. № 2. С. 66 – 71.

²²² Пиз А., Пиз Б. Ящизык взаимоотношений. Пер. с англ. М., 1998. С. 34.

ционно выглядит как маскулинное качество²²³. Это порождает противоречие между стремлением женщин к гармоничной и всесторонней личностной самореализации, и их отказом от полноценного развития в профессиональном плане, что в целом не соответствует действительности. Исследования, проведенные в Великобритании, показали, что секретари зачастую умнее и образованнее своих руководителей. В результате опроса более 200 секретарей и их прямых начальников, работающих в Лондоне в самых разных организациях, выяснилось, что секретари имели законченное высшее образование примерно в 60% случаев, а их начальники – только в 56% случаев. К тому же, при сравнении аттестатов оказалось, что в целом секретари учились лучше. Кроме того, 60% женщин продолжали учиться на различных вечерних и заочных курсах, а вот среди их шефов таких оказалось только 6%. Треть опрошенных секретарей (точнее–33%) владеют как минимум одним иностранным языком, а среди их начальников этим может похвастаться лишь один из десяти.

Да и в России многие современные секретари имеют высшее образование, и не одно, знают языки, а должностная инструкция секретаря содержит длинный перечень профессиональных компетенций, однако благодаря гендерной политике в управлении и созданным в СМИ образам, секретари остаются, как сегодня принято говорить, работниками «второго сорта», «офисным планктоном».

Таким образом, можно сделать вывод о множественности вариантов гендерных стереотипов и их влиянии на статус профессии. С одной стороны, стереотипы помогают в профессиональном определении и грамотном управлении при формировании штата. С другой стереотипы ограничивают индивидуальное развитие и возможности карьерного роста, что приводит к гендерной асимметрии в управлении и отраслевой гендерной сегрегации в российской культуре.

²²³ Дессау В.А. Гендерные стереотипы интеллекта у женщин с различными стратегиями профессионального развития. Автореф. на соиск. уч. ст. канд. псих. наук. СПб., 2010. С. 3.

РАЗЛИЧИЯ В СТЕРЕОТИПНЫХ КАЧЕСТВАХ УСПЕШНЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Работа посвящена теоретическому обоснованию и экспериментальному изучению различий в стереотипных имиджеобразующих профессиональных, личностных, внешнеэстетических и стилевых качествах успешных руководителей мужчин и женщин.

На сегодняшний момент в обществе сложились уникальные возможности для всестороннего раскрытия потенциала личности женщин-руководителей, проведения работ по изучению формирования новых имидж-технологий, позволяющих создавать позитивный имидж субъекта. Вопреки конституционным нормам, провозглашенным нашим обществом, положение женщин в профессиональной сфере ущемляет их права на рынке труда, не позволяет им осуществлять карьерный рост на равноправных позициях с мужчиной.

Цель настоящей работы: (1). Выявить сходство и различие в стереотипных имиджеобразующих профессиональных, личностных, внешнеэстетических и стилевых качествах успешных руководителей мужчин и женщин. (2) Сопоставить имиджевые характеристики успешного руководителя мужчины и женщины со стереотипным имиджем идеального руководителя. Методологическая база работы сложилась из методологических принципов отечественной психологической науки: детерминизма, историзма, единства сознания и деятельности.

Теоретической основой исследования выступают основные положения социальной психологии управления (Р.Л. Кричевский), социальной психологии личности (К.А. Абульханова-Славская), психологии имиджа (Е.А. Петрова). Для решения основных задач исследования была создана модель эмпирического исследования, состоящая из подструктур: 1) сформированных в сознании современных менеджеров разного уровня стереотипных имиджей идеального руководителя, а также имиджей успешных руководителей мужчин и женщин; 2) социально-психологических свойств личности, включающая: смысло-жизненные и ценностные ориентации, проявляющиеся в профессиональной деятельности, мотивацию труда, коммуникативные и организационные склонности, уровень субъективного контроля, эмоциональную устойчивость личности, стремление к риску и мотивацию достижения успеха, ин-

теллект и ряд личностных качеств, важных для осуществления управленческой деятельности.

Методический инструментарий состоит из двух групп методик: для изучения стереотипов восприятия имиджа руководителя: методики: «Психосемантическая оценка имиджа личности» (Е.А. Петрова, 2001); «Оценка имиджеобразующих профессиональных и личностных качеств руководителя» (Ю.В. Андреева, 2002); «Оценка стилевых имиджеобразующих качеств руководителя» (Ю.В. Андреева, 2002); «Оценка сенсорного восприятия имиджа руководителя» (Ю.В. Андреева, 2002); методика «Оценка сенсорного восприятия имиджа руководителя» (Ю.В. Андреева, 2002); модификация теста «Профильный анализ личности» (В.М. Погольша, 1998); для диагностики имидж-детерминирующих социально-психологических качеств женщин-руководителей - вариант методики С. Бем (Т.Н. Матвеева, 2004). В групповом сознании менеджеров всех уровней сформирован стереотипный имидж идеального руководителя. Психосемантический анализ выявил, что имиджу идеального руководителя соответствует средняя эмоционально-положительная оценка (методика «Психосемантическая оценка имиджа личности», Е.А. Петрова, 2001).

Стереотипный имидж идеального руководителя включает в себя профессиональные, личностные, коммуникативные и стилевые имиджеобразующие характеристики. Культура управления коллективом, свойственная идеальному руководителю, проявляется как способность прогнозировать ситуацию при принятии управленческих решений, (методика «Оценка имиджеобразующих профессиональных и личностных качеств руководителя» (Ю.В. Андреева, 2002).

Наиболее значимыми в образе идеального руководителя являются стилевые качества, проявляющиеся в профессионально-деловом общении, и в профессиональной управленческой деятельности (методика «Оценка стилевых имиджеобразующих качеств руководителя» Ю.В. Андреева, 2002). Поведение «идеального руководителя» в дружественной ситуации характеризуется как сильное влияние, а во враждебной – как сильное доминирование (тест «Профильный анализ личности» В.М. Погольша)²²⁴.

²²⁴ Погольша В.М. Социально-психологический потенциал личного влияния: Дис... к. псих. н. СПб., 1998.

Имидж идеального руководителя гендернотипизирован, ему свойственна маскулинность и андрогинность (модифицированный вариант методики С. Бем (Т.Н. Матвеева, 2004). Доминирующие оценки стереотипного внешне-эстетического имиджа идеального руководителя: «надежный»; «кинесики»: открытая улыбка и др.; «костюма»: правильный подбор одежды. Имиджеобразующее «поведение»: следование правилам этикета, независимость поведения (методика «Оценка сенсорного восприятия имиджа руководителя» (Ю.В. Андреева, 2002).

Стереотипные имиджи успешных руководителей мужчин и женщин схожи с имиджем идеального руководителя по 64% и различаются по 18% имиджевых характеристик (методика «Психосемантическая оценка имиджа личности». Е.А. Петрова, 2001). Факторные структуры стереотипных имиджей успешных руководителей мужчины и женщины сходны, содержат от 10 до 12 факторов и описывают более 75% общей дисперсии. Факторные структуры взаимосвязаны, близки по содержанию к классическому имиджевому фактору «Статус», выделенному Е.А. Петровой, и фактору «Сила», полученному Ч. Осгудом²²⁵.

В групповом сознании менеджеров всех уровней сформирован и дифференцирован стереотипный имидж успешного руководителя женщины, включающий в себя имиджеобразующие характеристики. В дружественной обстановке успешная женщина-руководитель проявляет поведение по типу «Влияние». В ситуации антагонизма умеет проявлять поведение по типу «Доминирование» и поведение по типу «Адаптивность, уступчивость». Женщина-руководитель должна уметь управлять своей экспрессией, организовывать самоподачу на уровне внешности (81%), соблюдать баланс моды и гармонии при выборе костюма, уметь управлять своим весом. Общая оценка внешнеэстетического имиджа женщины-руководителя – «гармоничность» (модифицированный вариант методики С. Бем (Т.Н. Матвеева, 2004).

²²⁵ Петрова Е.А. Психология имиджа: Психосемиотический подход // Психология как система направления: Еж. рос. псх. о-ва. Т.9. Вып. 2. М., 2002.

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ГЕНДЕРНОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОБЛЕМА САМОАКТУАЛИЗАЦИИ
ЛИЧНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ**

В отечественной и зарубежной практике подготовки руководителей (менеджеров) накоплен богатый опыт по формированию знаний, умений и навыков, по наращиванию управленческих компетенций (В.А. Мальцева). Исследованы профессионально важные качества руководителя (А.К. Маркова, Е.Г. Молл, В.Д. Шадриков), а так же сложность, противоречия и причины противоречий в личности в период профессионального становления (О.М. Здравомыслова, З.И. Рябикина).

Преодолевая трудности адаптации к новому статусу, личности необходимо преодолеть различные психологические противоречия и переживания, которые затрагивают все самосознание профессионала. Только согласованная и целостная структура самосознания, характеризующаяся взаимосвязью различных аспектов самосознания, обуславливает психологическое благополучие – самоактуализацию личности и удовлетворенность жизнью.

Однако достижение целостности–нелегкая задача. Руководителю необходимо интегрировать в личности различные социальные роли, образцы поведения и черты, выстраивать путь своего профессионального становления, постоянно осмысливать собственную картину мира, свой новый Образ Я, с учетом усвоения гендерных норм и ролей (П.В. Ильин, И.С. Клецина). В рамках гендерной психологии выявлено, что особые переживания выпадают на долю женщин–руководителей, так как в обществе до сих пор сохранились стереотипы в отношении социально активных и работающих женщин (Ш. Берн, Т.В. Бендас, И.С. Клецина). Женщинам необходимо не только наращивать профессиональные навыки, а иногда «доказывать» свою способность быть эффективным профессионалом, умеющим совмещать две сферы– семью и бизнес (Р.Г. Гаджиева)²²⁶.

²²⁶ Гаджиева Р.Г. Динамика гендерных стереотипов и их влияние на профессиональную самореализацию личности. Автореф. дис. ... канд. псих. наук. М., 2000.

Все это порождает в личности женщины определенные негативные состояния, которые определяют как «ролевой конфликт» (О.А. Гаврилица), феномен «двойной идентичности» (О.М. Здравомыслова) и т.д. Мужчины также испытывают на себе негативное давление гендерных стереотипов. Феномен «несостоявшейся маскулинности» (И.Н. Тартаковская) является тем видом переживаний и формой социального поведения, которое свойственно мужчинам, не сумевшим противостоять ролевому давлению «гегемонии маскулинности» (М. Кауфман, М. Киммел)²²⁷. Все эти состояния, обусловлены тем, что в структуре самосознания личности не решается проблема согласования различных образов Я (С.Д. Некрасов, Л.Н. Ожигова, З.И. Рябикина). Однако в чем специфика взаимосвязей различных образов Я и как эти взаимосвязи влияют на самореализацию личности и удовлетворенность жизнью на разных этапах профессионального становления руководителя? Ответу на это вопрос посвящено наше исследование.

Цель исследования – изучение особенностей взаимосвязи гендерного и профессионального образов Я в структуре самосознания личности руководителя и особенностей самоактуализации и удовлетворенности жизнью. Методы исследования: методика диагностики межличностных отношений Т. Лири (модифицированный вариант Л.Н. Собчик); Самоактуализационный тест (САТ) – модифицированный вариант опросника личностных ориентаций Э. Шострома, Методика «Уровень соотношения «ценности и «доступности» в различных жизненных сферах» Фанталовой Е.Б. Выборка составила 217 человек – 142 женщин и 75 мужчин. Все являются руководителями высшего и среднего звена различных организаций г. Краснодара. Возраст выборки 20 – 50 лет. Выборка составила 3 группы (по этапам профессионального становления по Д.Сьюперу): 1 группа «Профессиональная адаптация» – 1–5 лет профессиональной деятельности; 2 группа «профессионализация» – от 5–10 лет профессиональной деятельно-

²²⁷ Тартаковская И.Н. «Несостоявшаяся маскулинность» как тип поведения на рынке труда // Посиделки, Информационный листок № 3 (71), 2002. СПб. С. 10–18.; Кауфман М. Фрагменты из книги «Chacking the armour: power, pain and the lives of men»// Гендерная педагогика и гендерное образование в странах постсоветского пространства: Сб. мат. Меж. школы–2001. Иваново, 2002. С.20–50; Киммел М. Гендерное общество. М, 2006.

сти; 3 группа «Профессиональное мастерство» – от 10 и выше лет профессиональной деятельности.

В итоге были получены следующие результаты. (1). По результатам методики Т.Лири выявлено, что гендерный и профессиональный Образы Я, то есть Образы Я–мужчин, Я–женщина и Я–профессионал у мужчин и женщин являются достаточно устойчивыми, а незначительные изменения происходят скорее в структуре самосознания у женщин, чем у мужчин. В целом характеристики Образов Я – реальный мужчина, Я–реальная женщина содержательно близки (похожи) и у мужчин, и у женщин–руководителей. Таким образом, главной особенностью самосознания мужчин руководителей является большая, чем у женщин–руководителей согласованность гендерного и профессионального Образов Я в структуре самосознания, а содержание характеристик гендерного и профессионального Образов Я личности связано со стажем пребывания на руководящей должности, где самое существенное расхождение Образов Я наблюдается у женщин со стажем в руководящей должности более 10 лет. (2). Опросник САТ позволил выявить особенности самоактуализации личности руководителей. Оказалось, что среди женщин и мужчин нет самоактуализирующихся. Значимых различий между мужчинами и женщинами и между группами по этапам профессионального становления нет. Исключение составляют женщины третьей группы (стаж более 10 лет). Эти респондентки отличаются от других мужчин и женщин руководителей тем, что их в наибольшей степени нельзя назвать самоактуализирующимися: у них самая высокая ориентация на внешнюю поддержку, не высокая гибкость поведения, нечувствительность к себе, низкое самовосприятие и низкая креативность. Это значит, что женщины на этом этапе профессионального становления подвержены более высокой степени зависимости, конформности, внешнему локусу контроля. Обладают не высокой степенью гибкости в реализации своих ценностей, не отдают себе отчет в своих потребностях и чувствах. У женщин низкая степень принятия себя вне зависимости от оценки достоинств и недостатков. (3). По методике «Уровень соотношения «ценности и «доступности» в различных жизненных сферах» Фонталовой Е.Б. выявлен уровень дезинтеграции в мотивационно–личностной сфере руководителей.

У мужчин и женщин уровень дезинтеграции в мотивационно–личностной сфере соответствует норме на первых двух этапах профессионального становления, на третьем этапе у мужчин уровень дезин-

теграции мотивационной сферы остается на том же уровне, а у женщин существенно повышается. То есть самыми неудовлетворенными жизнью опять являются респондентки из третьей группы со стажем более 10 лет. Скорее всего, они переживают внутренний конфликт, который как мы уже выявили, связан с низкой самоактуализацией.

Таким образом, Общая Я – концепция личности, включающая в себя Образы Я–реальный и идеальный мужчина, и Я–женщина и Я–профессионал, более связана (согласована) у мужчин – руководителей, чем у женщин–руководителей. Наличие противоречий в личности между гендерным и профессиональным Образами Я нарушает целостность самосознания, замедляет процесс самоактуализации и удовлетворенность в жизни. Результаты исследования уточняют специфику такого феномена, как «ролевой конфликт» у женщины–руководителя и позволяют заключить, что в особой психологической поддержке профессионального и личностного развития нуждаются женщины, находящиеся на этапе профессионального мастерства со стажем в руководящей должности более 10 лет, а не женщины на этапе адаптации к роли руководителя.

Н. Олийнык

*Львов, Львовский институт банковского дела
Университета банковского дела Национального банка Украины*

ОПЛАТА ТРУДА ЖЕНЩИН В УКРАИНЕ: ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРНОГО РАЗРЫВА

Одним из важнейших условий индивидуальной свободы женщин в публичной и частной сферах является экономическая независимость. Ведь недостаточный уровень доходов ограничивает доступ женщин к ресурсам общества, обуславливает меньший объем доступных им прав и возможностей. Гендерная разница в оплате труда приводит к ряду неблагоприятных экономических, политических и социальных последствий, что обуславливает потребность исследователей в различных областях науки выявить причины этого явления и найти способы его преодоления.

Теоретические разработки в области гендерных отношений на рынке труда нашли отражение в работах посвященных влиянию инвестиций на человеческий капитал и на заработную плату (Г.Беккер, Т.Шульц и др.). Проблемы сегментации рынка труда и профессио-

нальной сегрегации раскрываются в работах Б.Бергман, П.Доирингера, Г.Стендинга и др. В украинской историографии в последние десятилетия также наблюдается интерес к исследованию проблематики женской занятости²²⁸, но непосредственно проблеме гендерного разрыва в оплате труда должного внимания до сих пор не уделялось.

Несмотря на высокий уровень экономической активности и занятости женщин в Украине существует значительный гендерный разрыв в оплате труда. Реальная разница в оплате труда в Украине вероятно больше, поскольку статистика заработной платы учитывает только официальную зарплату и не учитывает оплату в неформальном секторе или незарегистрированную предпринимательскую деятельность.

Важными причинами гендерного разрыва в оплате труда является сочетание женщинами производственных и репродуктивных функций, отсутствие развитой социальной инфраструктуры, это обуславливает то, что начиная с одинакового с мужчинами образовательного уровня, женщины в дальнейшем отстают от них в уровне квалификации через перерыв в работе связанный с рождением и воспитанием детей. Так, в 2010 г. в отпуске по беременности, родам и уходу за ребенком находились 68,8% украинских женщин и только 3,1% мужчин²²⁹. Также у женщин больше перерывов в работе, что связано с болезнями детей, родственников, из-за чего снижается их коэффициент трудового участия и соответственно уровень оплаты труда. Женщины чаще осознанно, вследствие особенностей социализации, выбирают неполную занятость²³⁰. Так, в 2010 г. среди работников, принятых на работу на условиях неполной занятости было 68,32% женщин²³¹. Неполный рабочий день и гибкий график дают возможность женщинам совмещать работу и материнство, но снижает зарплату, кроме того женщины теряют воз-

²²⁸ Герасименко Г.В. Гендерні проблеми на ринку праці України // Демографія та соціальна економіка. 2005. № 1. С. 138–145; Журженко Т.Ю. Социальное воспроизводство и гендерная политика в Украине. Харьков, 2001.

²²⁹ Економічна активність населення України 2010: Статистичний збірник / Державна служба статистики України; Відповідальна за випуск І.В.Сеник. К., 2011. С. 79.

²³⁰ Bernhardt E. The choice of part-time work among Swedish one-child mothers. // European Journal of Population. 1988. № 4 (2). P. 117–144.

²³¹ Розраховано на основі – Праця в Україні у 2010 році: Статистичний збірник / Державна служба статистики України. К., 2010. С. 107.

можности для повышения своего профессионального уровня и продвижения по службе.

Своеобразно решить проблему двойной занятости предложила Партия зеленых Украины. В ее программе говорится о приравнивании домашнего труда женщин по воспитанию детей к работе в общественном секторе и ее оплате. Но эта попытка только усилит патриархатный принцип разделения труда на семейный-женский и общественный – мужской. Поскольку первый не может быть должным образом измерен, никому, кроме данной семьи, не приносит очевидной прибыли, а также по своей природе рутинный, то понятно, что он не может быть высокооплачиваемым и лишь закрепит подчиненное положение женщины в семье. Условия труда – еще один фактор гендерного разрыва оплаты труда, потому что трудовое законодательство Украины запрещает использование труда женщин на определенных видах тяжелых и вредных работ. Мужчины, которые работают на таких производствах, получают льготы и компенсации, что соответственно увеличивает уровень их оплаты труда²³².

В наибольшей степени гендерная разница в оплате труда обусловлена живучестью гендерных стереотипов и существованием половой сегрегации.

Наличие гендерной сегрегации как один из признаков украинской экономики отмечает ряд исследователей²³³. В Украине горизонтальная профессиональная сегрегация проявляется традиционной феминизацией или маскулинизацией отдельных отраслей и сфер экономики. Можно утверждать, что основной сферой женской занятости является сфера услуг. В частности, традиционно "женскими" в Украине считаются здравоохранение и предоставление социальной помощи (в 2010 г. женщин – 81,5%), образование (76,4%), деятельность гостиниц и ресторанов (69,8 %), финансовая деятельность (66,4%). Также отчетливо

²³² Розроблено автором на основани даних: Стан умов праці найманих працівників у 2009 році: Статистичний бюлетень // Державн. комітет статистики України. К., 2009. С. 6.

²³³ Герасименко Г. В. Гендерні аспекти соціально-економічної політики в Україні: дис... канд. екон. наук: 08.09.01 / НАН України; Інститут демографії та соціальних досліджень. К., 2004; Журженко Т.Ю. Социальное воспроизводство и гендерная политика в Украине. Харьков, 2001.

проявляется тенденция к концентрации женщин в отраслях и профессиях с низким уровнем оплаты труда. Так, в 2010 г. во всех областях, где большинство сотрудников были женщины, среднемесячная зарплата была меньше 2000 грн. (кроме финансовой деятельности).

Размер средней зарплаты женщин ниже даже в тех отраслях, где преобладает женский труд. Так, высокая доля занятых женщин характерна для сферы здравоохранения и предоставления социальной помощи (81,5%), где средняя зарплата женщин составляет 90% мужской; в сфере образования (76,4%) – 88 %, в деятельности гостиниц и ресторанов (69,8%) – 83,3% средней зарплаты мужчин. Основная причина этого в том, что женщины и мужчины в одной профессии занимают преимущественно различные по характеру должности: 92% руководящих должностей занимают мужчины, на высших управленческих должностях в промышленности женщин – 20,2%, в сельском хозяйстве – 9,5%, а в сфере образования – 98,6% женщин среди работников дошкольных учреждений, 84,5% – средних школ.

Причинами вертикальной сегрегации является то, что: (1) хотя средний уровень образования у женщин выше, чем у мужчин, женщины, больше ориентированы на получение гуманитарного образования, которое меньше востребовано на руководящих постах; (2) возможности женщин при профессиональном продвижении существенно уменьшаются из-за перерывов в трудовой деятельности, связанных с рождением и воспитанием детей, а опыт, который важен для карьеры, накапливается именно в эти периоды; (3) женщины из-за «двойной занятости» проигрывают конкурентную борьбу мужчинам; (4) корпоративные правила и стереотипы, сформировавшиеся в профессиональном (мужском) мире такие, что женщины не всегда могут в них вписаться. Кроме того, шансы женщин потерять работу выше, поэтому они чаще соглашались на работу, не соответствующую их квалификации, тем самым понижая свой социальный статус.

Итак, из-за живучести гендерных стереотипов, «двойную занятость», гендерную сегрегацию на рынке труда Украины зарплата женщин в среднем на 25% ниже, чем зарплата мужчин. Женская занятость традиционно преобладает в сферах деятельности с низкими уровнями средней зарплаты – в образовании, здравоохранении, бытовом обслуживании. Кроме того, женщины концентрируются на должностях низшего уровня во всех, без исключения, секторах экономики и вследствие этого оплата их труда ниже. Наличие гендерной сегрегации снижает

ет гибкость рынка труда, ограничивает возможности женщин заниматься определенными профессиями, уменьшает эффективность использования человеческого потенциала, способствует усилению расслоения населения по уровню дохода.

Гендерная разница в уровне доходов населения приводит к феминизации бедности в Украине, поскольку женщины сейчас доминируют в составе социально уязвимых категорий населения (пенсионеров, безработных, одиноких матерей). Гендерное неравенство имеет негативное влияние на перспективы социально-экономического и демократического развития украинского общества и это является весомым аргументом, чтобы на государственном и общественном уровнях вводились меры для содействия гендерному равенству, в частности через гендерную государственную политику.

РАЗДЕЛ 18. НАСИЛИЕ ПРОТИВ ЖЕНЩИН В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН

С.В. Омелянчук

Владимир, Владимирский гос. универс. им. А. Г. и Н.Г. Столетовых
**К ВОПРОСУ О НАСИЛИИ ПРОТИВ ЖЕНЩИНЫ
В ДРЕВНЕРУССКОЙ СЕМЬЕ**

В древнейшие времена одним из главных достоинств человека была физическая сила, позволявшая выжить не только отдельному индивидууму, но и всему племени, что ставило а priori более слабую женщину в зависимость от отца, а потом и мужа, который и являлся полновластным главой семьи. Он мог судить свою жену, подвергать ее телесным наказаниям и даже распоряжаться ее жизнью. Так, например, князь Владимир Святославич намеревался собственноручно убить свою супругу Рогнеду за попытку покушения на его жизнь. Спасло княгиню от неминуемой расправы только появление их малолетнего сына Изяслава. По всей видимости, муж мог безнаказанно лишить жизни свою жену и за супружескую измену. Об этом красноречиво свидетельствуют древнерусские былины. Богатырь Святогор убил свою супругу за то, что она с помощью шантажа заставила Илью Муромца

овладеть ею. Жестоко расправился со своей женой–изменницей Добрыня Никитич: «Он первое ученье – ей руку отсек, / Сам приговаривает: / «Эта мне рука не надобна, / Трепала она, рука, Змея Горынчишша!» / А второе ученье – ноги ей отсек: / «А и эта–де нога мне не надобна, / Оплеталася со Змеем Горынчишшем!» / А третье ученье – губы ей обрезал / И с носом прочь: «А и эти–де мне губы не надобны, / Целовали они Змея Горынчишша!» / Четвертое ученье – голову ей отсек...». В былине «Чурила Пленкович и Катерина» вполне заслуженной считается смерть от руки Пермяты его жены Катерины, изменившей ему с Чурилой Пленковичем («взял Пермята да молоду жону, / На одну–де ногу да он ступил ноньце, / Как другу–де да у ей оторвал...»).

Причиной насилия над слабым полом в языческий период могли быть не только сами неблагоприятные поступки, но даже и подозрения в их совершении. Так в Ростовской земле в 1071 г. во время голода волхвы обвинили женщин в том, что они укрывают продовольствие («обилье держат»). Поверившие волхвам мужчины повели к ним «сестры своя, матерее и жены своя». Волхвы же, пользуясь ловкостью рук, «доказали» свои обвинения «прорезавша за плечем» женщинам и «вынимаста любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, и именье ихъ отымашита себе».

Принятие христианства привело к изменению взаимоотношений супругов в древнерусской семье, вследствие постепенного проникновения в общественное сознание морально–этическим норм, проповедуемых новой религией. Опираясь на библейские тексты, христианские пастыри даже допускали равенство супругов в некоторых семейных делах. Любая попытка главенства жены над мужем решительно осуждалась церковью и обществом. Это объяснялось тем, что под влиянием женщины мужчина способен совершать необдуманные поступки и даже тяжкие преступления. Преподобный Моисей Угрин утверждал: «Адам пръвозданный, жене покорився, из раа изгнан бысть. Самсон силою паче все преспе и ратным одолев, последи же женою предан бысть иноплеменником. И Соломон премудрости глубину достиг, жене повинувся, идолом поклонися. И Ирод многы победы сътворив, последи же, жене поработився, Предтечу Иоанна усекну».

В древнерусской литературе указывалось и на то, что красота женщины служит орудием сатаны. «Сыну, не зрирай на красоту женьскую и сердцемь не жадай ея. Аще и все имение даси ей, тоже некоторые (никакой) ползы обрящеши от нея, но паче к богу въ грехъ въпа-

деши», – говорилось в «Повести об Акире Премудром». А так как женщины еще с языческих времен занимались знахарством и колдовством, то после принятия христианства за ними прочно закрепилась и недобрая слава бесовских подруг: «Паче же женами бесовская волъшвенья бывають; искони бо бесъ жену примети, си же мужа, тако в си роди много волхвуютъ жены чародейством, и отравою, и инеми бесовскими козньми». Таким образом, церковь подчеркивала «греховную сущность» представительниц прекрасного пола, и требовала от мужей ведения постоянной борьбы за спасение душ своих жен и собственное спокойствие. Выиграть эту «битву», по мнению людей того времени, можно было только путем полного подчинения жены власти мужа. Поэтому в используемом русским духовенством наставлении «Яко не подобает жены звати госпожею», приписываемом Козьме Халкидонскому, говорится: «Не мози сыну взнести главы женьскы выше мужескы, али то Христу ругаешия. Того ради не подобаетъ жены своя звати госпожею, но лепо жене звати мужа господиномъ, да имя Божие не хулится в васъ, наипаче славится». Однако, несмотря на то, что христианская религия подтвердила незыблемость власти мужа над своей женой, он, по всей видимости, все же утратил языческое право на жизнь своей супруги: «Аже кто убиеть жену, то тем же судомъ судити, якоже и мужа». Правда, убийство женщины все же считалось менее тяжким преступлением, чем мужчины. Русская Правда определяла наказание за убийство женщины вполтину меньше, нежели за убийство мужчины: «полвиры 20 гривен». Эта норма, несмотря на декларируемое христианством равенство полов перед Богом, нашла свое отражение и в церковном судопроизводстве. На вопрос священника Ильи: «А еже пянь моужь попъхноули бяхоу, запеньше ногою, и оумреть?» епископ Нифонт ответил: «Польдушегоубьства есть». Нет сомнений, что за мужем сохранялось право «воспитывать» жену, «отлучать» от грешных дел, применяя при этом, а в случае необходимости, и телесные наказания. Церковный Устав князя Ярослава в своей Пространной редакции налагает на мужа обязанность «казнить» жену в случаях если она «мужа крадеть и обличити ю», и если «будеть чародеица, наузница, или волхва, или зелейница».

Таким образом, в Древней Руси с языческих времен за мужем закрепилось право применять насилие по отношению к своей жене. Христианизация древнерусского общества несколько смягчила нравы и ограничила право мужа распоряжаться жизнью своей супруги.

Ю. А. Иликеева

Уфа, Уфимский филиал Оренбургского гос. университета

ПРОЯВЛЕНИЯ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ ПРОТИВ ЖЕНЩИН (НА ПРИМЕРЕ БАШКИРСКОГО ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА)

В любом обществе во все времена в той или иной степени женщины подвергались в семье физическому, сексуальному и психологическому насилию, независимо от материального или общественного положения или происхождения. Многие государства и народы наделяли мужчину широкими властными полномочиями по отношению к другим членам семьи. Самым главным авторитетом для женщины был ее муж. Прежде всего, именно ему она должна была повиноваться и его почитать. Так, например, в лондонской полиции в начале века считались с таким правилом: "Муж сварливой жены имеет право побить ее дома, при условии, что палка, которую он использует, не будет толще большого пальца его руки". В Америке в 1824 г. в некоторых штатах закон официально освободил мужей от ответственности при умеренном физическом наказании жены в случаях "крайней необходимости". В России долгое время мужа, – побившего жену, журили, убившего благоверную – порицали, а жену, убившую мужа – живьем закапывали в землю. По законам Русского государства жена обязана была повиноваться мужу как главе семейства, «пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность как хозяйка дома»²³⁴.

Русским законам о женщинах вторили мусульманское и обычное и права: муж стоит выше жены. По исламу мужчины превосходят женщин «степенью своего достоинства» (Коран сура 2:28), – пишет Р. Максуд²³⁵. Но, следует знать, добавляет автор, что мусульманская доктрина не считает женщин существами низшего сорта и справедли-

²³⁴ Михайлова М.М. Русские законы о женщинах. М., 1913. С. 29.

²³⁵ Максуд Р. Указ. соч. С. 212, 209.

во напоминает нам о том, что они (женщины) изначально были сотворены из той же самой единой души (Коран. Сура 4:1)²³⁶. И у жены, и у мужа были предписанные шариатом обязанности, которые они должны были исполнять. Муж был обязан обеспечить свою жену пропитанием, одеждой, жилищем. От жены же ожидается покорность воле мужа и совершенная готовность к удовлетворению всех его нужд. И, по словам Пророка, если один из супругов отказывает в чем-то другому, «не наступит и утро, как ангелы проклянут такого человека». «Право мужа–право Тэнгри (всевышнего)», «Мужнино право–божье право», считали в башкирском народе²³⁷.

В башкирском традиционном обществе жена должна была действовать с разрешения мужа, и если она провинилась, он вправе был наказать ее, в том числе и побоями. Один из таких примеров приводит С.Г.Рыбаков: «В кочевке Казакуловой, расположенной в 50 верстах от г. Верхнеуральска, в июле 1893 г. некто Магафур, вернувшийся со свадьбы домой, приказал своей жене поставить самовар. Та подчинилась с неохотой, сетуя на поздний час и нетрезвое состояние своего мужа. В ответ последовали один за другим удары. Не останавливало расходившегося мужа и то, что жена его была беременной. Услышав вопли и причитания женщины, сбежались соседи, и лишь их вмешательством в драку, а также брата Магафура, драке был положен конец. При этом окружающие, хотя и не одобрили поступок Магафура, но, и жена не смела перечить мужу, считали они. Поэтому она сама виновата в том, что с ней случилось, муж имеет право поступать с женой так, как посчитает нужным»²³⁸. Подобным образом рассуждал и тептярский зауряд–сотник Губайдуллин из Уфы. Духовное собрание потребовало у него объяснений, почему он бьет свою жену и отказывается ее содержать (при этом и не хочет разводить ее от себя). Губайдуллин пишет: «Хотя по шариату, муж обязывается содержать жену по своему состоянию, но только когда она не будет восставать против него, со-

²³⁶ Максуд Р. Ислам. М., 2001. С. 212; Коран. Пер. Ю.И. Крачковского. М., 1990. С. 81.

²³⁷ Башкирское народное творчество (далее БНТ). Т. 7. Пословицы, поговорки. Приметы. Загадки. Уфа, 1993. С. 88, 91.

²³⁸ Рыбаков С. Очерк быта и современного состояния инородцев Урала // Наблюдалец. 1895. Год XIV. Август. С. 300–301.

вершать постыдные поступки («она надевала русские женские платья, ходила открытой на рынок, «проматывала и расточала» без пользы деньги, дружила с русскими порочными женщинами), ей строго воспрещается отлучаться самовольно от мужа, и если она это сделает, то лишается права требовать или получать от мужа пособие и содержание во всех отношениях»²³⁹.

Встречались и деспоты, доводившие своих жен до бегства из дома и вторичного замужества. Так башкирка Кашфуллина Сания из деревни Красный Яр Булекей–Кудейской волости Уфимского уезда в прошении в Оренбургское Магометанское духовное собрание писала, что уже после года совместной жизни «жизнь с моим мужем, кажется мне не человеческой, а зверской. Мало того, мой жестокий муж еще позволяет бить меня свекру». А «лучшие» старики деревни удостоуверили следствие, что с Санией обращаются хуже, чем с самою злою собакой: бьют и в бане, и в избе, и на дворе, и на улице. Свекор бил Санию до крови каждый день. На упрек же односельчан за жестокое обращение с женой, муж и свекор сказали: «На то она взята, чтобы бить». На основании всех выше сказанных показаний брак их был расторгнут²⁴⁰.

Следует, однако, отметить, что такое отношение к жене не было обычным явлением и в целом, по мнению исследователей, семейная жизнь башкир складывалась мирная. По словам С. Рыбакова, «мягкость характера или, сказать, естественная гуманность составляет чуть ли не отличительное качество башкир: в них совершенно отсутствует азиатская жестокость или сухое, враждебное чувство в отношениях к людям. Мужья не разыгрывают из себя деспотов по отношению к женам и предоставляют последним известную свободу от обрядностей, не подвергают их телесным побоям за редкими исключениями, вообще у башкир нет той жестокости, пренебрежения и необузданности по отношению к женам, как у киргиз; к женам своим башкиры нередко привязываются»²⁴¹.

Кроме того, жестокое насилие над женами редко оставалось безнаказанным. Как пишет П.С. Назаров: «коренной обычай башкир за-

²³⁹ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 700. Л. 118, 121, 122 об.

²⁴⁰ Там же. Ф. 295. Оп. 8. Д. 1203. Л. 2 – 2 об., 15 – 16.

²⁴¹ С. Рыбаков. Указ. соч. С. 298 – 299; Он же. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта // Ватандаш. 2000. № 2. С. 88.

прещает не только бить, но даже грубо обходиться с женой. В противном случае она может обращаться за помощью к своим родным и близким. Она не подвергается грубостям со стороны семейных»²⁴².

Счастлива ли была женщина в браке или нет, главным образом, зависело от мужа, от его отношения к ней. Впрочем, то же самое, с полной уверенностью, можно сказать и обратное: от жены зависело благополучие мужа. Идеальная жена должна быть: добропорядочной и верной женой, умной и хорошей хозяйкой, матерью, заботящейся о своем муже, детях, почитающей его родных. Очень верно это отражается в словах информатора из дер. Исламбаево Бурзянского района Бирдигуловой Мафтухи Камалетдиновны (1939 г.р.), которая говорит, что «главное – терпеливость, Бог дал женщине терпение»²⁴³. Она старается угодить мужу, уважает его, не попрекает, не вмешивается в его мужские дела. «Будешь жить женским умом – раньше собственной смерти преставишься», «При муже пусть жена вперед не выскакивает» – предостерегали в народе²⁴⁴. «Жена у башкир должна всячески угождать мужу, разувать его, седлать ему лошадь и т.д. Все хозяйство лежит на ней», – писал П.С. Назаров²⁴⁵. Но одновременно, она не должна была быть и безвольной «рабыней», не имеющий своего мнения: «Хоть ты и женщина, будь решительной», «Хорошая женщина лучше плохого мужчины»²⁴⁶. П.С. Назаров также пишет, что «муж в важных случаях советуется с женой»²⁴⁷.

Таким образом, если даже поверхностно обратиться к истории, становится очевидным, что совсем ещё недавно насилие в быту было фактически узаконено. Отсюда понятно, почему изучение домашнего насилия, в его различных аспектах (педагогическом, социологическом, историческом, экономическом, медицинском, криминальном и др.) новое явление. К сожалению, только с 70-х годов XX в. проблема насилия в семье начинает приобретать общественно значимый характер, а супружеское насилие признаваться недопустимым, при этом в различ-

²⁴² Назаров П. К этнографии башкир. Б.м., б.г. С. 190.

²⁴³ Записано в 2003 г. от Бирдигуловой М.

²⁴⁴ БНТ. Т. 7. С. 81, 92.

²⁴⁵ Назаров П.С. Указ. соч. Б.м., б.г. С. 190.

²⁴⁶ БНТ. Т. 7. С. 113, 114.

²⁴⁷ Назаров П. Указ. соч. Б.м., б.г. С. 190.

ных государствах приходят к этому в разное время и в разных условиях. Однако становится совершенно очевидным, что сегодня терпимость общества ко всякому роду насилия – это, по сути, отказ от создания современного цивилизованного общества.

И.В. Фролова

Череповец, Череповецкий государственный университет

К ВОПРОСУ О НАСИЛИИ

ДВОРЯН НАД ДВОРОВЫМИ ДЕВУШКАМИ В СЕР. XIX В. (НА ПРИМЕРЕ ЧЕРЕПОВЕЦКОГО У. НОВГОРОДСКОЙ ГУБ.).

Сегодня проблема насилия в отношении женщин в разные исторические эпохи является очень актуальной. В российской историографии вопросы насилия получили свое отражение в исследованиях М.Г. Муравьевой, В.Б. Безгина, Н.Л. Пушкаревой и т.д.

Задача данной работы заключается в попытке проанализировать особенности взаимоотношений между помещиком/помещицей и дворовыми девушками в середине XIX в. на примере Череповецкого уезда Новгородской губернии и определить, как при этом менялось понятие о «норме» и «девиации». В середине XIX в. в провинциальных усадьбах крепостнические порядки тесно переплетались с восприятием крестьянами своего хозяина, как покровителя. Это было связано с тем, что помещики (и государство) стремились поддерживать патриархально-авторитарные отношения в крестьянских семьях, руководствуясь политическими и экономическими соображениями²⁴⁸. Женщина находилась на заднем плане, беспрекословно подчинялась мужу или большаку, которые обеспечивали жизнеспособность крестьянской семьи в рамках сельской общины²⁴⁹. Семейные отношения и отношения помещика и крестьянина в рамках крепостничества были неотделимы.

²⁴⁸ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т.1. СПб., 1999. С. 242 – 243.

²⁴⁹ Безгин В.Б. Насилие в крестьянской семье конца XIX века: гендерный аспект проблемы. // Частное и общественное: гендерный аспект: Материалы 4-й междунар. научн. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 20 – 22 октября 2011 г., Ярославль. М., 2011. Т. 1. С. 132 – 137.

Помещик в условиях крепостнического строя имел неограниченные возможности распоряжаться судьбой вверенных ему людей. Наказания, продажа, проигрыш в карты не были исключительными случаями, и в качестве «жертвы» часто выступали дворовые девушки²⁵⁰. От жестоких побоев в семье и вне её женщины страдали за любые провинности²⁵¹. Обычаи и церковные традиции лишь незначительно ограничивали власть помещиков над своими крестьянами, делая крепостного практически не защищенным²⁵².

В фондах Череповецкого музейного объединения сохранился текст работы учителя, краеведа П.Д. Федотова (1906 – 2000 гг.) «Из истории поместно-крепостнической системы Череповецкого уезда (XV–первая четверть XX вв.)» (1979 г.). Павел Дмитриевич родился в бедной семье. «Отец батрачил на местных богатеях. Воспитанием мальчика занималась бабушка, помнящая многие предания старины глубокой». Возможно, последнее обстоятельство и предопределило его негативные оценки описываемых событий.

Федотов записал воспоминания жительницы д. Курилово Череповецкого уезда Лидии Николаевны Володиной–Громцевой об одном дворянине Череповецкого уезда Леве Николаевиче Гальском (1813 – 1875 гг.). По её словам Гальской к своим крепостным относился сносно, в отличие от его соседей–помещиков. Но и о нем в народной памяти осталось одно очень неприятное воспоминание, связанное с его пристрастием–охота с борзыми и гончими. Однажды, он обменял дворовую девушку Павлинову Дуняшу на племенную породистую гончую собака, которую ему привез знакомый пошехонский помещик. После тяжелого прощания Дуняши с родными и близкими, ее «связанную, как какую–то животную тварь»²⁵³ увезли. Эти события происходили в 1845

²⁵⁰ См. Воспоминания русских крестьян XVIII – перв. пол. XIX в. / Вступ. ст., сост. В.А. Кошелева. М., 2006.

²⁵¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т.1. СПб., 1999. С. 237 – 239.

²⁵² Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – нач. XIX вв.). СПб., 2008. С. 105 – 106.

²⁵³ Фонды ЧерМО. Федотов П.Д. Из истории поместно-крепостнической системы Череповецкого уезда (XV – перв. четв. XX в.). Л. 50, Л. 51, Л. 53.

г. Парень девушки – Гаврило Федоров – вместе с братом были наказаны и отданы в солдаты за то, что задумали «усудобить злого барина-разлучника». Помещик с Дуняшей «потешился и отдал замуж за пожилого 45-летнего своего крепостного мужика-вдовца». Оценивать этот факт однозначно негативно не стоит. В данном поступке барина проявлялась определенная забота о будущем девушки. Любые добрые половые связи в крестьянской общине воспринимались отрицательно, поэтому так устроенная судьба Дуняши с позиции морального права пер. половины XIX в. была не самым худшим вариантом.

После смерти жены Льва Николаевича всеми хозяйственными делами в с. Алексеево стала заниматься его сестра Варвара Николаевна Гальская (1820 – 1901 гг.), о жестокости которой сохранилось немало воспоминаний, позволяющих сравнить ее с Салтычихой.

В прачечной у барыни работала красивая дворовая девушка Катя Галактионова. Вообще барин Лев Николаевич предпочитал брать к себе в дом в качестве дворовых служанок самых красивых крепостных девушек. Возможно, что это была своего рода повинность, дававшая семье девушки дополнительный надел или различные льготы²⁵⁴.

Вскоре Катя родила дочку от барина, что спровоцировало скандал между Варварой Николаевной и Львом Николаевичем. Барыня хотела наказать ее розгами, но Лев Николаевич заступился. Володина-Громцева очень подробно описывала последующие тяготы жизни Кати, которую барыня презрительно называла «растрепой»²⁵⁵. Катя, не выдержав унижения со стороны Гальской, покончила жизнь самоубийством. Федотов писал, цитируя слова Лидии Николаевны: «Такова горькая доля, как у Галактионовой Кати, была у многих дворовых служанок господ Гальских». Таким образом, описанные события не были исключением, фактически они являлись нормой для дореформенной России. Согласно документам акты насилия по отношению к дворовым девушкам исходили не только от мужчин, но и от женщин. Если в первом случае это было прямое физическое давление, то во втором – это было моральный прессинг, основанный зависти к чужой красоте и молодости.

²⁵⁴ Русов Н.Н. Помещичья Россия по запискам современников. М., 1911. С. 139.

²⁵⁵ Фонды ЧерМО. Федотов П.Д. Из истории помещико-крепостнической системы Череповецкого уезда (XV-первая четверть XX вв.). Л. 53, Л. 53-54.

Здесь очень интересным представляется личность рассказчицы. Неизвестно, была ли она сама свидетельницей тех событий, а Федотов с чужих слов воспроизводил её рассказ, либо она сама пересказала все случившееся, опираясь на чьи-то воспоминания. Четко прорисованный ход событий позволяет сделать вывод, что целью данного описания является показать в невыгодном свете сословно-крепостнический строй, его отсталость по отношению к советскому периоду, где подобного рода обращения с женщиной были явно аморальными.

С.В. Ворошилова

Саратов, Саратовская государственная юридическая академия
**ПРАКТИКА ВОЛОСТНЫХ СУДОВ ПО ДЕЛАМ О ЖЕСТОКОМ
ОБРАЩЕНИИ МУЖЕЙ СО СВОИМИ ЖЕНАМИ**

В крестьянской семье дореволюционной России домашнее насилие было явлением обыденным и широко распространенным. Патриархальные традиции русского села требовали держать жену в строгости, а при необходимости применять и силу для её вразумления. Известный исследователь обычного права С.В. Пахман отмечал в конце XIX в.: «Нельзя сказать, что по понятиям крестьян власть мужа над женою давала ему безусловное право жестоко обращаться с нею, обижать её, несмотря даже на то, что она оказывает ему непочтение. Если бы убеждение в безусловности такого права было в крестьянском быту твёрдым и непоколебимым, то жертвы мужнего произвола оставались бы постоянно безответными, между тем этому явно противоречит сам факт непрерывного обращения к суду обиженных жён, и волостные суды почти повсюду, хотя и указывают в таких случаях на необходимость, чтобы жёны повиновались мужьям, тем не менее присуждают последних, по жалобам жён, за жестокое обращение, побои и даже за обиды словами, к взысканию уголовному, обыкновенно – к наказанию розгами».

Вместе с тем примеров жестокого обращения мужей со своими жёнами в практике местных судов XIX в. было множество. Так, в 1884 г. на страницах «Юридического Вестника» была опубликована статья мирового судьи Я. Лудмера содержащая бесчисленные примеры истязаний мужьями своих жён и вызвавшая отклики на страницах различных периодических изданий.

Бедственное положение крестьянских жён отмечалось также комиссией по составлению проекта гражданского уложения, комиссией по преобразованию волостных судов и многими исследователями обычного права в России. Примеры насилия над жёнами в крестьянской среде приводит в своём исследовании С.В. Пахман: один муж «привязал к припрягу телеги жену с малым ребёнком на руках и поехал домой деревней, ударяя кнутом по лошади и по жене», другой, «привязал жену к столбу и сёк её по всем частям тела ременною супонью без всякой пощады», третий – заявил волостному суду, что «много раз бил жену и даже уморился бить, хотя проступков за ней никаких не имеет, а если бил, то не знал закона, что нельзя бить жену».

Причину столь плачевного положения крестьянских жён многие исследователи видели в практическом отсутствии возможности расторжения брака и в крестьянском воззрении на жену, как на собственность мужа. Священник одного из уездов Курской губ. писал во второй половине XIX в.: «Крестьянин сознаёт, что он глава жены, что жена должна бояться своего мужа, вот он и выражает своё превосходство перед нею, внушает ей боязнь, уважение к себе кулаком, да вожжами». Дела о жестоких побоях крестьянских жён могли быть начаты волостными судами по жалобе потерпевшей, по заявлению старосты, волостного старшины или крестьян целой деревни.

По крестьянским понятиям, жалоба жены на мужа была более предосудительной для неё самой, нежели для её обидчика, поэтому жёны жаловались суду только тогда, когда их жизнь становилась совершенно невыносимой. Кроме того, по мнению Я. Лудмера, однократное избиение мужем своей жены не являлось по закону наказуемым, для того, чтобы судья имел право посадить тирана-мужа в «кутузку» необходимо «постоянное, одновременное и часто повторявшееся причинение мужем жене своей побоев, оставлявших на её теле следы и знаки, и употребление им в дело палки, ремня, кнута и т.п.». Таким образом, по мнению автора, до тех пор, пока жена не была изувечена, она не могла надеяться даже на временное удаление от мужа.

Заслуживает внимания тот факт, что за жестокое обращение с женой муж наказывался судом лишь с ее согласия. Если же жена не требовала наказания для виновного мужа, или заявляла о необходимости принятия каких – либо других мер к установлению между ними согласия, то наказание не назначалось. В этом случае волостной суд ограничивался внушением, которое иногда скреплялось подпиской винов-

ного. В исследовании С.В. Пахмана приводятся примеры подобных решений суда, в которых по просьбам жён «не желавших семейных неприятностей» мужья лишь обязывались подпиской «обращаться с женой как следует», «поступать с женой справедливо и по-человечески», «жену не тиранить», «не чинить жене побоев» и т.д. По мнению исследователей, подобные внушения, а подчас и телесные наказания, которым подвергался виновный муж, не являлись гарантией восстановления мира в семье, более того, подвергнутый розгам муж, чаще всего, становился ещё большим тираном для своей жены.

Волостные суды могли и вовсе не назначать наказание для мужа, в том случае, если жена, по мнению суда, была сама виновата в жестоком с нею обращении. Как по закону, так и по обычаю, муж, в силу своей власти имел право требовать от жены повиновения и почтения и с этой целью «учить» её. Нередкими являлись случаи, когда мужья с целью «исправления» жены, прибегали к истязаниям и побоям, что считалось нормальным в крестьянской среде. А.Я. Ефименко в своём исследовании приводит слова одной крестьянки, которая пришла жаловаться в суд на побои, причинённые ей братом мужа: «Я знаю, что такое право. Мой муж может меня бить и должен, если я ему не противна и если он имеет что-либо против меня. Но от его брата я никак не могу этого сносить: не он мой господин». Таким образом, в крестьянском понимании, побои жены являлись законным и естественным проявлением власти мужа. Они не ставились ему в укор и принимались как должное. Более того, отсутствие этого проявления могло рассцениваться как явление ненормальное, нарушающее гармонию супружеских отношений.

С.В. Пахман отмечает также, равнодушное отношение волостных судов некоторых местностей к жестокому обращению мужей с женами. Так, в одной местности было заявлено, что волостной суд не принимает жалоб от жен на мужей, «так как муж считается старшим над женой и ему предоставляется власть ее наказывать; муж даром бить свою жену не станет, а если бьет, значит – она того стоит».

По мнению Э. Шменина, волостные суды не уклонялись от разбирательства дел о личных обидах, а напротив, «всюду энергически отстаивали жён от деспотизма мужей». Данное утверждение является спорным, так как решениями этих судов обыкновенно являлось требование возвращения жен к мужьям, несмотря ни на жестокое обращение мужа с женой, ни на семейные ссоры. Мировые же суды, по мне-

нию П.С. Цыпкина, стремясь избавить жён от дальнейших истязаний, старались склонить последних к раздельному жительству и при согласии писали об этом мировые сделки. К таким нарушающим закон действиям мировые судьи были вынуждены порою прибегать, т.к. жёны, требуя разлучения их с мужьями грозили в случае отказа покончить с собой, что не редко действительно происходило.

Жестокое обращение с женою могло также стать основанием для освобождения крестьянской жены от обязанности следовать за мужем при перемене им места жительства. Подобные решения, хоть и не часто, но выносились волостными судами. Таким образом, в крестьянском быту, насилие мужей над женами являлось распространённым явлением, оправданным с точки зрения патриархальной идеологии, в рамках которой женщина занимает подчинённое положение. Стремление местных судов защитить женщин от насилия со стороны мужей встречало непонимание, а подчас и осуждение со стороны крестьянского населения, так как расходилось с обычно-правовым воззрением на замужнюю женщину, как на собственность мужа.

В. Б. Безгин

Тамбов, Тамбовский гос. технический университет

МНИМЫЕ ИЗНАСИЛОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В. (на материалах Тамбовской губ.)

Средства массовой информации в последнее время переполнены сообщениями о фактах сексуального насилия по отношению к несовершеннолетним детям. Общественное мнение, встревоженное этой угрозой, требует от власти самых решительных действий в борьбе с педофилией. Мало кто замечает, что эта череда громких, благодаря журналистам, сексуальных скандалов часто заканчивается ничем. Проще говоря, преступное действие отсутствовало, а имел место оговор в изнасиловании. В связи с этим, нам представляется интересным проанализировать аналогичные ситуации, имевшие место в прошлом.

Цель настоящей статьи заключается в исследовании мнимых изнасилований в российской деревне конца XIX – начала XX в. и особенностей механизма оговора в них. Работа основана на судебных делах фонда прокурора окружного суда Тамбовской губернии. Судебным следователем 2-го участка Шацкого уезда Тамбовской губ. 9 мая 1879 г. было возбуждено дело об изнасиловании крестьянской девочки

Татьяны Поповой, 10 лет. О произошедшем преступлении властям сообщил волостной старшина 8 мая 1879 г. на основании словесного заявления отца девочки, крестьянина села Ново-Березов С.Ф.Попова²⁵⁶. Из объяснения девицы Татьяны Поповой следовало, что в воскресенье, 29 апреля, после обеда она с подружкой пошла играть на луг. Когда они проходили мимо гумна, то встретили односельчанина Ивана Рассказова, 30 лет, который схватил ее и потащил на гумно. Затем, со слов потерпевшей, он «заворотил сарафан и рубаху, вынул свою «чичирку» из портков и стал ею пихать пониже живота, от чего из этого места пошла кровь и замарала рубаху, которую мать потом вымыла». Свидетели отставной рядовой Кондратий Муравлев и крестьянин Афанасий Поворов по существу произошедшего ничего показать не смогли и факт изнасилования не подтвердили. Подружка потерпевшей Елена Берестинская на допросе показала, что Иван Рассказов встретив их, стал играть с Татьяной, а она сама пошла дальше, так как впереди шел ее пьяный отец и она боялась, чтобы он не упал и не выронил денег. Из протокола № 3 от 23 мая 1879 г. следовало, что земский врач Лимберг в присутствии понятых провел судебно-медицинское освидетельствование Татьяны Поповой. Оно показало, что «девственная плева цела и никаких повреждений половых органов не существует, а, следовательно, изнасилования не было». Постановлением от 25 июня 1879 г. дело было прекращено, однако Тамбовский окружной суд определением от 7 августа 1879 г. в прекращении дела отказал и возвратил его для дальнейшего производства по обвинению Ивана Рассказова в попытке изнасилования.

В материалах данного дела есть ряд моментов, которые ставят под сомнение факт изнасилования малолетней девочки. Событие, как явствует из материалов дела, произошло 29 апреля, а отец «изнасилованной» девочки заявил волостному старшине о произошедшем лишь 8 мая, т.е. спустя 9 дней. Мать почему-то уничтожает главную улику преступления, застирав платье дочери от следов крови. Свидетель Афанасий Поваров, который, по словам Поповой, за волосы стащил с нее насильника, на допросе показал буквально следующее: «Рассказова с Поповой я за волосы не стаскивал и даже не видел их вместе лежащими, а потому и не знаю, что между ними произошло».

²⁵⁶ ГАТО. Ф. 69. Оп. 50. Д. 32. Л. 2, Л. 4–4об.

Несмотря на заявление девочки о том, что «это место, куда мне пихал Рассказов, еще и теперь болит», судебный врач никаких повреждений не обнаружил. Можно сделать вывод о том, что физическому насилию Татьяна Попова не подвергалась, а ее показания лишь плод вымысла.

Другим примером мнимого изнасилования может служить следующее дело, возбужденное прокурором 28 июля 1914 г. Крестьянин Василий Гребенников обвинялся в изнасиловании служившей у него девочки Анны Карнауховой, 14 лет, крестьянки Космодевянской слободы Лысогорской волости Тамбовского уезда²⁵⁷. Из показания потерпевшей следовало, что под Вербное воскресенье, часов в 9 вечера, хозяин, будучи пьяным, позвал ее в ригу резать сечку для скота, где и изнасиловал. На допросе Анна Карнаухова дословно показала следующее: «Хозяин мой, Василий Гордеев Гребенников, не говоря ни слова, кинулся на меня и давай душить, затем положил меня на спину, заголил мне юбку, и улегшись на меня, стал меня употреблять. Мне стало очень больно, и я пробовала кричать, Гребенников же заткнул мне рот моей же шалью. Насиловал меня Гребенников часа полтора, иногда мне все же удавалось вскрикнуть. После того как Гребенников меня употребил, у меня с этого места, куда он совал свой член, пошла кровь. Соваля же Гребенников мне в самую кунку. После изнасилования у меня на рубахе была кровь. Когда меня употреблял Гребенников, я чувствовала, что он не один раз мне спускал, а несколько, но сколько именно – я не помню». Но в результате осмотра, проведенного врачом А. Н. Каратневым, было установлено, что Карнаухова насилию не подвергалась, и судебное разбирательство было прекращено за отсутствием состава преступления. В отличие от предыдущего дела, в этом определено никакого преступления не было, а имел место оговор из-за корыстных побуждений или с целью мести. Анна Карнаухова никакому насилию не подвергалась, о чем свидетельствует заключение врача. В нем говорится, что «действенная плева цела, ни рубцов, ни ссадин, ни кровоподтеков не замечается». Еще один момент, на который следует обратить внимание, это время «преступления» и дата возбуждения дела об «изнасиловании». Пасха в 1914 г. была 19 апреля, следовательно, канун Вербного воскресения – это 11 апреля. Таким образом, «потерпевшая» заявила об «изнасиловании» спустя три ме-

²⁵⁷ ГАТО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 3796. Л. 1

сяца после совершенного «преступления». Возраст «жертвы сексуального насилия» дает основание предположить, что оговор был хорошо продуман, а приводимые ей подробности сцены изнасилования должны были убедить следователя в правдивости ее слов. Как следует из изученного дела, оговор в совершении изнасилования несовершеннолетней возник в ситуации, когда та находилась в зависимом положении (наемной работницы), что придавало наговору большую убедительность. Сам «насильник» в момент совершения «преступления» был пьян, что добавляло достоверность ложным обвинениям. Корыстный мотив такого рода действий был, по всей видимости, преобладающим.

С.В. Крадецкая

Москва, Московский Педагогический Государственный Университет
«О САМОЗАЩИТЕ ЖЕНЩИН» ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОГО ДОМОГАТЕЛЬСТВА

Летом 1905 г. М.И.Покровская, врач, редактор–издательница журнала «Женский Вестник», председательница Женской Прогрессивной партии и одна из активнейших феминисток начала XX в., подверглась на улице сексуальному домогательству. Это событие не было необычным для российского города, который, как отмечала Л.Энгельштейн, был «опасным во многих отношениях местом». Одной из опасностей, таившихся на улицах городов, был риск сексуального насилия, от него не были защищены женщины «от 3 до 70 лет»²⁵⁸. На страницах «Женского Вестника» было подробно рассказано о произошедшем с Покровской. В своеобразном отчете мы читаем, что она «подверглась преследованию одного искателя уличных приключений на Воскресенском проспекте, часу в десятом вечера»²⁵⁹. Далее события развивались традиционно. Женщина стала звать городского. Ее преследователь также начал звать городского, и когда тот явился, без малейшего смущения заявил ему: «Она звала меня с собой отправиться».

Поведение мужчины («преследователя») представляется вполне традиционным для подобной ситуации. Он попытался представить

²⁵⁸ Энгельштейн Л. Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX и XX вв. М., 1996. С. 358; Лемешов Е. О материнстве // Женский Вестник, 1912. №3. С. 72

²⁵⁹ О самозащите женщин // Женский Вестник, 1905. № 10. С. 307

объект своего домогательства женщиной, занимавшейся уличной проституцией. Подобная возможность – объявление жертвы соблазнительницей – возникала благодаря существовавшему в России врачебно–полицейскому надзору за проституцией. Многими исследователями отмечается дискриминационный характер системы надзора и его несоответствие заявленным санитарным целям. В частности, Л. Абрамс пишет, что «ярлык проститутки можно было навесить на любую женщину, не отвечавшему историческому представлению о норме»²⁶⁰. Другими словами, врачебно–полицейский надзор за проституцией был системой государственного контроля за женщинами, чей образ жизни не соответствовал патриархальному идеалу.

К таким женщинам можно отнести, прежде всего, т.н. «новых» женщин, тех, кто стремился получать образование и работать, жить самостоятельно и независимо. В традиционном обществе каждая женщина должна была находиться под опекой мужчины, именно это укрепляло ее общественный статус, делало его прочным и понятным. «Новые» женщины уже не отвечали этому критерию, и государство пыталось вернуть их в патриархальную социальную реальность путем организации особого контроля над ними. Ключевым звеном этого контроля и был врачебно–полицейский надзор.

Любой мог заявить на улице, что такая–то женщина занимается тайной проституцией, т.к. критерии причисления к этой «профессии» были довольно расплывчатыми²⁶¹. Часто в списки проституток попадали, после полицейских облав, девушки, жившие в беднейших районах городов. Их препровождали в полицейский участок, где подвергали унижительному медицинскому осмотру и, смотря по обстоятельствам, выдавали т.н. желтый билет, т.е. документ, удостоверявший, что данная женщина являлась поднадзорной проституткой. Что происходило дальше с несчастной женщиной, вполне очевидно.

Подобное отношение со стороны государства к одиноким женщинам естественно влекло за собой рост преступлений на сексуальной почве. Допуская, что одинокая самостоятельная женщина может быть

²⁶⁰ Абрамс Л. Формирование европейской женщины новой эпохи. 1789 – 1918, М., 2011. С.176.

²⁶¹ Ходырева Н.В. Современные дебаты о проституции. Гендерный подход, СПб., 2006

проституткой, государство тем самым позволяло совершать с ней практически любые насильственные действия, в том числе и сексуального характера. Вся ответственность при этом падала на женщину, которая из «жертвы» превращалась в «соблазнительницу».

Особенно обеспокоены положением «новых» женщин были феминистки. Изучая условия жизни современной им женщины, они не могли не замечать тех опасностей, которые подстерегали их на улицах российских городов. Тем более что некоторые из активисток сами сталкивались с подобным отношением к себе, подвергались сексуальным домогательствам и риску быть записанными в проститутки. Используя личные переживания, они выносили вопрос на общественное обсуждение, пытаясь тем самым привлечь внимание общества к проблеме.

Так поступила и Покровская, чье поведение в описываемой ситуации является скорее исключением, т.к. не каждая женщина могла постоять за себя, а тем более публично рассказать об этом. Не каждая женщина была способна продолжать доказывать свою правоту после обвинения в занятии тайной проституцией. Но Покровской удалось это сделать. Оставив городскому свой адрес, она подала на своего преследователя иск в мировой суд, несмотря на то, что тот «сделал попытку к примирению»²⁶². Как лидер и активистка одной из феминистских организации, Покровская не могла оставить это дело без последствий. Она понимала, что многие женщины не знали, как вести себя в подобной ситуации и нуждались в примере, который она и предоставила им, предав огласке все случившееся.

Дело разбиралось в мировом суде 25 августа. Ответчик Николаев (тот самый «искатель уличных приключений») вновь сделал попытку помириться с истицей, однако та отказалась это сделать, «заявивши, что лично за себя она могла бы простить, но для нее очевидно, что Николаев и с другими женщинами поступал так, как поступил с ней, потому она не может ему простить не за себя, а за других, принципиально». Николаев был приговорен к трехнедельному аресту.

В данной ситуации Покровская выступила как представительница всех женщин, так как они все могли подвергнуться публичным оскорблениям, домогательствам или насилию. Она не побоялась общественного осуждения и показала пример действий в подобной ситуации,

²⁶² О самозащите женщин // Женский Вестник. 1905. № 10. С. 307.

выразив надежду, что «интеллигентные женщины возьмут на себя инициативу самозащиты женщин от искателей уличных приключений».

В условиях, когда государство не могло обеспечить женщинам надлежащую защиту, да и не стремилось к этому, поддерживая систему врачебно–полицейского надзора за проституцией, женщины должны были сами позаботиться о самозащите и о защите своих «сестер». Покровская и ее соратницы понимали это. Феминистскими организациями создавались общежития для женщин, клубы для проведения «полезного досуга», бюро по оказанию юридической помощи. Другими словами, феминистки пытались наладить своеобразную социальную сеть по оказанию помощи и поддержки одиноким женщинам. Испытав на себе результаты «тлетворного влияния городов», они пытались защитить женщин, которые решались на самостоятельную и независимую жизнь.

А.А. Савчук

Владивосток, Дальневосточный федеральный университет

ЧУБАРОВСКОЕ ДЕЛО КАК ПРЕЦЕДЕНТ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1920–Х ГГ.

Экспериментирование в брачно–семейной сфере, дискуссии о «новой морали», исчезновение регламентируемой проституции привели к тому, что во второй половине 1920–х гг. Советская Россия столкнулась с проблемой роста числа изнасилований. В 1926 году только лишь Московским судом было рассмотрено 547 случаев изнасилования; в 1927 г. – 726; в 1928 г. – 849. Наиболее запоминающимся процессом, давшим название явлению в целом, было чубаровское дело, а само явление (включавшее в себя впоследствии не только физическое насилие, но и оскорбления, и хамство по отношению к женщине) получило название чубаровщины.

Летом 1926 г. в Чубаровском переулке, в саду Сен–Галли в Ленинграде было совершено групповое изнасилование работницы Л.Б. (сами насильники называли это на своем жаргоне «насиловать женщину коммункой»). Зачинщиками были признаны Кочергин П., Осипов М. и Михайлов П. Всего к уголовной ответственности за изнасилование был привлечен 21 человек (еще 4–за лжесвидетельство и укрывательство), среди которых были два члена партии и восемь комсомольцев.

Согласно Уголовному кодексу РСФСР 1922 г., изнасилование, определявшееся как половое сношение с применением физического или психического насилия или путем использования беспомощного состояния потерпевшего лица, каралось лишением свободы на срок не ниже трех лет. Если изнасилование имело своим последствием самоубийство потерпевшего лица, наказание повышалось на срок не ниже пяти лет. Однако в прессе чубаровское дело было представлено не как изнасилование, а как хулиганство. Оно получило широкий общественный резонанс и было осуждено в печати и публицистике. Хулиганство вообще и чубаровское дело в частности были представлены покушением на революцию и советский строй, а также права, которые дала женщине Октябрьская революция.

Чубаровское дело стало прецедентом в советском уголовном праве. Прокуратура признала, что, хотя при нападении не было применено оружие, однако налицо физическое и психическое насилие, что дало возможность применения 76 статьи УК, предусматривавшей наказание за хулиганство, соединенное с вооруженным нападением, а именно высшую меру наказания и конфискацию всего имущества, с допущением по смягчающим обстоятельствам понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией и конфискацией имущества. Опираясь на эту статью, прокурор Крастин потребовал расстрела по отношению к 9 главным обвиняемым. Согласно постановлению совещания работников милиции (сентябрь 1926 г.), если хулиганы действуют шайкой или группой, то преступление должно квалифицироваться как бандитизм, именно поэтому в итоге чубаровцев судили не за групповое изнасилование, а за бандитизм. Организаторы нападения – П. Кочергин, Осипов, Михайлов, Бобровский, Иванов, А. Тыванчук и Петров – были приговорены к расстрелу. Наумец как несовершеннолетний получил 3 г. и 4 мес. лишения свободы, остальные – сроки от 3 до 10 лет. Сама по себе чубаровщина – это целый комплекс культурных и социальных аспектов, ярко проявившихся в это время. В его основе лежит то, что М. Кауфман определил как семь «П» мужского насилия. Это патриархатная власть, право на привилегии, попустительство, парадокс мужской власти (создание маскулинного идеала поведения, основанного на насилии), прошлый опыт (насилие в семье, широко распространенное в патриархальных семьях), а также психическое оснащение мужественности (отрицание заботы, нежности и ослабленная способность понимать нужды других лю-

дей) и психологическое давление через маскулинность. В основе изнасилования лежало, в первую очередь, представление о праве на привилегии (в официальной пропаганде того времени пролетариат представлялся классом-гегемоном, а партийцы – авангардом этого класса) и парадокс мужской власти, сформировавшийся еще в годы гражданской войны, – идеал мужчины-комиссара, экспроприатора, действующего насильственными методами. После окончания гражданской войны оставшиеся «не у дел» коммунисты и комсомольцы превратились в энергичный, радикально настроенный, но зачастую экономически неустроенный элемент, чью неустойчивость подогревало появление нэпманов и, как следствие, разочарование в идеалах революции и тоска по «былым временам». У преступников не возникло и тени сомнения в своей правоте, что особенно ярко проявилось в деле Константина Кочергина.

К. Кочергин, бывший ответственный секретарь коллектива ВЛКСМ завода быв. Сен-Галли, был признан идейным защитником чубаровщины. Он был одним из 4 обвиняемых, привлеченных за лжесвидетельство и укрывательство, но выступал на суде в защиту чубаровских насильников, сначала выставляя Л.Б. проституткой, согласившейся пойти с ними за плату, а после экспертизы, доказавшей, что потерпевшая до изнасилования была девственницей, пытаясь объяснить, что ничего противозаконного они не сделали. К. Кочергин был приговорен к 3 годам лишения свободы, поражению в правах на 3 года и высылке по отбытии наказания с воспрещением проживать в Москве и Ленинграде в течение 3 лет. Можно считать, что чубаровское дело, наряду с другими подобными случаями, стало основой для пересмотра срока наказания за изнасилование. В Уголовном кодексе РСФСР 1926 года, вступившем в силу уже после приговора по чубаровскому делу, в январе 1927 г., было расширено понятие изнасилования и увеличены сроки наказания. Теперь под изнасилованием понималось половое сношение с применением физического насилия, угроз, запугивания или с использованием, путем обмана, беспомощного состояния потерпевшего лица и каралось лишением свободы на срок до 5 лет. В случае, если изнасилование имело своим последствием самоубийство потерпевшего лица или было совершено над лицом, не достигшим половой зрелости, или хотя бы и достигшим таковой, но несколькими лицами, то срок увеличивался до восьми лет. Фактически имело место увеличение срока лишения свободы и приведение его задним числом в со-

ответствие с теми сроками, которые получили чубаровские насильники – от 3 до 10 лет. В случае с чубаровцами наказание было даже чересчур суровым – вплоть до расстрела организаторов. Само чубаровское дело стало тем событием, после которого проблема насилия над женщиной получила официальное звучание, была безусловно осуждена в советском обществе и воспринята как покушение на советскую власть и советский строй. К сожалению, при всей строгости юридических норм писаного права, регламентирующих наказание за изнасилование, в представлении большинства мужчин осталось убеждение в возможности насилия над женщиной. Само представление о незыблемости права на женское тело никуда не исчезло, семь «П» мужского насилия продолжали сохраняться на всем протяжении советской истории. Именно этим и можно объяснить, почему при столь строгих мерах наказания за изнасилование, введенных после чубаровского дела, само изнасилование как явление никуда не исчезло.

О. Петренко

Бохум (Германия), Рурский университет Бохума

UKRAINIAN INSURGENCY AGAINST THE POST-WAR SOVIETIZATION OF THE WESTERN UKRAINE: THE CASE OF THE FEMALE TEACHERS

1944 after the entry of the Red Army on territory of Western Ukraine the sovietization what was stopped by the war, began again. The Soviet power conducted industrialization, collectivization and cultural transformations of the Western Ukrainian areas in rapid rates. The special role of this transformations occupied the changes and development of educational system supported by thousands of specialists from Eastern Ukraine and Russia, who provided the functions as propagators of the socialistic ideas (attending Komsomol and kolkhoz) and fighters of the "question" of Ukrainian nationalists. The majority of them (medical sector and education) were female. Based on documents of Security Service Archive (SBU Archive) and undergrounds documentation I'm looking of dispositions of arriving female "strangers", "enemies on the territory", who situated between observing and pressure of Soviet power on the one side and punitive actions from Ukrainian nationalists on the other side.

The documents gave an ambivalent picture: from the cooperation the young Komsomol girls with Ukrainian Underground until the violence acts from the nationalist's side against the specialists from the East. Who were

these women? In what way can be created common biographical collage and how and on what levels is the experience of violence being revisited nowadays and what role is played by gender issues?

Е.С. Турутина, Т.М. Дмитриева

Томск, Томский государственный педагогический университет

НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ И РЕПРОДУКТИВНОЕ ЗДОРОВЬЕ ЖЕНЩИНЫ: ОПЫТ РЕФЛЕКСИИ

Цель данной статьи показать трансформацию отношения общества к такой социальной проблеме, как насилие в семье, и связать ее с не менее актуальной проблемой репродуктивного здоровья женщин.

Рассмотрение данного вопроса будет осуществляться нами с позиции следующих подходов: гендерного, конструкционистского и интеракционистского, поскольку проблема насилия, во-первых, гендерно маркирована и проявляется в системе властных отношений, во-вторых, она конструируется в обществе в процессе социального взаимодействия.

Под «социальной проблемой» мы будем понимать: 1. «следствия общественной реакции на некоторые действия индивидов или групп, в частности, как следствия осуществления по отношению к ним социального контроля»²⁶³ (интеракционистский подход); 2. «деятельность индивидов или групп по выражению недовольства и выдвигению утверждений–требований относительно некоторых предполагаемых условий» (конструкционистский подход).

Применяя данную методологию к проблеме насилия в семье, предлагаем следующее ее определение–это результат реакции, преимущественно женщин, на политику социального контроля и дискриминацию и, как следствие, формирование протестного движения относительно изменения традиционного гендерного порядка.

Таким образом, на наш взгляд, важно различать насилие в семье как феномен и как социальную проблему. Как социальное явление насилие в семье существовало на протяжении всей человеческой ис-

²⁶³ Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004. С. 37.

тории и, вероятнее всего, будет существовать до тех пор, пока доминирует андроцентризм и репрессивный характер культуры.

Социальные проблемы не возникают как нечто ставшее и окончательное, с развитием общества они также трансформируются. Насилие в семье как проблема также исторично и можно обозначить этапы ее развития. В своем анализе мы будем использовать две периодизации развития социальной проблемы. Согласно первой, выделяются следующие основные фазы: 1. Осознания. 2. Определения политики. 3. Реформы. Согласно второй периодизации, также выработанной в рамках конструкционизма и предложенной Г. Блумером, социальная проблема имеет 5 стадий развития: 1. Возникновение социальной проблемы. 2. Легитимация проблемы. 3. Мобилизация действий в отношении проблемы. 4. Формирование официального плана действия. 5. Трансформация официального плана в ходе его эмпирического осуществления.

Развитие социальной проблемы насилия в России шло стремительно. Ее осознание пришлось на конец 80–х–начало 90–х годов прошлого века. Важным фактором в ее осмыслении явилось ощущение кризиса российской семьи конца XX столетия, которая, по словам Г.Г.Силласте, была самой агрессивной в истории России: «Она [семья] все больше превращается в своеобразный полигон для всех форм насилия – от физического до экономического, от сексуального до морально–психологического, когда убить можно и не «распуская рук»²⁶⁴.

Уже в первой половине 90–х произошла легитимация проблемы насилия, признаком этого явления было принятие Указа президента РФ о «Первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин» (1993 г.). Введение в практику деятельности правительства РФ стала подготовка ежегодных отчетов о положении женщин в России, в которых присутствовали разделы о насилии в семье. Большую роль в легитимацию проблемы насилия сыграла принятая Генеральной ассамблеей ООН Декларация «Об искоренении насилия в отношении женщин», в которой впервые давалось определение домашнего насилия. В этот период в России приступили к разработке инновационного по тем временам Федерального Закона «О предотвращении насилия в семье».

²⁶⁴ Силласте Г. Почему погиб закон о насилии в семье // Круг жизни. 1999. № 10.С. 6.

В 1995 г., после участия большой делегации россиянок во Всемирной конференции по положению женщин (г. Пекин), произошел интеллектуально-социальный перелом, выразившийся в мобилизации действий в отношении проблемы насилия. Впервые в городе Томске проблема насилия была заявлена в 1999 г. на семинаре «Нет насилию против женщин», на котором были рассмотрены вопросы о насилии против женщин в Томской области, юридические аспекты насилия, опыт решения проблемы США. По итогам семинара был создан Координационный совет женщин, который разработал комплексный план по предотвращению домашнего насилия в Томской области. Проведение семинара в здании Администрации Томской области привлекло к нему особое внимание и придало ему статусность.

Однако, если ориентироваться на периодизацию социальной проблемы, предложенной Г. Блумером, Россия так и не выросла до четвертой стадии развития проблемы-«формирования официального плана действия», так как обозначенные федеральные и региональные действия не были подкреплены законами и программами. Например, попытка принятия Гендерной стратегии России осталась незавершенной, Федеральный Закон «О профилактике насилия в семье» затерялся в архивах Государственной Думы Российской Федерации, Федеральный Закон о равных возможностях и гарантиях прав мужчин и женщин в Российской Федерации-до сих пор не принят.

Однако «отрицательный» результат в отсутствии должной реакции федеральных органов власти в решении заявленной проблемы, не снижает вовлеченности региональных и муниципальных властей в ее осознании и принятии адекватных мер, сформированных под влиянием деятельности общественных организаций. Например, в таких сибирских городах, как Томск и Барнаул, создание кризисных центров для женщин произошло под влиянием общественных организаций.

Опыт работы томского Кризисного центра показал, что проблема домашнего насилия тесно связана с другими социальными проблемами: нарко- и алкосозависимости, социальной дезадаптацией малообеспеченных групп и правовой безграмотностью населения, а также нарушением репродуктивного здоровья женщин. Насилие в семье само по себе является фактором многих перечисленных проблем. Последствиями саморазрушительного репродуктивного поведения женщин являются также незапланированные беременности, аборт, заболевания, передающиеся половым путем, – все это следствия про-

явления гендерного насилия. Женщины оказываются его жертвами из-за существующего в обществе гендерного неравенства. Только создание равных возможностей, а не только декларация равных условий, будет способствовать формированию здорового общества. Результатом развития социальной проблемы насилия может стать:

1. Ее решение на официальном уровне в форме принятия федеральных законов и программ, что наиболее приемлемо для России.

2. Отказ групп гражданской активности от сотрудничества с официальными структурами и создание альтернативных, параллельных или противодействующих институтов.

РАЗДЕЛ 19. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ ФЕМИНИЗМА

В.И. Успенская

Тверь, Тверской государственный университет

ИСТОКИ ФЕМИНИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ПОЛИТОЛОГИИ

«Мужчины описывают мир со своей точки зрения,
которую выдают за объективную истину»

Симона де Бовуар. Второй пол

Одним из центральных положений современного академического феминизма является положение о том, что политический дискурс, создаваемый с точки зрения женского опыта существования в мире, отличается от политического дискурса, основанного на мужском видении мира и мужском опыте. Феминистический дискурс как средство для осмысления меняющихся женских опытов, дифференциации этих опытов и предложений возможных направлений развития политической мысли и политических действий еще недостаточно артикулирован в политологии, находится на стадии возникновения. История женских политических идей еще ждет своего признания. Хотя за последние десятилетия было опубликовано и переопубликовано большое количество политических работ, написанных женщинами, общее мнение таково, что у женщин нет истории политической мысли. Сьюзен Моллер Окин в книге «Женщины в западной политической мысли» (1979) впервые предложила критический подход к осмыслению западной политической традиции, сосредоточив внимание на трудах известных

политических мыслителях–мужчин: Платона, Аристотеля, Жан–Жака Руссо, Джона–Стюарта Милля. Но Окин не исследовала вклад женщин в развитие политической теории.

Исследования причин «невидимости» женских идей в стандартной интеллектуальной истории показывают, что канон по традиции включает одни и те же имена и работы, легко «входящие» в формат и современную парадигму политических трактатов. Поскольку женщины часто развивали свои идеи об обществе и государстве в необычных, непривычных для политической философии формах текстов, их политические комментарии оставались непризнанными, неизвестными, исключенными из канона, незначительными, второстепенными и пр. Женские политические тексты – это чаще всего петиции, речи, воспоминания, письма, дневники, художественные тексты, молитвы, пьесы, поэмы. Многие идеи (благоразумие, терпение, нравственность в государственных делах), а также иные трактовки понятий (свободы, толерантности) казались «странными» и неприемлемыми для политиков и политики, а также для тех, кто писали о политике. С точки зрения идеологов прогресса и революций, женские тексты выглядели консервативными (безнадежными), не стоящими внимания (людей–мужчин эпохи Просвещения).

Н.В. Новикова

Ярославль, Ярославский гос. педагогический университет

ФЕМИНИЗМ, НАЦИОНАЛИЗМ И ТРЕБОВАНИЯ РЕФОРМЫ МОРАЛИ (СЕР. XIX – НАЧАЛО XX В.)

К концу XIX в. в эволюции национальных государств наметилась тенденция, выражавшаяся в обострении политического соперничества великих держав. Особенное значение обретали цели борьбы наций за выживание и евгенический дискурс о совершенствовании человеческих рас. На этом фоне разворачивалось общественное движение за реформу морали как средства спасения народов от вырождения. В то же время движение, поставившее в центр внимания проблемы двойного стандарта в сексуальном поведении, регулируемой проституции, контроля над рождаемостью, стало одной из первых попыток женщин заявить о себе в публичном пространстве и способствовало их политической мобилизации.

Провозглашая заботу о нравственности общества как залогом его выживания, участники кампании на практике выражали интересы женщин, оказывали поддержку слабым и угнетенным. Поводом для выступления в Британии, например, стало обсуждение и принятие в 1864 г. закона о венерических заболеваниях, открыто дискриминирующего женщин. По мнению Жозефины Батлер, инициатора движения, родной регулируемой государством проституции стала Франция, чье законодательство укрепило существование домов терпимости, которые находились под медицинским контролем, и слоя публичных женщин. В середине 1870-х гг. Батлер и ее сторонники организовали международную коалицию, объединявшую представителей обоих полов, – Британскую и континентальную федерацию против регулируемого государством порока. Реформаторы считали, что врачебно-полицейский надзор над проституцией нарушает гражданские права женщин и не способствует достижению тех целей здравоохранения, которые предполагалось достичь. Деятельность Федерации, которую Батлер называла «великим крестовым походом», имела определенный успех. Ее регулярные конгрессы способствовали вынесению проблемы проституции на обсуждение широкой общественности, отмене репрессивных законов в Британии и временной их отмене в Италии в 1888 г. (в 1891 г. они были восстановлены и сохраняли силу до 1958 г.).

Национальные ассоциации реформаторов свои усилия направляли на то, чтобы облегчить участь «падших женщин», защитить деревенских девушек, прибывших на заработки, от соблазнов города, добиться для них хорошо оплачиваемой работы. Средствами излечения «язвы общества» провозглашались также законодательные меры по повышению брачного возраста (в идеале – до 21 года) и по запрещению «торговли белыми рабынями» (продажи женщин в публичные дома, принявшей международный характер).

Другой важной стороной пропаганды реформаторов стало требование единого нравственного стандарта для мужчин и женщин, поскольку к числу причин, вызывающих к жизни проституцию, относилось негласное одобрение государством и элитой двойной морали. Так, например, в 1873 г. в Британии было основано Общество Белого Креста – движение в поддержку целомудрия и непорочности юношей, которое, впрочем, существовало недолго. К концу XIX в. в рядах реформаторов все чаще раздаются призывы к установлению цензуры, запрету мюзик-холлов, демонстрации обнаженной натуры. В 1891 г. решение о

включении двух полотен в Пеннсильванскую академию искусств вызвало протест 500 известных женщин, о котором писали в прессе как о «войне праведных женщин».

Таким образом, с течением времени в движении за реформу вопросы о социально-экономических корнях проституции дополняются (а порой и оттесняются на второй план) проблемой морального состояния общества. Очевидной представляется связь этого движения с традициями протестантизма и феминизма. В частности, феминисты не подвергали сомнению общепринятые нормы социального и сексуального поведения мужчин и женщин. Согласно одобряемой ими модели, мужчины и женщины имеют глубинные психофизические различия, обуславливающие разницу в их поведении. Наличие женской сексуальности отрицалось, и по этой причине они провозглашались «от природы» более нравственными, чем мужчины. Подобная аргументация способствовала развитию эссенциалистского видения и существенно отличалась от более раннего конструкта женственности, лежавшего в основе идеологии феминизма-признания равенства мужчин и женщин и решающего воздействия среды на формирование специфически женских и специфически мужских качеств.

Кроме того, кампании сторонников реформы морали в определенной степени спровоцировали появление «научных работ» анализирующих причины проституции. В итоге в научный оборот вошли понятия о «женской девиантности», о «женской преступности», популярность обрела точка зрения о том, что занятие проституцией – врожденное сексуальное отклонение. В такой трактовке не женщина являлась жертвой мужских домогательств, а наоборот.

В целом деятельность реформаторов содействовала усилению охранительных функций государства и социального контроля. Об этом говорят и требования к введению репрессивных законов, цензуры, пропаганда самоограничения и стремление к повышению брачного возраста, – все эти меры считались необходимыми для воспроизводства физически полноценного, здорового населения, способного сделать свою страну процветающим лидером цивилизованного мира.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛЬСКОГО ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В УКРАИНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В начале XX в. женское движение в Российской империи вышло на качественно новый этап развития. На смену идейным размышлениям по поводу женского вопроса пришли качественные изменения общественной жизни, характеризующиеся конкретными действиями единомышленниц. Распространение идей феминизма привело к созданию женских организаций, борющихся за изменение гендерного уклада.

Появление таких организаций повлияло не только на социальное устройство, судьбы людей и целых общественных групп, но также и на женское движение различных национальных групп огромной империи. В зоне влияния оказалось и польское женское движение, которое пережило различные трансформации в данный период.

Цель данной статьи – исследовать, каким образом происходили изменения в деятельности польских женских общественных организаций в украинских губерниях Российской империи, что было их причиной и к каким изменениям гендерного порядка они приводили.

Польские женщины принимали участие в общественной жизни, при чем, не только в составе национальных групп. В 60–70-е гг. XIX вв. много молодых радикально настроенных полячек вошло в состав революционных организаций – народников, народовольцев.²⁶⁵ Большинство из них были жительницами городов и приходили в движение благодаря родственным связям, и т.п. Революционная деятельность польских женщин связана с крупными городами (Киевом, Харьковом, Одессой), где был пролетариат и интеллигенция были многочисленны.

Для женщин из зажиточных кругов традиционными были участие в благотворительных организациях, зачастую связанных с католической церковью. В конце XIX – начале XX вв. во многих городах были основаны католические благотворительные общества, возглавляемые

²⁶⁵ Ніколаєнко О. О. Участь польських жінок українських губерній в загально-російському революційному русі наприкінці XIX – початку XX ст. // Гендерна освіта – ресурс розвитку паритетної демократії. Збірник матеріалів міжнародної науково-практичної конференції. Тернопіль, 2011. С. 353 – 359.

местным священником или дворянином. В конце XIX в. наряду с консервативным и революционным движением набирает популярности либеральное, связанное с распространением варшавского позитивизма и лозунгов «органического труда». Деятельность женщин состояла в открытии начальных школ для польских крестьян, создании небольших предприятий и мастерских, поддержке культурных инициатив – открытии выставок, любительских театров²⁶⁶. Интенсификация экономической жизни страны и зарождение женского движения, выступающего за право на образование и труд, создали предпосылки для включения женщин в общественное производство. Одной из форм женской солидарности стали общества взаимопомощи. Они создавались по профессиональному, а не национальному, признаку и были распространены в империи.

Однако польские женщины создали и национальные организации. В Житомире, Камянце–Подольском, Одессе в начале XX в. общества взаимопомощи объединили, в основном, прислугу, т.к. в этой области было занято наибольшее количество польских женщин. Целью движения взаимопомощи было облегчение участи работниц²⁶⁷.

Следует сразу оговориться, что общества взаимопомощи, имеющие как российские, так и польские аналоги, имели свои особенности. Так некоторые из них были не столько организациями сознательных работниц, сколько объединениями работодательниц, которые таким образом организовывали и дисциплинировали прислугу. Такие организации, как например общество св. Зиты в Житомире, под покровительством католической церкви, следует отнести, скорее, к патронажным, таким, которые осуществляли функции опеки и контроля²⁶⁸. Так классовое разделение польского общества ослабляло движение женской солидарности. В то же время общества взаимопомощи учили женщин артикулировать свои интересы, давали опыт коллективных действий. Оказывая работницам реальную помощь, движение взаимопомощи в

²⁶⁶ Ніколаєнко О. Просвітницька діяльність польських жінок в Правобережній Україні наприкінці XIX – початку XX ст. // Жінки в науці та освіті: минуле, сучасність, майбутнє. Київ, 2011. С. 336 – 342.

²⁶⁷ ГАЖО. Ф. 329. Оп. 1. Д. 3. Л. 14

²⁶⁸ ГАЖО. Ф. 329. Оп. 1. Д. 7. Л. 1, 9.

то же время не имело перспектив, так как только помогало приспособиться к существующим условиям, а не изменять их.

В 1907 г. в Киеве было организовано общество польских женщин, Его целью было «содействие культурным, моральным и экономическим достижениям польского народа», что включало улучшение системы женского образования, поддержку женских ремесел и промыслов, посредничество в поиске работы. Для бедных женщин предполагалось открывать возможности для профессиональной подготовки. Филиалы Киевского общества открывались в Умани, Белой Церкви²⁶⁹.

Несмотря на сотрудничество с Варшавским обществом равноправия женщин, Киевское и его филиалы так и не решились в своих названиях или целях провозгласить идеи равенства женщин. На такой радикальный шаг пошли польки Одессы, которые основали в 1913 г. филиал Варшавской организации, назвавшись Одесским обществом равноправия польских женщин. Образовали его женщины из средних слоев местной интеллигенции, а деятельность его была направлена на достижение равных прав женщин в разных областях жизни-образовании, рынке труда и т.п.²⁷⁰

Появление польских женских организаций, стремящихся выделить интересы женщин как отдельной социальной группы, имеет важное значение в истории польского женского движения. Деятельность организаций польских женщин является показателем организационного опыта и их солидарности, готовности противостоять классовым противоречиям, общественным стереотипам и национальной идеологии.

Польское женское движение в Украине в конце XIX – начале XX вв. переживало трансформации, вызванные общественно – политическими изменениями в стране. Развиваясь под влиянием женского движения в Польше и России, в Украине продолжали деятельность организации консервативного характера, а также появлялись либеральные и радикальные общества. В целом находясь в заложниках национального дискурса, уже в начале XX в. женщины выступают как самостоятельная социальная сила, способная выдвинуть и отстаивать собст-

²⁶⁹ ЦГИАУК. Ф. 442. Оп. 632. Д. 647 ч. II. Л. 100; Kresy, 1907. № 26; Ф. 274. Оп. 5, Д. 14. Л. 44.

²⁷⁰ ЦГАОО. Ф. 2. Оп. 7. Д. 482. Л. 21.

венные интересы. Само участие в этом движении влияло на самосознание женщин, изменяя как их самих, так и окружающий мир.

М.С. Воронина

Харьков, Харьковский нац. пед. университет им. Г.С.Сковороды
«СОВЕТСКИЙ ФЕМИНИЗМ» КАК РЕЗУЛЬТАТ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ ФЕМИНИЗМА НА УКРАИНСКИХ ЗЕМЛЯХ (1900–1930–е гг.)

Большевики–женщины и мужчины могли как угодно относиться к феминизму в дореволюционный период, но его результатами пользовались либо лично, либо их родственницы: Н.К.Крупская слушательница Бестужевских ВЖК с 1889 года, сестра В.И.Ленина Ольга в 1890 году поступила туда же. В биографиях большинства революционерок, что действовали на украинской территории присутствует факт об обучении на ВЖК в различных регионах Российской империи, особенно среди молодежи, которые и стали во время революций 1917 года основной движущей силой большевиков. В 1883 году, когда будущему главе РСДРП(б) было только 13 лет, мир увидел первое из пятидесяти прижизненных изданий «Женщина и социализм» Августа Бебеля, одного из основателей первой в мире социал–демократической партии, что стала прототипом для подобных политических организаций в других странах. Все последующие идеи будущих «советских феминисток» были взяты именно из этой книги, в том числе и тезис о борьбе с буржуазным феминизмом, чему способствовало и личное знакомство с А.Бebelем многих революционерок–эмигранток. Только вот на практике пыталась бороться лишь А.М.Коллонтай, остальные же участницы Международной социалистической женской конференции весной 1915 года в Берне против империалистической войны вспоминают о своем участии в женском социалистическом движении только еще в случае с изданием журнала «Работница». То бишь, для них отрицание «буржуазного феминизма» было своего рода «мантрой», в то время как в биографиях большинства немецких социалисток четко обозначено: «настаивала на сотрудничестве СДПГ с буржуазным женским движением» (Лили Браун, Генриетта Фюрт).

Впрочем, А.Бebelь имел полное право провозглашать такую борьбу как действующий политик, а не эмигрант–конспиратор, для него организации буржуазных феминисток были реальными конкурентами. Во время тюремного заключения в 1872 году он подготовил первый

вариант своей книги «Женщина и социализм», но многочисленные статистические данные за 1908 год в пятидесятом издании свидетельствуют о том, что он всю свою жизнь не прекращал интересоваться «женским вопросом». Мужская часть российского социал – демократического бомонда не выдвинула ни одного, кто бы опубликовал хоть какую-то брошюрку по данной проблематике, не говоря уже о личности масштаба А.Бебеля с колоссальным уровнем гендерной чувствительности – ведь только он мог себе позволить еще 13 января 1898 года выступить в рейхстаге в защиту прав гомосексуалистов (об отмене пункта 175 о садомии). Но В.И.Ленина хватило только на редактуру брошюры Н.К.Крупской (Саблиной) «Женщина – работница».

Одним из показательных регионов формального враждебного отношения к буржуазному феминизму является Харьковский. Харьков вполне можно назвать центром суфражистского движения в Украине: с 1902 года ведет свое начало Харьковское Общество взаимопомощи трудящихся женщин (ХОВТЖ), результатом деятельности которого следует считать бюро по трудоустройству учительниц, детский сад, летнюю колонию, женскую гимназию, ВЖК. В 1905 году участницы (около тысячи женщин) ХОВТЖ официально выдвинули требование о женских избирательных правах, к тому же многие из них параллельно были членами Харьковского филиала Союза равноправия женщин, а в последствии Всероссийской Лиги равноправия женщин. В этот же период в руководстве Харьковского комитета РСДРП, одной из крупнейшей региональной организации Российской империи, женщины не представлены, не удивительно и то, что в Городскую Думу 1(14) марта не вошли большевички, в отличии от О.М.Десятовой, что представляла ХОВТЖ, А.Чаплыгиной (не удалось пока установить от какой организации) и М.И.Филиповой по квоте от Совета рабочих и солдатских депутатов (последняя, кстати, была работницей чулочной – ткацкой – прядильной фабрики). Да и в сам Совет от большевиков вошла только О.Присяжнюк (фракция – 39 человек), помимо 12 женщин от других организаций²⁷¹. И даже после Февральской революции в РСДРП(б) можно увидеть только курсисток на подсобных ролях.

Но большевики все же оказались втянуты в борьбу с либералками, иначе нельзя объяснить ни только широкую сеть женотделов на укра-

²⁷¹ГАХО. Ф. П. 10. Оп. 1. Д. 236. Л1–30.

инских землях после установления советской власти, но, в первую очередь, то, что в их состав входили вполне реальные женщины, которые не лишь на бумаге, создавали различные учреждения (Капли молока, детские сады, общежития для безработных женщин и др.) по примеру буржуазных феминисток, но вот теперь под вывеской отделов партии по работе среди женщин, даже в регионах, где женщин-коммунисток практически не было. Кроме того, не осознано, большевистские организации в Одессе, Чернигове стали яркими образцами победы суфражизма, иначе как можно охарактеризовать то, что их возглавляли женщины, а в последнем еще и 20% парткомитета было феминизировано²⁷². И это не говоря уже о том, что всеукраинскую организацию РСДРП(б) возглавляла Евгения Бош, которая с 17 декабря 1917 г. осуществляла фактическое руководство в первом украинском советском правительстве. Само «мелькание» представительниц женского пола за трибунами на митингах и в Советах, в президиумах и списках руководящих работников постоянно давало мэсседж населению об определенном изменении гендерного порядка. А такое количество политически-активных женщин не могло не «притянуть» с собой все те пункты программ буржуазных феминисток: попечительство над детьми (у которых матери работают), право на развод и свободное сожителство (в биографиях большинства были эти факты), право распоряжаться своим телом. Таким образом, «советский феминизм» в лице партийного руководства принял все достижения либерального феминизма и продолжил действовать в том же ключе, порой частично выполняя программу радикального крыла феминизма.

А.Д. Митрофанова

С. –Петербург, Фонд «Свободная культура»

ФЕМИНИЗМ И РАЗЛИЧИЕ ЛИБЕРАЛЬНОГО И РАДИКАЛЬНОГО ДИСКУРСОВ

Феминизм, как одна из основных критических теорий, сложившихся в XX в. пережила свой период создания «тождественного женского

²⁷² Вороніна М.С. Більшовички Чернігівщини, як гендерно-ментальне виключення з правил (початок 1900-х – кінець 30-х рр.) // Збірник наукових праць. Серія «Історія та географія». Харків, 2011. Вип. 4. С.14.

субъекта», его освобождения, обнаружение противоречий своих установок и их критический анализ. Философия феминизма с 70-х гг. устойчиво придерживается неклассического различия двойного ввода предмета как пола и как гендера. Ее предмет пытается схватить субъекта через различие пола, данное нам до мышления, и через культурные, социальные, политические системы обустройства этого различия (гендерные различия). Этим разрушает тождество, которое в классическом гуманизме определялось как бинарная оппозиция: мужское или женское. Если нет гуманистических тождеств женского и мужского, то как тогда предлагается мыслить различие? Появляется минимум 2-х этажная аналитическая структура: мы должны, признавая различие пола, учитывать его невозможность как онтологического сущего. Мы должны признавать и анализировать варианты теоретических решений пола на основе предлагаемых гендерных символических порядков.

Попробуем рассмотреть два дискурса феминизма, которые можно связать с логиками либерализма и радикализма, различными ветвями феминизма англо-американской и советской традиции. 1) Либеральная традиция выходит из эссенциалистски понимаемого индивида (как неделимого), как он понимался в период раннего капитализма. Соответственно и пол понимался как натуральный объект, и все его описания должны соответствовать его природным имманентным / неизменным свойствам. Попадая в прокрустово ложе бинарных оппозиций с абсолютным различием мужского и женского, истинного и неистинного, эссенциализм сталкивается с принуждениями по признаку пола. Феминизм, работающий с деконструкцией либеральной традиции (Джудит Батлер), использует критический ресурс феноменологической философии. Критикуется заданность онтологического объекта, в нашем случае индивида, идентифицированного по полу. Батлер говорит о ролевом и социальном производстве гендерной идентификации. Продуктом такого подхода становятся множественные идентичности как в форме связывания субъективности, так и в сфере социальной репрезентации. Так результатом этой позиции будет производство множества половых детерминаций, подобно тому как работает квир социология. Анкетирование, предлагаемое социологами, задает шкалу сочетаний женских и мужских идентификаций, из которых следует серия детерминаций по полу, что делает недееспособной правовую систему либерализма, основанную на понятии целостной идентичности. 2) Второй случай, известный нам по советской (коммунистической)

традиции – это абсолютизация политической сверхдетерминации субъекта. Его теоретический ресурс связан с марксизмом и фрейд-марксизмом 20–30-х гг. в СССР. Революционный исторический субъект марксизма не имеет природных естественных идентификаций, его субъект включен в процесс перманентной трансформации истории. Он осуществляет себя в исторической трансгрессии от капитализма/феодализма к коммунистическому сверхобществу. Формирующие субъект социальные практики зависят от политических и идеологических решений. Такая дискурсивная доминанта, лежащая в основе советской субъективации, отрицает частное разделение по полу. Появляется универсальная форма – товарищ(ь, ж.р.). Я еще помню конвульсии советского языка, когда он, стремясь избежать официального «товарищ», попадал в неловкие и вычурные обращения: «женщина», «мужчина», «дама/господин», «девушка». Основываясь на универсальной бесполой и внегендерной детерминации советского субъекта, половые идентификации немедленно попадают в ситуацию политических трансформаций/преобразований: кухарка (ранее бесправная) будет управлять государством (в ближайшем будущем), «кто был никем, тот станет всем», «мама-летчик». Субъект понимается как процесс исторической и политической трансформации, он никогда не может быть равен своему настоящему. Он наделенный историческим и онтологическим расщеплением.

Эта традиция сталкивается со своим репрессивным эффектом, который проявился в советской сексуальной революции 20–30-х, с ее выраженной феминистской идеологией и антиженской направленностью. Он был теоретически осознан диссидентским феминизмом в 70е и начале 80-х. Опишем спектр репрессивности: половой вопрос оказывается решенным, что фактически становится политической отменной половых различий. Все становятся равноправными гражданами своей республики. На уровне конкретных политических решений создается сеть социальных учреждений, нивелирующих половое различие: детские сады, ясли, кухни, прачечные и пр. С исчезновением половых различий постепенно исчезают из правового и социального поля представление о существовании специфически женской работы: материнские нагрузки становятся двойной эксплуатацией, вторым полным рабочим днем. Защита женского здоровья превращается в труд по укладке рельсов. Репрезентация пола признается вычурной и мещанской, доминирует слегка гендерно декорированный человек

строительница коммунизма, вытесняя и отрицая женское различие, как и специфическое мужское. В литературном письме, которое работает как основная практика субъективации, вводится абстрактная возвышенная машина письма. Позднесоветская и диссидентская «авангардная» перфекционистская литература совершала непрерывное усилие по самовосхождению, вплоть до бегства из реальности. Предъявлять различия, говорить о множестве функций пола, о родах и абортах воспринималось как низкое и недостойное. При этом вопросы пола, выпадая из культурного языка, часто принимали brutальные формы мужского доминирования в быту. В этой ситуации «женское» становится позицией политического сопротивления, а возвращение пола понимается как взросление советского субъекта. Диссидентский феминистский альманах «Женщина и Россия» и журнал «Мария», созданные Наталией Малаховской, Татьяной Мамоновой и Татьяной Горичесвой, оказываются серьезным политическим актом, за которым последовало немедленное выселение из страны.

Феминистская теория современного момента должна осознать опыт двух противоположных установок либеральной демократической и радикальной коммунистической, как партикулярной и генерализованной форм социального построения. Могут ли новые политические решения добиться культурного и юридического статуса, который обустроит различия и равенство? Но при этом исключается возможность обоснования различий «натурализмом» женского и мужского, при этом современная субъективность становится переплетением множества «субъекций», в которые вплетены различия пола и гендера.

Н.Л. Малаховская

Зальцбург (Австрия), Зальцбургский университет

ПЕРВЫЕ ФЕМИНИСТСКИЕ ИЗДАНИЯ В СССР КОНЦА 70–Х ГГ.

В своём докладе я хочу рассказать о том, как зародилась сама идея создать самиздатские журналы, сражающиеся за права женщин, в стране победившего равноправия. Феминизм как осознание того, что в этой стране с правами женщин не всё обстоит благополучно, родился в новом, после войны народившемся поколении не случайно. Взросление этого поколения пришлось на короткий период оттепели, поэтому оно уже не могло относиться к угнетению и оболваниванию советской пропаганды как к чему-то само собой разумеюще-

муся, и возмутилось, наконец. Но в период так называемого «застоя» для возмущившихся не оказалось никакого другого пути, чтобы выйти к читателю, кроме создания самиздатских альманахов и журналов.

Среди молодых писателей и поэтов, которые не могли выйти к читателям официальным путём и поэтому стали сотрудничать в самиздате, была и я. Начиная с 1975 года я стала работать в ленинградском самиздатовском журнале «37» и сотрудничать с некоторыми альманахами. Казалось, что для меня наступила новая жизнь, что моя невесёлая судьба могла бы ринуться в новое, заново проложенное русло. Но не тут-то было! Под всеми этими струями вешних вод, которыми были для меня и для многих из нас самиздатские издания, обнаружались острые камни. Новое препятствие на пути к публикации – на этот раз в самиздатском журнале-пришло с той стороны, о которой никто не думал и не подозревал даже, что она существовала – со стороны сексизма (а этого слова в ту пору вообще никто не знал). Когда наборовшись и набарахтавшись в попытках опубликоваться официально мы не пробились в печать официальную, а добились до того, что решили неофициально сами издавать свои произведения, когда мы создали самиздат, вот тут-то мы и споткнулись о то самое, обо что никто из нас не думал споткнуться и не подозревал, что оно, безгласное, волосатое, под всеми наслоениями ужасного быта где-то там в глубине всё ещё ворочается. Мы наткнулись на чудовище патриархата, и обвинениями, которые предъявлялись нам теперь, в этой среде, было недостаточное соответствие меркам и нормам чего-то такого, что наши соратники по борьбе стали называть мерками мужскими. Ценились только те женщины, о которых говорили, что у них мужской ум или, что они пишут мужским языком. А все остальные, не достигающие столь изощрённых высот, объявлялись – вполне беззастенчиво – дрянью.

Когда мне всё-таки удалось опубликовать мою первую повесть в этом самиздатском журнале, ко мне рекою пошли читатели самиздата, которые, как оказалось, именно такой публикации и ждали, острой и живой, а не застрявшей в холодной абстракции. Именно эта моя публикация и обратила на себя внимание художницы Татьяны Мамоновой, которая к тому времени уже 4 года как искала соратниц, женщин, которые вместе с нею захотят издавать самиздатский журнал для женщин. Её судьба была сходной с моей: и её понукали и задвигали в угол коллеги по нелегальным выставкам, и её обвиняли в том, что стиль её произведений недостаточно мужской. И ей приходилось бо-

роться не на жизнь, а на смерть за право участвовать в таких выставках, как мне – за право быть опубликованной в самиздатском журнале. Но всё-таки не о том она написала в своем тексте, в том, что стал как бы исходным импульсом, толчком для возникновения женского альманаха (это был ещё не журнал). Она написала о том своем опыте, что тщательно заметался под ковёр и вытапывался, изгонялся из сознания – она написала о том, что ей пришлось испытать во время родов в советском роддоме, о той абсолютно невместимой ни в какой ум бесчеловечной жестокости, что ей пришлось пережить там.

Я говорю о том, что этот опыт заметался под ковёр: очевидно, не Мамонова загоняла его под ковёр, то есть в подсознание, а, к примеру, я сама это делала со своим опытом циничной жестокости врачей и санитарок в роддоме, где из-за их преступной халатности я только чудом осталась в живых (подробности опускаю). Итак, я не хотела об этом вспоминать, как побывавшие в концлагере не хотели вспоминать о том, как с ними там обращались. Но однажды моя подруга Татьяна Горичева, которая была как бы курьером в среде альтернативной культуры, что появилась тогда в Ленинграде, передала мне несколько листов, отпечатанных на машинке, со словами: вот есть такая художница, Татьяна Мамонова, ей очень понравилась твоя повесть, и она приглашает тебя принять участие в создании журнала для женщин.

Что? Для женщин? Так меня всё ещё женщиной считают? А я-то думала, что я уже так хорошо пишу! Именно такие слова у меня вымолвились, буквально, когда я нехотя взяла в руки эти рассыпавшиеся листки и стала их читать. Статья (если это произведение можно назвать таким именем) называлось «Роды человеческие», и после того, как я её прочла, я стала не тем человеком, каким была за несколько минут до того. Крышка, прикрывавшая моё сознание, приподнялась, и всё, что было скрыто в этой копилке бесконечных унижений, доставшихся не только мне, но и всем моим знакомым и соседкам, всё это вдруг выплеснулось наружу. Я поняла, что то пренебрежение, доходившее до презрения, с которым мы сталкивались в самиздатской среде, была только цветочки, только зримое проявление тех абсолютно нестерпимых «ягодок», что таились внутри.

Я поняла, что всё, с чем мне до сих пор приходилось сталкиваться, было направлено на то, чтобы наказать меня за то, что я не просто какой-то там человек, как мне тогда казалось, а за то, что я женщина, посмевавшая дать жизнь новому человеку: расплачиваться сначала в

роддоме, а потом в яслях и детских садах, расплачиваться голодом, потому, что с любой работы меня выгоняли, как только мой малыш заболел, расплачиваться, таская тяжёлые вёдра с углём, потому что под конец и вообще никакой работы, кроме этой, для меня не нашлось. «Сама родила, сама и расплачивайся» – этот мотив повторялся на всех этажах советской действительности. Но, как теперь, после прочтения текста Мамоновой, это выяснилось, этот мотив повторялся не только для меня. Как кипятком обдало меня в тот миг осознание того, что тот же самый опыт наваливался практически на всех, у кого не было неизвестно откуда свалившихся добреньких бабушек.

Это событие случилось в конце июля 1979 г.. А уже через месяц этот альманах, задуманный нами, был написан, собран, отредактирован, перепечатан и переплетён и к 1-му сентября вышел в свет. Уже первого сентября видели его в руках изумлённых, как тогда говорили, читателей, а отнюдь не только читательниц. Что же у нас получилось за этот месяц очень напряжённой, концентрированной работы? Когда я перечитываю страницы этого альманаха спустя 30 лет, я живо ощущаю, что у нас получился не просто обвинительный акт или, как выразился кто-то из тогдашних читателей, «вой». Нет. Я считаю, что нам удалось найти какой-то просвет, выход из того не просто тяжёлого, но и смутного положения, из того состояния безысходного кружения по всем этажам советского бытия, которое засасывало в себя, как в болото. Этот выход особенно ярко просвечивает в самом решении создать этот альманах – самим этим актом мы уже вырвались, пусть только на символическом уровне, из круга бесконечных унижений. Но и в самих текстах альманаха то и дело мерцает и просвечивает убеждение в том, что из этого болота вырваться можно. Такое убеждение могло бы показаться построенным на иллюзии, как та надежда на помощь со стороны Богоматери, которую высказала в своём письме, опубликованном в альманахе, Горичева, или как моя попытка переосмыслить наваленные на женщину в семье обязанности и превратить их в безраздельные права. Все эти оптимистические перспективы могли бы показаться иллюзорными, если бы они не сработали на самом деле. А о том, как они сработали, пусть расскажет кто-то другой – человек другого поколения, которому пришлось бороться с другими трудностями и который может увидеть этот альманах и последовавшие за ним журналы другими глазами.

Е.И. Наумова

С.-Петербург, С.-Петербургский государственный университет

ПОЧЕМУ СОВЕТСКИЙ / ПОСТСОВЕТСКИЙ ФЕМИНИЗМ ЯВЛЯЕТСЯ ПОСТМОДЕРНИСТСКИМ?

Современный мир – это мир бинарных оппозиций, которые порождают насилие. Однако мало кто задумывается, что насилие – это не только политическая проблема, но и проблема философская. Неоправданная дискриминация другого: женского другого, национального другого, классового другого и т.д. является по сути результатом укорененности в политической среде философской / онтологической дихотомии «я / другой». Бинарная оппозиция «я / другой» – это результат философской критики диалектического проекта Гегеля в философии XX в. В современной действительности идеологическая дихотомия «я / другой» воспроизводится на всех уровнях нашей повседневной жизни и выражается в мышлении каждого на уровне структуры: «друг / враг», «свое / чужое», «мы / они», «мужское / женское», «гетеросексуальное / гомосексуальное», «включение / исключение», «голая жизнь / политическое существование». Онтологический бинаризм «Я/Другой» находит свое проявление в социальной и политической сфере в фундаментальной дихотомии различие / равенство или индивидуализм / эгалитаризм, которые не нашли своего разрешения ни в проекте либерализма, неолиберализма, ни в проекте мультикультурализма, крах которого мы наблюдаем сегодня.

В сложившейся ситуации для меня наиболее актуальной критической теорией является гендерная теория, которая способна объяснить апории и противоречия современного политического и социального устройства общества через критику онтологической фигуры Другого. Мне кажется достаточно важным тот момент, что сама идея гендерной теории и феминизма вырастает из логики борьбы с пониманием женского в культуре как «другого» / «иноного» и представляет собой практику по деконструкции дихотомии мужское / женское. Можно предположить, что подрыв любого рода дихотомий и концепта Другого – это основание для развития эмансипаторного и критического потенциала гендерной мысли. Актуальная гендерная теория, будучи причастна и к философскому, и к психоаналитическому, и к политическому дискурсам, оказывается способна вскрыть психические механизмы функционирования власти и предложить новые способы реконфигурации «полити-

ческого». Гендерная теория и феминистская практика через критику онтологической дихотомии «я / другой» обладает потенциалом представить новые формы человеческого существования, которые пока онтологически не определены, и могут быть осуществимы вне логики доминанции/подчинения. В попытке обосновать освободительный потенциал гендерных исследований мне хотелось бы остановиться на феминистской концепции Ирины Жеребкиной.

Ее центральный тезис: советский / постсоветский феминизм – это уже всегда *постмодернистский*, следовательно, *перформативный* феминизм. Из этого тезиса конституируется второе основное положение теории данной мыслительницы: институциональная практика советской/постсоветской модели гендерных исследований является перформативной. Для объяснения первого тезиса феминистский философ анализирует процесс зарождения советского феминизма через выявление различий с конституированием западного феминизма. Согласно концепции Ирины Жеребкиной, советский феминизм «рождается из ничего» в условиях советской тоталитарной системы, поэтому и может носить название тоталитарного феминизма. «Рождение из ничего» предполагает отсутствие того основания для конституирования феминизма, которое присутствовало в западных обществах, а именно, в СССР не стояла проблема эссенциализма. Эссенциализм постулирует наличие изначальной «женской сущности», которой необходимо выполнить свой биологический долг и т.д., то есть эссенциализм связан с проблемой женской индивидуальности и ее биологического предназначения. Эссенциализм основывается на логике сущности единой субстанциальной неизменной категории *женщины*. Западный феминизм конституировался как оппозиционный данной теории. В западной мысли изначально полагается некая универсальная перво-сущность «женского», а потом совершается акт ее деконструкции (например, теория перформативности Батлер, номадическая субъективность Брайдотти). В советском союзе мы, по мнению Ирины Жеребкиной, сталкиваемся с обратной ситуацией, когда биологического пола нет, а есть *перформативное производство* пола. СССР – это *бесполое* государство. В бывшем СССР не существовало проблемы индивидуальности, но имела место быть *практика* социальных статусов. В тоталитарном СССР пол перформативным образом репрезентировал симулятивные статусы, что создавало *иллюзию* существования пола и сексуального различия. Пол давал о себе знать как симуляция идеоло-

гических норм. По мнению гендерной исследовательницы, советский феминизм конституируется в условиях отсутствия изначального основания, то есть имеет *негативную* основу, на которой и базируются перформативные практики репрезентации женского в культуре/власти.

В статье «Тоталитарный феминизм» мыслительница отмечает, что в постсоветском феминистском движении отсутствует деление на теорию и практику: «здесь не состоялся ординарный западный структурный конфликт «академический феминизм» / «женское движение», а напротив, присутствует неординарная страсть к «движению» (и к «действию»)…»²⁷³. Автор статьи подчеркивает свое несогласие с популярным тезисом о том, что постсоветский феминизм – это лишь неудачная калька с западного феминистского движения.

Феминистский философ в связи с этим выдвигает тезис о том, что постсоветский феминизм зародился в «*современном виде*» (т.е. уже как постмодернистский) в эпоху сталинизма в качестве *революционных практик* женских субъективизаций в среде представительниц тоталитарной номенклатуры (Надежда и Светлана Аллилуевы и др.) «со всеми идущими отсюда политическими особенностями (1) делёзовский аффект вместо знания, 2) понятие концлагеря и безнаказанности у Агамбена, 3) индивидуализация массы, то есть “фатализм свободного выбора” Рансьера, 4) физическое насилие против «них»/ «других» и т.д. и т.п.»²⁷⁴, что и делает его максимально политическим.

Советский феминизм зарождался не просто как практика артикуляции «женского» в культуре/власти, а именно, как *радикальное* действие по изменению тоталитарного «политического» и «социального» порядка.

²⁷³ Жеребкина И. Тоталитарный феминизм. Гендерные исследования № 15 (1/2007): ХЦГИ. С. 214

²⁷⁴ Жеребкина И. Тоталитарный феминизм. С. 215.

В.Э. Семенова, Л.Э. Семенова

Н. Новгород, Нижегородский институт развития образования

Н. Новгород, Нижегородский гос. педагогич. университет

ЖЕНСКИЙ ПРОТЕСТ

ИЛИ ПО ТУ СТОРОНУ ПОСТСОВЕТСКОГО ФЕМИНИЗМА XXI В.

Культура масс медиа задает особое смысловое пространство бытия современного постсоветского человека. Эпатаж и гламур становятся ориентиром большинства подросших представителей «поколения Pepsi» и их уже значительно преформатированных родителей. Резкий поворот в приоритетах россиян заставляет современный истеблишмент и аутсайдеров политико-экономической системы искать все более нестандартные пути вовлечения людей в пространство борьбы за идеалы и ценности данных политических групп. Однако, яркость задаваемого политического противостояния, кричащие лозунги и динамичность акций с замаскированным идеологическим подтекстом на деле призваны дискредитировать выдвигаемые требования, с которыми выступают скоморошные «борцы» за права и свободы. Такие политические перевертыши рекрутируются, дабы подавить любое движение общественного сознания в сторону требований гражданских прав и свобод людей, осмеять политические акции, представляемые в качестве сборища необразованного сброда.

В этой связи интересной с точки зрения анализа может быть группа Femem – основанное в 2008 г. украинское незарегистрированное женское движение, известное эпатажными акциями протеста с псевдо-политическими плакатами, во время которых активистки обнажают грудь. Действия Femem – это радикальный эксгибиционизм, который некоторые СМИ ошибочно характеризуют как феминистское движение, хотя сами члены группы не считают свое движение таковым, а феминистские организации указывают, что имеют иные цели и методы.

Действительно, современный феминизм, взорвавший традиционные андроцентристские нормы и ценности, осознав ограниченность своего существования лишь в рамках идеологии равноправия женщин, оформился в качестве альтернативной философской концепции социума²⁷⁵. Такое феминистское мировидение дает возможность созда-

²⁷⁵ Воронина О.А. Феминизм и гендерное равенство. М., 2004.

ния свободных от всех форм дискриминации проектов развития и построения общества, в которых различия станут основой равенства разнообразных и равноценных субъектов и сообществ.

«Борьба» Femen, в отличие от провокационных действий первых суфражисток, эпатажна по форме и псевдополитична по содержанию. Это действие полуобнаженных див, оперирующих противоречивыми символами—традиционный цветочный венок и джинсы – унижает достоинство женщин и призвано позволить Украине оставаться в повестке новостных информагентств. Неслучайно Femen финансируются владельцем «желтых» изданий Украины Д.Санденом, решившимся на этот шаг по причине штиля на информационном поле страны.

Своими задачами Femen определяют борьбу в защиту прав женщин, против проституции и сексуальных домогательств, за свободу слова. Однако эти задачи развенчиваются характером проводимых акций, суть которых отражает девиз движения: «Пришла, разделась, победила», не оставляющим сомнений, что Femen не имеет ничего общего с феминизмом, ибо такие выступления дискредитируют борьбу за гендерное равенство и свободу. Кроме того, группа Femen утверждает, что была создана для борьбы с секс-туризмом. Однако показ по телевидению группы голых женщин, напротив, создает стойкий образ Украины, как страны «уличных женщин», обнажающихся в публичных местах. Провокационный характер движения еще более подтверждается при анализе состава участниц. В него входят молодые стройные женщины, используемые в качестве пушечного мяса: полуобнаженные замерзающие тела с убогими плакатами, которые скорее сами напоминают секс-рабынь. Впечатление усиливается при прочтении интервью с активистками, не способными на связные ответы, являющимися игрушками в руках своих кукловодов, эксплуатирующих женское тело. Противоположным Femen протестным феноменом является российская женская панк-рок группа Pussy Riot, выступающая в формате нелегальных акций. Формально, как и Femen, данной группе присуща провокационность, заложенная уже в ее названии, самый безобидный перевод которого—«девичий бунт»²⁷⁶, усиливающаяся внешним видом участниц в закрывающих лицо вязаных балаклавах, легких ярких платьях и цветных колготках. Однако, в отличие от Femen, Pussy

²⁷⁶ Pussy Riot // http://ru.wikipedia.org/wiki/Pussy_Riot

Riot отстаивают анонимность группы, представленной тринадцатью псевдонимами и ее открытость для любых участников, где главным выступает не личность, а идеологическое содержание. Своей анонимностью они подчеркивают принадлежность подобных умонастроений обществу. Таким образом, созданная в августе 2011 г. Pussy Riot – это политическое объединение, заявляющее о своих взглядах политическим перформансом и феминистским акционизмом, созвучными эпохе постмодерна. В этом плане можно полностью согласиться с О. Липовской о том, что, имея развернутую идеологическую концепцию, группа реализует ее профеминистскими действиями²⁷⁷.

Политическая платформа группы, презентуемая с помощью доступных современному сознанию символов и взрывающих мещанскую обыденность действий, обеспечивается хорошей теоретической подготовкой участниц. Неслучаен их выбор заимствованной у феминизма, к третьей волне которого относят себя активистки, символики флага группы – кулак, вписанный в зеркало Венеры. Свои политические взгляды группа определяет как левый антиавторитаризм, во многом сформировавшийся под воздействием феминистских авторитетов. Pussy Riot поддерживают протестующих против фальсификации выборов 2011 г., требуют отставки В. Путина – символа патриархата и сексизма, установления гендерного равенства и свободы. Выступают за освобождение политзаключенных, против законов о запрете пропаганды гомосексуализма и ограничения аборт. Непримиримая политическая позиция обусловила уголовное преследование группы властями.

Политическое содержание, маскируемое в шутовские одежды балаганных представлений, идеологические послания в форме юродства роднят деятельность Pussy Riot не столько с американской панк – группой «Bikini Kill» и связанного с ней феминистского движения Riot Grrrl, сколько с почитаемыми на Руси святочными и масленичными действиями, несущими глубокий протестный импульс. Оскорбительной манерой активистки намеренно обнажают страшные язвы современной России, создают общественный резонанс, разоблачают государственный произвол, подрывающий основы прав и свобод личности.

²⁷⁷ Черо хотели и чего добились Pussy Riot // <http://polit.ru/article/2012/04/16/discussion/>

Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина

**С.-Петербург, Европейский университет в С.-Петербурге
«PUSSY RIOT» И ДРУГИЕ: НОВОЕ СТАРОЕ ЛИЦО ФЕМИНИЗМА**

Почему Pussy Riot оказались столь значимы для общественной дискуссии? Скандальная акция, последующий арест и судебное разбирательство представительниц дотоле малоизвестной феминистской музыкальной группы создали общественный повод и контекст для артикуляции и столкновения противоречивых дискурсов, политических сил и разнородных пластов социальной реальности. Дискуссия и коллективные действия, вызванные акцией Pussy Riot, проявили отсутствие консенсуса в обществе по поводу границ влияния религиозных институтов на светское государство и его социальную политику, гендерные модели, репродукцию, сексуальность. Эта группа вывела на политическую сцену «женский политический субъект». Для нас важно определить, какие социальные процессы породили данный феномен, и как он соотносится с феминистской/ гендерной политикой.

Для современного российского общества характерна частичная детрадиционализация, которую характеризует индивидуализм, сбой институциональных жизненных сценариев, коммерциализация повседневности, формирование новой субъектности и т.д. На основании наших предыдущих исследований мы выделяем новый культурный тип женщин среднего класса – постсоветского субъекта, который характеризуется рациональностью, активностью, *стратегическим планированием жизни*, стремлением к балансу гендерных ролей, пересмотру отношения к браку и деторождению, требовательностью во взаимодействии с социальными институтами (сфера занятости, детские сады, медицинские учреждения, социальное обеспечение и пр.). Однако данной субъект действует в системе многочисленных ограничений, связанных с рядом структурных обстоятельств. Обозначим кратко наиболее значимые из них.

Во-первых, воспроизводится государственный патернализмом, жестко задающий рамки социального действия. Как показывают исследования (проведенные нами, в том числе), женщины не доверяют государству, не удовлетворены социальной поддержкой, состоянием и доступностью дошкольных учреждений, системы здравоохранения. Во-вторых, усиливается гендерный традиционализм и дезмасипационные тренды в российском обществе. О продвижении консерватив-

ной гендерной повестки в 2011–2012 годах свидетельствует отложенный закон о гендерном равенстве, попытки ужесточить доступ к абортam, продвижение закона о запрете на пропаганду гомосексуализма и педофилии. Консервативная гендерная политика идеологически и структурно продвигает неотрадиционалистские гендерные отношения, выталкивает женщину–мать из сферы оплачиваемой занятости на длительный срок, возлагает на нее обязанности заботы и организации приватной сферы. Все сильнее звучат призывы к возвращению женщин к традиционной семейной роли. Феминизм описывается консерваторами как угроза социальной стабильности (иногда и безопасности!), семьи и отечественной культуре.

Приведем в качестве примера выдержку из «Заявление Союза Православных Женщин против феминизма 22 марта 2012 года»: «Недавняя выходка так называемой панк–группы, которая считает себя феминистической, повергла большинство граждан России в шок. Кошунственный акт оскорбил не только чувства верующих, но и подвиг наших предков, павших на полях сражений Отечественной войны 1812 года. Мы считаем «панк–молебн» экстремистским преступлением, унижающим миллионы верующих женщин, и требуем, чтобы обществом и властью была дана соответствующая правовая оценка этому действию. Необходимо изобличать провокации, дабы подобные выходки не повторялись. Иначе можно смело характеризовать наше общество как неизлечимо нравственно больное». Союз Православных Женщин выступает от лица миллионов верующих женщин, которых, с их точки зрения, «унизили экстремистские преступления панк–молебна». С их точки зрения, феминизм, (1) угрожает особой роли и образу женщины; (2) представляет угрозу таким качествам женственности, как «нежность, мягкость, изящество, любовь к ближнему, природная мудрость, чуткость к красоте, самопожертвование». Эта угроза исходит от новой женственности, связанная с процессами коммерциализации и либерализации: Ее характеризуют, по словам СПЖ, «дикость, развращенность, хамское поведение, стремление к обогащению, культ потребления, социальная самореализация». (3) Феминизм позиционируется как угроза традиционным семейным ценностям, социализации молодого поколения. Он продвигает репродуктивные права и права меньшинств, угрожает «целомудрию женщины и праву становиться матерью», «феминизм поддерживает идею проведения безопасных абортов, ЛГБТ–сообщество, стерилизацию». В итоге, фе-

минизм угрожает патриархальному наследию, которое осмысливается как нормативное и единственно приемлемое.

Стратегия продвижения патриархата как гендерного устройства общества – активная и наступательная. Патриархат, как идея, оказывается привлекательным для многих женщин и мужчин. Традиционализация выглядит привлекательной для многих, особенно уязвимых социальных групп и для определенной части элиты, хотя и по иным причинам. Задавая ригидные правила гендерной нормативности, во многом мифологизируя их, он при этом ограничивает возможности новых субъектов гибко приспосабливаться к изменяющимся обстоятельствам поздней современности и влиять на условия своего существования. Он Современный феминизм и в самом деле оспаривает эти модели и пересматривает гендерные границы.

Т.А. Мелешко

С. – Петербург, Невский институт языка и культуры

АНТИФЕМИНИЗМ: ВОЗМОЖЕН ЛИ ДИАЛОГ?

О существовании какого-либо значимого общественного явления можно говорить в том случае, если у него есть не только сторонники, но и противники. Как в 70-е годы в США появившиеся мужские движения стали «зеркальным отражением» феминизма 2-й волны и свидетельством его силы, так и сегодня бурный всплеск антифеминистских настроений, появление новых антифеминистских сайтов и сообществ в социальных сетях говорят о том, что феминизм не просто еще не завершен как проект, но и переживает в России новый подъем.

Анализ интернет-пространства позволяет выделить разные типы «антифеминизмов», в зависимости от аргументации, используемой авторами высказываний: «научный», православный, правовой, националистический и др. Парадоксальным является тот факт, что каждое из этих сообществ борется со «своим» образом феминизма, не замечая при этом, что некоторые высказывания по общеполитическим вопросам (например, призыв участвовать в «Марше миллионов» 6 мая 2012 г.) во многом соответствуют феминистским позициям («личное – это политическое»). Цель данного сообщения – рассмотреть антифеминистские интернет-сообщества как потенциальный ресурс для развития феминистского проекта и предложить коммуникационные стратегии взаимодействия с ними. В выступлении будут рассмотрены

такие сообщества, как: Антифеминизм <http://antifeminism.ru/>, Антифеминистское сообщество <http://ru-antifem.livejournal.com/>, Антифеминизм Пикчерз <http://antife.mybb.ru/>, Men's Tales Дайджест мужского движения России <http://mentales.ru/?p=1199>, Форум мужского движения <http://menrights.mybb.ru/>, Мужской альманах <http://menalmanah.narod.ru/>, Антибабский сайт <http://www.antiwomen.ru/>, "Отцы и дети" <http://www.orc.ru/~otcydeti/>, а также сайты, тематизирующие равноправие мужчин: "Андроцид, или Дискриминация мужчин" <http://eiao.chat.ru/>, Антифеминизм <http://vk.com/club29378877>, Антифеминизм <http://vk.com/club19698455>, Христианский Антифеминизм. Академический Клуб им. Отто Вейнингера <http://vk.com/club14327132>, Антифеминизм <http://vk.com/club948887>

РАЗДЕЛ 20. КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН

О. Г. Рыбакова

Нижневартовск, Тюменский гос. нефтегазовый университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ АГИОГРАФИЧЕСКИХ КАНОНОВ ЖЕНСКОЙ СВЯТОСТИ В ОСВЕЩЕНИИ АМЕРИКАНСКОЙ НАУЧНОЙ ПЕРИОДИКИ

Высокая актуальность феминистской проблематики в современном мире обусловила то обстоятельство, что женщины и феномен женственности сегодня находятся в фокусе исследований представителей широкого спектра социально-гуманитарных дисциплин. Обращение к гендерным сюжетам средневековой культуры иллюстрирует культурное значение самой средневековой эпохи, а также помогает осознать и понять социокультурную перспективу современности.

Репрезентация научных концепций современных американских культурологов приводит к новой оценке путей и способов формирования женской святости и агиографического канона в контексте средневековой культуры, что позволяет говорить о повышении социальной роли женщин по мере развития средневекового общества в целом, и в таких его религиозных аспектах, как христианское проповедование,

женский мистицизм и религиозное благочестие, в частности. Одним из таких ученых является Энн М. Шухман,²⁷⁸ которая проанализировала редкие и малоизученные пути женского религиозного подвижничества, исследовав жизнеописание святой Умилианы де Черчи из Флоренции, практически не известной за пределами своего города. Агиографическое сочинение об Умилиане, написанное флорентийским агиографом начала XIII века францисканцем Вито да Кортоне, стало основанием для культурологического анализа типа средневековой женщины, отличительным признаком которой было благочестие. Э. Шухман полагает, что ее агиографический образ – это не только частный пример набожного мистика, но также единая средневековая модель всех христиан, вне зависимости от пола, национальности или религиозного статуса. Исследовательница показывает экзистенциальную сопряженность между тем, кем Умилиана является и агиографическим описанием того, что она делает. Эта антитеза, на взгляд культуролога, хорошо иллюстрирует отличие образа Умилианы от привычного понимания места и роли женщины в средневековом обществе, чей канонический лик не похож на образы других известных европейских женщин-святых.

Очевидно, что христианское служение было одной из наиболее распространенных сфер приложения сил женщин Средневековья. Всю Европу в ту эпоху покрывала густая сеть монастырей, часть из которых принадлежала женским религиозным орденам. Еще в VI веке они основывались орденом бенедиктинцев, с XII века появляются женские цистерцианские монастыри, а с XIII века – францисканские и доминиканские. Большинство ученых признается целесообразным при определении статуса средневековых женщин говорить, прежде всего, о тех из них, кто принадлежал к королевским или знатным семьям. В том числе и тогда, когда речь идет о канонизированных женщинах. Типичный пример подобного рода привел в своей работе известный фран-

²⁷⁸ Schuchman A. The Lives of Umiliana de' Cerchi: Representations of Female Sainthood in Thirteenth-Century Florence // *Essays in Medieval Studies*. 1997. № 14. P. 18 – 28.

цузский медиевист Ж. Дюби, проанализировав текст жития, где повествуется о духовных заслугах графини Иды Булонской.²⁷⁹

Новизна роли Умилианы, религиозной и мирской одновременно, заключалась том, что это была новая форма духовности, которая могла привести изменения в изолированную жизнь городского социума. Культ Умилианы, поддерживаемый главным образом монахами – францисканцами церкви Санта Кроче²⁸⁰, был распространен в основном в центре Флоренции. Годы религиозного рвения Умилианы (1241 – 1246) и последующего появления локализованного культа после ее смерти, соответствуют времени духовных и политических потрясений во Флоренции. Долго назревавшие напряженные противоречия между папскими и императорскими силами, наконец, обострились настолько, что сотрясли основы флорентийского общества. В дополнение к установившейся политической несвободе, радикально изменилась и флорентийская экономика, поскольку к власти пришло купеческое сословие, а ростовщичество стало считаться вполне респектабельным занятием. Соответствующие изменения законов о наследовании отразили и новую роль городской женщины, как товара, объединяющего враждующие семьи и обеспечивающего потомство, необходимое для создания зарождающихся экономических династий.

Жизнеописания Умилианы, рассказывающие о ее семье исключительно в терминах матримониального статуса, иллюстрируют эти социальные и экономические перемены. Жизнь Умилианы, как церковной прихожанки, отражала напряженность усилий «соответствовать» монашеским идеалам сложившейся социальной структуры и возрастающему значению мирской жизни, которая становилась все более суровой по отношению к женщине. Агиография выражает и вскрывает эту напряженность. Представление о жизни святой составляло значи-

²⁷⁹ Дюби Ж. Почтенная матрона и плохо выданная замуж. Восприятие замужества в Северной Франции около 1100 г. // Одиссей. Человек в истории 1996. М., 1996. С. 238.

²⁸⁰ Церковь Санта Кроче (Святого Креста) – францисканский храм в Италии, достопримечательность Флоренции – является усыпальницей многих выдающихся деятелей культуры. В ней покоятся Галилео Галилей, Николо Макиавелли, Микеланджело Буонарроти, Михаил Огинский, Энрико Ферми.

тельную часть совсем недавно кодифицированных процессов канонизации. Э. Шухман с уверенностью утверждает, что содержащиеся в них элементы должны были открывать то, что агиограф подразумевал под понятием святости. Можно считать доказанным, – полагает культуролог, – что составитель житий святых не включал в них сведения, которые можно было бы интерпретировать как еретические. Однако в тексте Вито да Кортоня есть сведения о вызывающем поведении Умилианы, по-видимому, противоречащие текстуальной модели повиновения, которую он пытается создать. Хотя Вито в своем описании подчеркивает покорность и любовь Умилианы, он включает ряд ссылок на такие ее действия, которые далеко отстоят от идеала, установленного ранее. Умилиана тайком, за спиной мужа, отдает его деньги беднякам, игнорирует попытки своего отца снова выдать ее замуж, угрожая скорее броситься в огонь, молится о ранней смерти своих детей, чтобы они не страдали, подобно ей самой от потери невинности. Однако, такое нарушение общественных норм, в описании агиографа представляется свидетельством не асоциального поведения, а доказательством огромной милости господина к святой²⁸¹.

Парадокс средневековых агиографических текстов отражает ситуацию, в которой решения, типичные для религиозной жизни, находятся в области, далекой от сферы выбора, весьма ограниченном для средневековых женщин. Религиозная жизнь очень часто включала табуирование таких действий, которые уже были запретными для женщин – выбор мужа, либо партнера для сексуальных отношений, общественная деятельность, владение частной собственностью. Новые правила поведения, основанные на раскаянии и охватывающие эти запреты, выстраивали новую модель поведения женщин.

В условиях Средневековья необходимость «придать законную силу» культуре Умилианы основывалась на сложностях канонизации женщины-святой, особенно побывавшей замужем. Именно поэтому, на взгляд Э. Шухман, рассказчик выстраивает новую модель женского благочестия, которая включает в себя замужество и материнство, как доказательство того, что небесная благодать снизошла на Умилиану в результате ее страданий, и эти страдания выделили ее из ряда.

²⁸¹ Schuchman A. The Lives of Umiliana de' Cerchi: Representations of Female Sainthood in 13th-Century Florence // *Essays in Medieval Studies*. 1997. № 14. P. 21.

Таким образом, канонический образ Умилианы абсолютно не похож на образы других известных итальянских женщин-святых, например, Екатерины Сиенской или Клары Ассизской²⁸². Поэтому можно утверждать, что работа американской медиевистики вносит вклад в понимание процессов трансформации агиографических канонов женской святости в средневековой Европе, когда на месте прославляемого объекта оказывается, казалось бы, совершенно не типичная для этого фигура, нарушающая многие привычные канонические стандарты.

В.В. Смеюха

Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет
**ЖЕНСКАЯ ПРЕССА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ
ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ**

История развития отечественных женских изданий отражает историю социализации женщины. Женские журналы формируют определенный образ женщины, ее поведение, мышление. Образование отечественной женской прессы относится к последней четверти XVIII в., в 1779 г. открылось «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета». Практика выпуска женской периодики показала, что женский журнал предоставляет оптимальную возможность воздействия на аудиторию с целью воспитания ее в соответствии с общепринятыми нормами, развития определенных сторон творческого потенциала, образования. Доминирование патриархатных отношений, утверждение философско-символического женского образа, распространение сентиментализма в литературе вело к отражению в прессе соответствующего типа женщины, издатели журналов ориентировались на просвещение аудитории, ее обучение и развлечение посредством чтения. Тематический принцип классификации периодики позволяет констатировать дифференциацию женских журналов конца XVIII-первой половины XIX вв. на следующие типы изданий: литературные женские журналы («Модное ежемесячное издание» (1779), «Журнал для милых, издаваемый молодыми людьми» (1804), «Кабинет Аспазии» (1815), «Дамский журнал» (1823–1883), «Лучи» (1850–

²⁸² См., напр.: Armstrong R. Clare of Assisi: Early Documents. Mahwah, N.J.; 1988; Baldwin A. Catherine of Siena: A Biography. Huntington; 1987.

1860)); женские журналы мод, домоводства, рукоделий и литературы («Магазин английских, французских и немецких новых мод» (1791), «Модный вестник» (1816), «Ваза» (1831–1884), «Гирлянда» (1846 – 1860) и др.).

Под влиянием ряда социальных и экономических факторов во второй половине XIX – начале XX вв. в женской прессе произошли определенные изменения. Тип женского литературного журнала был заменен литературно-общественным журналом («Рассвет» (1859–1862), «Женский вестник» (1866–1868), «Друг женщин» (1882–1884)), выходят женские журналы мод, домоводства, рукоделий и литературы («Русская хозяйка» (1861–1862), «Модный магазин» (1862–1883), «Русский базар» (1863–1866), «Новый русский базар» (1867–1894), «Модный свет» (1868–1883) и др.). Обсуждение женского вопроса в периодических изданиях, зарождение отечественного феминизма, развитие женского образования отразились на формировании нового женского образа – образованной женщины. Журналы уже не ограничивались задачей воспитания аудитории, они были нацелены на изменение менталитета читателей.

В начале XX в. популяризируется образ женщины-гражданки, что ведет к изменениям в структуре женской прессы. Основными причинами, вызвавшими возникновение массовых женских литературно-общественных журналов («Женщина» (1907–1917), «Дамский мир» (1907–1917), «Женское дело» (1910–1918), «Журнал для хозяек» (1912–1918), «Мир женщины» (1912–1917), «Журнал для женщин» (1914–1918)), стали: капитализация общества, развитие технического прогресса, распространение женского образования, коммерциализация прессы. Были созданы новые издания мод, домоводства и рукоделий, рассчитанные на массовую аудиторию («Ворт» (1905–1913), «Домашняя портниха» (1906–1908), «Парижанка» (1908–1910), «Женский мир» (1909–1911), «Белье и вышивки» (1909–1916), «Моды для всех» (1910–1914) и др.). Появляются женские общественно-политические журналы («Женский вестник» (1904–1917), «Союз женщин» (1907–1909), «Работница» (с 1914 г.)). Массовые женские журналы активно освещали общественно-политические преобразования, инициировали женскую аудиторию на участие в общественной деятельности, поддерживали и развивали внутрисемейные интересы.

В советский период происходит формирование системы общественно-политических женских журналов, ориентированных на жен-

щин–работниц, крестьянок, общественниц. По аудиторному признаку в центральной женской прессе выделились общественно–политические издания для женщин–партработников («Коммунистка» (1920–1930), работниц («Работница») и крестьянок («Крестьянка» (с 1922 г.), «Батрачка» (1925–1929)). Помимо центральных политических женских журналов стали выходить местные, они открывались в крупных российских городах и столицах союзных республик. В 1945 г. стал выходить журнал «Советская женщина». Деятельность рассматриваемых изданий координировалась партийными структурами, функциональная направленность женской прессы, тематика, проблематика способствовали пропаганде образа женщины–труженицы, общественного деятеля.

В 90–е гг. прошлого столетия активизировался типологический процесс в сфере женской журнальной периодики, вследствие чего были сформированы новые типы изданий. Система современных отечественных женских журналов представлена следующими изданиями: семейно–бытовыми, элитарными, для женщин с невысоким достатком, литературными, для девушек, для матерей, посвященными женскому здоровью, религиозными, профессиональными, специализированными по интересам. К началу тысячелетия женские журналы начали демонстрировать новые характеристики, обозначилось новое направление – развитие сетевых журналов и интернет–версий изданий для женщин, что способствовало активизации новых форм и методов гендерной идентификации в прессе.

Несмотря на концентрацию изданий в сфере женской периодики и превалирование женских журналов, выпускаемых крупными издательскими домами, продолжается организация новых журнальных проектов, ориентированных на женские аудиторные группы, использующих вариативные модели репрезентации гендера. Современные женские журналы остаются одним из основных каналов распространения коммерческой информации, адресованной женской аудитории, что способствует росту рекламных вложений в издания, определяет их функционирование в традиционных и интернет–форматах, проецирует определенные типы поведения феминных групп.

Таким образом, женские журналы являются сегментом массовой периодики, способствующим реализации гендерной идентификации – определению индивидом собственной гендерной ментально – поведенческой модели, встроенной в общественно–культурные отношения социума. Проведение идентификации посредством ознакомления с

гендерными образцами в культурно–символическом пространстве является одной из наиболее действенных и эффективных форм выбора индивидом гендерной модели. Типологическая трансформация и дифференциация женских журналов мотивируется интересом аудиторного сегмента к периодическим изданиям, разрабатывающим информацию, соответствующую массовым информационным потребностям женских читательских групп.

О.Е. Рафалюк

Москва, Московский педагогический государственный университет

ЖИЗНЕТВОРЧЕСКАЯ ПРАКТИКА ЗИНАИДЫ ГИППИУС В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

Начиная со второй половины XIX в. представления о месте женщины в интеллектуальном пространстве и границах ее частной жизни стали подвергаться серьезной трансформации. Особую роль в становлении женского коллективного самосознания сыграли женщины–поэты начала XX века. По отношению к «женской» литературе начало XX столетия можно назвать не «серебряным» веком, а «золотым».²⁸³ По мнению Ш. Розенталь, «идеология модернизма» выдвинула «новую систему ценностей, в том числе новое определение женственного, подчеркнутый индивидуализм и эстетическое оправдание жизни...». Для модернизма любое художественное новаторство оправдывало нарушение тех социальных норм, которые отстраняли русских женщин от активного участия в культурной жизни.

Важное значение в процессе пересмотра гендерных стереотипов для русской культурной элиты имела рецепция опыта западноевропейских модернистов. Русские коллеги черпали его из статей русских литературных критиков, в частности Зинаиды Венгеровой, которая в 1891–1908 гг. вела ежемесячную колонку в «Вестнике Европы», где рассказывала о текущих событиях западноевропейской литературной жизни. Сама Зинаида Венгерова признавалась в автобиографической заметке 1914 г., что остро почувствовала «освобождающую стихию»

²⁸³ Розенталь Ш. Зинаида Венгерова: Модернизм и освобождение женщин // Русская литература XX в.: Исследования американ. ученых. СПб., 1993. С. 59.

французского декадентства».²⁸⁴ Однако понимание свободы французскими женщинами сильно отличалось, по ее мнению, от того, что в него вкладывали русские современницы. В то время как французская женщина сосредоточена на внешнем, на свободе в политической и правовом аспекте, на завоевании новых профессиональных сфер, то есть на «феминизме», русские женщины истинно свободны, так как знают, что свобода зависит от внутреннего ощущения личности²⁸⁵. Эту мысль подтверждает Н. Л. Пушкарева, говоря о том, что в России, в отличие от Запада, «освобождение женщины» прочитывалось как освобождение от стереотипных социальных ролей²⁸⁶ послушной дочери, преданной жены, заботливой матери, которые господствовали в России XIX в.

Образованной российской женщине модернизм предлагал новые принципы индивидуальной свободы и жизни, подчиненной эстетическим ценностям. Экспериментируя с собственной индивидуальностью, русские женщины-поэты предлагали различные варианты «творчества жизни». Одним из самых смелых практиков житнетворчества в России в начале XX столетия была Зинаида Гиппиус. И в литературном творчестве, и в публичном поведении Гиппиус стремилась подчеркнуть самодостаточность и интеллектуальное равенство знаменитому мужу – Д. С. Мережковскому. Сама организация домашнего пространства отражала равноправие, в том числе и интеллектуальное, обоих супругов. «Как Вера Павловна до нее – пишет О. Матич, – и английская писательница Вирджиния Вульф после, Гиппиус считала, что очень важно иметь «собственную комнату».²⁸⁷ Личное пространство женщины разграничивает ее частную жизнь на «сферы, которые она делит с мужем» и которые «оставляет только для себя».

²⁸⁴ Венгерова З. Автобиографическая справка // Русская литература XX в. 1890 – 1910. М., 1914. Кн. 3. С. 136.

²⁸⁵См. *La femme russe* // *Revue des revues*. 1897. Sept. P. 489–499; *Феминизм и женская свобода* // *Образование*. 1898. № 5. С. 73–90.

²⁸⁶ Пушкарева Н.Л. У истоков русского феминизма: сходства и отличия России и Запада // *Российские женщины и европейская культура: материалы V конференции*. Сост. и отв. ред. Г. А. Тишкин. СПб., 2001. С. 83.

²⁸⁷ Матич О. *Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siecle в России*. М., 2008. С. 177.

Во внешности Гиппиус также «сквозила любовь к экспериментам с гендером». Иллюстрацией подобных экспериментов может служить знаменитый портрет Льва Бакста, изображающий Зинаиду Гиппиус в костюме денди, откинувшуюся на стуле в отчетливо мужской позе, отражающей власть, самоуверенность и гордость. В работе Л. Бакста Гиппиус предстает как разрушительница пола. Тяга к мужскому облику З. Гиппиус прослеживается также в отношении ее лирического героя и псевдонимов. В большинстве произведений лирическое «я» ее поэзии мужское, и прозаическое повествование часто ведется от мужского лица. Однако Зинаида Гиппиус не всегда носила мужскую одежду и не всегда говорила мужским голосом в своих произведениях. В дневниках и письмах Гиппиус предстает как женщина, а в повседневной жизни не пренебрегает элегантными дамскими туалетами и аксессуарами.

«Неопределенная половая идентичность»²⁸⁸—одна из сторон парадоксальности, «единственности», как писал А. Блок, Зинаиды Гиппиус. В своей общественной роли, как писатель и мыслитель, она – мужчина, в личных интимных делах – осознает себя как женщину²⁸⁹. Внешние признаки пола для Гиппиус – явление вторичное. В ответ на приглашение М. Шагинян принять участие в «женском» вечере З.Н. Гиппиус ответила: «Простите, по половому признаку я не объединяюсь»²⁹⁰.

Салонная деятельность Зинаиды Гиппиус в разные периоды принимала разные формы, но всегда была важной частью ее жизни. «Можно полагать, – пишет К. Эконен, – что Гиппиус активно перерабатывала «правила» салона и роль хозяйки. Она обустроила ситуацию так, что салон стал пространством самоутверждения».²⁹¹ Подобно Клеопатре А. Пушкина Гиппиус любила принимать гостей полулежа на

²⁸⁸ Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siecle в России. М., 2008. С. 171.

²⁸⁹ См.: Томсон Д. Мужское «я» в творчестве З. Гиппиус // Преображение. Русский феминистский журнал. М., 1996, №4.

²⁹⁰ Адамович Г. Из разговоров с З. Н. Гиппиус // Адамович Г. Сомнения и надежды. М., 2002. С. 67.

²⁹¹ Эконен К. Жизнетворчество и конструирование авторской идентичности авторов-женщин русского раннего модернизма (Зинаида Гиппиус и Нина Петровская). Доклад на межд. Науч. семинаре «Гендер по-русски: преграды и пределы». Тверь, 10–12 сентября 2004 г.

кушетке,²⁹² курила ароматизированные папиросы через мундштук, всегда имела при себе лорнет – аналог монокля для женщин-денди, но сила модные аксессуары там, где их обычно не носят, воплощая собой образ роковой женщины, декадентской *femme fatale*.

Жизнетворческая практика З. Гиппиус была обусловлена не только стремлением «уйти» от повседневности, сделать жизнь более яркой, насыщенной в эмоциональном и событийном плане, но и расширить традиционные представления о нормах мужского и женского поведения. На фоне общей демократизации общественной жизни в России в начале XX в. эксперименты в области каждодневного быта способствовали усилению роли женщин в культурном контексте эпохи.

А. М. Олешкова

Нижний Тагил, Нижнетагильская гос. социально-педаг. академия

**СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ КРАСНОГО КРЕСТА
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

В основе деятельности общин сестер милосердия можно выделить три неравноправных элемента: духовно-православный, нравственно-филантропический, практико-ориентированный (профессиональный), определивших изменение реального и идеального образов сестер милосердия. Учитывая мирскую сущность Красного Креста, включившего в себя общины, этот процесс был неизбежным.

Значительное увеличение масштабов сестринского труда в годы Первой мировой войны имело неоднозначные проявления и последствия, связанные с общим изменением восприятия женщины и традиционного института семьи.

С апреля 1916 г. каждый номер «Вестника Красного Креста» публиковал информацию о лишении званий сестер милосердия. Одними из самых распространенных и конкретных причин исключения – «выказывание симпатий врагам отчества» и недолжное отношение к пациентам. Исключение коснулось сестер Уральской, Омской, То-

²⁹² См.: *Dialectics of Cultural Return: Zinaida Gippius' Personal Myth // Mythologies of Russian Modernism: From the Golden Age to the Silver Age*, ed. B. Gasparov and others. Oxford, 1992.

больской, Самарской, Благовещенской, Новочеркасской, Пензенской, Петроградской, Тифлисской, Харьковской, Elizavetgradской и Омской общин²⁹³. С мая 1917 г. вследствие деструктивных для общин обстоятельств, связанных с размыванием понятия «сестра милосердия», самими членами Общества Красного Креста подчеркивается набирающая силу тенденция низведения сестер с пьедестала идейных работников до профессионалок²⁹⁴.

На протяжении войны среди солдат активно распространялось негативное отношение к сестрам. Массовые экстремальные условия обусловили реальные перемены в общественных отношениях, привели к смене гендерных ролевых позиций и переоценке положения женщины. Война оторвала крестьянина от патриархального жизненного уклада и типичных хозяйственных забот. Понятия «любовь», «секс», интимные отношения были не характерны для крестьянской семьи, не являлись результирующими факторами ее организации. Война в какой-то мере «заставляла» фокусировать чувства и переживания солдата на сугубо личных мотивах бытия, в том числе и сексуальных. Ситуация физического разрыва диады муж-жена привела к росту свободы мужчины и женщины в плане изменения традиционных оснований, формирующих патриархальный союз.

В войну увеличилось количество женщин, которые отправлялись на фронт в связи с такими мотивами, как «жажда впечатлений» и «мода». Слабый отбор на курсах «направлял» на фронт «авантюристок» и «прожигательниц жизни», которые ехали на службу как «на пикник»²⁹⁵. Вследствие такого разнообразия индивидуальных мотивов формировался общий нечеткий образ сестры милосердия. Как справедливо заметил современник, один костюм объединил различных в социальном и моральном плане женщин²⁹⁶.

У женщины, мужчина которой уходил на фронт, происходило изменение ценностных приоритетов и моделей поведения. Деньги от пособий, выдаваемые благотворительными организациями, упот-

²⁹³ Вестник Красного Креста. 1916. № 5. С. 1473; № 9. С. 2977; РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1094. Л. 150, 200; ГАКО. Ф. 638. Оп. 1. Д. 96. Л. 13.

²⁹⁴ РГВИА. Ф. 12652. Оп. 1. Д. 1. Л. 377–379.

²⁹⁵ РГВИА. Ф. 12652. Оп. 1. Д. 1. Л. 377–379.

²⁹⁶ РГВИА. Ф. 12652. Оп. 1. Д. 1. Л. 76.

реблялись ею, помимо обслуживания детей и хозяйства, может быть, впервые, именно на себя. Отсюда и желание, и возможность задуматься о своем внешнем виде, изменить восприятие себя и вести себя в этом новом внешнем мире (куда женщина впервые попала) по-другому. Можно сказать, что именно в этот период времени женщина в первый раз ощутила себя женщиной в современном смысле слова. Возможно, именно в связи с обретением новой феминной сущности командированные сестры нередко брали с собой слишком много вещей, которые им фактически не были нужны для исполнения своих профессиональных обязанностей. Главное управление Красного Креста неоднократно пыталось применять меры «к снижению объема багажа сестер милосердия», женщины продолжали брать «домашний обиход» на фронт²⁹⁷. На фронте женский труд активнее всего использовался в окопных работах, когда основную рабочую силу составляло гражданское женское население. Эти женщины считались источником беспорядочных интимных связей с солдатами и распространителями венерических болезней на фронте.

Новый взгляд на взаимодействие полов, социальные перемены, ускоренные военными событиями, были тем контекстом, в котором эволюционировало отношение к собственно сестрам милосердия, точнее, медицинским сестрам, ибо в период войны это наименование было более распространенным с одной стороны, негативный образ сестры – это искаженная проекция нового отношения к женщине, попытка в переходных условиях переосмыслить ее статус и предназначение. С другой стороны, в новых условиях менялось восприятие самими сестрами содержания своего труда. Язык лучше всего закрепляет и демонстрирует такое изменение. Использование наименования «сестра» (без предиката «милосердная») и медсестра наблюдается в циркулярах уже после 1907 г. Однако еще в годы Русско-японской войны пострадавшие военнослужащие обращались к представительницам Красного Креста «сестра милосердия» и «милосердная сестрица»²⁹⁸.

²⁹⁷ ГАКО. Ф. 638. Оп. 1. Д. 37а. Л. 155. РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1094. Л. 168.

²⁹⁸ Отголоски Русско-японской войны. Записи больных и раненых лечившихся в Челябинском лазарете Красного Креста. Казань, 1914. С. 7, 17, 28. Тарнавский А. Красный Крест. СПб., 1904. С. 4.

Начиная с 1915 г. учащается употребление нейтральных слов и словосочетаний в описании характера деятельности сестер. Пафосные эпитеты, характеризующие сестер и их активность в период войны, встречаются гораздо реже и уступают место прозаичным «работе», «медицине» и нейтральным – «деятельность», хотя официальный красно-крестный дискурс продолжал использовать христианскую лексику вплоть до 1917 г., мотивируя общество на содействие Красному Кресту.

Сестры милосердия представляли собой неоднородный контингент, включающий разных по культуре, такту и умениям женщин. В годы Первой мировой войны в следствие комплекса факторов в обществе произошло изменение образа сестер милосердия и реального поведения служительниц красно-крестных сестричеств.

И.В. Сохань

С.–Петербург, НИУ Высшая школа экономики

РОКОВЫЕ ЖЕНЩИНЫ ЛИЛЯ БРИК И ЛУ АНДРЕАС САЛОМЕ: УНИКАЛЬНЫЙ ТИП ЖЕНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Эти две роковые женщины, оказавшие колоссальное влияние на культурную историю XX в., никогда между собой не встречались, но каждая представляет уникальный тип женской идентичности, получивший название «роковой женщины», *femme fatale*. Заметим, что мужчина не может быть «роковым», это существеннейшая характеристика женщины, возможно, экстремум ее феминности. В некотором отличии от Л.Брик, Лу Андреас Саломе была присуща глубочайшая степень рефлексии, которая привела ее в психоанализ и побудила искать ответ на вопрос о собственной сущности, приводившей в восторг современников и крайне проблематизировавшей при этом ее саму. Характерно также, что вся полнота онтологии Л.Брик раскрылась в рамках дискурса тоталитарной власти, которая, предположительно, функционирует посредством механизма производства желания, имеющего абсолютно феминную природу: «Женское желающее тело вызывает отступление другого желания–произвола Советской власти вне всякой законности, парадоксальным образом признавая индивидуальное «наглое» желание выживания достойным права на существо-

вание. На уровне бессознательного это были желания одного уровня–вне запретов и ограничений. Поэтому они и читли друг друга»²⁹⁹.

Лу Андреас Саломе, «Заратустра» и «совершенное зло» в жизни Ф. Ницше (по словам Л.Гармаш³⁰⁰), написала ряд художественных и научных (преимущественно, психоаналитических) работ, привлечших внимание многочисленных исследователей–историков, писателей, и, конечно же, самих психоаналитиков. Все эти обстоятельства позволяют утверждать, что анализ биографий и личностных характеристик этих женщин, которые в полной мере проявили «магию» *femme fatale*, может быть эвристичным для понимания сути феминности вообще.

Среди ряда важнейших контрапунктов в понимании идентичности *femme fatale*, следует выделить отношение к Другому–Другой–во всех смыслах этого термина–другие люди никогда не обладают конститутивным значением для роковой женщины. Это противоречит традиционному пониманию феминности как тому, что конституирует себя через Другого, преимущественно попадая в пространство самоотношения мужчины, и, вообще, в практиках заботы о Другом. И Л.Брик, и Лу Саломе, увлекаясь талантами других людей и вовлекаясь в отношения с ними, сохраняли такой потенциал внутренней независимости, который делал их недоступными и дистанцированными от самых тесных дружеских и любовных отношений. Л.Гармаш называет это качество способностью быть «Гердой и Снежной Королевой» одновременно. Перейдя от языка метафор к собственно философскому–эту способность можно назвать таким совмещением имманентности и трансцендентности, которая подавляющему большинству людей недоступна, т. к. предполагает постоянную репрезентацию трансцендентности в имманентности настоящего, при которой сама субъективность никогда не тождественна себе, но верна только своим базовым стратегиям–лучезарному самоотношению, духовному и эстетическим поискам. Отсюда эта непредсказуемость, неуловимость, загадочность Л.Брик и Лу Саломе; в то же время, такая верность себе, которой не мог нарушить не один человек – и, при этом, не ограниченная способность желать.

²⁹⁹ Жеребкина И.А. Лиля Брик: женская сексуальность в эпоху сталинской эпохи / И.А. Жеребкина // Гендерные исследования. 1999. № 3. С. 199.

³⁰⁰ Гармаш Л. Лу Саломе. М., 2000. С. 343.

Трактовка нарциссизма, созданная Лу Саломе, вполне отражает именно такой тип субъективности–нарциссизм она понимает как «ма-ниакальное состояние любви к себе и к окружающему миру»³⁰¹, при котором любой его объект ощущает свою уникальность в глазах нарцисса, и крайнее сосредоточение на себе с его стороны. Здесь оживает банальное сравнение женщины с кошкой, которую Лу Саломе считала воплощением нарциссизма и женственности одновременно кошка, которая не нуждается в человеке, но человек нуждается в ней. Женщина постоянно находится внутри себя, в отличие от мужчины который вовне; если для мужчины мир – объект, то для женщины–окружение, на которое она распространена в своем нарциссизме. Не в этом ли загадка роковой женщины (определенную разгадку которой Лу Саломе и предложила)? Будучи недостижимым (ввиду репрезентации трансцендентного) объектом желания, сама она не желает никакой объект, но, при этом – весь мир? Нарциссическая трактовка женственности противоречит представлению о традиционной ее идентификации через нехватку, поэтому «и целого мира мало»–всегда есть ничем не ограниченное и бесконечно трансформирующее желание (в производстве которого, как отмечает И.Жеребкина, Л.Брик обыграла Сталина – все-таки желаниям тоталитарной власти может быть положен предел, т. к. они не обладают естественной трансцендентностью). И Л.Брик, и Лу Саломе объединяла уникальная способность к восприятию и слушанию Другого, как трактует эту способность В.Мазин, это такое присутствие, которое занимает место объекта желания со стороны Другого. Происходит «экранирование» Другого, при котором он сталкивается с собой, со своими желаниями, узнает себя – не в этом ли заключается магическая власть роковой женщины над людьми, вступающими во взаимодействие с ней? Например, в присутствии Л.Брик все собеседники ощущали искренность своих самых глубинных желаний, и способность к их репрезентации.

Итак, женственность роковой женщины – постоянно действующая трансцендентность, которая позволяет ей оставаться всегда недостижимым объектом желания, в бесконечном движении к которому мужчина осуществляет проект самого себя и собственной мужественности,

³⁰¹ Мазин В. Роковая женщина Лу Андреас–Саломе // Сумма психоанализа. Том XI . С. 146.

в своем экстремальном варианте заканчивающейся смертью (здесь вспоминается не только самоубийство В.Маяковского – все-таки Л.Брик жила в эпоху, где смерть была инструментарием действующего тоталитарного режима; но и Лу Саломе, в жизни которой целый ряд мужчин, предположительно, покончили с собой).

В данных тезисах абрисно представлен лишь один из аспектов феномена роковой женщины, в то время, как, он весьма обширен и многолик. В частности, важнейшим представляется рассмотреть следующие коннотации: Л.Брик – ее отношения с тоталитарной режимом и тоталитарной властью, (сравнить механизм тоталитарного обольщения с ее собственными возможностями и способностями влияния); в отношении Лу Андреас-Саломе – специфику ее идентичности с моделью сверхчеловеческого в творчестве Ф.Ницше, постантропологическим проектом человеческого как возможного, способностью находиться по ту сторону добра и зла и быть милосердным не от недостатка, а от крайней избыточности.

Т.Б. Щепанская

СПб, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН

ШОФЕРСКАЯ ПРОФЕССИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ДИСКУРС РАЗРУШЕНИЯ МУЖСКОГО БРАТСТВА

В основе доклада–материалы этнографического исследования повседневности и маркеров профессиональной идентичности представителей шоферской профессии (на базе наблюдений и интервью с водителями большегрузных автомобилей, строительных машин, междугородных автобусов, такси, городского общественного транспорта). Большая часть материалов собрана автором в городах, деревнях и на дорогах Северо-Запада Российской Федерации в 2005–2012 гг. Важным для меня было включить в круг исследования как городских, так и сельских водителей.

Среда профессиональных водителей, судя по их самоидентификации, представляется расщепленной на несколько, по самоопределению водителей, «каст»: водителей большегрузов, междугородных автобусов и др., в рамках каждой из которых действуют этические правила, обычаи взаимопомощи и коллективной памяти. Эти обычаи находят свое выражение в формах, опирающихся на образы маскулинности, а этические комплексы буквально воспроизводят этику «мужского

братства». В интервью получение профессии шофера нередко связано с подготовкой к армии или срочной службой; формы взаимодействия водителей и на гражданке нередко воспроизводят армейские обычаи. Один из таких обычаев—«приколы» над новичками, буквально повторяющие армейские (например, предложение новичку принести банку «компрессии»). Воспоминания об армии, как представляется по интервью и наблюдениям, остаются важным элементом самоидентификации и в шоферской жизни: это проявляется в разговорах между водителями (рассказы из армейской жизни при встречах, вопросы друг к другу «где служил?») при каждом удобном случае; в салонах автомашин я видела армейские сувениры, например, сшитый из солдатского погончика подвесной чехол для мобилника (Псковская обл., 2011 г.).

Реальное разделение труда (мужчины—шоферы, механики, женщины—диспетчеры, кондукторы), повседневные практики, формы коллективной памяти (например, обсуждение аварий, несчастных случаев, смерти на дороге, отношение к придорожным памятникам на местах таких событий) и конструируемая на их основе профессиональная идентичность шоферов маркируется символами маскулинности. «Женское» включается в дискурс «шоферского братства» как маркер границ или код «другого», либо как элемент кода внепрофессиональной сферы (символы дома, семьи—например, женские подарки в салоне машины: игрушки, обереги, иконы). О женщинах—водителях говорят редко, как о невозможном или же исключениях.

Такая структура коллективной идентичности подкрепляется множеством символических средств. Среди них, например: образы маскулинности или ее мифологических атрибутов (агрессии, силы) в элементах внешнего декора машины; мужские имена за лобовым стеклом — и в то же время феминизация своей машины в обращениях водителя к ней. Тем самым, для внешнего наблюдателя машина маркируется «мужскими» маркерами, идентифицируясь с водителем (мужское имя за лобовым стеклом—имя водителя). Находясь же в автомобиле и «разговаривая» с техникой, профессиональный шофер обращается к ней чаще всего как к «женщине», мужскую роль отводя себе. То и другое—элементы символического конструирования маскулинности как едва ли не центрального элемента профессиональной самоидентификации: в первом случае—в коммуникации с другими, во втором — в автокоммуникации (или виртуальной коммуникации с автомобилем).

В период наших полевых записей (середина две тысячи нулевых годов–начало десятых) в интервью водителей проявляется дискурс перемен–в профессии и в жизни в целом. Используются дискурсивные схемы, связывающие распад традиций «шоферского братства» (прежде всего, взаимопомощи на дорогах) с историческими переменами–наступлением «новых времен» и «новой жизни». С этим, вероятно, связано использование в декоре машины символов советского прошлого–портретов Сталина, Гагарина, красных флажков–как образов «того» времени, к которому относят существование шоферского братства в его неповрежденной первоначальной форме. Интересно, что наличие большего, нежели теперь, числа женщин–водителей в тот период, как кажется, не оказывает влияния на представление об утраченном «золотом веке» мужского шоферского братства.

Д.Д. Исаев

С.–Петербург, С.–Петербургская гос. педиатр. мед. академия

СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В отечественных и зарубежных руководствах приводится определение гендерной идентичности, в котором подчеркивается лишь субъективное ощущение себя мужчиной или женщиной или же существом в некоторой неопределенной позиции между двумя полами (Келли Г.Ф., 2000; Кон И.С., 2004; Крукс Р., Баур К., 2005). Как итог, в психологической литературе существует стойкое убеждение, что «маскулинность», «феминность» и «андрогинность» и есть гендерная идентичность.

Иллюзорная простота и очевидность гендерной идентичности существует лишь в рамках «нормативной» модели, которая скрывает ее сложную и неоднозначную структуру. Многочисленные определения, включая и приведенные выше, отражают социально–психологический взгляд, ставящий знак равенства между ролевой (гендерной) моделью и идентичностью. Фактически это означает, что в психологическом дискурсе произошла подмена идентичности гендерной ролью. В качестве иллюстрации можно вспомнить концепцию полоролевой идентичности, наглядно иллюстрирующей эти представления. Между тем, понятно, что личностная идентичность не может сводиться к социальным ролям (к «функционально–ролевыми маскам» по С.Л. Рубинштейну, чем собственно и являются концепты маскулинности и феминности).

Психологическое понимание идентичности как личностного измерения, которое ориентировано на собственную уникальность и в этом смысле оказывается своеобразным противопоставлением «Я» заданным социальным моделям, требует рассмотрения вклада «природных задатков» в построение гендерной идентичности.

Это становится возможным лишь при обращении к системной, многоуровневой модели гендерной идентичности, которая должна учитывать как индивидуальные (конституциональные) особенности человека, его психологические характеристики, так и особенности сексуально-эротической сферы. Предлагаемый подход позволяет утверждать, что в основе конструирования гендерной идентичности лежат три подсистемы: а) анатомический пол (и соответствующая ему ядерная гендерная идентичность); б) личностные особенности, определяющие как качества, традиционно описываемые категориями маскулинность/феминность так и стилевые особенности осуществления гендерных ролей; в) чувственные предпочтения (эротическое и сексуальное влечение), включая сексуальную ориентацию.

Гендерная идентичность формируется в результате гендерной социализации (усвоения существующей гендерной схемы), однако этот процесс в значительной степени зависит от природных задатков человека. Это означает, что конструирование гендерной идентичности как системного образования строится на основе соотношения своих индивидуальных особенностей в рамках параметров каждой подсистемы с имеющейся в социуме гендерной схемой. В соответствии с представленной моделью, можно говорить и об этапности конструирования гендера в детско-подростковом возрасте: А) признание принадлежности к определенному (биологическому) полу становится существенным, базисным атрибутом «Я», первичным способом самокатегоризации. Переживание половой принадлежности и опыт ее освоения решается на основе принятия (или непринятия) анатомической данности. Б) собственно гендерная социализация, как усвоение конвенциональных моделей гендерного взаимодействия (гендерных ролей). С двух-трех лет ведется «примерка» гендера и становится очевидным в какой мере существующие поведенческие модели могут быть освоены и воспроизведены. В) переосмысление себя как субъекта и объекта сексуальности (переживания, связанные с эротической сферой) в пубертате.

Относительная независимость каждой из подсистем делает возможным существование не только большого разнообразия гендерной

идентичности, но и рассогласования между этими компонентами. Формальное осознание своей половой принадлежности и идентификация с традиционной бинарной гендерной схемой, что характерно для многих людей, скорее можно отнести к понятию «преждевременной» идентичности (по А. Waterman). Бесконфликтное принятие и построение гетеронормативной модели центрируется вокруг концепции «маскулинности/феминности» и понимается лишь как ролевая адекватность. О «достигнутой» (зрелой) гендерной идентичности можно говорить лишь тогда, когда индивид в значительной степени внутренне дистанцировался от ролевых моделей, рассматривает их не как свою сущность, а как социальную данность, как «правила игры», которые личность должна соблюдать для того, чтобы быть хорошо адаптированной, быть понятой и принятой в процессе межличностного взаимодействия. Чаще всего оказывается, что это становится возможным лишь в результате проблематизации одной из подсистем гендерной идентичности (прохождение через кризис идентичности).

Такой внутриличностный конфликт, наблюдаемый в последние десятилетия все чаще, связан с невозможностью и/или нежеланием некоторых людей в процессе гендерной социализации «встраиваться» в биполярную гендерную модель. Предложенная С. Бем концепция андрогинии сделала лишь робкую попытку выхода за границы одномерной концепции, но не смогла объяснить как причины существования, так и психологического содержания гомосексуальной идентичности, трансгендерности и квир-идентичности.

Рост численности «атипичных» гендерных идентичностей связан с увеличением вариативности ролевых моделей, их неоднозначности, с одной стороны, и все большей ориентацией современного общества на самораскрытие человека, выявление его индивидуального личностного потенциала. В результате современный человек демонстрирует все большую готовность при проблематизации ролевого поведения к смещению выбора не в пользу традиционных моделей. Более того, именно вокруг обнаруженной проблемы и центрируется формирование идентичности. Прошедшие через кризис построения гендерной идентичности вынуждены были проходить через этап рефлексии и дистанцирования от ролевых моделей, предлагаемых социумом, чтобы понять себя и сформировать новую конфигурацию, в которой есть большая или меньшая дистанция между «внешним» и «внутренним» («социальным» и «индивидуальным»).

Гомосексуальность и трансгендеризм – яркая иллюстрация разных вариантов конструирования гендерной идентичности в зависимости от того, что является основополагающим, категоризирующим (классифицирующим) параметром для построения гендерного «Я». Для гомосексуалов таковым является направленность влечения, а для транссексуалов – гендерное своеобразие, обнаруживаемое как личностно – психологические качества, которые невозможно вписать в модель приписываемого пола. Таким образом, первые центрируются вокруг сексуальности (ориентации), а вторые – вокруг гендерного своеобразия. В первой группе есть лица как с гендерными акцентуациями, так и без них, а во второй – как с гомосексуальностью, так и с бисексуальностью и гетеросексуальностью (что как раз и свидетельствует об определенной независимости подсистем гендерной идентичности).

Транссексуалы характеризуются приверженностью ригидной гендерной схеме, основанной на противопоставлении мужских и женских качеств. Подобная биполярная модель не оставляет места для «промежуточных» вариантов, поэтому собственная гендерная неконформность воспринимается как неприемлемая, что и приводит к формированию установки на смену пола. Альтернативный вариант разрешения кризиса идентичности характерен для формирующейся гомосексуальности. Он предполагает принятие своего гендерного неконформизма с последующей реструктуризацией представлений о себе в соответствии с обнаруженной нетрадиционной сексуальной ориентацией и включением их в структуру гендерной идентичности. Точкой отсчёта в данной ситуации оказываются не социальные стереотипы, а представления о себе, в которых значимую роль начинает играть параметр направленности влечения.

Г.В. Вержибок

Минск, Беларусь Минский гос. лингвистический университет

СОВРЕМЕННЫЕ ПАРАДОКСЫ МАСКУЛИННОСТИ–ФЕМИНИННОСТИ

Гуманизация общества сегодня непосредственно связана с изменениями и модернизацией новой идеологии субъекта. Культурные достижения настолько изменили ситуационный контекст современной жизни, что физические различия между полами не имеют теперь такого жесткого функционального значения, как ранее. Система разделения труда по признаку пола, технологичность окружающей среды, ин-

ституционально закреплённая лидирующая власть мужчин, предоставляющая им право управления ресурсами, становится менее жесткой и поляризованной, культурные убеждения и общественные практики изменили и сам контекст человеческой жизни, осталось очень мало видов деятельности, которые не могут быть выполнены на одинаково высоком уровне и женщинами, и мужчинами (S. Vert, 1993, 2001). Тем самым, биоисторические первопричины снижаются и выступают на первый план иные современные культурные институции: «мужское» и «женское» трансформировалось, присвоение гендерных ролей и процесс социализации отличаются разноплановостью построения в каждом конкретном случае, в большей степени зависят от индивидуально-го и ситуативного аспектов.

Смена традиционных моделей норм и ценностей в обществе, затрудняет процессы принятия решений в ситуации социального выбора и неопределённости (Г.М. Андреева, Е.П. Белинская, Г.Г. Силласте и др.). Происходит «гендерное расщепление» (А.В. Краснова, Т.З. Козлова, 2007) – снижается устойчивость представлений о социальных ролях мужчин и женщин в публичной и приватной сферах, усложняется проблема выбора жизненных приоритетов (дом/работа), превалирует влияние эффектов стереотипизации на эффективность жизнедеятельности, комфортность существования, что затрудняет нахождение перспективы и мешает позитивным изменениям личности.

Как считает Р. Коннелл (2002), чтобы понять воплощение и гегемонию маскулинности (как и фемининности), мы должны понять, что тело есть объект и агент социальной практики. Гендерное различие в виде утверждения двух качественно различных сущностей является результатом гендерного неравенства, а не его причиной (М. Kimmel, 2007), которое само воспроизводит эти различия, используя их для его оправдания. У них есть определенное «*фамильное сходство*» – по терминологии Wittgenstein («family resemblance»), они могут быть представлены одной символической моделью на региональном (культурно-этническом) уровне (М. Kimmel, 2005), а не многократными моделями глобального значения – например, модель «международной деловой мужественности» (R.W. Connell, 1998) или местного (профессионального, семейного) масштаба. Предлагается переформулировка понятий в четырех областях: более сложная модель гендерной иерархии с подчеркиванием доминирования женщин, явное признание географии мужественности, определенная обработка воплощения в контекстах привилегии

и власти, сильный акцент на динамику главной мужественности, признавая внутренние противоречия и возможности движения к гендерной демократии. Различия между мужским и женским больше не будут располагаться на оси культурных координат, а биологический пол не может оставаться центральным фактором индивидуальности. Тщательный анализ индивидуальных историй может обнаружить переходы изменений, пути построения личного пространства и будущего, уважая жизненный выбор (А. Sajaavaara, 2006).

Применение гендерной перспективы в работе с молодыми людьми подразумевает два важных пункта: рассмотрение уровня их знаний и структуры мотивационно-потребностной сферы, системы ожиданий и притязаний в отношении к различным проявлениям гендерного поведения представителей обоих полов. Это может быть обсуждение и проигрывание ролей по следующим, например, направлениям и темам: «Что значит быть мужчиной/женщиной», «Мужская и женская активность», «Я и Другие», «Наши эмоции и их проявления: стоит ли их регулировать?», «Люди и вещи: домашняя работа», «Потеря жизни: тело и здоровье», «Мои ценности и убеждения, желания и возможности», «Принятие решения – каким я хочу быть и что надо делать» и т.д. Внедряемые в практику уже во многих городах (С.-Петербург, Москва, Минск, Полоцк и др.) гендерные курсы для студенчества, консультирование молодежи по вопросам семьи и брака, функционирующие «папа-школы» расширяют диапазон приемлемости разных стилей и многообразия форм поведения. Корректное и профессионально выстроенное взаимодействие позволяет предпринимать действия, направленные на размышления о репродуктивном здоровье, проявлениях сексуальности, интеграции в социальные группы для развития индивидуального и коллективного потенциала, определяя выбор ответственного и позитивно окрашенного отношения к себе и друг к другу.

Сделан переход от узкой направленности эмпирического материала к исследованиям и дебатам применимо к разнообразным культурным контекстам, к значительному диапазону решения практических проблем (Wetherell & Edley, 1999). На *макроуровне* предлагается внедрение мер по урегулированию распределения мест и паритетного представительства мужчин и женщин в профессиональных сообществах, развитию справедливого распределения задач заботы в семейных группах. На *микроуровне* желательно осуществление включения универсальных ценностей равенства как возможностей каждого человека, формирования уважения и ответственности, причастности и терпимости как реализации

нового гендерного сознания и солидарности между поколениями. Наиболее эффективный путь развенчивания гендерной поляризации лежит в направлении развенчивания андроцентризма, т.к. «мы не через линзы будем смотреть на людей, а на них самих» (S. Bem).

Признавая внутренние противоречия, сложность построения и воплощения собственного «Я» в изменившемся социальном мире (И.С. Кон, 2009) «гегемонной, множественной, мультидополнительной маскулинности» (Carrigan, Connell, Lee 1985; M. Kimmel, 2000) и «подчеркнутой, удовлетворенной, активированной фемининности» (R.W. Connell, 1987, 2005; M. Schippers, 2004) при «размывании» поведения и норм, изменчивости гендерной иерархии, продолжения эффектов гомогенизации ролевого поведения и трудностей определения собственной модели, предложенные меры и способы образовательно – просветительского характера акцентируют внимание на разрешение этих проблем. Иерархическое представление, унитарность и динамичность, потенциальное внутреннее противоречие конструирования гендерных стратегий преодолевается нахождением компромисса между желаниями и эмоциями, затратами и выгодами. Мобилизация профессионалов, обращение внимания органов государственной власти на разных уровнях и в различных секторах, привлечение общественности и направленность на *социальное и гендерное партнерство* (Т.И.Агинская, Н.И.Андреева, Е.С.Баразгова, И.С.Клецина, В.И.Митрохин, С.П.Рыков, А.Ю.Ховрин) при выполнении последовательных действий позволит определить гендерные стратегии долгосрочного и перспективного характера, регулировать взаимодействия людей в разных сферах жизнедеятельности, определяя направления исследований в общественных и гуманитарных науках.

Л.Н. Ожигова

Краснодар, Кубанский государственный университет

САМОРЕАЛИЗАЦИЯ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ МУЛЬТИПОЛЯРНОЙ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Реализуя себя, человек активно меняет себя и расширяет традиции и нормы своего окружения. В системе психологических знаний потребность в самореализации (самоактуализации) рассматривается как базовая организмическая потребность личности (А. Маслоу). Стремление личности к реализации своих целей может натолкнуться на требования, диктуемые культурной и социальной ролью. Направления са-

морerealizations личности могут быть обусловлены гендерной идентичностью – это осознание личностью себя как представителя определенного биологического пола, на основе усвоенных в процессе социализации норм и стереотипов поведения, принятых в конкретном социуме для мужчин и женщин³⁰².

В современном мире возникают новые модели поведения личности, которые не совпадают с традиционными представлениями о мужчине и женщине, расширяется ролевой репертуар и области самореализации личности. Общество от четких биполярных моделей взаимодействия переходит к использованию мультиполярной модели гендерной идентичности. В контексте теории мультиполярной гендерной идентичности считается, что результатом гендерной социализации личности становится не мужская или женская идентичность, а некоторый индивидуализированный вариант гендерной идентичности. Гендерная идентичность понимается не как биполярной (мужчина – женщина) конструкт, и даже не как андрогинной (маскулинность – андрогинность – фемининность)³⁰³, а как мультиполярный конструкт, имеющий множество вариантов характеристик. Гендерная идентичность – это результат взаимодействия организмических, социальных и психологических (личностных) факторов, при котором по мере конструирования гендерной идентичности усиливается регулирующая и смыслообразующая роль самой личности. В процессе реализации гендерной идентичности личность вырабатывает индивидуальные способы социокультурной презентации своих организмических свойств, опираясь на свои личностные смыслы³⁰⁴.

Проведенное нами в 2004 – 2011 гг. исследование самореализации ценностей и удовлетворенности жизнью у современных российских мужчин и женщин показывает, что традиционно приписываемые гендерные стереотипы в ориентации на ценности самореализации для мужчин – работа, а для женщин – семья формально сохраняются, но в зависимости от возраста содержательно изменились. Изучение содержания самореализации мужчин и женщин осуществлялось при

³⁰² Клецина И.С. Психология гендерных отношений. СПб., 2004.

³⁰³ Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенство полов. М., 2004.

³⁰⁴ Ожигова Л.Н. Психология гендерной идентичности личности. Краснодар, 2006.

помощи полуструктурированного интервью, методики «Ценностные ориентации» М.Рокича (модификация Е.Б. Фанталовой) и опросника личностной ориентации (ЛиО) модифицированный вариант опросника личностных ориентации Э. Шострома. Обследовано 180 мужчин и 190 женщин в возрасте 19 – 50 лет.

Выявлено, что и семья, и профессиональная деятельность выступают, в качестве важнейших ценностей (направлений) самореализации для всех обследуемых. Определены некоторые различия. Особое место (ценность) в самореализации мужчин занимает «достигнутый результат»: карьера, работа, профессионализм, социальный статус, где семья, дом и дети выступают как результат достижений. Мужчины стремятся совершать личностные «вклады в свое дело». В оценках своей эффективности ориентированы на собственное мнение, на самоудовлетворенность и на социальные эталоны успеха и высокого карьерного статуса. Для молодых юношей (19 – 25 лет) приоритетными являются: свобода, интересная работа, профессиональный рост, материальная обеспеченность, создание семьи. Для зрелых мужчин (26 – 35 лет) реализация связана с решением проблемы профессионального роста и статуса. Мужчины точно знают для чего им свобода—это «свобода для»: для реализации своих потребностей, целей, интересов. Невозможность реализовать свои карьерные и материальные амбиции вызывает понижение гендерной самооценки и т.н. кризис несостоявшейся маскулинности, «срыв сценария»³⁰⁵.

Молодые (19 – 25 лет) и более зрелые (26 – 35 лет) женщины стремятся реализовать себя, совершая личностные «вклады в других». Критериями самореализации для них являются: конкретное мнение, удовлетворенность других и социальные нормы морали. Особое место в самореализации женщины занимают «другие»: семья, родственники, друзья, коллеги и другие люди. Приоритеты в реализации для молодой девушки: свобода, интересная работы, материальная обеспеченность и создание семьи. Для зрелой женщины—это решение проблем здоровья, свобода, гармония с любимым человеком, материальная обеспеченность. Женщины стремятся к «свободе от»: от плохого самочувствия, материальной и психологической зависимости, бытовых семейных обязанностей,

³⁰⁵ Тартаковская И.Н. «Несостоявшаяся маскулинность» как тип поведения на рынке труда // Посиделки: Информационный листок. СПб., 2002. № 3 (71).

непонимания. Женщины в отличие от мужчин не ставят перед собой высоких карьерных целей, не недооценивают наличие верных друзей.

Итак, профессиональная и семейная сфера находятся в центре внимания личности мужчин и женщин. В юности девушки и юноши выбирают сходные направления самореализации: интересная работа, свобода, материальная независимость и создание семьи. Они менее удовлетворены и не чувствуют себя реализованными. У женщин не наблюдается гендерного ролевого конфликта – ориентация на высокие достижения в публичной и профессиональной сфере органично сочетаются с интересами в области создания семьи. Но с увеличением возраста наблюдаются различия: для мужчин актуально стремление повысить свой профессиональный рост и статус, а для женщины – улучшить здоровье, гармонизировать отношения с любимым человеком и приобрести свободу. Единственным общим переживанием для мужчин и женщин является стремление улучшить материальное состояние. В середине жизни (30 – 40 лет) у мужчин наблюдается снижение удовлетворенности жизнью, появляется ранее приписываемый женщинам гендерный ролевой конфликт – напряжение от сочетания профессиональных и семейных ролей, снижение самоактуализации.

Но к 45 – 50 годам у мужчин показатели по этим составляющим становятся такими же, как у молодых юношей. А у женщин наиболее удовлетворенными и реализованными являются женщины 30 – 40 лет, а неудовлетворенность жизнью, нереализованностью и гендерный конфликт появляется с возрастом к 45 – 50 годам.

Таким образом, самореализация личности в контексте теории мультиполярной гендерной идентичности личности определяется всем комплексом биосоциальных и индивидуальных характеристик личности, является результатом конкретной личной истории (вариантом гендерной идентичности, возрастом, профессиональной деятельностью). За выявленной гендерной и возрастной проблематикой находятся явления более емкого социокультурного характера. Возможно данные результаты – это тенденции только русской выборки гетеросексуальных мужчин и женщин; особенности самопрезентации личности как представителя определенного поколения; результат влияния социально-экономических или политических институциональных механизмов гендерной социализации и т.д. Данное исследование – это начальный этап более детального и широкого изучения самореализации личности в контексте гендерных исследований.

**«МЫ» И «ОНИ» В КРИМИНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ДЕТЕКТИВАХ
АЛЕКСАНДРЫ МАРИНИНОЙ**

Преступность и борьба с ней традиционно относились к сугубо «мужским» занятиям, что вполне соответствовало представлениям о роли женщины в обществе как дореволюционному, так и советскому. В постсоветской реальности ситуация изменилась: женская преступность становится важным криминогенным фактором, а женщины – успешными сыщицами, в этом нас – читателей и зрителей убеждают современная литература и кинематограф. Возникает ряд вопросов, которые не могут не волновать исследователей – историков, социологов, психологов: является ли подобная ситуация следствием запоздалой (но форсированной) гендерной революции; какова роль женщин в деструктивных процессах; наконец, замечают ли мужчины подобные инверсии ролей и смыслов?

Размышлять на эту тему проще всего опираясь на детективные произведения: за свойственной жанру сюжетной канвой здесь непременно проглядывают черты «документа эпохи». В данном случае речь пойдет о детективах А.Марининой³⁰⁶, которые можно признать «социальными романами», где особое внимание уделяется взаимоотношениям полов. Автор выходит за узкие рамки художественной формы и насыщает плоскую криминальную фабулу социокультурными коллизиями, отражающими качественно новые роли мужчин и женщин. Ее наблюдения интригуют читателя, озадачивают обществоведа.

Героини Марининой делятся на две категории: «новые» – реализующие себя и живущие для себя и «традиционные» – полностью зави-

³⁰⁶ Для анализа привлекались произведения А. Марининой, отражающие события 1990–х гг.: «Смерть и немного любви» (1995), «Шестерки умирают первыми» (1995), «Игра на чужом поле» (1999), «Стилист» (2000), «Когда боги смеются» (2001), «Убийца поневоле» (2003), «Закон трех отрицаний» (2004), «Воющие псы одиночества» (2004), «Не мешайте палачу» (2004), «Имя потерпевшего – Никто» (2004), «Соавторы» (2004).

симые от мужчины (мужа, отца, любовника). Среди первой категории выделяются те, кто воплощает творческое начало и своего рода демонический потенциал – мстительница, злоумышленница, убийца, т.е. в сущности, персонажи традиционалистской ментальности, агрессивно вписавшиеся в современность.

Идеальный тип женщины постсоветской эпохи воплощает главная героиня детективов Марининой – сыщица Анастасия Каменская. При этом она словно вызывающе состоит из недостатков: она ленива, по-своему капризна, не любит заниматься домашним хозяйством, не умеет готовить, постоянно курит, полагает, что женщине не обязательно рожать детей. Но зато она профессионально востребована, а по части логики затмевает мужчин, раскрывая «нераскрываемые» преступления. Она не любит ходить на работу, но работает как типичный трудоголик. Еще одна знаковая деталь: ее ценят коллеги и любит бесконечно преданный человек (позднее – муж), ученый с мировым именем. Представляется, что образ Каменской – попытка литературного преодоления комплекса социальной неполноценности интеллигентной женщины советских времен.

Антиподом Каменской в романах Марининой выступает внешне благополучная женщина–преступница, как правило, мстительница, которая действует с помощью (или посредством) других мужчин. Мечь фигурирует как расплата за невостребованность. Образы мстительниц многогранны³⁰⁷. Этот новый типаж преступника вытесняет старые собирательные образы: расхитителей соцсобственности, идейных врагов, маргиналов пьяниц–насильников. Женщина–преступница у Марининой «крупнее» – она организует изощренные, виртуозно спланированные преступления, что позволяет говорить о феномене женского протеста против миропорядка, устроенного мужчиной. Мечь выступает как родовая черта феминизма.

Не менее выразителен образ женщины традиционного типа: декоративно-биологическое существо, призванное прислуживать сильным, либо паразитировать в качестве содержанки (последние – представительницы новорусской формации). Для Марининой они малоинтересны. Она упорно отстаивает роль женщины–полноправного партнера мужчины.

³⁰⁷ Подробнее: Леонтьева Т.Г. Женский детектив и неувимые коллизии российского общества // Историк и художник. 2005. № 2. С. 103 – 104.

Мужские персонажи менее яркие, они четко делятся на «исчезающую породу» талантливых одиночек (муж Каменской, ее благородные начальники, брат-банкир) и умножающееся племя всевозможных подонков (ряды последних пополняются «новыми» преступниками с налетом интеллекта, «понятия» которых компенсируют недостатки или бездействие закона). Современная мужская преступность представлена Марининой во всем ее отвратительном своеобразии: это уже не советские «урки», зарабатывающие на жизнь «профессией», отмеченной только в Уголовном кодексе, и не бесшабашное хулиганье. В обновляющейся России в ряды преступников встанут бывшие рядовые граждане, решившие «выбиться в люди», ухватив свою долю ставшего бесхозным советского имущества. Возглавляют созданные на новой «регулярно-коммерческой» основе преступные группы (ОПГ) вполне уважаемые субъекты. С ними и борется Каменская.

«Остальные» заметно раздражают Маринину примитивностью организации, реакциями на трудности быта, нереализованными амбициями, «животностью» инстинктов. Такова новая парадигма расстановки полов и их взаимоотношений в оптике известной детективщицы. В ее изображении «проклятое» советское прошлое и «счастливое» демократическое будущее подобны двум мирам, пропасть между которыми никак нельзя перескочить одним махом, как пытались в свое время сделать «прорабы перестройки». Между прошлым и будущим лежит «пространство неопределенности», заполненное людским возбуждением, и пройти его Маринина пытается с помощью рассудка, точнее – логики, причем, пресловутой женской. По ее мнению, к середине 90-х годов XX столетия в России обособились не только миры преступников и добропорядочных граждан, но и стали «параллельными» мир мужчины и мир женщины. Если в советском прошлом их социальные роли определялись известного рода патерналистскими установками, то теперь положение изменилось: женщины способны сделать мир лучше, вытеснив мужчин с социально лидирующих позиций.

Основная мораль ее детективов: женщина способна и/или должна управлять мужчиной (?). Устами главной героини Маринина подсказывает читателям: мужчина обязан ценить и уважать женщину за ее нераскрытый маскулинный потенциал, женщина из сексуальной игрушки и перегруженной хозяйством домработницы-матери может и должна превратиться в равноправного партнера мужчины. Очевидно, что представление могло возникнуть только в обществе активных мутаций,

в обществе, которое постепенно лишается выраженного маскулинно-творческого начала.

Насколько осознанно и откровенно Маринина конструирует *такую* реальность, насколько иллюзорной считает она ее, сложно сказать. Но сам собой напрашивается еще один вывод: хаос создается Мужчиной, а преодолевается Женщиной. Для выполнения этой задачи Женщина берет на себя роли и мстителя и судьи, приговор которого выполняет Мужчина. Феминизм (по Марининой) не столько социальный императив, сколько временное средство преодоления общественных недугов.

Стоит ли соглашаться с идеями Марининой, с ее странноватым (почти мужским) оптимизмом? Есть в ее произведениях маленькая деталь: успехам героини непременно сопутствует «случай» или «стечение обстоятельств». Это не удивительно: человек, вышедший из советского прошлого долго будет надеяться на чудо. Но если Мужчина не способен сотворить его, Женщине остается рассчитывать на себя.

РАЗДЕЛ 21. КУЛЬТУРНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

А.Л. Лифшиц

Москва, НИУ «Высшая школа экономики»

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ – СУЛТАН НА ТРОНЕ: НЕИЗВЕСТНАЯ ПЬЕСА ОБ ОДНОМ РОМАНЕ ИМПЕРАТРИЦЫ

Отношения Екатерины Второй с фаворитами неоднократно становились объектом научной рефлексии, как и сам феномен царствования этой любвеобильной монархини. Неоднократно рассматривались свидетельства современников о событиях личной жизни императрицы. Уникальное отражение рефлексии современников по поводу отношений Екатерины с фаворитами представляет собой найденная нами рукописная пьеса, озаглавленная «Селима и Гассан, или Великодушие султана». Подзаголовок информирует читателя о том, что это «опера, сочиненная в Сибири уроженцем гор Алтайских».

По кодикологическим данным рукопись датируется последним десятилетием XVIII века, но, не позднее 1796 г. – года смерти императ-

рицы, о чем свидетельствует авторское посвящение пьесы Екатерине Алексеевне. Сюжет пьесы таков: обнаружив, что его любимая наложница Селима влюблена в купца Гассана, султан Солиман гневается, но, убедившись в исключительно платонических отношениях молодых людей, великодушно соединяет влюбленных, преодолевая собственную страсть к Селиме. Солиман – это, разумеется, мифологизированный европейской традицией Сулейман II Великолепный. Имя героини–Селима–традиционно мужское, которое в жестком варианте представлено в русской литературной традиции единственный раз в поэме М.М. Херасва «Селима и Селим», где оно, несомненно, мотивировано парным ему и привычным мужским именем.

Уже посвящение пьесы императрице позволяет предположить, что темой драматического сочинения стало неожиданное и болезненное для императрицы расставание с ее предпоследним фаворитом Александром Матвеевичем Дмитриевым–Мамоновым, которое произошло в 1789 г. Напомним: Мамонов признался императрице в любви к фрейлене Щербатовой, после чего императрица повелела обвенчать молодых людей и выслала их в Москву без права появляться в Петербурге.

Но интерпретировать сюжет как относящийся к расставанию Екатерины с Дмитриевым Мамоновым позволяет не только сходство конфликта. В многословном посвящении неизвестный автор пишет, обращаясь к императрице: «Здесь в виде Салимана искал я представить точное изображение твоих добродетелей». Это дает нам основание однозначно рассматривать найденное нами драматическое сочинение в качестве травестийного парафраза события интимной жизни императрицы. Отдельная интересная задача – выяснение того, кто мог быть автором пьесы, какова была ее прагматика. Нет сомнений, что пьеса – не памфлет. Посвящение написано с неподдельным верно-подданическим чувством, при этом автор позволяет себе некоторую вольность, касаясь скрытой от внешних глаз стороны жизни Екатерины. Есть основания полагать, что этот автор, скрывшийся за псевдонимом «Сибиряк», так подписано посвящение, таким образом мог обыгрывать выведенный императрицей в ее комедии «Шаман сибирской» образ Сибири как пространства, не охваченного Просвещением.

В комедии Екатерины «обманного» чудотворца привозят в столицу необразованные сибирские дворяне. Известно, что под именем шамана императрицей был выведен граф Калиостро, которого она отчетливо не любила и которого в Петербурге приютил известный масон Иван

Перфильевич Елагин. Литератор и в недавнем прошлом директор императорских театров Елагин с большим, чем кто-либо еще, правом мог аттестовать себя «сибиряком», поднося пьесу императрице.

Но ценность рассматриваемой пьесы состоит не только в том, что она позволяет увидеть практически неизвестные стороны жизни двора и взаимоотношения между императрицей и ее ближайшим окружением, к которому принадлежал не смотря ни на что тот же Иван Елагин. Уникальной оказывается сама идея травестийного переноса, при котором императрица изображена как монарх, при этом монарх восточный, в наивном представлении о Востоке – обладающий неограниченной властью над своими подданными. Фаворит же императрицы – завидное в глазах многих положение – оказывается представлен в виде наложницы, любимой – но одной из многих обитательниц сераля. Так, подчиняясь требованиям жанра – комической пьесы на восточный сюжет, – ее автор, сам того не желая, обнаружил самую сущность российской женской монархии.

Т.А. Егерева

Москва, Московский гос. университет путей сообщения

**ИДЕАЛЬНЫЙ ЖЕНСКИЙ ОБРАЗ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА
Н.М.КАРАМЗИНА «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ»**

В русской культуре традиционно высоким был авторитет Слова и его носителей – проповедников, поэтов и писателей, которые формулировали и транслировали в образованное российское общество нормы, смыслы и ценности, служившие своеобразной «сеткой координат» для выстраивания национальной, социокультурной, гендерной идентичности человека.

Одним из «властителей дум» русского общества начала XIX в. был Н.М.Карамзин, чей журнал «Вестник Европы» пользовался невероятной по меркам того времени популярностью – 1200 подписчиков – и включал в себя помимо сообщений о текущей политической жизни в Европе, новинках науки и философии, раздел «Литература и смесь», заметно отличавшийся по сентиментальному стилю изложения от остальных материалов журнала и состоявший, как правило, из переводных нравоучительных романов и повестей. С его помощью Карамзин стремился влиять на нравы и вкусы образованных женщин, проповедовал традиционные добродетели и модели поведения и высмеивал

пороки – погоню за роскошью, модами, рассеянную светскую жизнь³⁰⁸, причем делал это с изяществом и непринужденностью: «Венера секла Амура миртовой лозой. Эта аллегория есть наставление для Автора, который хочет исправить женские слабости»³⁰⁹.

Уже в первом номере «Вестника Европы» Карамзин обрисовал «портрет милой женщины» и обозначил те качества, которые его составляют. Главной женской добродетелью он вполне в традиционном духе считал скромность, которая является «всегда и везде первым женским достоинством»³¹⁰ и к тому же придает женщине особое очарование в глазах мужчины – «нежную таинственность сердечной кротости, эту пленительную, трогательную стыдливость...». На втором месте после скромности стояла религиозность, причем Карамзин сделал характерную ремарку в «духе времени», что набожность должна быть «без суеверия»³¹¹.

Среди качеств «милой женщины» Карамзин называл также «любезность», «нежность» и «чувствительность»³¹², которые ранее не входили в традиционный набор женских добродетелей и обязаны своим появлением культуре сентиментализма. Новым элементом в перечне женских достоинств стала и образованность. При этом, чтобы быть положительным качеством для женщины, образованность должна оставаться в умеренных пределах, необходимых для возможности поддержать в свете и в домашнем кругу разговор о литературных новинках, нравственно воспитать детей, и не должна превращаться в ученость, которая не к лицу любезной женщине: «Кто захочет вообразить Граций с пером в руке, закапанных чернилами и погруженных ночью в авторское глубокомыслие? Розовая гирлянда украшает женщину; лавровый венок делает ее старше»³¹³. Карамзин на страницах своего журнала недвусмысленно заявлял, что наука, философия, профессиональная литература являются «мужской» сферой деятельно-

³⁰⁸ Семь женщин, аллегорическая сказка // Вестник Европы, 1802. №4; Дневные записки молодой женщины // ВЕ, 1802. № 24.

³⁰⁹ Женские парики // ВЕ. 1802. № 1. С. 40.

³¹⁰ О легкой одежде модных красавиц девятого–надесять века // ВЕ, 1802. № 7. С. 250.

³¹¹ Портрет милой женщины // ВЕ, 1802. № 1. С. 57.

³¹² Вольнодумство и набожность // ВЕ, 1802. № 11.

³¹³ Женщина–автор // ВЕ, 1802. № 21. С. 15, 253.

сти, проникновение в которую женщины вызовет неприятие в обществе подобной дерзости с ее стороны и отпор со стороны мужчин: «они никогда не сравниют с собою Автора-женщины: при нашем [т.е. женском] недостаточном воспитании такое равенство сделалось бы уже превосходством». Женщины, осмелившиеся заниматься не только литературой, но и наукой, как, например, подруга Вольтера маркиза дю Шатле, получали в «Вестнике Европы» отрицательную характеристику: «Не имея от природы ни талантов, ни вкуса <...> она сделалась Геометром, чтобы выйти из круга обыкновенных женщин, странность помогла ей возвыситься»³¹⁴.

Не только проникновение женщин в «мужскую» сферу деятельности, но и обладание ими считавшимися маскулинными чертами характера-твердостью, силой воли и владением философией – расценивалось в журнале с иронией³¹⁵. Даже гордость «извинительна» в мужчинах, а в женщинах «несосна». Главная мысль, пронизывающая все нравоучительные повести в «Вестнике Европы», заключалась в прославлении женщины, посвятившей себя семье: «домашняя жизнь <...> есть, по закону Природы, святилище ее достоинств»³¹⁶. Как утверждала одна благоразумная героиня, женщины созданы для того, чтобы служить «утешением» и «наградой» для мужчин, занятых такими важными делами, как война и политика, а потому «истинная героиня есть добродетельная мать и супруга!».

В рассуждениях о браке на страницах «Вестника Европы» интересно сочетание традиционных и новых, современных, взглядов на него. Так, вполне традиционно звучит мысль о том, что «в супружестве пламенная любовь не есть необходимость...»³¹⁷, что для него «надобно выбирать того, чья любовь сходнее с кроткою и милою дружбою»³¹⁸, что «благоразумный человек должен с расчетом жениться для благо-

³¹⁴ Маркиза де Шатле // ВЕ, 1802. № 7. С.243.

³¹⁵ Линдана и Вальмир // ВЕ, 1802. № 16. С. 267.

³¹⁶ О легкой одежде модных красавиц девятого – надешать века // ВЕ, 1802. № 7. С. 250.

³¹⁷ Женщина-автор // ВЕ, 1802. № 21. С. 25.

³¹⁸ Линдана и Вальмир // ВЕ, 1802. № 17. С. 27.

получия»³¹⁹. Но при этом расчет должен производиться не из материальных соображений, которые кощунственны в браке («мы не покупаем, а любим друг друга»³²⁰, – заявляют герои одной из повестей), а исключительно из душевных качеств будущих супругов. Идеальный брак исключает ревность, которая «граничит с завистью и происходит более от гордости, нежели от нежного чувства»³²¹ и мыслится как «дружба» супругов, основанная на «совершенной доверенности» их друг к другу и скрепленная «сходством нравов, чувствительности и характера»³²². Таким образом, на страницах журнала «Вестник Европы» Н.М.Карамзина выстраивался определенный образ «милой женщины»–дворянки, соединявший в себе как традиционные женские добродетели, так и некоторые новые качества – образованность, любезность, чувствительность, наличие хорошего вкуса. Несмотря на эти новые веяния, неизменным оставался традиционный взгляд на предназначение женщины – быть женой и матерью, закреплявший за ней исключительно приватную сферу существования.

Е. Н. Строганова

Тверь, Тверской государственный университет

О ДВУХ ВЕКТОРАХ РАЗВИТИЯ ЖЕНСКОГО ПИСАТЕЛЬСТВА В РОССИИ XIX В.

В андроцентристской критике XIX в. женское письмо осознавалось как недостаточное, в своем роде ущербное. Такое утверждение маскулинных образцов вызвало в 1840–х гг. резкий протест со стороны А. В. Зражевской, автора памфлетного очерка «Зверинец», которая стремилась опровергнуть мнение о творческом бесплодии женщин. Писательница аргументировала ложность подобного взгляда, апеллируя к именам талантливых современниц – О. П. Шишкиной, Е. А. Ган, М. С. Жуковой, Е. П. Ростопчиной, К. К. Павловой и выстраивая своеобразную феминную линию в литературе.

³¹⁹ Необходимость знать первые арифметические правила до женитьбы // ВЕ, 1802. № 22. С. 89.

³²⁰ Свадебный контракт // ВЕ, 1802. № 3. С. 20.

³²¹ О ревности // ВЕ, 1802. № 19. С. 202.

³²² О славном Гальвани // ВЕ, 1802. № 3. С. 42.

Середина XIX в., эпоха социально-экономического и идейного перелома, в значительной степени обусловила предпосылки для усиления маскулиных ориентиров в развитии женского творчества. Даже такая признанная писательница, как Н. Д. Хвоцинская, в своей авторской самоидентификации пользовалась формулой самоумаления: «Стакан мой мал, но я пью из своего стакана», которую можно рассматривать как форму сознательного самоограничения. Женщины-литераторы отказывались от утверждения значимости женского творчества, тем самым лишая себя той «энергии заблуждения», которая творит великое. Вместе с тем следует заметить, что декларативная маскулинность была свойственна не всем писательницам середины XIX в. Так, Ростопчина, в отличие от многих современниц, утверждала женские ценности как общечеловеческие и ярко полемизировала с критиками, отвечая на их резкие выпады. Утверждая женское не как второсортное и ущербное, но как полноправное и позитивное, она, хотя и очень далекая от эмансипационных настроений, продолжила феминную линию в литературе, намеченную Зражевской.

В конце XIX в. равнение на маскулинные образцы взрывным образом породило ситуацию, буквально возвращающую нас к очерку Зражевской. В 1891 г. в ответ на статью критика М. А. Протопопова «Женское творчество» появилась статья «Вопреки обычаю» О. А. Шапир, одной из писательниц, о творчестве которых рассуждал критик³²³. Шапир возмутилась тем, что к женским текстам (в обывательском сознании – «дамским писаниям») применяются мужские мерки и женское творчество оценивается «единственно по тому, насколько оно приближается к мужскому». Она опровергла тактику своего оппонента – стремление судить писательниц, «не изучая, не дав себе труда прислушаться к их собственному голосу, не поняв их авторских целей». Подобно Хвоцинской и М. К. Цебриковой, она была готова признать, что жизненная сфера, изображаемая многими писательницами, узка и ограничена, но, в отличие от своих старших современниц, защищала женских авторов от предьявляемых им упреков. В отличие от своих

³²³ Протопопов М. Женское творчество // Русская мысль. 1891. Кн. 1; Он же. Женское творчество. Статья вторая. Кохановская и Хвоцинская-Зайончковская // Русская мысль. 1891. Кн. 2; Он же. Женское творчество // Русская мысль. 1891. Кн. 4.

андроцентристки ориентированных предшественниц, Шапир решала проблему с феминистских позиций, полагая идейное и эстетическое значение женского творчества в том, что оно *женское*, то есть выражающее особый взгляд на жизнь, особое миропонимание, и потому является новым словом.

Н. И. Павлова,

Тверь, Тверской государственный технический университет

**ФОРМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЖЕНСКОЙ АВТОРСКОЙ
СУБЪЕКТИВНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЬНИЦ XIX В.
(ПИСАТЕЛЬСКАЯ ДРАМА Е.П. РОСТОПЧИНОЙ)**

Изучение истории женской литературы всегда подразумевает вопрос о конфликтности женского писательского сознания в прошлые исторические эпохи. Как в западных, так и в отечественных трудах по истории женской литературы, последовательно показано, как действие гендерных стереотипов, поддерживаемое на разных этапах рецепцией и оценкой женских литературных текстов, формировало конфликт «двойственности» женского писательского сознания, когда женский субъект «существует в тексте под обстоятельствами чужой коммуникации, потому что текст есть место ее диалога с традицией, которую она молчаливо намеревается опровергнуть»³²⁴.

Теория «двойственности» («double-voiced discourse») (Э. Шоуолтер³²⁵) или «косящего взгляда» (З. Вайгель)³²⁶ предлагают инструмен-

³²⁴ Lionnet Françoise. *Autobiographical Voices: Race, Gender, Self-Portraiture*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1989. P. 93 (Цит. по: Савкина Ирина. «Пишу себя...». Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. University of Tampere, 2001. С. 199). Финская исследовательница Арья Розенхольм говорит о том, что «текстуальное «Я», как женское «Я» <...> зависит от влияния «чужой» речи, от мнения этих многих. И ей приходится приспосабливаться к ожиданию женственности» (Розенхольм Арья. Рассказчица-писательница в противоречиях или взгляд Кассандры // Русские писательницы и литературный процесс в конце XVIII – первой трети XX вв. / Сост. М.Ш. Файнштейн. Wilhelmshorst, 1995. С. 221).

³²⁵ Showalter Elaine. *Feminist Criticism in the Wilderness // Critical Inquiry*. 1981. V. 8. P. 179 – 205.

тарий к прочтению женских текстов и обнаружению локуса, в котором запрещенное и маргинализованное патриархатной культурой «женское» Я находило выход и подспудно реализовывало себя. Выработанные феминистской критикой деконструктивные технологии прочтения женских текстов позволяют увидеть в них процесс конституирования женского субъекта в письме, сопротивляющемся властным патриархатным структурам.

Известно, что понятие «женское письмо», или *l'écriture féminine*, манифестированное французскими феминистками, подчеркнуто дискуссионно по отношению к прошлым историческим эпохам в развитии женского авторства. Концепцию женского письма сами ее теоретики относят скорее к будущему, нежели к настоящему и тем более к прошлому. Так, Э. Сиксу говорит о том, что подавляющее большинство женских авторов XIX в. пишет по «мужским образцам», создавая произведения, не отличающиеся от мужского письма, «затемняющего природу женщин»³²⁷. Схожее мнение мы наблюдаем и в работах Л. Иригарей: ее призыв к женщинам «писать себя» обращен в будущее и понимается как практика предстоящая, нежели уже наступившая.

Тем не менее, изучение творчества женщин-авторов прошлого не только убеждает в значимости для них проблемы творческого самоопределения, но и указывает на грани осмысления женского писательства, отсылающих к концепту «женского письма». В своей статье я обращаюсь к творчеству Е.П. Ростопчиной (1811 – 1858) – «некогда славной, ныне забытой» поэтессы, писательницы, драматурга, хозяйки литературного салона, литературная судьба которой – один из ярких и показательных примеров трагической участи женского дарования в России. Феномен Ростопчиной, испытавшей головокружительный успех и «мертвенное забвение», заключается в процессе прижизненной маргинализации писательницы, что определило во многом характер ее творчества в поздний период, которое раскрывает свой феминистский потенциал и принимает форму «женского вызова», брошенного «мужскому» миру литературы.

³²⁶Weigel Sigrid. Die Stimme der Medusa. Schreibweisen in der Gegenwartsliteratur von Frauen. Dülmen – Hiddingsel, 1987.

³²⁷ Сиксу Элен. Хохот Медузы // Гендерные исследования. 1999. № 3. С. 71.

«Переломный» этап литературной деятельности Ростопчиной связан с актуализацией темы женского писательства в ее творчестве конца 1840–начала 1850–х гг. (в романе «Неизвестный роман», 1848; романе в стихах «Дневник девушки», 1850 и др.). Анализ текстов, созданных в этот период, выявляет множественную, противоречивую инстанцию женского пишущего субъекта, испытывающего невозможность самовыражения. Нарративные стратегии, используемые писательницей порождают своего рода метатекст, смысловым ядром которого становится репрессирование женской субъективности внутри патриархального символического порядка. Взаимодействие идеологического и более глубинного нарративного уровня выявляет сопротивительную стратегию письма женщины–автора, пытающуюся самим актом рассказывания опровергнуть, расшатать и дезавуировать патриархальные нормы женственности, фиксируя невозможность осуществления женского субъекта внутри фаллоцентристского дикурса.

Т.В. Сварчевская

Тверь, Тверской государственный технический университет
**ГЕНДЕРНЫЕ МЕТАФОРЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
ЖЕНЩИНА КАК СИМВОЛ ПРОВИНЦИИ**

К концу 1830–х гг. в русской культуре сложился целый ряд стереотипов истолкования полоролевых различий, касающихся жизненной сферы мужчин и женщин, круга их занятий и интересов. Одним из таких стереотипов было представление о жизненном предназначении женщины (см., например, суждение В.Г. Белинского: спутница, утешительница, ангел–хранитель мужчины во всех его начинаниях, вдохновительница мужского гения на творческие открытия³²⁸. В 1847 Н.А. Некрасов, рассуждая о возможностях женской реализации, писал: «... у мужчины много интересов, дающих колорит и направление всей его жизни: война, политика, искусство, наука, торговля и пр. <...> Но у женщины только один интерес в жизни – любовь, и ему подчинено все остальное. <...> С любви начинается развитие мужчины, любовью

³²⁸ Белинский В.Г. Жертва, Литературный эскиз. Сочинение г–жи Монборн // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 1. С. 221 – 228.

кончается оно в женщине»³²⁹. Подобные установки можно рассматривать как проявление гендерного неравенства в культуре, исключавшей женщину из общественной и культурной жизни, что объясняет феномен сближения понятий «женское» и «провинциальное» как обозначений маргинального, исключенного, второсортного.

В литературе 1830–1840-х гг. провинция представлена как женское пространство, замкнутое и ограниченное приватной сферой. Само устройство провинциальной жизни, далекой от тщеславных побуждений, погруженной в быт и лишенной общественного содержания, способствовало культивированию тех свойств, которые литература традиционно идеализировала в женщине: несуетность, сосредоточенность на домашних заботах, готовность к самоотречению ради близких³³⁰. В текстах мужских авторов провинция – «исключительно женственная стихия, склонная очаровываться и отдаваться»³³¹. Таким образом, провинция осмыслялась как идеальное пространство для формирования женских добродетелей, олицетворением которых являлся образ героини–провинциалки.

Широко распространенный в русской литературе XIX в. тип уездной барышни восходит к творчеству Пушкина, который создал в образе Татьяны женский идеал, служивший эстетическим ориентиром для большинства авторов. В мужских текстах такая героиня представлена как спящая красавица, ожидающая пробуждения, и ее главным положительным качеством является готовность, даже устремленность к любви³³². Это проявилось в произведениях, сюжетную основу которых составляет история любви столичного героя, выступающего в амбивалентной роли освободителя / искусителя, и провинциалки, персонифицирующей представления о «пробуждении» женственности.

³²⁹ Путевые заметки. Соч. Т. 4. [Н.А. Некрасов] // Современник. 1847. № 8. С. 101.

³³⁰ Строганова Е.Н. Провинциалы и провинциалки в русской литературе XIX века // «Во глубине России...»: Статьи и материалы о русской провинции: XIX Фетовские чтения / Под ред. Н.З. Коковиной, М.В. Строганова, А.Ф. Белоусова. Курск, 2005. С. 46.

³³¹ Зингерман Б. Образ русской провинции в творчестве Гоголя // Мир русской провинции и провинциальная культура. СПб., 1997. С. 6 – 35.

³³² Строганова Е.Н. Провинциалы и провинциалки. С. 40 – 44.

Вместе с тем уже начиная с 1840-х гг. в произведениях женских авторов намечается тенденция к переосмыслению сложившегося стереотипа. В 1847 Н.И. Билевич, одним из первых попытавшийся оценить вклад писательниц в развитие литературы, писал: «Если русская женщина долго прислушивалась к литературе пушкинского периода – она, кажется, не только многое переняла, но многое, может быть, и пересоздала по-своему»³³³. Произведения писательниц 1840 – 1850-х Н.А. Дуровой, М.С. Жуковой, А.Я. Панаевой вносят коррективы в изображение провинции и закладывают основы нового типа героини, чьи жизненные интересы не исчерпываются исключительно любовными устремлениями³³⁴. Вектор развития самодостаточной героини задает М.С. Жукова в повести «Самоотвержение» (Сын отечества. 1839. Т. 8), в которой провинция осмысливается как идеальная среда для формирования героини, способной без мужской протекции найти свою дорогу в жизни. Протагонистка Жуковой, разочаровавшись в любви, отказывается от традиционных моделей женского поведения и выбирает путь самостоятельной деятельности³³⁵. Подобную тенденцию мы видим и у А.Я. Марченко, которая впервые в русской литературе выводит на авансцену гувернантку³³⁶, персонаж заведомо периферийный, но осмысляет его как тип женщины неординарной, внутренне независимой, для которой деятельность является способом независимого существования. Поиски новых адекватных для женщины форм самоосуществления видим в ряде других произведений (М.С. Жукова. «Наденька», 1853. А.Я. Марченко. «Дина», 1953. А.Я. Панаева. «Степная барышня», 1855. Марко Вовчок (М.А. Вилинская). «Живая душа», 1861).

Художественный интерес к проблеме социальной реализации героини актуализировался жизненным опытом самих писательниц, в большинстве своем провинциалок. Одним из сюжетных ходов, используемых писательницами 1830–1860-х гг. (Е.А. Ган, М.С. Жуковой, А.Я. Марченко, Н.Д. Хвоцинской), является приезд провинциалки в Петер-

³³³ Билевич Н. Русские писательницы XIX в. // Московский городской листок. 1847. № 169. С. 677.

³³⁴ Строганова Е.Н. Провинциалы и провинциалки. С. 44–47.

³³⁵ Савкина И. Провинциалки русской литературы: Женская проза 30–40-х гг. XIX в. Wilhelmshorst, Verlag F.K. Göpfert, 1998

³³⁶ Гувернантка Т.Ч. /А.Я. Марченко // Т.Ч. Путевые заметки. Вып. 1. Одесса, 1847

бург – гендерно модифицированный вариант известной литературной коллизии – приезда провинциала в Петербург³³⁷. В известных произведениях 1840–х гг. («Обыкновенная история» И.А. Гончарова, «Кто виноват?» А.И. Герцена, «Запутанное дело» М.Е. Салтыкова-Щедрина), эта ситуация трактуется как поворотный момент в судьбе персонажа³³⁸. В этих произведениях Петербург представлен как исключительно мужское пространство – город больших возможностей, с которым герой связывает свои ожидания и амбиции, надежды на успешную реализацию. У женских же авторов «столичное» предстает как другое, чужое, в отличие от провинции, которая показана как свое, приватное, родное пространство. В повести Марченко «Умная женщина» (1853) стереотипность трактовки провинции и столицы как гендерно трактующих миров маркируется сопоставлением мужского контролирующего взгляда и зависимого женского состояния: небо Петербурга, которое напоминает «нахмуренные брови сердитого и огорченного старика», противопоставлено небу Одессы – «печальному и покорному лицу кроткой женщины»³³⁹. Подобные тенденции наблюдаем и в женской мемуаристике, например в «Воспоминаниях» С.В. Капнист-Скалон (1859), для которой провинция – это свое, свободное пространство, в отличие от «мужского» Петербурга, официального и чуждого³⁴⁰. Таким образом, в женской прозе женщина также показана как символ провинции, однако, в отличие от мужских текстов, основной характеристикой провинции является ее самодостаточность, символизируемая образом независимой героини.

Проблема женской реализации актуализируется в творчестве писательниц второй половины XIX в. – С.В. Ковалевской, С.И. Смирновой, О.А. Шапир, Л.И. Веселитской-Микулич, Е.П. Летковой, М.В. Крестовской, А.Р. Крандиевской, А.Н. Вербицкой, что было связано с рас-

³³⁷ Строганова Е.Н. Провинциалы и провинциалки. С. 39.

³³⁸ Фохт У., Долотова Л., Незвезцкий В. Расцвет критического реализма. 40–70-е гг. // Развитие реализма в русской литературе: В 3 т. / Отв. ред. К.Н. Ломунов. М., 1973. Т. 2. Кн. 1. С. 254–291.

³³⁹ Т.Ч. Умная женщина / А.Я. Марченко // Библиотека для чтения. 1853. Т. СХХІІ. С. 72

³⁴⁰ Савкина И. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М., 2007. С. 231.

пространением феминистских идей и появлением в жизни и литературе типа «новой» героини, женщины-созидательницы своей судьбы, полноправной участницы общественной и культурной жизни. В 1860–1870-х гг. отмечается массовый «исход» женщин из провинции в столицу и активное вовлечение женщин в сферу публичной деятельности. Этим объясняется, что образ провинциалки становится менее интересным для писательниц, обращенных к типу «новой женщины», с активной социальной и политической позицией³⁴¹. В мужской литературе интерес к образу героини как символу провинции также угасает, но вполне определенно говорить об этом сложно.

Таким образом, динамика тем, сюжетов, образов русской литературы XIX в. позволяет говорить об эволюции отношения к идеальной героине как символу провинции: от устойчивого интереса к образу провинциалки в 1830 – 1850-х гг. до полной утраты внимания к такому персонажу, как недостаточно репрезентативному для второй половины XIX в.

А.А. Ляпина

Москва, Московский гос. университет им. М.В. Ломоносова

ОЦЕНКИ РОМАНА КАРИН МИХАЭЛИС «ОПАСНЫЙ ВОЗРАСТ» В РОССИИ: «КЛЕВЕТА» ИЛИ МАНИФЕСТ ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ?

Публикация романа датской писательницы начала XX века Карин Михаэлис «Опасный возраст» (1911) проходила в скандальной атмосфере: в самой Дании женщины, состоявшие в Датском обществе женского равноправия, устроили импровизированную демонстрацию, протестуя против выхода этого издания в свет. Во многих европейских странах решение о печати этого романа принималось не сразу. Естественно, произведение с подобной интригующей репутацией было решено переводить и издавать в России незамедлительно после шумного выхода романа на родине.

В романе не предлагается решения политических проблем, в нем нет лозунгов или призывов, в произведении описываются жизнь и душевные переживания главной героини, перешагнувшей 40-летний

³⁴¹ См., например: Олехова И. Эволюция «новой героини» в творчестве Ольги Шапир // Женский вызов: русские писательницы XIX – нач. XX в. / Под ред. Е. Строгановой и Э. Шоре. Тверь, 2006. С. 238 – 249

рубеж и осознавшей свое неизбежное старение. Однако женщина не считает себя лишенной права на счастье и в погоне за радостными мгновениями бросает вызов сложившимся устоям. Частная жизнь, описанная в романе, вызвала столь сильный общественный резонанс из-за глубокого психологического анализа, предпринятого датской писательницей в произведении. Все переживания героини, ее ассоциативное мышление, тайные помыслы открываются перед читателями романа. Именно «разоблачение» женской души стало причиной негодования многих женщин по всей Европе. В связи с этим особенно интересным представляется изучение реакции русских читателей на роман «Опасный возраст» К.Михаэлис, так как, с одной стороны, российские критики достаточно часто копировали идеи из рецензий западных коллег, однако, с другой стороны, высказывали собственное мнение, нередко противоположное мнению рецензий из Европы.

Немецкие критики, достаточно известные в России, приняли роман К.Михаэлис в штыки, например, Рудольф Лотар писал, что «книгу нельзя читать без жуткого чувства»³⁴². Поэтому закономерной представляется отрицательная реакция на это произведение русских читателей и критиков. Действительно, во многих отзывах можно встретить мнения, что эта книга – «клевета» на женщину, что только «извращенная» женщина может поступать так, как это делает героиня К.Михаэлис. Особый интерес для оценки мнений о произведении обычных женщин, не занимающихся профессионально литературной деятельностью, представляют ответы на анкету, составленную редакцией журнала «Огонек» (где впервые был опубликован роман), в которой женщины свободно и анонимно могли высказать свое мнение о прочитанном. Так, большинство читательниц негодует: «Роман Михаэлис есть сплошная клевета на женщину»³⁴³, «Какого-то маниака автор выдает за основной тип женщины!». Однако среди множества разгромных оценок появляются замечания, что автор, безусловно, талантлива, однако описанная ею героиня не должна восприниматься как обобщение характера всех женщин.

³⁴² «Опасный возраст» К.Михаэлис // Сборник «Фиорды». Датские, норвежские, шведские писатели. Сб. 7. Опасный возраст. СПб., 1909.

³⁴³ Анкета среди читательниц «Огонька» // Михаэлис К. Опасный возраст женщины. М., 1911. С.190, 191.

Интересно, что по той же схеме (отрицательная реакция на идеи романа и признание таланта автора) строится большинство статей о романе «Опасный возраст» того времени в России. Например, предисловие Ф.Мускатблита вместо помощи читателям в анализе произведения, напротив, запутывает их. Статья начинается с восхваления писательницы («бесспорно выдающаяся датская писательница»³⁴⁴), однако позже рецензент спорит с ней, что не все женщины одинаковы, есть и «вдохновительницы-сотрудницы мужчины в конце дает едкие характеристики героиням («пышные, но взошедшие на гнилой почве и ядовитые грибы»).

Единственным критиком, который без всяких оговорок положительно оценил произведение датской писательницы, стал В.Серов, который в предисловии к мужскому литературному ответу на роман «Опасный возраст» писал: «И если только это правда, что в своей книге Карин Михаэлис «срывает маску», то о остается только приветствовать её»³⁴⁵, не видя в книге писательницы ничего зловердного.

Среди неожиданных мнений о романе следует отметить высказывания анонимных женщин при ответе на вопросы анкеты «Огонька». Видимо, эти читательницы были активными участницами женского движения и оценивали это произведение по-своему. Так, в анкете есть высказывание: «Дайте женщине права, и всякие опасности отпадут сами»³⁴⁶, которое переводит рассуждение о романе на иную, политическую плоскость.

Также следует отметить, что роман Карин Михаэлис подчеркнуто физиологично описывает переживания женщины, что и было целью автора: «Тут непременно роль играют физиологические свойства организма, и это нужно показать»³⁴⁷. Для читательниц, выписывавших в то время журналы только для женщин («Женский вестник», «Жен-

³⁴⁴ Мускатблит Ф. Предисловие // Карин Михаэлис. Собр. Соч. Т.1. Опасный возраст. Пер. с датского и предисловие Ф. Мускатблита. М., 1911. С. 1.

³⁴⁵ Серов В. Предисловие // Эдмунд Эдель. Опасный возраст. Мужчина в 50 лет. Ответ на книгу Карин Михаэлис «Женщина в опасном возрасте». Киев-Петербург-Одесса, 1912. С. XIV.

³⁴⁶ Анкета среди читательниц «Огонька» // Михаэлис К. Опасный возраст женщины. М., 1911. С. 192.

³⁴⁷ N. Карин Михаэлис о своем романе // Михаэлис К. Опасный возраст женщины. М., 1911. С.166.

ское дело», «Союз женщин» и др.), содержавших конкретные указания по гигиене, домоводству, отношениям с мужчинами, подобное произведение должно было оказаться чрезвычайно близким по духу, так как могло выступать как пособие, по которому можно было учиться на чужих ошибках. Поэтому неслучайной кажется фраза в послесловии к роману: «Современная гигиена рекомендует женщинам, достигшим «опасного возраста» целый ряд правил ... к умеренности в пище, к ваннам и правильному образу жизни».

Таким образом, роман К.Михаэлис «Опасный возраст» всколыхнул российское общественное мнение так же, как это произошло и в Европе. Произведение подверглось критике как с точки зрения правдоподобия (таких типов женщин не бывает, это клевета), так и с точки зрения идей (поведение героини может развратить девушек, так вести себя нельзя). Сторонницы женского движения добавляли новые смыслы в понимание романа: у героини не было прав и свобод – в этом причина ее конфликта с миром.

В 1911 году (год первой публикации романа «Опасный возраст») вышло пять переизданий романа, последующие книги К.Михаэлис были встречены с большим интересом, поэтому можно сделать вывод о том, что, несмотря на некоторые негативные оценки отдельных частей произведения, его публикация в России была успешной, а российское общество, в том числе и женское движение, обогатилось новыми мыслями и подходами к изучению женской психологии, а само произведение стало новым этапом в понимании женского характера и мировосприятия.

А.А. Левандовский

Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

ЖЕНЩИНЫ АЛЕКСАНДРА ГРИНА (ЛЮБОВЬ И СВОБОДА КАК ТВОРЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ В ЖИЗНИ ПИСАТЕЛЯ)

Александр Грин представляется мне уникальным писателем. Его творчество занимает совершенно особое место в русской – советской литературе начала XX века. В то время как литература этого времени насквозь пронизана общественной тенденцией – или теснейшим образом связанной с ней своего рода «зеркальной», антиобщественной модернистской тенденцией – Грин, как писатель, пребывает вне этого поля. Отдав в начале своего творческого пути дань традиционному для литературы реалистического направления обличению «свинцовых

мерзостей русской жизни», мещанской бездуховности и т.п., Грин очень скоро и навсегда занимает совершенно особую позицию: он полностью посвящает себя одной теме, как для русской, так и для советской литературы совершенно нехарактерной – поиском личного счастья³⁴⁸. И фантастический Зурбаган, как мне представляется, создается именно под эту тему, поскольку русская жизнь в целом на подобные поиски не вдохновляла.

При этом – важнейшая черта – избрав подобный путь Грин согласен идти *только* по нему. В верности избранной темы для него собственно и заключается свобода творчества, вне которой Грин себя как писатель не мыслит. «Мне трудно. Нехотя, против воли, признают меня российские журналы и критики; чужд я им, странен и непривычен. От этого, т. е. от постоянной борьбы и усталости, бывает, что я пью и пью зверски. Но так как для меня перед лицом искусства нет ничего большего (в литературе), чем оно, то я и не думаю уступать требованиям тенденциозным, жестким более, чем средневековая инквизиция. Иначе нет смысла заниматься любимым делом»³⁴⁹.

Столь же четко Грин определяет для себя, что собственно он подразумевает под личным счастьем. В одно из своих программных, на мой взгляд, рассказов «Человек человеку» он пишет о единственной возможности противостоять «злой воле» окружающего мира – за исключением таких радикальных поступков, как уход в монастырь или побег на необитаемый остров.

«Человеку нужно знать <...>, что он никому не нужен, кроме любимой женщины и верного друга. Возьмите то и другое. Лучше собаки друга Вы не найдете. Женщины – лучше любимой женщины Вы не найдете никого. И вот, все трое – одно. Подумайте, что из всех блаженств мира можно взять так много и вместе с тем так мало – в глазах других. Оставьте других в покое...»³⁵⁰.

Важно отметить, что подобный подход – женская любовь как единственная гарантия настоящего счастья характерна не только для героев Грина, но и для самого автора. В суровой российской повседневности

³⁴⁸ См. об этом подробнее: Андрей Левандовский. Как попасть в Зурбаган, или Побег с вертикали// Левандовский А.А. Побег с вертикали. Псков, 2005.

³⁴⁹ Воспоминания об Александре Грине. Л., 1972. С. 485–486.

³⁵⁰ Грин А.С. Собрание сочинений. Т.2. М., 1965. С.417

сти он искал то же, что и его герои в фантастическом Зурбагане. Эта удивительная цельность Грина приводит к тому, что рассказ о его личной жизни неизбежно сливается с анализом его творчества. Пути Грина к личному счастью и предельно яркому творческому самовыражению практически совпадают.

Путь этот был тернистым, хотя бы потому, что свободы, вне которой Грин не мыслил творчество и любовь, которая всегда предполагает определенные обязательства, трудно совместимы. Основные вехи на том пути условно могут быть обозначены следующим образом:

1. Любовь и идеология. Любовь к Екатерине Бибергаль, убежденной эсерке, оставившей заметный след в революционном движении начала XX века, была серьезнейшим испытанием для молодого Грина, который и к эсерам-то попал, как мне представляется, по случаю. В эсерах, в частности, и в революционной борьбе. В целом, он быстро разочаровался, но Катю полюбил от всей души, со свойственной ему страстностью. Он же ее заинтересовал, как выяснилось, прежде всего в качестве «талантливого пропагандиста»... Кончилось все трагически: во время решающего объяснения Катя откровенно заявила, что человек, отказывающийся от революционной борьбы для нее перестаёт существовать. Грин стрелял в Катю из револьвера, легко ранил; на этом их отношения прекратились.

В творчестве Грина образ Кати, так или иначе, воссоздается в целом ряде рассказов, связанных с пребыванием писателя в подполье. Особенно значительна и хороша в этом отношении героиня «Маленького комитета».

2. Любовь и семейный порядок. Вскоре после трагического разрыва с Катей Бибергаль судьба посылает Грину своего рода компенсацию. Во время заключения писателя в одной из петербургских тюрем, к нему в качестве тюремной жены на свидание приходит Вера Павловна Абрамова. В этом случае любовь носила взаимный характер. Для того, чтобы быть рядом с любимой, Грин бежит из ссылки; Вера Павловна, девушка строгого воспитания и из богатой семьи, к ужасу своего отца соглашается на отношения, которые тогда назывались «гражданским браком». Через несколько лет, обвенчавшись с Грином, Вера Павловна следует за ним в новую ссылку. На протяжении нескольких лет Вера Павловна будучи по натуре человеком чрезвычайно ответственным и упорядоченным, всеми силами пыталась создать с Грином «приличную интеллигентную семью», что оказалось

совершенно невозможно... в конце концов, супругам пришлось расстаться, причем они сохранили дружеские отношения на всю оставшуюся жизнь.

В творчестве Грина общение с Верой Павловной отразилось весьма заметно. Центральным в отношении можно считать очаровательный образ Гели – в рассказе «Сто верст по реке», Грин вообще на редкость выразительно и трогательно показал, как завязывались его отношения с будущей женой.

3. Любовь по-зурбагански. И наконец в решающую роль в судьбе и творчестве Грина сыграло то удивительное чувство, которое он на протяжении последних 11 лет жизни испытывал к Нине Николаевне Мироновой. Случайная встреча на Невском проспекте подарила ему то счастье, которое он искал всю свою сознательную жизнь. Нина Николаевна, которая была значительно моложе Грина и не обладала никаким житейским опытом, сумела понять мятежную душу своего мужа и сделала все, чтоб он был счастлив и, следовательно, мог работать творчески. Благодаря Нине Николаевне в Феодосии на берегу Черного моря существовал кусочек Зурбагана.

Образ Нины Николаевны запечатлён в самых значительных произведениях Грина, которые, кстати, никогда не были бы написаны, если б не ее удивительное умение понимать ... Тави Тум в «Блистающем мире», Молли в «Золотой цепи» и, конечно же, незабываемая Дэзи в «Бегущей по волнам» – все они носят черты этой милой, непосредственной и мудрой в своей почти детской простоте женщине.

С.Н. Барашкова, С.Ф. Желобцова

Якутск, Северо-Восточный федеральный университет

АНАТОМИЯ СУДЬБЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ

Глобализация жизни на рубеже веков отчетливо проявляет тенденцию художественной литературы к отражению женского сознания. Востребованность читателем произведений западноевропейской, русской и японской литератур убеждает в своевременности литературоведческого осмысления женской прозы как нового и самобытного явления мировой литературы сегодня.

Опыт сопоставительного анализа женских страниц западноевропейской и русской литератур на примере романов Кристи Вольф («Медея. Голоса») и Людмилы Улицкой («Медея и ее дети») выявляет

функциональность архетипа, связанного с идеей фольклоризма литературы, базой генетической преемственности, когда оптимизация эпического начала делает персонажи узнаваемыми в социальном плане. Можно говорить об особой технике авторской интерпретации образа, восходящего к мифопоэтической традиции.

История творческого замысла, предшествующего роману «Кассандра» К. Вольф, позволяет позиционировать особое мнение, которое помогает читателю расшифровать современное прочтение кодов древнего мифа: связь опасностей, катаклизмов, грозящих человечеству, с гендерным началом. Писательница интерпретирует древний миф, концентрируя внимание читателей на переживаниях и чувствах героини, делает ее центральной фигурой произведения, где она показана как эпизодический персонаж. Ведь «героем нашего времени» у Гомера становится Ахилл, у Эсхила – Агамемнон.

Сюжет рассказа «Область слепящего света» Д. Рубиной развивается из кратковременных встреч героев, концентрированно исчерпывающих тему фатально трагической любви. Психологическое исследование характеров безымянной журналистки русской писательницы и стоиеновой певички Наоми Суэнаги, открывает натуры эмоциональные, сохраняющие способность краснеть от пристального мужского взгляда.

Жанровые поиски современной прозы дают посыл к обогащению литературных приемов. Сновидения открывают дверь, за которым они вновь переживают горечь утрат, пронзаются предчувствием беды. Сюжет романа Л. Улицкой адекватно развивается в провидческом сне о муже Медеи Синопли, а в рассказе Д. Рубиной «Воскресная месса в Толедо» функцию обстоятельств реальности передает навязчивый сон, который сопровождает героиню всю жизнь. Композиция романа Киоко Мори «Дочь Шидзуки» лишена характерной для романного жанра обстоятельной экспозиции. Началом развития сюжетных линий становится сон матери. Испуг и страх за дочь подтолкнули беспомощную Шидзуку к трагическому шагу, сопровождаемому шорохом бумажных клочков предсмертной записки.

В поэтике современной женской прозы значима реинтерпретация сказочных мотивов. Идея женского счастья парадоксально объединяет пациенток провинциального роддома в рассказе В. Токаревой «Волшебная сказка Шарля Перро». Воспроизведение сказочного сюжета о спасении безмолвной сестрой братьев-лебедей реализуется в эстетике «ёдзе» (намек), которому следует и современная японская литера-

тура. Для Мегуми, героини романа К.Мори «Одинокая птица», близкими становятся не страдания принцессы, а состояние младшего брата, оставшегося с лебединым крылом.

Художественная неповторимость ярко и обостренно проявляется в кульминационных эпизодах сюжетного действия, когда героини принимают решения о побеге из мира, в котором нет высоких чувств, нюансно адекватных их пониманию дружбы и любви, верности и нежности. Примечательно, что самобытность характера каждой подчеркивается ее способностью театрализовать свое ролевое участие. Л. Петрушевская, назвала свой последний авторский сборник концептуально жестко и по-женски откровенно «Жизнь – театр». Интересную мизансцену выстраивает молодая скрипачка Марина Ковалева в повести В. Токаревой, подводя печальные итоги лесбийских игр премьерным танцем среди голубых и розовых. А маленькая девочка из самой покупаемой на Западе книг Банано Ёсимото обставляет свой уход в небытие с режиссерской выверенностью, делая его зрелищным для родных и подруг, бенефисом для себя. Проблема особенностей поэтики актуализирует жанрово-пестрый и художественно разно-уровневый материал и выявляет типологические особенности прозы в ее авторском звучании. Обращение к различным национальным литературам позволяет представить реальную картину духовного потока времени, когда конкретные социальные конфликты становятся поводом к серьезным размышлениям о самоценности женщины, дарующей миру жизнь.

М.П. Попова

*Якутск, Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ
Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова*

СУБЪЕКТНЫЕ ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В ЖЕНСКОЙ ЛИРИКЕ. ОПЫТ ГЕНДЕРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

«Лирическое переживание – как отмечает В.Е. Хализев, – предстает как принадлежащее говорящему (носителю речи). Оно не столько обозначается словами (это случай частный), сколько с максимальной энергией выражается. В лирике (и только в ней) система художественных средств всецело подчиняется раскрытию цельного движения человеческой души» (7;133). Но, тем не менее, исследователи литературы при определении взаимосвязи лирического героя и автора в настоящее время несколько расходятся. Как далее отмечает В.Е. Ха-

лизев, от традиционного представления о слитности, тождественности носителя лирической речи и автора, восходящего к Аристотелю отличаются суждения ряда ученых XX в., в частности М.М. Бахтина, который усматривал в лирике сложную систему отношений между автором и героем, «я» и «другим», а также говорил о присутствии в ней хорового начала (7;139). Эту мысль продолжил С.Н. Бройтман. Если в двух родах литературы: эпосе и драме четко разграничиваются автор и герой, то: «Лирика же дала иную линию развития: отказавшись объективировать героя, она не выработала четких субъектно-объектных отношений между автором и героем, но сохранила между ними отношения субъектно-субъектные» (2;142). В древней лирике автор является «хоровым автором». То есть, как отмечает М.М. Бахтин, «в лирике я еще весь в хоре и говорю из хора ... Этот автор состоит из определенного числа лиц, живущих в одном определенном месте, имеющих один определенный возраст и один определенный пол» (1;148 – 149).

«Говорящим (носителем речи)», «носителем переживания» в лирическом произведении является лирический герой. Синонимичны ему словосочетания «лирическое я», «лирический субъект». Некоторые литературоведы, например Б.О. Корман, Л.Я. Гинзбург, С.Н. Бройтман этих ряд синонимов лирического героя рассматривают в отдельности. Например, в своих трудах Б.О. Корман героя поэтического произведения различает на автора повествователя, собственно автора, лирического героя и героя ролевой лирики (3;13). С. Бройтман сюда включает лирическое «я», «которое не совпадает с лирическим героем» (2;144). Этот термин в науке был использован впервые И. Анненским. Лирический субъект, как видно из перечисленных вариантов, традиционно передается мужским полом. Потому литературовед В.Д. Сквозников пишет следующее: «Переживание, лирический образ характера – это совсем не обязательно «он» или «она», сам по себе такой «герой» не принадлежит ни к мужскому, ни к женскому полу. Показательно, что романсы и песни на стихи, где изложение идет от лица мужчины, с успехом поют и женщины, и чаще всего без всякой замены соответствующих слов, – и, как правило, нас такая подстановка не коробит, не кажется противоестественной, даже если прототипичность переживания сама напрашивается (6;189). Эти слова В.Д. Сквозникова отражают традиционное отношение в литературоведении к термину лирический субъект.

В исследованиях творчества талантливых русских поэтесс А. Ахматовой, М. Цветаевой в основном, лирическая героиня ограничивается обозначением терминами лирический субъект, герой и только в нескольких современных работах как лирическая героиня. Таким образом, разделение лирического субъекта по половому признаку носит противоречивый характер.

В данной работе мы попытаемся рассмотреть образ женщины в качестве лирического субъекта. По нашему мнению, лирический герой и лирическая героиня не могут быть приняты в одном лице, хотя бы в интимной лирике, где есть чисто мужской взгляд на объект любви, и женское переживание, где отражаются и любовь, и жизненный опыт женщины, что естественно, зависит не только от биологического пола, но и социального пола (гендер) автора. Кроме этого, вне интимной (любовной) лирики поэтесс лирическая героиня тоже существует. Например, в гражданской лирике О.Н. Корякиной–Умсууры лирическая героиня удаганка, просящая у светлых божеств покровительства над народом. В лирике Н.В. Михалевой–Сайа лирическая героиня сидит у комелька с распущенными волосами и размышляет о прошлой, настоящей и будущей судьбе родного народа.

В якутской поэзии (да и в литературе в целом), в которой преобладают поэты – мужчины, воспета и идеализирована красота якутской женщины. И благодаря появлениям авторов – женщин нам стал реально доступен внутренний мир женщины. Ее любовь к мужчине позволяет нам воспринимать мужчину как объекта переживаний. Благодаря любовной лирике поэтесс в поэзии в целом появляется новый объект наблюдения и восхищения – это образ мужчины.

Женщина в качестве лирического субъекта возникает в творчестве поэтесс и, в некоторых поэтических произведениях отдельных поэтов. У первых субъект–женщина выступает как форма авторского сознания, у вторых в качестве ролевого героя. Лирический субъект–женщина четче выделяется особенно в интимной лирике поэтесс, где душевное переживание автора и героя воспринимается как одно целое. Здесь через описание чувства субъекта–женщины открываются новые грани любовной тематики, отличные от традиционного освещения этой темы в поэзии вообще. Во–первых, объектом восхищения и любви у субъекта–женщины является образ мужчины, что естественно возбуждает другие чувства и переживания чем у лирического героя поэтов – мужчин. Во–вторых, лексический пласт поэтесс обладает некоторыми раз-

личиями по сравнению с лексикой поэтов-мужчин, воспроизводится из жизненного опыта, культурного концепта женщины. Например, в лирике Анны Ахматовой, М. Цветаевой, Н. Харлампьевой, А. Парниковой-Сабарай Илгэ, О. Корякиной-Умсууры встречаются подробные описания от первого лица внешности субъекта-женщины. Часто упоминаются цвет платьев, которые она носит: «серые», «воздушные» (у А. Ахматовой). Также упоминаются платок, сережки (у Н. Харлампьевой, А. Парниковой-Сабарай Илгэ) и части лица, тела (встречается у большинства поэтесс). В. Лосская при исследовании лирики А. Ахматовой и М. Цветаевой тоже отмечает частое упоминание у обеих частей лица или тела: глаза, рот, лоб и шея, рука и походка (4; 185).

В творчестве поэтесс существует особая категория образности, которая в зависимости от их стиля носит индивидуальные черты. Например, в изобразительной системе якутской поэтессы О.Корякиной – Умсууры постоянно встречается особая образность, образованная от сравнения частей тела женщины с предметами домашнего обихода. Например, «кумыс моего сердца-чорона», «светится моя грудь, словно берестяная ураса» и т.д.

Ролевой герой – это тот субъект, которому принадлежит высказывание, он открыто выступает в качестве «другого» героя. Им удачно может стать легендарный персонаж, женский образ, от лица которого дается высказывание в стихотворении, принадлежащем поэту (2;144–145). На примере якутской лирики рассмотрим женщину-субъекта в качестве ролевого героя. Так, в стихотворениях, посвященных теме любви, якутского народного поэта П. Тобурокова, хотя и не часто, речь ведется от имени женщины. Причем стихи о любви П. Тобурокова, где выступает ролевой герой-девушка, написаны на народный шуточный лад. Например, девушка ждет любимого парня, и придумывает всякие причины его отсутствия (стихотворение «Почему не приходит?»), через речь девушки передается образ влюбчивого парня (стихотворение «Ой да ой!»).

Ролевой герой в творчестве автора, тем более в лирических произведениях, постоянно присутствовать не может, в силу его умения перевоплощаться в разные образы. Как отмечает В.Е. Хализев: «...магистралью лирического творчества является поэзия не ролевая, а автопсихологическая: стихотворения, являющие собой акт прямого самовыражения поэта. Читателям дороги человеческая подлинность лирического переживания...» (7;139)

Таким образом, мы склонны считать, что субъект–женщина присутствует в качестве лирической героини в женской поэзии, а в остальных случаях является ролевым героем. Но мы должны соглашаться также и с тем мнением, что не во всех стихотворениях поэтесс, даже лирических, подчеркивается пол субъекта. Тем более что в якутском языке ни одна грамматическая категория не определяет род говорящего. Но в стихах поэтесс о любви адресатом всегда является мужчина, и именно в лирической поэзии поэтессы утверждают свое женское естество. Это характерно не только якутской женской поэзии, но и творчеству русским поэтессам (4;197).

В.Б. Окорокова

*Якутск, Институт языков и культуры народов Северо–Востока РФ
Северо–Восточного Федерального университета им. М.К. Аммосова*

ПОЭТИКА НАТАЛЬИ ХАРЛАМПЬЕВОЙ

Женская поэзия, сильно развивающаяся в якутской литературе в последние два десятилетия XX и начала XXI в., вызывает огромный интерес читателей. Среди многочисленных поэтесс современности выделяется творчество Натальи Харламповой, которая в 70–х годах стояла у истоков женской поэзии. Она, как талантливый поэт и лидер женской поэзии, во многом предопределила развитие современной поэзии и проторила для женщин дорогу в литературу.

Со своих первых сборников стихов, вышедших в 70–80–х гг., автор выступает состоявшимся, зрелым поэтом, делящимся со своим сокровенным, внутренним миром. Сборник стихов «Прозрачный вечер» (1990) стал своеобразной итоговой книгой первого этапа в творчестве поэтессы, вершиной её лирики данного периода. Здесь мы видим один из первых крупных циклов поэтессы – «О вере якута» и одно из крупных философских стихотворений – «Песнь удаганки». Но большинство стихотворений – о любви. В этих песнях о любви поэтесса говорит о противоречивых чувствах любви, иногда она любит то ненавидя, то возвышенно. Любовь всегда побеждает, и она благодарит возлюбленного – таково содержание известного произведения Н.Харламповой, на слова которого создана песня («Ты дал мне вкусить»). Наталья Харламповая – признанный мастер женской лирики.

Второй этап её творчества ознаменован сборником стихов «Август» (1994). Этот этап можно назвать переходным в поэзии

Н.Харламповой. Вышедшая в эпоху смутного времени, времени реформ и преобразований и, возможно, в трудный период личной жизни поэтессы, книга представляет собой исповедь смутной, растерянной души автора. Она пишет сильные, разоблачительные стихи о сложной натуре современного человека и о неблагоприятных обстоятельствах в обществе. Здесь встречаются суровые для чтения стихи, автор говорит голосом удаганки (шаманки) тяжелые слова в таких стихотворениях, как «Черный ворон», «Все сполна оплатится», «Исчезни с глаз долой», «Не трогайте меня» и др. Но автор ищет спасения своей души, она не хочет говорить словами проклятия и просит, чтоб в ней не будили удаганку, боится своего дара предсказания и ищет путь самоочищения. Опять же большинство стихов посвящены любви. Но и в них силен мотив разочарования. Здесь она как бы выносит приговор своему герою – «Закончилась твоя эпоха».

Новое и стремительное восхождение поэтессы начинается в XXI веке, начинается третий этап ее творчества. Здесь она явилась не только зрелым поэтом, но и обновленным, активным автором и всесторонне талантливым писателем – поэтом и прозаиком. Наталья Харлампова выражает через прочувствованное свое мировосприятие, она становится выразителем не только личного мира, но и времени, и духа народа. Любовь предстает в ее стихах в богатой палитре чувств. Стихи о любви Н.Харламповой опалены горечью утраты:

*Заклинаю тебя, не входи в мои сны, // Для чего посещения эти?
Из-за них просыпаться с уходом луна // Мне случилось в слезах на рассвете.*
(Заклинаю тебя, не входи в мои сны. Перевод Я.Козловского).

Поэтесса с большим вдохновением изображает влюбленность:

*Но вдруг целый мир предо мною // Как будто замрет на бегу,
Увижу себя под луною // На вешнем безлюдном лугу.*
(Не пишешь ты мне писем. Перевод Я.Козловского).

Н.Харлампова создала образ любимого человека, сравнивая его с легендарным Нюргун Боотуром – с героем якутского эпоса. Поэтесса еще в одном из своих первых стихах «Утешение» заговорила о Боотуре («Вьюги ли вихрится грива // Или хлещут дожди, //Своего терпеливо // Нюргун Боотура жди // И в слезах твои очи // Он увидит сквозь

тьму, // Потому что нет мочи // Позабыть их ему. // ...И как женщины прежде // Нюргун Боотура жди.// - (Утешение. Перевод Я.Козловского)

Вся поэзия Натальи Харлампьевой с самого начала своего творчества поражает глубокой философичностью, мудрым отношением к себе и окружающему миру. Первые стихи поэтессы удивляют зрелостью мышления и наблюдений, и, несомненно, мы видим, как бы она ни выросла и менялась, но в характере Н.Харлампьевой неизменной остается непримиримость к несправедливости. Молодая поэтесса верит, что этот неустроенный мир как бы сам вразумится:

*Верить я хочу не без успеха, // Что грядет когда-нибудь пора
И наступит радостей ысыаха // Торжество всеобщего добра.*

(Верить я хочу.)

В поэзии Н.Харлампьевой выделяются такие основные слова-образы, которые находят своё наиболее частое употребление: «Душа» – «Боотур» – «Ожидание» – «Потеря» – «Прозрачный». Они всегда связаны между собой, так как проходят через всю ее поэзию и в них раскрывается основное содержание лирики Н.Харлампьевой. Поэтесса смело раскрывает перед читателями свою Душу, свои переживания, все в ее поэзии посвящено возлюбленному – Боотуру, и Ожидание – это участь женщины, но в жизненном пути ее подстерегают Потери, но человека, который достойно прожил жизнь, ждет счастье – Прозрачный вечер.

В первом сборнике «Аэроплан» 75% занимают силлабические стихи, 23% – белые стихи и только 2% – свободный стих. Во втором сборнике «Предчувствие счастья» они соответственно занимают 50%, 16%, 34%. И со второго сборника верлибр поэтессы начинает неуклонно, стремительно расти. В третьем и четвертом сборниках («Прозрачный вечер» и «Август») поэтесса уделяет большое внимание верлибру, и он занимает основное место в её творчестве: в первом сборнике – около 90% (из 82 стихотворений 72 – верлибр), во втором – 98% (из 107 – 102). Затем начинается обратное убывание верлибра в ее поэзии: в сборнике «Три стиха» силлабика занимает 33%, верлибр – 67%, в «Белом облаке» соответственно 43% и 45%.

Верлибр, с одной стороны, был в таких сборниках стихов, которые продемонстрировали подъем в творчестве поэтессы, с другой стороны, именно в верлибре поэтесса свободно, исповедально открывает свой внутренний мир. Эта система близка к народному стиху, поэтесса

обращается к фольклорным традициям. В своем творчестве, развивающемся в течение более тридцати лет, Наталья Харлампьева создала истинно женскую, лирико-медитативную поэзию, раскрыла внутренний мир и характер якутской женщины. Её предельная открытость, смелость в высказывании и исповедальность в передаче переживаний затронули сердца читателей. Созданный ею художественный мир привлекает цельностью взгляда автора, богатством красок и красотой образной системы.

А.В. Усачева

Москва, Институт славяноведения РАН

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ И ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУМЫНСКОЙ ЭССЕИСТИКЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ

Говоря об образе женщины в современной румынской литературе, нельзя не рассмотреть тему гендерных стереотипов, так как в культуре одно не может существовать без другого. Гендерные стереотипы являются разновидностью социальных стереотипов и обладают их основными свойствами. Перечислим некоторые из них, важные для данной работы. Во-первых, они отличаются устойчивостью и в достаточной мере фиксированы в социокультурном контексте. Об этом, например, писал социолог Нейл Смелзер. Анализируя стереотипные описания мужских и женских черт характера, полученные при исследовании американских студентов в конце 70-х гг., он подчеркивал, что некоторые характеристики не меняются на протяжении длительного времени. Например: мужчина логичен, рационален, объективен и обладает развитым интеллектом, женщина легкомысленна, непоследовательна и имеет тонкую интуицию³⁵¹.

Кроме того, существует определенная согласованность гендерных стереотипов в разных культурах. Мужчины преимущественно воспринимаются как агрессивные, авторитарные, доминирующие, сильные, независимые, грубые, умные, а женщины – как эмоциональные, чувствительные, мечтательные, покорные³⁵².

³⁵¹ Котовская М.Г. Гендерные очерки: история, современность, факты. М., 2004. С. 272.

³⁵² Ильин Е.П. Пол и гендер. СПб., 2010.

Во-вторых, гендерные стереотипы всегда оценочны. При этом имеет место андроцентризм восприятия: качества, определяемые как мужские, оцениваются как более позитивные по сравнению с теми, которые определяются как женские. В то же время образ женщины амбивалентен: одно и то же качество может оцениваться в одних случаях позитивно, а в других негативно. Так, отличия женских когнитивных способностей от мужских могут расцениваться и как недостаток (женская нелогичность), и как достоинство (женская интуиция).

В-третьих, гендерные стереотипы схематичны и фиксируют лишь отдельные черты представителей группы. Стереотипы очень упрощают реальную ситуацию, однако в коллективном общественном сознании они закреплены прочно и меняются медленно³⁵³.

Очевидно, что предпосылкой к возникновению гендерных стереотипов является полоролевая дифференциация в обществе. Особенности функционирования социальных структур до сих пор остаются предметом острых дискуссий. Все гендерные стереотипы, как со стороны женщин в отношении мужчин, так и со стороны мужчин в отношении женщин, базируются в нашем обществе на установках и представлениях патриархата.

Поскольку Румыния всегда была и остается патриархальной страной, гендерные стереотипы там сильны и транслируются культурой. Представляется интересным рассмотреть, как эти стереотипы воспроизводятся в женских образах, созданных писателями-мужчинами. Для исследования были выбраны две различные по направленности книги: сборник эссе Мирчи Кэртэреску «Почему мы любим женщин» (2004 г.)³⁵⁴ и сборник статей редактора ежедневной газеты «Национал» Мирона Манеги под названием «Почему мы ненавидим женщин?»³⁵⁵.

Сборник М. Кэртэреску на две трети состоит из колонок, написанных для женских журналов в Румынии (например, для небезызвестного «*Elle*»). Основной стереотип, который бросается в глаза, – объективизация женщины, восприятие ее как зеркала, в котором отражается мужчина. В сборнике 21 эссе, так или иначе связанных с женщинами – и парадоксальным образом в них нет ни одной женщины, каждая –

³⁵³ Словарь гендерных терминов. М., 2002.

³⁵⁴ Cărtărescu M. De ce iubim femeile. București: Humanitas, 2004.

³⁵⁵ Manega M. De ce urâm femeile? București: Ștefan, 2011.

лишь повод для автора рассказать о себе самом. Нет ни одного образа, ни одного характера – только описание внешности и отношение автора, сексуальный опыт (или его отсутствие), связанный с этими героинями. Все женщины, описанные в сборнике, являются пассивными, они не совершают никакого действия: только мечтают, красят ногти, пишут стихи и читают журналы. Деятельность единственной активной героини характеризуется отрицательно (она пытается сделать карьеру румынском Секуритате).

Финальное эссе, давшее название всему сборнику, – это буквально собрание мужских стереотипов на трех страницах. Женщина делает работу по дому с радостью и легкостью, и ей даже не нужна благодарность и похвала за эту работу. Женщина покупает машину яркого цвета ради того, чтобы мужчина на пешеходном переходе свернул шею. Женщина непременно смотрит мыльные оперы и интересуется жизнью звезд. Это все подается как восхищение, но между строк отчетливо проглядывает снисхождение – ну что с них возьмешь, которое становится нескрываемым, когда автор пишет «и когда у женщины что-то болит, ты, наконец, вспоминаешь, что она такой же человек, как и ты». Подобное снисхождение вообще характерно для патриархального общества – этим страдают и мужчины, имеющие профеминистские взгляды.

Под обложкой сборника М. Манеги собраны статьи, написанные им для воскресного приложения к газете «Национал» (2001–2010 гг.). При чтении предисловия складывается впечатление, что сборник создан в пику книге М. Кэртэреску. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что она не менее, а то и более пронизана стереотипами о женщинах, причем большая часть из них – однозначно негативного свойства. Здесь и блондинки, которые гонятся за богатством, и знаменитое клише об идеальной жене, которая является хозяйкой в доме, дамой на людях и проституткой в постели. В целом, хотя эти две книги написаны разным стилем и в разной тональности, их объединяет транслирование вредных гендерных стереотипов. Оба автора пишут для женщин (колонки в журналах и воскресное приложение, читателем которого также является чаще всего женщина), они популярны и любимы своей целевой аудиторией, из чего можно сделать вывод, что в Румынии данные стереотипы поддерживают не только мужчины, но и женщины. Это свидетельствует о наличии внутренней мизогинии у женщин в стране с сильными патриархальными традициями.

Самара, Поволжская гос. социально-гуманитарная академия
**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ
МОДЫ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД**

Женщина должна быть женщиной. Советские женщины, как в центре, так и на периферии стремились выглядеть женственно. Но, возможности социалистической легкой промышленности и социалистического уклада жизни накладывали свой отпечаток на модные тенденции. Советская мода, как и советская жизнь в целом регламентировались государством на всех уровнях. В связи с этим в 1950-х гг. руководство страны предприняло попытку решить вопросы удовлетворения потребностей граждан в одежде и обуви. Одновременно предпринимались первые попытки определить место моды в советской экономике и в обществе социалистического типа. Требования к новой советской моде были самыми общими: скромная, изящная, приспособленная к трудовому быту, гигиеничная, практичная – но самое главное, сделанная руками советских мастеров. Перед модными журналами стояла задача наглядно продемонстрировать преимущества советской моды: ее простоту и целесообразность. Идеологические основы требовали апелляции к народным традициям, национальная и народная тема звучала в отечественных журналах мод. Так, журнал «Работница» на своих страницах поднимал вопрос о красивой одежде, представлял сведения о развитии легкой промышленности, работе швейных фабрик и ателье. «Наша швейная промышленность оснащена новейшей технологией. Создан центр моделирования одежды – Общесоюзный дом моделей, задачей которого являются: разработка художественных моделей, внедрение их в производство, конкретная помощь работникам швейных предприятий», – так говорил начальник производственного отдела Главшвейпрома Министерства легкой промышленности СССР т. Воронин. Но, как известно, в послевоенный период, основное направление при развитии народного хозяйства уделялось производству средств производства, поэтому говорить о совершенствовании и оснащении современной техникой легкой промышленности говорить не приходилось и данная сфера финансировалась «по остаточному принципу». Вещи промышленного производства отставали от потребностей людей, поскольку отечественная промышленность была «неповоротлива», так как её контролировало сра-

зу несколько организаций: Государственный Комитет по легкой промышленности при Госплане СССР, соответствующие Министерства, Всесоюзный институт ассортимента легкой промышленности и культуры одежды, Центральный научно-исследовательский институт ... Госстандарт на бельевые изделия был введен в 1937 г. и предусматривал стандартные размеры изделий, соответствующие размерам тела и определял технологию пошива. Количество размеров было невелико, а отклонение от стандартов преследовалось по закону.

В связи с тем, экономика была плановой, то и производство одежды и обуви утверждалось в соответствии с государственным планированием. Заместитель министра легкой промышленности СССР Н. Чесноков говорил о норме выпуске детской одежды и обуви – «Совет Министров признал, что количество и ассортимент выпускаемых детских изделий являются еще недостаточными, и обязал Министерство легкой промышленности в этом году увеличить по сравнению с прошлым выпуск детской обуви на 36%, детских чулок – на 57%, пальто – на 37%. Значительно будет увеличен также выпуск детских платьев, платьев, трикотажа, валенок и других изделий».

Например, главный инженер швейной фабрики № 11 тов. Максимова указывала на малое разнообразие расцветки тканей, низкое качество окраски ткани. При этом, даже если художниками – модельерами ОДМ разрабатывались действительно женственные модели, из доступного материала, то непосредственные исполнители производственного процесса не принимали новую модель к производству. Так, главный инженер смоленской швейной фабрики тов. Ковригин приводил объяснение, почему не принимается в работу новая модель женского платья. Во-первых, на него требуется больше материала, нежели предусмотрено нормами. Во-вторых, оно обойдется дороже той стоимости, которая утверждена. В связи с этим советские женщины вынуждены были ходить либо в однотипных костюмах, либо прибегать к помощи индивидуального пошива одежды. Индивидуальный пошив могла позволить себе не каждая советская женщина, поскольку индивидуальный пошив был дороже, чем готовая вещь в магазине, а покупательская способность была крайне низкой. Яркий пример поступления в розничную продажу однотипных платьев приведён в фильме производства киностудии «Мосфильм» «Доброе утро» 1955 г., где девушки приобрели на вечер совершенно одинаковые по фактуре и расцветке платья. Где на возражения девушек в одинаковых платьях ге-

рой Михаила Пуговкина говорил: «Мне по разнарядке одинаковый товар идет. А я финансовый план должен выполнять...» Но и это не решало проблему, потому что в связи с социалистической гонкой за увеличение объемов производства и экономии сырьевых ресурсов, страдал ассортимент и качество выпускаемой продукции.

В связи наблюдавшимся дефицитом одежды в послевоенный период женские журналы предлагали различные советы по возвращению жизни старым вещам. Например, чтобы цветному бумажному, шерстяному или шелковому платью вернуть яркость красок, то его необходимо постирать в отваре белой фасоли (1 килограмм фасоли на 5 литров воды) и после этого оно примет вид нового. С неразвитостью производства бытовой химии предлагались советы по выведению залоснившихся пятен на одежде при помощи бензина, чистого мелкого песка, эфира, скипидара, хлорной извести, магнезии.

В первое послевоенное десятилетие на женскую моду оказало огромное влияние массовое вовлечение в производство женщин во время Великой Отечественной войны, занятие женщинами мужских рабочих мест. К концу войны численность женщин в отраслях народного хозяйства существенно возросла. В различные отрасли приходили домохозяйки, пенсионерки, студентки и школьницы старших классов. При этом вовлечение женщин в общественное производство сопровождалось не только в те отрасли, где традиционно применялся женский труд – легкая и пищевая промышленность, сфера обслуживания, но и в машиностроение, химическую промышленность, электротехнические отрасли, то есть в отрасли, которые определяли технический прогресс. По мнению Виниченко, это нашло выражение в отрицательном влиянии, вызванном занятостью женщин на производстве. Многие женщины трудились в народном хозяйстве в одном коллективе с мужчинами, выполняли грубую физическую работу. Они подчинялись общему режиму, одевались так же, как и мужчины, и вели себя как мужчины. Яркий пример – в фильме «Высота», где главная героиня наравне с мужчинами занимается монтажными работами, её спецодежда идентична одежде мужчин-работников.

Таким образом, в послевоенный период женщины стремились выглядеть женщинами, но их занятость на мужских отраслях производства привела к «омужчиниванию» их облика. Второстепенное внимание государства к производству предметов потребления привело к дефициту белья, его низкому качеству и ограниченному ассортименту.

Е.В. Алексеева

Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН

ИННОВАЦИИ В МОДЕ: ЖЕНСКИЙ СПОСОБ ИЗМЕНЕНИЯ МИРА

Согласно основным идеям теории диффузионизма³⁵⁶, из центра возникновения фундаментальной инновации распространяется культурная волна, несущая прежде всего технологические заимствования, связанные с оружием, военной организацией и промышленностью соперника, далее круг заимствований расширяется, охватывая другие области социальной жизни. Важнейшим механизмом диффузии инноваций в сфере культуры является мода, распространяющая модели поведения и образцы повседневности в сферах потребления, услуг, досуга и т.д. Модные стили и направления в одежде играют в этом процессе, пожалуй, главную роль.

Копирование голландской, немецкой одежды в петровские времена³⁵⁷, мода на стиль ампир как следствие распространения французского культурного круга на рубеже XVIII – XIX вв., популярный в пушкинские времена немецко-австрийский бидермейер (узнаваемый в таких предметах мужской и женской одежды как: редингот, жилет, трость, узкие брюки со штрипками, фрак и цилиндр; платья с узкой талией, широкими декольте, широкими юбками в форме колокола, шляпки) и последующие модные направления проникали в имперскую Россию из Европы как элементы определенных культурных кругов.

Зачастую заимствование модных европейских стилей не соответствовало культурным и климатическим особенностям России. О пагубности легкомысленного следования европейской моде в России образно писал А.И. Герцен: «Париж, с бесчувствием хирурга, целое столетие под пыткой русского мороза, рядит наших дам, как мраморных статуй в газ и блонды, отчего наши барыни гибнут тысячами как осен-

³⁵⁶ Диффузионизм, оформившийся как особое направление в этнографии и антропологии конца XIX – нач. XX в., полагает основой мирового развития процессы заимствования и распространения культур, объясняет социальные изменения конкуренцией, в ходе которой доминирующим оказывается общество, сумевшее воспользоваться преимуществом инновационных технологий.

³⁵⁷ ПСЗ . Т. 4. № 1887, 1999 и др.

ние мухи; а наблюдательный Париж по числу безвременных могил определяет количество первоклассных дур в России»³⁵⁸. За два столетия мода кардинально изменилась, но слова классика при взгляде на русских девушек, мерзнущих в сырое и ветреное отечественное межсезонье в джинсах с заниженной талией и коротких курточках, кажутся по-прежнему актуальными.

Среди длинного ряда выдающихся модельеров, стилистов, имиджмейкеров XX столетия (Кристиан Диор, Пьер Карден, Пако Рабан, Роберто Кавалли, Джанни Версаче, Карл Лагерфельд, Ив Сен Лоран, Лорис Аззаро, Кристиан Лакруа, Вячеслав Зайцев, Валентин Юдашкин др.) женских имен (Жанна Пакен, Жанна Ланвин, Аликс Гре, Эльза Скиапарелли, Надежда Ламанова и др.) меньше, чем мужских. Однако именно женщины определили внешний облик современного общества. Уловив требования меняющегося образа жизни населения, приспособляющегося к урбанизированной жизни в индустриальном обществе, они создали оригинальные типы одежды для новых функций и возможностей в повседневности, труде и досуге. Реализация этих революционных идей связана с именами К. Шанель и М. Куант.

В начале XX в. женская эмансипация продвигалась невиданными темпами. Женщины участвовали в скачках, садились за руль автомобиля, занимались спортом. Для такого активного образа жизни женщинам нужна была практичная и удобная одежда. Нововведения, внедренные, в значительной степени благодаря К. Шанель в начале XX в., определили облик современной женщины. Его характерными признаками стали: окончательный отказ от корсета, раскрепощение женской одежды, привнесение в одежду дам традиционных мужских элементов (брюки, мужские шляпы, накладные карманы, расклешенные брюки, плечики и т.д.), применение трикотажа (ранее использовавшегося лишь для белья) для костюмов и повседневной одежды, создание спортивной моды и распространение ее в повседневности, популяризация черного цвета в одежде, мода на загар, короткие стрижки, женские пижамы, бижутерия, образ самостоятельной, независимой, думающей женщины, элегантной в любом возрасте и при любой внешне-

³⁵⁸ Герцен А. И. Собрание сочинений в тридцати томах. Том 2. Статьи и фельетоны 1841–1846. Дневник 1842 – 1845. М., 1954

сти³⁵⁹. Шанель создала и ввела в обиход ранее не мыслимый для женщины предмет гардероба – спортивный костюм. Все это отвечало требованиям менявшейся эпохи с ее ускоряющимися ритмами. После окончания второй мировой войны ее практичные, но неизменно элегантные костюмы, а также маленькое черное платье стали своего рода вневременной униформой для женщин, изменяющих мир и меняющихся вместе с ним.

Одним из самых ярких символов революционных 1960-х гг., в которых до сих пор черпают вдохновение большинство модных домов, стала М. Куант, создательница "молодежного стиля" в моде. Коллекция 1962 г., в которой были представлены мини-юбки и нейлоновые чулки, внедренные благодаря ей в постоянный обиход, отлично отвечали молодежной уличной моде 1960-х гг. Мода пропагандирует, делает все более популярными идеи «феминизма»: женственность в классическом понимании пышных форм выходит из моды, уступая место моде на длинные худые ноги, открываемых мини-юбкой М. Куант. Она же делает популярными дождевики и ботинки на низком каблуке, заменяет непрактичные маленькие сумочки на рюкзаки с длинными ремнями. Именно с ее подачи в моду входят топ, обтягивающие разноцветные брюки, замшевая одежда, туфли на платформах, протытые короткие стрижки и яркая косметика.

Фасоны одежды тесно взаимосвязаны со стилем жизни, который, в свою очередь, создается господствующим в обществе технологическим укладом. Облик XX в. определила промышленная цивилизация, коренным образом изменившая экономическую основу, быт и культуру современности. Эмансипация женщин стала одним из наиболее ярких культурных и социальных феноменов индустриального столетия и постиндустриальной современности. К. Шанель положила начало, а М. Куант продолжила традицию женской эмансипации в одежде. Революционные идеи на протяжении нескольких десятилетий трансформировались в традиционные предметы одежды европеизированных женщин XX – XXI в., в ходе этой модификации до неузнаваемости изменился облик мира.

³⁵⁹ Гидель А. Коко Шанель. Coco Chanel / Анри Гидель. М., 2008; Надеждин Н.Я. Коко Шанель: «Мода проходит — стиль остается». М., 2008; Санчес – Андраде К. Коко Шанель / Кристина Санчес Андраде. М., 2009.

Л. Додхудоева

*Душанбе (Таджикистан), Институт истории,
археологии и этнографии им. А. Дониша АН Таджикистана*

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В СОВЕТСКОМ ТАДЖИКИСТАНЕ ФОТОМАТЕРИАЛЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО АРХИВА)

В XX в. миграция (политическая, добровольная или же принудительная, плановая, организованная) в союзные республики сыграла важную роль в формировании и консолидации советского государства. Европейские мигранты, в основном русские и украинцы, приехали в Центральную Азию в первые годы колонизации края (после 1867 года), но большие группы специалистов стали прибывать в республику лишь в первые годы коллективизации.

Вторая волна миграции в середине 30-х гг. была связана с освоением новых площадей для выращивания тонковолокнистого хлопка в южных районах, модернизацией общества, развитием промышленности, культурной революцией под знаменем новой идеологии. Новые квалифицированные кадры работали в дорожном хозяйстве, мелиорации, энергетике. В конце 30-х гг. к добровольным переселенцам присоединились первые политзаключенные сталинских лагерей. Третья, самая масштабная миграционная волна в республики Центральной Азии, была связана с началом Великой Отечественной войны. В этот период многие заводы и фабрики, часть населения западных областей Советского Союза были эвакуированы в разные регионы края. Многие семьи остались на постоянное жительство в республике, где продолжали жить и работать.

К началу 50-х годов проблема нехватки квалифицированных кадров была успешно решена за счет переселенцев, которые поставляли административно-бюрократические органы, научные кадры, строительные и промышленные сферы, медицину, образование и культуру.

Этнографический архив Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Таджикистана хранит многие документы XX в., посвященные европейским переселенцам в Таджикистане, которые могут служить важными свидетельствами исторических процессов. В частности, в докладе будут представлены особенности европейской миграции, наличие универсальной асимметрии в оценке обоих полов различными культурами, объяснены причины и механизмы возникновения данного явления, а также особенности «

женского вопроса» в теории и практике коммунизма на примере имеющихся фотодокументов.

О.А. Закиров

Москва, Московский городской педагогический университет

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ СОВЕТСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ФИЛЬМОВ 1930–1940–Х ГГ. И ИХ ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Объект рассмотрения – советские игровые исторические кинофильмы обозначенного периода. (Документальные фильмы и игровые историко-революционные картины к исследованию не привлечены). Предмет – гендерный аспект этих кинолент, их воспитательное значение.

Кинематограф играл огромную роль в жизни советских людей 1930–1940–х гг. Весь мир тогда переживал бурное увлечение кинематографом, но отношение в советском обществе к экранному искусству было особым. В культуре СССР была сильна ориентация на воспитательное значение искусства. Развлекательная и гедонистическая функции киноискусства сопрягались с приоритетными идеями политической значимости, формированием идеалов, трансляцией моделей поведения, просветительством, воспитанием и поучением молодёжи.

Проблемы отношений полов затрагивались во многих картинах снятых о современной жизни, но они получили отражение и в кино историческом. Фильмы о далёком историческом прошлом (от средневековья до конца XIX в.) снимались в СССР рассматриваемого периода довольно часто и имели большой общественный резонанс.

В таких кинокартинах как «Александр Невский», «Степан Разин», «Иван Грозный» и др. зритель считывал и воспринимал не только сюжет, патриотический пафос, аллюзии актуальных проблем социальных и международных конфликтов, личной власти и т.д. Эти фильмы показывали гендерные отношения в разные эпохи (историческая достоверность этого показа предмет особой дискуссии). Гендерный аспект, весьма существенный во многих исторических кинолентах, привлекал определённое внимание, как взрослых зрителей, так и особенно юношества и молодёжи. Женские образы, проблемы половых стереотипов поведения, романтические отношения персонажей играют немаловажную роль в классических игровых исторических лентах, вышедших на экраны СССР в 1930 – 1940–х гг.

**СОВЕТСКИЕ КИНОФЕСТИВАЛИ НА СТРАНИЦАХ СОВЕТСКИХ
ЖУРНАЛОВ В КОНЦЕ 1950–Х – 1960–Х ГГ.: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ**

Неоспоримым среди представителей фестивальных исследований является признание значимости кинофестиваля, как «пересечение искусства, коммерции, технологий, культуры, идентичности, власти, политики и идеологии»³⁶⁰. История становления кинофестивального движения иллюстрирует тезис о преимущественной роли идеологической составляющей на первом этапе генезиса. История советских международных кинофестивалей не является исключением.

Возникновение кинофестиваля как международного явления в Советской России стало возможным только в период так называемой оттепели, с приходом нового руководства страны по главе с Н.С. Хрущевым. Эпоха оттепели начала отсчет формирования некоторой потребительской культуры советского человека³⁶¹. Стала увеличиваться доля легкой промышленности, вырос выбор возможностей в проведении досуга рядовых граждан.

Перемены состояли не только в виде частичной экономической и политической либерализации. Имеется в виду частичная либерализация гендерной политики, расширение сферы индивидуальной свободы, стремление к «автономизации и индивидуализации» и «формирование специфической неформальной публичной сферы, то есть дискурса, оппонирующего официальному»³⁶².

Кино к концу пятидесятых годов становится важным транслятором западных культурных ценностей, нетрадиционных для советского об-

³⁶⁰ Charles–Clemens Ruling Jesper Strandgaard Pedersen. Film festival research from an organizational studies Perspective Scandinavian Journal of Management (2010) 26, 319.

³⁶¹ Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущевского десятилетия. С.-Петербург, 2003

³⁶² Кон И.С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М., 1997. С. 118, 176 – 177; Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Государственное конструирование гендера в советском обществе. Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 3/4. С. 299 – 323.

щества гендерных идентичностей. Трофейные американские и немецкие, итальянские ленты, стали неформальными «окном» в мир западного общества, с иными потребительскими канонами, другими женскими и мужскими идентичностями, с чуждыми советскому строю образами одиночек, индивидуалов, противостоящих обществу. В качестве иллюстрации данного тезиса, процитирую И.Бродского: «Одни только 4 серии "Тарзана" способствовали десталинизации больше, чем все речи Хрущева на XX съезде и впоследствии».

Важным агентом формирования новой культуры потребления, формирования альтернативных ценностей и представлений о частной и общественной жизни становятся международные культурные мероприятия. В конце пятидесятых, такими мероприятиями становятся фестивали. В 1959 г. в Москве впервые состоялся международный кинофестиваль. Безусловно, это стало событием и для кинематографического сообщества СССР и для страны в целом. Будучи событием новым для СМИ и для цензоров того времени правила подачи материала о кинофестивале сформировались не сразу и тем интереснее наблюдать процесс формирования визуальной и вербальной идеологии в отношении этого института. Главный исследовательский вопрос состоит в том, как отражалось в СМИ тема московского международного кинофестиваля, как складывались правила репрезентации этого международного события в течении 1959 – 1969 гг.? Каковы особенности репрезентации мужественности и женственности на страницах журналов, посвященных кинофестивалю?

Материалом исследования стали журналы «Советский экран» и «Искусство кино». Выбор журналов отнюдь не случаен, хотя существовали другие журналы, связанные с киноискусством, например, «Кино и культура» или «Кино». «Советский экран» был самым массовым журналом о кино, в то время как журнал «Искусство кино» презентовался как орган советской кинокритики и имел не столь обширный тираж.

Гендерные исследования репрезентации образов мужественности и женственности в СМИ охватывают разные эпохи и разные направления и специализации³⁶³. Общим местом данных исследований являет-

³⁶³Тартаковская И. «Сильная женщина плачет у окна»: Гендерные репрезентации в советской и постсоветской массовой культуре // Аспекты социальной теории и современного общества. Под ред. С. Кухтерина и А. Согомонова, М.

ся признание того факта, что СМИ играют значительную роль в конструировании гендерных идентичностей. СМИ были и остаются агентами влияния, не смотря на отсутствие прямой гендерной спецификации (как в исследуемом случае).

Настоящее исследование анализирует визуальную и вербальную идеологию двух советских журналов о кино за период с 1959 – по 1969. Вслед за российскими исследователями генедерного конструирования посредством СМИ, используется понятие «канона». Методология исследования строится на анализе формирования и закрепления вербального и визуального канона репрезентации кинофестиваля. Сфера кино, в силу исторических причин, указанных выше была более открыта к новым идеям и ценностным ориентирам и как следствие журналы о кино – «Советский экран» и «Искусство кино», не смотря на обязательный официальный идеологический фильтр, были в определенной степени более смелыми в демонстрации генедерных ролей нетрадиционных для советского общества.

Е.В. Волков

Челябинск, Южно-Уральский государственный университет

КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ВРАГА В ЖЕНСКОМ ОБЛИЧИИ. СЛУЧАЙ ЛЮДМИЛЫ КАСАТКИНОЙ

22 февраля 2012 года ушла из жизни актриса театра и кино Людмила Касаткина, признанный профессионал своего дела. Скончалась через 11 дней после ухода мужа, режиссера Сергея Колосова, который снимал ее в большинстве своих картин. Одной из них стал четырехсерийный телефильм «Операция «Трест» (1967), подготовленный к 50-летию Октябрьской революции по мотивам романа-хроники советского писателя Л.В. Никулина «Мертвая зыбь» (1965).

2000. С. 155 – 176; Тартаковская И. Мужчина и женщина на страницах современных российских газет: дискурсивный анализ // Рубеж. 2000. № 5. С. 168 – 241; Дашкова Т. Идеология в лицах. Формирование визуального канона в советских журналах 1920–х – 30–х годов // Культура и власть в условиях коммуникативной революции XX в. Форум немецких и российских исследователей. Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова и И. Гарбовского. М., 2002. С. 103 – 128

Актриса показана здесь в образе врага, руководителя нелегальной белоэмигрантской группы Марии Владиславовны Захарченко³⁶⁴. Зрители увидели в ней сильную, амбициозную и в то же время обаятельную женщину, безмерно любящую Россию. Она готова ради спасения родины оставить спокойное пребывание в эмиграции и тайно, подвергая себя опасности, пробираться в советскую страну, чтобы активно бороться против большевистского режима.

На экране предстала женщина-офицер, племянница генерала А.П. Кутепова, принимавшая участие в гражданской войне в рядах Добровольческой армии. Захарченко продолжает свою борьбу и после победы большевиков в России, неоднократно нелегально пересекая границу и совершая террористические акты и диверсии. По словам руководителя чекистов (актер А. Джигарханян), это – «опытный враг», стреляющий «как Бог». А соратники именуют ее между собой «Жанной д'Арк» или «бешенной бабой». Причем Мария не ищет личных благ, она – идейный враг большевизма, безмерно верящая в монархическое будущее России. В ее мечтах рисуется парад белых войск в Москве, которым будет командовать генерал Кутепов, а принимать великий князь Николай Николаевич.

Захарченко претят бесконечные рассуждения о будущих планах политического переворота среди сотрудников «Треста». Мария стремится к активной террористической и диверсионной деятельности, жаждет заняться настоящим делом, а не произносить бесконечные словесные тирады. Она просто задыхается без активной борьбы с большевиками.

Мужчины, которые становятся близкими для нее, как правило, «попадают под каблук», и начинают либо действовать по указаниям Захарченко, либо, в конце концов, расстаются с ней. Сама о себе Мария говорит: «Если я что-либо задумала, я от своего не отступлюсь».

Она, как человек опытный и осторожный, одной из первых стала подозревать А.А. Якушева (актер И. Горбачев), руководителя «Треста», в предательстве. «У меня такое ощущение, – говорит Захарчен-

³⁶⁴ Захарченко-Шульц (урожд. – Лысова) Мария Владиславовна (1893–1927) родилась в Пензе в дворянской семье, окончила Смольный институт благородных девиц в С.-Петербурге (1911). В период Первой мировой войны (в 1915 г.) добровольцем ушла на фронт в гусарский кавалерийский полк.

ко, – что я под колпаком, где выкачан воздух. Дышу, а воздуха нет». Именно Мария, когда раскрылась игра ОГПУ, застрелила ближайшего помощника Якушева по деятельности в «Тресте» красного командира Алексея Зубова. Она планировала расправиться и с главным изменником, но только отсутствие Якушева на своем рабочем месте, в наркомате путей сообщения, спасло ему жизнь.

В одной из финальных сцен картины Мария погибает с маузером в руках, окруженная врагами, но не сломленная духом. По первоначальному варианту сценария в ответ на требование Артузова прекратить сопротивление она дерзко бросает: «Нет! Смотрите, как умирают за веру, царя и отечество!». Но такая реплика классового врага на экране, окрашенная героикой, советским чиновникам показалась не совсем приемлемой. Сценарий «подрезали», и этих слов из уст Людмилы Касаткиной зрители не услышали. Однако даже и без подобных купюр образ Марии Захарченко получился на редкость запоминающийся и убедительный. Как отметила биограф Касаткиной, она не играла «оголтелого врага». «Уйдя от ходульного и прямолинейного решения, актриса раскрывает историю сложную, временами даже драматическую... При всем тщеславии и фанатизме Захарченко не будущие блага и возможность прославиться манили ее. Захарченко в исполнении Касаткиной – сильная натура, и она любит Россию»³⁶⁵. После выхода картины некоторые кинокритики отмечали отличную игру актрисы и сильный характер ее героини. Вскоре Касаткина получила письмо от зрителя Э.М. Григорьевой из Ярославля, которая оказалась свидетелем гибели М.В. Захарченко. «Она, конечно, не надуманный образ, как некоторые считают, – писала Григорьева, – я ее видела в лесу уже мертвую, когда ее положили на телегу. Я стояла и смотрела на нее. Все-таки была она смелая и сильная...»³⁶⁶.

Немалое влияние на создание такого женского характера оказал известный в прошлом политик с дореволюционным стажем, монархист, участник Белого движения В.В. Шульгин, живший после освобождения из тюремного заключения во Владимире. Шульгин, как свидетель истории с «Трестом», в феврале 1967 г. составил критическую

³⁶⁵ Чеботаревская Т. Людмила Касаткина. М., 1972. С. 110 – 111.

³⁶⁶ Касаткина Л.И., Колосов С.Н. Судьба на двоих. Воспоминания в диалогах М., 2005. С. 254

записку о романе Л.В. Никулина «Мертвая зыбь», обвинив писателя в отходе от исторической правды. Суть критики Шульгина сводилась к следующим тезисам. Во-первых, организация под названием «Трест» изначально не создавалась чекистами. Она некоторое время действительно существовала в Советской России подпольно. Только позднее в нее внедрились советских агентов. Во-вторых, главный «провокатор» А.А. Якушев, с помощью которого и удалось развалить «Трест», являлся человеком, на судьбу которого повлияли один из лидеров большевиков Л.Д. Троцкий и руководитель ОГПУ Г.Г. Ягода. Первый устроил Якушева как специалиста по водным транспортным путям на государственную службу, а второй вытащил впоследствии его из советской тюрьмы и предложил сделку – оказать помощь органам в обмен на свою свободу. Обо всем этом в романе не говорилось ни слова. Якушев был показан, как человек, сознательно боровшийся против белой эмиграции. В-третьих, мужественная и смелая патриотка М.В. Захарченко, готовая всегда пожертвовать собой ради борьбы с большевизмом, предстала у Никулина в уничижительном и отталкивающем виде. Писатель изобразил ее в виде «мегеры, жаждущей крови». «Прием знакомый, чтобы еще возвысить высоту красных, надо опозорить белых. Но мне кажется, – писал Шульгин, – что это устаревшее оружие. Этим преувеличениям уже не верят». Он считал Захарченко стойкой и мужественной женщиной, погибшей за Россию, и даже предлагал в будущем установить ей памятник на Лубянской площади вместо стоящего там монумента Ф.Э. Дзержинскому. Еще одна линия критики состояла в том, что руководитель чекистов Дзержинский предстает в романе как «рыцарь без страха и упрека», но «у него руки в крови многих людей, виновных только в том, что они думали иначе, чем люди, захватившие власть». По мнению Шульгина, Никулин, прославляя таких провокаторов прошлого, как Дзержинский и Якушев, «сам становится провокатором в настоящем»³⁶⁷.

В период подготовки фильма по мотивам романа Л.В.Никулина режиссер С. Колосов, также как когда-то писатель, встретился с Шульгиным и записал его устные воспоминания о лидерах белой эмиграции П.Н.Врангеле, А.П.Кутепове, А.А.Якушеве и М.В.Захарченко. Уже после отъезда режиссера Шульгин составил «зарисовку» своих воспоми-

³⁶⁷ ГАРФ. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 300. Л. 2–11, 26, 27–28, 30, 44, 51, 71–72

наний и отправил ее на «Мосфильм». В отличие от произведения Никулина он представил Марию Захарченко стойкой и мужественной женщиной³⁶⁸. Воспоминания Шульгина, указания режиссера, а также личная интуиция и профессионализм позволили Касаткиной создать неординарный и во многом правдивый образ врага советской власти. На экране она предстает одновременно женственной, красивой и в то же время властной, смелой и мужественной личностью.

В ее поведении просматривается маскулинность, подкрепляемая сигаретой во рту и пистолетом в руке. В то же время, нельзя не сказать о феминных чертах этой личности, обладающей женским обаянием и шармом, влекущих к ней мужчин. Подобное сочетание маскулинных и феминных атрибутов в поведении получило в гендерных исследованиях название андрогинии³⁶⁹. Такое проявление мужских и женских черт в характере очень важно для творческой личности, особенно для актеров, стремящихся представить зрителям запоминающиеся и жизненные характеры своих героев.

Итак, во второй половине 1960-х гг. под влиянием еще не полностью ушедшего в прошлое духа «оттепели», часть советских кинематографистов, снимавших историко-революционные картины о гражданской войне и борьбе с белой эмиграцией, сумели создать более правдивые и неординарные, несмотря на цензуру, образы классовых врагов. Одной из ярких ролей в плеяде отрицательных персонажей-белогвардейцев, стал характер Марии Захарченко, блистательно сыгранный Людмилой Касаткиной. Этот фильм с ее участием получил признание и имел большой успех у советских зрителей.

Обратим внимание на некоторые жизненные обстоятельства актрисы, которые демонстрируют как феминные, так и маскулинные черты ее характера. В самом начале актерской карьеры она связала свою жизнь с режиссером С. Колосовым, снимавших ее почти во всех своих картинах, причем в ведущих ролях. И даже свои мемуары Касаткина выпустила совместно с мужем, хотя для миллионов зрителей в Советском Союзе, а затем – в России и других странах СНГ она являлась более известной личностью, чем ее спутник жизни. На наш взгляд,

³⁶⁸ ГАРФ. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 300. Л. 93 – 99; Касаткина Л.И., Колосов С.Н. Указ. соч. С. 248 – 251.

³⁶⁹ Словарь гендерных терминов / ред. А.А.Денисовой. М., 2002. С. 8 – 9; 35 – 37.

именно такое умение найти золотую середину, то есть некий баланс между феминностью и маскулинностью, позволил Людмиле Касаткиной стать мастером своего дела и создать яркие, запоминающиеся образы в театре и кино.

А.Д. Попова

Рязань, Рязанский гос. университет имени С.А. Есенина

ОБРАЗ ЖЕНЩИН СУДЕЙ И СОТРУДНИЦ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СОВРЕМЕННОМ МАССОВОМ ИСКУССТВЕ

Детективные сериалы заняли прочное место в современном массовом искусстве. Интересной чертой этих фильмов является практически обязательное присутствие среди персонажей, стоящих на страже закона (судей, следователей, оперативников), женских образов. В советскую эпоху в фильмах «про милицию» образ правоохранителя в гендерном аспекте чаще имел суровое мужское лицо. Женщина-следователь, а уж тем более женщина-оперативник встречались редко. Представляется интересным проанализировать наиболее типичные черты в современном искусстве образов женщин, стоящих на страже закона, а также выявить какие тенденции в эволюции общественного статуса женщины они отражают.

Для анализа отбирались героини наиболее известных сериалов, неоднократно повторяемых и доснимаемых: «Тайны следствия» (11 сезонов), «Улицы разбитых фонарей» (11 сезонов), «Возвращение Мухтара» (4 сезона), «Каменская» (6 сезонов), «Дорожный патруль» (3 сезона), «Глухарь» (4 сезона), «Ваша честь»³⁷⁰ (2 сезона). Данный список не является исчерпывающим³⁷¹, однако эти сериалы можно назвать наиболее популярными.

В выборку вошло 10 героинь разного профессионального профиля: 3 следователя (Швецова – «Тайны следствия», Брусникина, Михайлова – «Возвращение Мухтара»). 5 оперативников (Каменская – «Каменская», Абдулова, Лапина, Ушакова – «Улицы разбитых фонарей», Воронина – «Дорожный патруль»), начальник ОВД (Зими́на –

³⁷⁰ Продолжение сериала с теми же героями вышло под названием «Суд».

³⁷¹ «Преступление будет раскрыто», «Дело Крапивиных», «Прощай, «Макаров»!», «Журов», «Морской патруль». «Крутые берега» и др.

«Глухарь»), судья (Серегина – «Ваша честь»). Самый распространенной экранной профессией женщины, стоящей на страже закона является оперативник (5 героинь в данной выборке). В реальной жизни действительность несколько иная: женщины есть среди следователей, еще больше среди судей, а вот женщина-оперативник скорее исключение, чем правило. Такое расхождение с реалиями жизни легко объяснимо. Именно фильмы, показывающие работу уголовного розыска, считаются наиболее зрелищными, т.к. позволяют включать так любимые зрителями сцены погонь, драк. Образ привлекательной оперативницы расширяет число поклонников сериала.

Проведенный анализ позволяет обобщить некоторые наиболее типичные черты экранных сотрудниц органов правопорядка. Все героини молоды и привлекательны. Большинство из них имеют опыт службы, но не достигли высшей лестницы служебной карьеры, носят погоны старшего лейтенанта или капитана. Исключение составляют лейтенант Катя Лапина и подполковник Зимина, она не просто дослужилась до подполковника, но и возглавляет райотдел.

Все героини представлены как женщины интеллектуальные и образование. Две из них даже закончили университет (Каменская и Абдулова). Широкою эрудицию, высокий уровень аналитических способностей демонстрирует другие женщины. В большинстве современных детективных фильмах осознанно допускают моменты, когда герои оказываются не достаточно эрудированны и грамотны. Так в одной серии «Улицы разбитых фонарей» молодому оперативнику Паше достается за перл «у трупа стояла трупья жена». Однако женские образы для этого не используют. Наоборот, именно они чаще просвещают коллег по различным вопросам. Только однажды Катя Лапина, допрашивая художника, попадает в простак: не может понять, почему он назвал котенка с разорванным ухом Ван Гогом.

Интересно, что также все женщины представлены отличными работниками, а некоторые являются профессионалами экстра-класса, способные дать фору мужчинам (Швецова, Каменская). Правда, девушек-оперативниц больше используют не для проведения задержаний, а для сбора информации, хотя в некоторых случаях показаны примеры участия в оперативных комбинациях. Однако физическая подготовка обыгрывается редко. Трудно предположить, как большинство героинь справляться со сдачами обязательными нормативами по физической подготовке и стрельбе, которые в милиции сдаются регулярно.

Только капитан Воронина и капитан Абдулова демонстрируют безупречную физическую форму. Во всех фильмах подчеркивается дисциплинированность и исполнительность героинь. Если у мужчины случаются «залеты», начальство предъявляет к ним обоснованные претензии, то с женщинами такого не случается. Более того, в фильмах даже аспекты службы, которые традиционно дается женщинам труднее (служебная субординация, ношение формы, «дежурные чемоданчики») у героинь проходят безупречно.

Также типичной чертой образов женщин-правоохранителей является высокие моральные качества. Ради торжества справедливости они готовы идти на конфликт с начальством. Женщины – правоохранители в фильмах практически не допускают даже небольших нарушений законности, что иногда делают их коллеги мужчины. Исключение составляет Зимина, которая вписалась в особенности работы своей системы.

Большинство героинь занимают подчиненное положение, однако есть и руководители. Швецова становится помощником прокурора. Подполковник Зимина возглавляет районный отдел милиции. Следователи Брусникина и Михайлова обладают властными полномочиями по отношению к оперативникам, а капитан Воронина имеет в подчинении одного сотрудника. Авторы фильма создают своих героинь идеальными руководителями. Они требовательны, но сами всегда готова прийти на помощь, справедливы. В качестве рычагов воздействия на подчиненных больше используют не приказ или наказание, а уговоры, убеждение, иногда улыбку.

Все героини, кроме судьи Серегиной, работают в мужских коллективах. Их положение в этих коллективах, отношения с мужчинами также приукрашено. Только Каменская (и то только по книге) испытывает трудности завоевания авторитета среди коллег-мужчин. Все персонажи являются гордостью мужского коллектива. Ими восхищаются и гордятся, стараются оберегать от опасности, но в то же время не оспаривают их профессионализма. Практически никто из героинь не сталкивается с дискриминацией, намеками, что занимаются не женским делом. Наоборот, рыцарское отношение подчеркивается во многих фильмах. В «Улицах разбитых фонарей» начальник отдела Соловец призывает своих подчиненных не забывать, что Лапина – девушка, оказывать ей знаки внимания, беречь ее, в то время как в реальной жизни часто исходят из принципа «у нас нет мужчин и женщин, у нас есть сотрудники». Если в профессиональном плане все героини доста-

точно благополучные, то в личном плане у них обстоят хуже. Большинство из них не замужем, мало обыгрываются традиционные женские качества: умение готовить, вести домашнее хозяйство, рукодельничать. Единственным традиционным женским качеством, которым блистают практически все героини, является умение элегантно выглядеть, со вкусом одеваться.

Обобщая сказанное, можно сказать, что образы женщин, стоящих на страже законе, представлены в контексте современных представлений об идеале женщины: на первый план выходят такие качества, как образование, инициативность, способность на равнее с представителями противоположного пола качественно выполнять мужскую работу, в тоже время, второстепенное значение имеют традиционные моменты (семья, ведение домашнего хозяйства).

А.Л. Шишелякина

*Тюмень, Институт проблем освоения Севера СО РАН,
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН*

ЖЕНСКАЯ ТЕМАТИКА В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Публичное пространство представляет собой некую арену, место обсуждения общественно значимых проблем, и соответственно, формирования (конструирования) общественного мнения. Представляется, актуальным, выяснить, как женская тематика представлена в публичном пространстве.

Цель исследования – анализ репрезентации женской тематики в публичном пространстве. Хронологические рамки исследования – первое десятилетие XXI в. (2000–2012 гг.). Территориальные рамки – Тюменская область. Источники исследования: 1. Пресса регионального значения – газеты «Тюменская область сегодня», «Тюменская правда», «Тюменские известия»³⁷². В публикациях этих газет отражены позиции представителей органов власти, т.н. официальной общественности, а также позиции журналистов. 2. Выступления государственных и общественных деятелей на различных мероприятиях («круглые столы», форумы).

³⁷² Газеты финансируются администрацией и правительством области.

В результате исследования выявлено следующее. Основные акторы, обращающиеся к женской тематике в публичном пространстве Тюменской области – это чиновники (в первую очередь, руководство области), представители общественности (ученые; женские, национальные, религиозные и пр. организации), журналисты. В начале 2000–х гг. (2000 – 2003 гг.) в публичном пространстве женской тематике отводилось значительное место. Информационными поводами появления публикаций, выступлений были различные мероприятия, проводимые в области (например, конкурсы для женщин–руководителей), а также поздравления, приуроченные к 8 марта. Образы женщин и дискурсы в этот исторический период отличаются разнообразием, но наиболее часто акторы обращались к образам женщин–лидеров, управленцев достигших успехов в какой–либо сфере; женщин–ветеранов труда, а также женщин в контексте семейных отношений.

Образ женщин руководителей, управленцев раскрывался через конкурсы, поддерживающие успешных женщин, проведение мероприятий (например, Гражданский форум³⁷³) на женскую тематику и публикаций в СМИ на тему необходимости участия женщин в политике и бизнесе, развития области. *«Настоящий руководитель никогда не придает значения тому, кто он – мужчина или женщина. Ведь вопросы не бывают ни мужскими, ни женскими. Они просто вопросы»*³⁷⁴. При обращении к указанному образу, акторы (представительницы бизнеса, научного сообщества, журналисты), как правило, использовали умеренно–феминистскую риторику.

Отметим существование и традиционного дискурса. Он актуализировался при обращении к *женским образам в контексте семейных отношений*. В этом случае образ женщины представлялся как дополнительный (комплементарный) по отношению к мужчине, мужским образам и зачастую воспроизводился руководителями области. Поздравляя с международным женским днем, С. Собынин (губернатор Тюменской области) отметил: *«женщина во все времена была источ-*

³⁷³ Одна из официальных площадок в Тюменской области.

³⁷⁴ Галина Рокецкая (председатель совета директоров Тюменского городского банка). У бизнеса нет лица ни мужского, ни женского // Тюменские известия, 7 марта 2000. № 44. С. 2.

ником вдохновения, воплощением милосердия. Трудно представить сегодня развитие Тюменской области без активного участия женщин. Преуспевающие бизнес-леди, доктора наук, педагоги, врачи – где бы вы не работали всегда находите силы оставаться хранительницами домашнего очага, и просто красивыми, умными и понимающими женами, подругами, мамами»³⁷⁵. Или «в любое, даже самое трудное и беспокойное время женщина оставалась хранительницей домашнего тепла и уюта. И сегодня для каждого из нас вы – источник надежды, оптимизма и вдохновения»³⁷⁶ (С. Корепанов, председатель Тюменской областной Думы). Интересно, что автор не встретила публикаций презентующих мужчин через семейную сферу как отцов, мужей. В течение последнего десятилетия (2000 – 2010 гг.) произошли определенные изменения в общественно-политической, социальной жизни, отразившиеся и на региональном уровне. К 2010 – 2012 гг. в публичном пространстве женская тематика, в целом оказалась «загнанной» в семейную сферу. Поводом для обращения акторов к женской теме стали мероприятия, посвященные 8 марта, Дню семьи, Дню матери, публикации, посвященные этим же датам, а также круглые столы, касающиеся вопросов сохранения семейных ценностей. Актуализированы проблемы сохранения института семьи и брака, материнского (семейного) капитала, демографии, многодетности и пр. В общем, риторика акторов – представителей государственной власти, т.н. официальной общественности (особенно религиозных сообществ) и журналистов (остальные акторы либо были вытеснены из публичного пространства, либо не проявляли публичной активности) – характеризуется однообразием.

Важно отметить, что в публичном пространстве присутствует несколько моделей семейных отношений: партнерские, традиционные, и наиболее распространенная – полутрадиционная, когда *женщина совмещает работу с семейными обязанностями и домашним бытом*. В качестве положительной тенденции следует заметить, то, что в публичном пространстве появились публикации посвященные отцовству, правда и они представляют отца традиционно, как главу семьи отвечающего за существование семьи в социуме, финансовую стабиль-

³⁷⁵ Собянин С. Поздравления с 8 марта // Тюмен. правда. 7.08.2003. № 41. С. 1.

³⁷⁶ Корепанов С. Поздравления с 8 марта // Там же.

ность и формирование у детей картины мира и пр. Маскулинность по-прежнему поддерживается милитаристскими образами. Итак, в течение последнего десятилетия относительно женской тематики в публичном пространстве области проявилась тенденция к однообразию и традиционализму.

О.В. Лыскова

Саратов, Саратовский гос. тех. университет им. Гагарина Ю.А.

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО ОТЕЧЕСТВЕННОГО ТУРИЗМА: КУЛЬТУРНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Каждая историческая эпоха формирует свои образы туристов, модели рекреационного поведения и соответствующие им типы и особенности социальных отношений. На основе письменных и визуальных источников нами предпринимается интерпретативный анализ репрезентаций женского образа в системе советского и постсоветского туризма и курортного отдыха.

Туризм как совокупность индивидуальных и коллективных практик приобретает культурные коды и символы на разных хронологических этапах своего развития. В анализе визуальных явлений в разных контекстах общественной жизни (дом, работа, потребление, образование, религия, политика, наука, искусство, спорт, отдых) П. Штомпка особо выделяет путешествие. Здесь главная роль отводится личности «туриста», который выполняет действия «посещения» культурных объектов – «памятников» с интеракцией «объяснение» в процессе коллективной «экскурсии»³⁷⁷.

В рамках социальной политики 1950–1960-х годов курорты рассматриваются одновременно как отдых, лечение и награда за труд. Здравницы строились монументальными, насыщенными советской символикой. Приезжая сегодня в санатории и на курорты Южного берега Крыма, Черноморского побережья Кавказа, региона Кавказские Минеральные Воды, Кабардино–Балкарии, Абхазии, отдыхающие встречаются с атрибутами советской эпохи.

³⁷⁷ Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования. М., 2007. С. 44.

Советский туризм как особая сфера деятельности нашел воплощение в изобразительном искусстве. Туризм и отдых советских граждан были важной темой презентации в формате художественного плаката, ставшем выразительным средством пропаганды, с одной стороны, туризма как вида социальной активности, с другой – средством популяризации туристических маршрутов и советских курортов. Советские агитационные плакаты показывали людям, живущим трудно, столь необходимую им в повседневности социальную конструкцию, где все хорошо: пляж, солнце, море, живописная природа, положительные эмоции на лицах привлекательных девушек и юношей. Советские художественные плакаты вносили существенную лепту в сакрализацию сложной социальной реальности, называвшейся «Советской страной»³⁷⁸.

Восприятие эстетического воплощения, формы, композиции и социального содержания советских туристических плакатов современными зрителями является познавательным, увлекательным и эмоционально насыщенным занятием. Как отметили П.В. Романов и Е.Р. Ярская–Смирнова, «зрительское восприятие политизируется в определенном культурном и историческом контексте, советская зрелищность упорядочивает визуальные объекты, предназначенные для рассматривания. Так в результате целевой культурной политики возникает специфический визуальный "лексикон" эпохи, воплощаемый в изобразительном искусстве, образном строе и стилистике киноязыка, плаката»³⁷⁹. В 1960 году драматургом и сценаристом Н.Ф. Погодиным была написана книга «Цветы живые», в которой представлен образ главной героини Серафимы, отправляющейся отдыхать на курорт:

«Уезжает она, миленький мой... уезжает на курорты... Сердечные боли лечить, плавать, загорать, деньги тратить»³⁸⁰.

³⁷⁸ Савельева О.О. Советская реклама 20-х годов как средство агитации и пропаганды // Человек. 2006. №3. С. 97.

³⁷⁹ Романов П., Ярская–Смирнова Е. «Глазной советский человек»: правила (подо)зрения // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М., 2009. С.8.

³⁸⁰ В 1960 г. по книге был поставлен одноименный спектакль в московском театре Ленком (реж. Б. Толмацкий), в 1961 г. – в Театре юного зрителя в Саратове (реж. Ю. Киселев)

В одной фразе предстают основные виды деятельности советской труженицы «на отдыхе» – оздоровление, активный досуг, сопровождаемые тратой накопленных к курортному сезону денег. В литературной и в художественно-образной форме воплощался идеал мирной жизни, курортного отдыха советских граждан. В иконографии плаката М.А. Нестеровой–Берзиной (1941) «Трудящимся – здоровый отдых!» символичен образ молодой романтической девушки, смотрящей вдаль и опирающейся рукой на книгу. Девушка изображена у кипариса в обрамлении цветущей растительности на фоне крымского пейзажа: архитектурная композиция из фриза и колоннады коринфского ордера, за которой виднеется многоэтажный корпус нового санатория – все указывает на благополучие страны, еще не подвергнутой разрушениям войны. Рекреационная символика обрамляется морем и небом. Благоустроенный и эстетически привлекательный отдых является прямым следствием добросовестной трудовой деятельности.

На плакате Б. Белопольского (1950) «В сберкассе деньги накопила, путевку на курорт купила» изображен райский уголок для отдыха советской труженицы. Идейное содержание плаката подчеркивает социальную доступность курортного отдыха: за центральным персонажем счастливой обладательницы сберегательной книжки и путевки находятся фигуры второго плана – многочисленные рекреанты. В яркой и доступной для восприятия форме представлена не только цель – полноценный отдых на курорте, но и средство, технология, как этого достичь – «Храните деньги в сберегательной кассе». На обоих плакатах главный персонаж – молодая симпатичная девушка как олицетворение счастливого настоящего и будущего, что и был призван символизировать советский туризм и санаторно-курортный отдых.

Сходные лечебно-оздоровительные процедуры для рекреантов – термальные ванны – представлены на фотографиях 1950–х и 2000–х годов. Обращает на себя внимание, что более полувека назад среди пациентов – только мужчины³⁸¹, в то время как на запечатленном современном термальных ваннах на Камчатке фотоснимке – преимущественно женщины³⁸². На фотографии 1950–х годов присутствует, кро-

³⁸¹ Фото В. А. Дерябина. 1950–е годы. Народные ванны. Из фондов Государственного архива Ставропольского края. №1 – 5909

³⁸² Фото С. Максимишина. 2003 г. Термальные ванны. Камчатка

ме рекреантов, представитель персонала – измеряющая температуру воды медсестра.

Исторические изменения социальных практик и моделей поведения отечественных туристов активно транслируются в медийном пространстве. Современный выездной туризм презентуется своеобразным провайдером счастья: в поисках друзей и мужей россиянки отправляются в Турцию и Египет, о чем перманентно сообщают СМИ.

На рисунках современного художника и дизайнера В. Суroveгина, иллюстрирующего журнал «Турбизнес», российский туризм представлен в очертаниях пребывающих в окружении туристских символов двух символически однооких женщин, простерших вверх руки³⁸³. Художественное воплощение пляжного отдыха представлено контурами моря и золотого песка, на котором расположились два лежака с мужчиной и женщиной. Проникнутый авторской иронией рисунок тонко выражает мотивы и специфику своеобразной активности пляжных туристов. Иллюстрация круиза также включает символические фигуры мужчины (капитана или туриста) и женщины (туристки), смотрящих друг на друга в антураже целого ряда функциональных и символических атрибутов: плывущего по морской глади лайнера, подозрной трубы в мужской руке и фотоаппарата в женской, культурных и природных памятников на втором плане.

РАЗДЕЛ 22. ЖЕНСКИЙ И МУЖСКОЙ ВЗГЛЯД НА ЛИХИЕ ГОДЫ СТРАНЫ: ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ

С.Е. Паулсон

Магнолия, США, Университет Южного Арканзаса

ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ В ПЕТРОГРАДЕ ДВОЕВЛАСТИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ ПОСОЛЬСТВА США.

Петербург создавался как северная столица и окно России на Запад, и неудивительно, что его живая ткань сложилась из переплетенья

³⁸³ Рисунки В. Суroveгина. 2010 г. <http://illustrators.ru/illustrations/367700>

общин – разноликих, разноязычных, разноконфессиональных. Иностранные подданные активно участвовали в жизни города, становясь, таким образом, неотъемлемой частью его судьбы. Американцы воспринимали себя как особую группу – граждан республики, оказавшихся в сердце империи. Многие полагали своим долгом продолжать соблюдение республиканских традиций, подчеркивая их благородство. Падение Романовых вызвало в американской общине энтузиазм, желание помочь рождающейся республике и оставить для потомков свидетельства о процессе ее рождения.

До недавнего времени историки в США предпочитали исследовать мужские свидетельства о Петрограде 1917-го и роли, которую играли в нем американцы. Историк Норман Саул жаловался, что женских голосов не слышно³⁸⁴. Молчание нарушила Ч.Чаттерджи, исследовавшая мемуары журналисток и пришедшая к выводу, что опыт американцев и американок существенно различался. В то время, как мужчины находились в центре политических событий Петрограда и писали о них, женщины очутились на периферии политики. Мемуары последних сообщали о быте эпохи двоевластия. Именно эта бытовая направленность, по мнению Чаттарджи, послужила причиной того, что источники, созданные женщинами, долгое время воспринимались как второстепенные³⁸⁵.

Рассматривая мемуары журналисток, с данным выводом можно согласиться. Однако, следует помнить специфику пребывания и работы этих американок в Питере. Они жили там не постоянно, а лишь наездами, при этом часто отлучаясь в прифронтовые районы. Им сложно было составить целостное представление о жизни и деятельности соотечественников в российской столице. Постоянный член американской общины, жена военно-морского атташе США Полин Крозли заметила, что заезжие вряд ли способны оценить все нюансы ситуации, поскольку для этого надо «содержать в городе собственный дом»³⁸⁶.

³⁸⁴ Saul N. *War and Revolution: The United States and Russia, 1914–1921*. Lawrence, KA., 2001. P. 227.

³⁸⁵ Chattarjee Ch. *Odds and Ends of the Russian Revolution, 1917–1920 Gender and American Travel Narratives* // *Journal of Women's History*, Winter 2008. Vol. 20. № 4. P. 26.

³⁸⁶ Crosley P.S. *Intimate Letters from Petrograd*. N.Y., 1920. P. 73.

По-настоящему жили в Петрограде, активно общаясь с соотечественниками и с русскими, представители посольства США. Цель данной работы – рассмотреть дневники и мемуары посольских американцев и понять, какое участие принимали женщины и мужчины в водовороте событий, коим являлся Петроград в один из самых сложных периодов своей истории, с падения Романовых до Октября. Действительно ли роль женщин так сильно отличалась от роли мужчин, как может показаться на первый взгляд? Какие коррективы в эти различия внесли война и революция?

Свидетельства о дипломатах США в Петербурге эпохи Николая II приводились в письмах жены посланника Кэтрин Брекинридж, а также в мемуарах военного атташе Генри Аллена. Согласно им, функции жен дипломатов в царской столице заключались в обеспечении представительству имиджа, достойного державы. Знакомство с городом начиналось с покупки дорогой мебели, походов к модисткам и антикварам. Так дамы узнавали географию улиц. Изучать они должны были и придворный этикет, чтобы блистать на официальных мероприятиях и приемах. Последние являлись главной сферой, где пересекались роли дипломатов и их жен. Кроме того, мужья помогали с проведением благотворительных акций.

В начале XX в. Россия не считалась приоритетным направлением внешней политики США. Однако, в последние годы правления Романовых США взяли курс на активное развитие торговых связей, и в 1916 г. с этой целью послом в Петроград был направлен бизнесмен Дэвид Фрэнсис. Война и кризис помешали торговым планам. Фрэнсис считал себя виновным в неудачах миссии, а потому падение царизма воспринял с энтузиазмом, полагая, что установление связей с новой Россией реабилитирует его посольство. Усилиями Фрэнсиса США первыми признали Временное правительство. Но вскоре энтузиазм сменила тревога. После февральской революции постоянная телеграфная связь с Вашингтоном была нарушена. Посольство было вынуждено принимать решения без указаний Госдепа, а от этих решений зависели как отношения США с другими державами, так и жизни членов американской колонии на Неве³⁸⁷. События в Петрограде развивались с каледоскопической быстротой. Для выполнения своих задач посольство

³⁸⁷ Francis D.R. *Russia from the American Embassy*. N.Y. 1921. P. 158.

должно было держать руку на пульсе столицы, и сбор информации стал первой необходимостью.

Жены дипломатов и их подруги из американской общины взяли сбор информации на себя, организовав регулярное патрулирование улиц небольшими группами. Эти патрули блестяще описала Полин Крозли. Крозли и ее соратницы знакомились с Питером не по вывескам модных магазинов, а совершали многочасовые походы вдоль очередей за продуктами, запоминая, где и за чем стоят. Они выясняли, в каких районах беспорядки или толпы; посещали митинги и демонстрации, анализируя их политическую направленность и запоминая ораторов. Впоследствии, вместе с мужчинами посольства, они совещались, определяя, насколько взрывоопасна ситуация в городе и какой политический оборот она совершает; какие товары нужно заказывать в США, чтобы посольство и община смогли выжить; какие меры безопасности предпринимать. Находясь в центре событий, американки научились быть чуткими наблюдателями и трезво оценивать происходящее – без восторгов и паники.

Дневники Крозли любопытно сравнить с мемуарами Фрэнсиса. Посол увлекся верой в русских «демократов» и несколько экзальтированно воспринимал митинги, которые посещал. Крозли бывала там же, однако речи ораторов анализировала взвешенно. Походы на митинги, с переводчицей, были для нее практически ежедневным мероприятием. Неудивительно, что она приобрела привычку препарировать русский политический театр. Американка раньше посла пришла к выводу, что России недолго осталось участвовать в войне, и социальные взрывы еще долго будут потрясать страну. Муж Полин, военно-морской атташе Уолтер Крозли, высоко ценил ее информацию и выводы, применяя их в своей работе: «Уолтер говорит, что никто из его знакомых не может оказать ему такую же помощь, как я, в добыче информации. Например, по четвергам вечером, когда мы сверяем свои наблюдения, он с большой точностью может сказать, что витает в воздухе...»³⁸⁸ Примерно в тех же выражениях благодарил свою жену Гарриет и советник посольства Джей Батлер Райт³⁸⁹.

³⁸⁸ Crosley P. Op. cit. P. 178.

³⁸⁹Allison W.T. Witness to Revolution. The Russian Revolution Diary and Letters of J. Butler Wright. Westport, CT., 2002. P. 127–28.

На улицах Петрограда американки интересовались настроениями разных слоев общества. Русские женщины вызывали у них живой интерес. Крозли восхищалась смертницами батальона Марии Бочкаревой и с грустью отмечала, что их жертва напрасна. Необходимо признать, что, помогая посольству, жены дипломатов сами проявляли героизм, подвергаясь опасности наравне с мужчинами³⁹⁰. На патрули они нередко выходили под пулями. В дни июльского кризиса Крозли оказалась в гуще перестрелки. Она бросилась в направлении огня: посольство и община должны были знать, что происходит.

В хаосе Петрограда большую долю работы с общиной посольские жены взяли на себя. Гарриет Райт и Полин Крозли устраивали в своих резиденциях ужины для сограждан, спасая их от голода. Организация ужинов стоила титанических усилий: требовалось добыть продукты, координируя их поиски в многочасовых очередях, а также руководить приготовлением блюд, объясняясь с русской прислугой на пальцах. Ценя усилия жен, дипломаты старались помочь им: добывались доставки продуктов из США. Отдавая должное американкам, надо признать, что они не замыкались на помощи согражданам. Крозли подчеркивала в своем дневнике, что коренным жителям Петрограда помощь нужна в первую очередь. На американские ужины она старалась пригласить как можно больше русских.

На прием к Уолтеру Крозли потоком шли русские офицеры – с просьбой о зачислении в американскую армию и выезде в США. Зная, что в Петрограде шли расправы над офицерами, они переживали за свои семьи. Атташе сочувствовал им, но не имел полномочий удовлетворить их прошения. В какой-то момент ему стало ясно, что офицеры понимали призрачность надежд и приходили для того, чтобы рассказать о своей судьбе и чтобы кто-то донес их истории для потомков. Приемы вместе с Уолтером стала проводить Полин. Она оказалась прекрасным слушателем и приобрела в городе новых друзей.

Американки организовали в Питере и собственный военный лазарет. Во время войны лазареты для русских солдат создавали и другие иностранные общины. После Февраля они закрылись. Лазарет США продолжал работать благодаря энергии и бесстрашию таких женщин, как Гарриет Райт. Вместе с мужьями американки подыскивали для не-

³⁹⁰ Crosley P. Op. cit. P.77, 106.

го спонсоров на родине. Семьям больных отправлялись посылки с предметами первой необходимости. Неоднократно в здание вламывались агитаторы с призывом громить иностранок, но пациенты каждый раз вставали на их защиту. Лазарет закрылся только в ноябре 1917 г., когда дипломаты США вывезли посольских женщин из Петрограда.

Анализ деятельности женщин и мужчин посольства США в Петрограде двоевластия показывает, что война и революция существенно изменили роли, которые они играли в дипломатических кругах, американской общине и городе в целом. С падением царизма и кризисом роль светских дам, традиционная для жен дипломатов, стала неактуальна. От женщин потребовалось непосредственное участие в работе посольства. И пусть они не занимали высоких официальных постов, информация и аналитические выводы, которые они предоставляли, оказывали влияние на принимаемые решения. Дневник Крозли, например, изобилует политическими наблюдениями и не вписывался в формат светской или бытовой хроники. Кроме того, она помогала проводить приемы офицеров, что являлось функцией атташе. Благотворительность, которой занимались посольские женщины, в хаосе Петрограда двоевластия также приобрела иной характер. Одной из главных задач посольства было помочь согражданам в экстремальных условиях нехватки продуктов и топлива. Вместо светских раутов жены дипломатов организовывали ужины, чтобы накормить голодных. Оценивая вклад женщин в работу посольства, неверно было бы сказать, что они находились на периферии политики. Они были в ее центре. Посольские американки принимали активное участие в жизни города и за пределами общины, помогая русским с продуктами питания и открыв лазарет. Проявленную ими заботу и милосердие следует помнить как светлую страницу в истории трудных дней Петрограда.

Н.Ю. Бринюк

С.–Петербург, Военно–медицинский музей

**ЛИЧНЫЕ ПИСЬМА – ШТРИХИ К СЕМЕЙНОМУ ПОРТРЕТУ
В.О. КАППЕЛЯ И ЕГО БЛИЗКИХ**

Семья одного из наиболее известных «белых» генералов – Владимира Оскаровича Каппеля (1883–1920) – после его смерти осталась в советской России. Семейные реликвии, многие письма и фотографии погибли в годы Гражданской войны или были уничтожены родственни-

ками генерала позднее, под страхом репрессий. Сохранились лишь две-три открытки, посланные им с фронта Первой мировой.

В Российском государственном военном архиве можно прочесть несколько писем к В.О. Каппелю, написанных его близкими в 1918–1919 гг. Это письма его жены, а также тестя и тещи – Сергея Алексеевича и Елены Александровны Стрельман³⁹¹.

Деятельность В.О. Каппеля как военачальника Гражданской войны началась в мае 1918 г., когда он поступил на службу в штаб советского Поволжского военного округа и выехал в Самару, оставив жену и двоих детей с ее родителями в Перми. Избегая участия в боевых действиях, В.О. Каппель пробыл на службе в РККА менее трех недель. В эти недели он то звал семью в Самару, то, понимая опасность разгоравшегося выступления чехов, просил родных повременить с переездом.

О противоречивости просьб В.О. Каппеля говорят письма С.А. Стрельмана, первое из которых датировано 6 июня 1918 г. Накануне родные получили две телеграммы от В.О. Каппеля «от 2-го и 3-го июня с поздравлением и с отменой вызова нас в Самару»³⁹². С.А. Стрельман жаловался, что семья не получает от В.О. Каппеля писем: даже о том, что он вызывал близких к себе, члены семьи узнали из телеграммы, призывавшей их оставаться на месте. «Если почта идет, как обычно³⁹³ через Челябинск, то неполучение Ваших писем объяснимо чехословацкими выступлениями. Полагаем, что и наш вызов отложен по этой же причине». Тесть рекомендовал зятю отправлять письма волжским почтовым пароходом. Несколько строчек в письме уделялось домашним делам. С.А. Стрельман рассказывал о том, что быт семьи осложнен отсутствием прислуги, ушедшей вслед за отъездом В.О. Каппеля. «Как это отражается на нашей жизни, Вы отлично понимаете, и распространяться об этом нечего».

На обороте отцовского письма о том же писала и жена В.О. Каппеля, Ольга Сергеевна, которая также просила мужа опускать письма на почтовом пароходе. «Крепко тебя целую, дорогой Вовочка, не писала тебе потому что положительно нет времени, у нас нет при-

³⁹¹ Сергей Алексеевич Стрельман (1854 – 1937) – горный инженер, до 1908 г. – горный начальник Пермских пушечных заводов, действ. тайный советник.

³⁹² РГВА. Ф. 39458. Оп. 1. Д. 16. – Л. 19, Л. 19 об., Л. 20

³⁹³ При соблюдении правил орфографии сохранена грамматика авторов.

слуги все делаем сами, да Кике³⁹⁴ привила оспу и он сильно хворал был жар и приходилось день и ночь носить его, теперь Слава Богу поправляется уже оспа присыхает. [...] Я так измучилась ты не можешь себе представить, хоть бы скорее приехать к тебе. Ну будь здоров да хранит тебя Бог горячо целую Оля».

На имя В.О. Каппеля в Пермь поступили деньги из ликвидационной комиссии, и родные просили выслать доверенность на получение их Ольгой Сергеевной; вероятно, спрашивали, какую сумму прислать ему. Сохранился черновик доверенности и текст телеграммы В.О. Каппеля близким (Пермь, Покровская д. 65), без даты, в которой он писал: «Прошу получению письма доверенности немедленно всех выехать Самару выезде телеграфируйте Вознесенская 99 деньги переводить мне не надо жду целую Володя»³⁹⁵.

Другим письмом, датированным 10 июня, тесть переслал поступившее на пермский адрес от военрука Приуральского ВО Д.Н.Надежного предложение принять штаб дивизии в Перми. Не зная о том, что зять уже перешел в лагерь белых, С.А. Стрельман писал о выгодах, которые виделась родным в этой возможности. «Интерес конечно не в лишних 100 рубл., а в устранении надобности в переезде, в знакомстве со здешними условиями и связях наших со здешними. Против может говорить бóльшая близость к армии и связанные с этим хлопоты. Но это все вне нашей компетенции, и весь вопрос конечно должен решаться Вами...» Существовало еще одно предложение о службе в РККА (от некоего Серебренникова), которое было передано В.О. Каппелю родными в не сохранившейся телеграмме. Напомнив о необходимости высылки доверенности, рассказав о семейных делах, о том, что дочь с внуками пошли к знакомым «набрать цветов черемухи и сирени», С.А. Стрельман в конце письма мягко заметил: «Все мы здесь конечно за Пермь, но в то же время все понимаем, что вопрос должен решиться в зависимости от интересов службы». Письмо заканчивалось лаконично: «Поцелуй и поклоны. Ваш А. Стрельман».

События прервали связь В.О. Каппеля с семьей: он оказался одним из деятельнейших врагов большевизма, близкие остались на советской территории. Ольга Сергеевна в поисках заработка поступила

³⁹⁴ Восьмимесячный сын В.О. и О.С. Каппелей – Кирилл.

³⁹⁵ РГВА. Ф. 39458. Оп. 1. Д. 16. – Л. 45.

машинисткой в штаб 3-й Красной армии³⁹⁶, а зимой 1918 – 1919 г., вероятно, по доносу, в качестве заложницы была увезена в Москву, где ее вынудили развестись с мужем. Несколько лет она служила в Наркомфине и увидела родных лишь в 1924 г.

Зимой 1919 г. белые захватили Пермь, и дети Каппеля, 9-летняя Таня и годовалый Кирилл вместе с бабушкой и дедушкой были вывезены в Курган³⁹⁷. Весной они жили с отцом, который формировал в тылу армейский корпус. Узнав о захвате жены красными, В.О. Каппель тяжело переживал: по свидетельству сослуживца, «на его лице появились новые чёрточки усталости и какой-то внутренней грусти»³⁹⁸.

В мае 1919 г. В.О. Каппель вновь отправился на фронт. Вскоре началось отступление колчаковской армии, и летом 1919 г. родные были эвакуированы им в Иркутск. Они старались пересылать письма с направлявшимися на фронт офицерами. Два послания: письмо тестя и записки от тещи и детей, отправленные одновременно, сохранились.

Письмо С.А. Стрельмана от 20 сентября 1919 г. содержит рассказ о том, как семья устроилась на новом месте. «Дорогой Владимир Оскарович. [...] Мы слава Богу здоровы. Живем еще в гостинице, что в конце концов начинает становиться уже неудобным ввиду трудности обслуживания разных хозяйственных надобностей. Но что же делать? Миримся по возможности. Надеемся однако получить комнаты. Не далее как вчера я был [...] у одного из деятелей квартирной комиссии, и он сказал, что в ближайшие же дни начнется обстоятельное разыскание свободных помещений по всем домам, и тогда найдется и нам что-нибудь подходящее. Я опять пользуюсь случаем повторить насчет денег, что их довольно, а именно в 2 раза более, чем Вы послали в последний раз с Е.Р. Борженецким³⁹⁹. С пенсией я устроился, это очень немного, но все же кое-что. [...] Мы шлем Вам поцелуи. Не имеете ли каких известий об Оле. Ваш А. Стрельман»⁴⁰⁰.

³⁹⁶ Лобанов Д.А., Станковская Г.Ф. Судьба семьи генерала Владимира Оскаровича Каппеля // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2004. № 14. С. 82.

³⁹⁷ Федорович А.А. Генерал Каппель. Мельбурн, 1967. С. 56.

³⁹⁸ Зиновьев В.А. Воспоминания о Белой борьбе // Каппель и каппелевцы. М., 2007. С. 389.

³⁹⁹ Офицер штаба В.О. Каппеля.

⁴⁰⁰ РГВА. Ф. 39458. Оп. 1. Д. 16. Л. 17 – 17об.

На узеньком клочке бумаге написали отцу записку дети, вернее, Таня, которая держала руку двухлетнего Кирилла, водившего карандашом по бумаге. «Дарагой папа приезжай к нам Кика». Тесть присо-вокупил 'расшифровку': «Это писал Кика, писал, сидя на коленях у Та-ни, которая водила его руку. Когда процедура началась по инициативе Тани, Кирилл мне сказал лаконически: "папе", хотя разговору и пригото-влений не было, сам догадался. Писал очень терпеливо. А. Стр...»⁴⁰¹

На обороте этого же листка содержалось несколько слов от тещи. Она сообщала о хозяйственных делах: деньгах, отданных за башмаки, шоколад и пудру; о том, как долго жили в вагоне, прежде чем добрые люди устроили в номерах. Е.А. Строльман писала: «Милый Володя!... Если б вы знали как нам всем хотелось бы вас видеть и жить поближе к вам, Бог даст скоро это будет. Крепко целую вас и спасибо за все...».

Этому желанию не суждено было исполниться; близкие никогда больше не увидели В.О. Каппеля. Он умер во время отступления колча-ковской армии 26.01.1920 г., в 400 км от Иркутска. Детей вырастили пре-старелые Строльманы. По словам дочери В.О. Каппеля, в Иркутске, а позднее и в Перми они «хлебнули горя немало»⁴⁰².

Гражданская война погубила миллионы человеческих судеб, раз-рушила многие российские семьи. Пострадала в годы русской смуты и семья российского офицера В.О. Каппеля. Есть основания предполо-жить, что она была дружной. Современники свидетельствовали, что В.О. Каппель «оставил память о себе, прежде всего, как о рыцаре. Ры-царски вежливый, простой, доступный, иногда даже застенчивый, вы-носливый, нетребовательный для себя»⁴⁰³. Среди потомков до сего дня сохранились воспоминания, что «он был человеком замечатель-ным, скромным, красивым, добрым». Случайно сохранившиеся скуд-ные строки личных писем доносят до нас тепло семейных отношений, сердечные родственные чувства, связывавшие близких В.О. Каппеля.

⁴⁰¹ РГВА. Ф. 39458. Оп. 1. Д. 16. – Л. 9об.

⁴⁰² Харитоновна Е.Д. Судьба семьи русского офицера Владимира Каппеля // Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 48.

⁴⁰³ Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. Рига: Изд-во М. Дидковского, 1930. С. 250.

М.И. Мирошниченко
Челябинск, Южно-Уральский государственный университет

**«ОНИ» И «ОНИ»: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОЛЮСЫ
ЖЕНСКОГО ВОСПРИЯТИЯ ПЕРЕМЕН В 1920–Е – 1935 ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ УРАЛА)**

Изучение женского восприятия исторических перемен как познавательного процесса, формирующего субъективную картину мира и предполагающего переживание и осознание субъектом изменений во внешней среде, не только обогащает эмпирическую историю, но и дополняет наши представления о специфике движения истории в проблемном поле онтологической философии истории, помогает преодолеть сужение предметной области исторических исследований в результате господства социально ориентированной истории XX в.

Типичным для эпох гражданских войн примером полюсности восприятия были судьбы дочерей командующего (с 1915 г.) Отдельным корпусом жандармов Д.Н.Татищева. Как бабушке – обер-гофмейстерине Е.А.Нарышкиной и маме – статс-даме В.А.Татищевой, им суждено было стать фрейлинами, но у каждой сложился свой путь. Ирина (1900 – 1983 гг.) стала яркой противницей советской власти. Перемены в их жизни начались весной 1917 г. с ареста отца и брата и выселения из петроградской квартиры (с лифтом и восьмью телефонами)⁴⁰⁴: «...Я думала, что мы уезжаем ненадолго, никто не отдавал себе отчета в истинном положении вещей...». Основные впечатления Ирины от жизни до февраля 1917 г.: веселье, приветливость, блеск, красота и радость. Когда во время обыска офицеры Керенского спросили ее, где находится кухня, она не могла ответить: «...Я не знала, так как никогда ее не видела и не представляла, как туда пройти». Вторично отец и брат были арестованы в мае 1918 г. в Москве. Женщины вновь перебрались в Петроград. Весной 1918 г.: «Я поняла, как голод может толкать людей на кражи». «В мае 1918 г. мы проводили много времени в поисках пищи..., моей главной обязанностью было подметать пол в нашей общей комнате. Когда я попробовала в первый раз, это показалось мне развлечением», – писала И.Д. Голицына. Летом 1918 г. она

⁴⁰⁴ Голицына И.Д. Воспоминания о России (1900 – 1932). М., 2005. С. 6, 7, 59, 41, 57, 74, 69 – 70, 76, 77, 94, 104 – 105.

впервые в жизни вышла из дома одна, без сопровождения и стала работать (в архиве и некоторое время учительницей немецкого и французского языка в с. Ивашково). В сентябре 1919 г. был расстрелян их отец. В первый раз И.Д. Татищева была арестована случайно на квартире знакомых осенью 1923 г.: «Мне казалось, что арест превращает меня в героиню. Я подумала, что обязательно должна сказать им, что я о них думаю». На вопрос о правительстве она ответила: «...Я считаю его не правительством, а кучкой преступников, захвативших власть»; на вопрос «Что бы вы сделали, если бы это было в вашей власти?»: «Повесила бы их на ближайших фонарях». 4 апреля 1924 г. ее арестовали вновь («виновную» в том, что часто приглашалась в британское посольство на воскресные вечера к чаю и танцам). Второй арест закончился ссылкой на 3 года на Урал (в 1925 г. в Перми Ирина вышла замуж за ссыльного князя Н.Д. Голицына). В сентябре 1932 г. им удалось уехать из страны.

Елизавете (1894 – 1970 гг.), уже бывшей фрейлиной императрицы с лета 1914 г., первой из Татищевых пришлось пойти работать при новой власти: сначала в больницу, затем в детский сад. К 1932 г. она стала заведующей московским детсадом. «...Мы были слишком разными... Сестра принимала нашу жизнь такой, как она есть...». Консервативностью отличались женщины-казачки⁴⁰⁵. Активно противились переменам странницы, часть монашенок, женщины из среды толстовства. Толстовки разделяли идеи безгосударственного коммунизма; осуждая войну, поддерживали отказ от несения воинской повинности. В 1930 г. толстовцы вынуждено переселились в Сибирь. Группы уральцев образовали артель «Мирный пахарь», а после 1931 г. пополнили и толстовскую коммуну «Жизнь и труд». В советскую школу своих детей «противленцы злу» не пускали, обучали их в собственных школах, где был урок этики и морали, но не было обществоведения, советские учебники трактовались по-своему. При обследовании такой школы при коммуне «Жизнь и труд» (семь классов, 111 учеников в возрасте от 9 до 17–18 лет) в декабре 1935 г. четко выявилась позиция учительниц-толстовок: «Вы... требовали от преподавателей воспитывать в учениках классовую ненависть. Вы сеете вражду среди людей, а мы против всякой ненависти и вражды. От вашего воспитания у детей

⁴⁰⁵ Голубых М. Д. Казачья деревня. М., Л., 1930. С. 184.

глаза горят злобой к ближнему, презрением»⁴⁰⁶. Дети толстовцев были настроены против пионеров и комсомольцев («...Наши родители и мы не согласны с пионерским и комсомольским учением») и ясно осознавали свою обособленность. Из дневника Мани Кравченко: «30 января [1935 г.]. Сегодня шла от Тани Чеменевой, мне встретилась девочка советская и сказала мне "Здравствуй"».

По иному воспринимала перемены Маша Дикарева, дочь крестьянина-бедняка Тверской губернии. Призванный в армию в 1915 г., он оставил дома жену и восемь детей, старшему – четырнадцать, из них шесть девочек. Они жили в маленькой избе, счастьем было, когда случалось вдоволь хлеба и соли; чай, сахар, мясо считались большой роскошью. Как только дети могли держать в руках мотыгу или вилы, они начинали работать в поле. В 1924 г. Маша по окончании четырех классов деревенской школы поехала с сестрой в Вышний Волочек устроиться в прислуги, а по вечерам учиться. Чтобы заработать деньги, они нанялись рубить дрова местному кулаку, и за две недели получили три рубля (75 центов по курсу того времени). Их отец вернулся с войны сильно больным, но при разделе получил хороший участок земли, и жизнь улучшилась: в 14 лет у Маши появились первые туфли, каждый год ей покупали новое платье. После спора, длившегося годами, мать, уступив давлению детей, сняла иконы со стен. В 55 лет она обучилась грамоте. В 1929 г. Маша уехала в Москву, поступила в Менделеевский институт, работала на полставки лаборанткой. Жила в маленькой комнатке подвального помещения с братьями и сестрами. В 1933 г. переехала в Магнитогорский педагогический институт, работала учительницей в вечерней школе, спала на диване в крошечном гостиничном номере, где жили ее сестра и зять, у нее было два или три платья, две пары туфель и одно пальто. «Маша была очень счастлива в Магнитогорске. Она чувствовала себя так, будто весь мир у ее ног»⁴⁰⁷.

⁴⁰⁶О результатах обследования сельскохозяйственного коллектива «Жизнь и труд» Есаульского сельсовета: докладная записка // Даценко А.Г. Из жизни толстовских коммун в Сибири // Возвращение памяти. Историко-публицистический альманах. Вып. 2. Новосибирск, 1994.

⁴⁰⁷ Скотт Дж. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. Пер. с англ. Л.А. Гуревой /авт. вступ. ст. Л.И. Васькина. М., Свердловск, 1991.

Таким образом, восприятие перемен женщинами, являвшимися представительницами различных групп женского социума, определялось не только их социальным происхождением, условиями жизни, но и внутренним настроением, совокупностью личных качеств.

И.А. Разумова

*Апатиты, Центр гуманитарных проблем Баренц-региона
Кольского научного центра Российской академии наук*

ИСТОРИЯ ВОЙНЫ В ПОМОРСКОЙ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКЕ

«История семьи Жидких поморского села Кандалакша»⁴⁰⁸, рукопись которой была любезно передана для публикации автором, жительницей г. Кандалакша Мурманской области Г. Ф. Белошицкой (урожденной Жидких), и подготовлена в настоящее время к печати в издательстве КНЦ РАН – хроникальное семейно-историческое повествование, представляющее историко-этнографическую ценность. В нем переплетаются конкретное родословие и семейная история конца XIX – начала XXI вв. с историей поморского села. Особенности текста, соотношение к нему типового и уникального определяются а) видом данного исторического источника (семейные мемуары), б) автором (женщина, непрофессионал, имеет высшее педагогическое образование, относит себя к поморам) и рядом дополнительных свойств.

У большинства современных российских семей из них границей социальной памяти являются 1930 – 1950-е гг. Остальное реконструируется по вещественным и документальным свидетельствам. В семье Жидких устные источники удержали биографическую информацию середины XIX в. – о прауродителе Ф. Жидких⁴⁰⁹. Как в большинстве российских семейных хроник, сведения о предках-мужчинах, которые

⁴⁰⁸ Белошицкая Г.Ф. (Жидких). История семьи Жидких поморского села Кандалакша. 2003 – 2006 г. Машинопись. 65 л.

⁴⁰⁹ Факт пленения Ф. Жидких англичанами во время Крымской войны отражен в исторической литературе, семейный текст содержит дополнительные биографические подробности. См.: Ушаков И.Ф. Кольская земля. Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск, 1972, С. 250 – 251; Давыдов Р.А., Попов Г.П. Оборона Русского Севера в годы Крымской войны. Екатеринбург, 2005. С. 48 – 49, 106 – 107.

участвовали в войнах, составляют значительную часть истории. Причастность к этим событиям национального прошлого всегда делает родственников «историческими личностями». Оба деда мемуаристки воевали в Первую мировую войну, один из них – участник боевых действий в Маньчжурии в годы русско-японской войны «Большая история» запоминается через эпизоды частной жизни, связанные, в первую очередь, с переживанием основных семейных событий, в данном случае это расставание близких в исключительных обстоятельствах. Семейная история сохранила женский взгляд на происходившее, поэтому закономерно, что в памяти, во-первых, основное место заняли эпизоды проводов и возвращений воинов, во-вторых, усилен религиозно-этический смысл событий и присутствуют мифологические мотивы – в соответствии с традицией рассказывания о войне. Именно так рассказана биография деда, который по молитве и обету выжил в русско-японской войне. Обет свой он не выполнил и впоследствии не вернулся с Первой мировой. Дополняет сюжет мотив автопредсказания: помня про невыполненный обет, дед сказал, что с войны не вернется. В связи с этим трагическим семейным событием в повествование включаются мотивы мужской дружбы и воинской клятвы земляков, женской верности вдовы.

Перед Великой Отечественной войной бабушке мемуаристки приснился сон с предсказанием «большой беды» и советом молиться. Этот мотив хорошо известен исследователям устной истории войн. Характерно, что предсказание и совет, в свою очередь, исходят от умершей бабушки визионера. Автор неоднократно отмечает, что отсутствие погибших среди близких родственников в годы Великой Отечественной войны – заслуга женщин, которые за них молились, в первую очередь, ее бабушки. Это утверждение доказывается «чудесным спасением» от мобилизации отца и дяди мемуаристки, которые в годы войны трудились в прифронтовой Кандалакше.

Рыбаки всю войну работали на гражданских рыболовецких судах в Баренцевом море, которые не были защищены от вражеских бомбежек и мин, и нередко гибли⁴¹⁰. В «Истории семьи Жидких» есть четыре самостоятельные новеллы – из рассказов отца мемуаристки о проис-

⁴¹⁰ Киселев А.А. Родное Заполярье. Очерки истории Мурманской области (1917 – 1972). Мурманск, 1974. С. 352 – 353.

шествиях, связанных с этим временем. Основу всех рассказов составляет избавление от смертельной опасности (будь то вражеская мина или действия представителей органов НКВД) – благодаря «случаю» («чуду») или героическим и профессиональным действиям человека. Во всех случаях спасения людей автор видит глубокое основание, усвоенное с детства от старших: *«Господь хранил мирных людей, по молитвам их матерей. А молитва матери «в огне не горит и в воде не тонет» – так всегда говорила наша бабушка».*

Прифронтовая Кандалакша постоянно подвергалась бомбардировкам, предприятия работали, население частично эвакуировалось. Сопоставление нашего источника с опубликованными воспоминаниями партийного руководителя военного времени⁴¹¹ подтверждают, что свидетельства мемуариста–эксперта», который занимался руководящей работой, представляют обобщающий, систематизирующий определенные факты «взгляд сверху». Указаны время бомбардировок, объекты, потери, описана организация противовоздушной обороны и т.п. Семейные воспоминания видят те же факты в иной плоскости – в непосредственном приближении и через личные драматические и бытовые обстоятельства: *«Мама потеряла мертворожденного ребенка, так как в одну из бомбежек, прячась под печкой, она сильно ударилась. Одна из бомб упала в 100 метрах от нашего дома...»* и т.д.

Эвакуация населения области осуществлялась через Кандалакшский порт морским путем в Архангельскую область. Туда отправляли и семьи многих кандалакшан. Проблемы эвакуированного населения до сих пор можно изучать преимущественно по устным источникам; в исследованиях речь идет только об организации эвакуации предприятий. По свидетельству Г.Ф. Белошицкой, многие эвакуированные земляки, в том числе близкая родственница, погибли от голода в Архангельской области. Старшие члены семей предвидели такую опасность. В более благоприятной ситуации оказались жители, имевшие родственников в селах соседнего Терского района, где было относительно безопасно. Мемуаристка считает, что волевое решение бабушки отправить невестку с детьми к ее родным в село Умбу Терского района и запрет ехать в эвакуацию спасли им жизнь.

⁴¹¹ Елисеев Г.В. Прифронтовая Кандалакша. Мурманск, 1985.

Как правило, семейные воспоминания сохраняют момент получения известия об окончании войны: где это было, кто принес новость и т.п. Так и в хронике семьи Жидких. Вместе с тем по силе эмоционального переживания, в первую очередь, женщин (а потому и детей военных лет) с этим событием может сравниться отмена карточной системы распределения продуктов в 1947 г. «К нам прибежала другая наша бабушка Антонина (мамина мама) и сообщила эту радостную весть – пишет Г.Ф. Белошицкая. – Бабушки обнялись и плакали».

В эпохи кризисов очень важно, насколько семья может мобилизовать внутренние ресурсы – не только экономические, но культурные, психологические, социальные. Многое зависит от отдельных личностей. Не случайно утверждение Г.Ф. Белошицкой: «Бабушка сделала все, чтобы вытащить нас из войны». В семье Жидких, по мере возможности сохранявшей традиционный поморский уклад, бабушка оказывается личностью, на которой держалось все. Она была семейным «стратегом», принимала важные экономические решения, являлась главным воспитателем, лекарем и т.д. Разумеется, можно связать данное обстоятельство с независимым положением поморской женщины ⁴¹², но, думается, оно связано не с локальной спецификой, а с эксклюзивным статусом бабушки в российских семьях.

З.Н. Кабульдинов

НИЦ «Евразия» при Едином Нац. университете им. Л.Н. Гумилева

ОБ АКМОЛИНСКОМ ЛАГЕРЕ ЖЕН ИЗМЕННИКОВ РОДИНЫ: ТРАГЕДИЯ И МУЖЕСТВО

Как известно, в 30–40–е гг. XX в. руководство СССР сделало попытку превратить Казахстан в лагерную республику. Для этого были созданы некоторые условия и предпосылки. Во-первых, к началу XX в. казахи лишились около 45 миллиона наиболее плодородных земель, которые отошли в пользу переселенческого крестьянства. Вчерашние кочевники на своей родной земле были выселены в

⁴¹² Безгин В.Б. Положение женщины в крестьянской семье конца XIX в. (на материалах этнографических источников) // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001. С. 210 – 211; Бернштам Т.А. Народная культура Поморья. М., 2009. С. 215.

малоплодородные и солончаковые пустоши. Во-вторых, в 1916 году на территории края имело место мощное национально-освободительное восстание казахов против колониальной политики царского правительства. Сотни и тысячи местных жителей погибли от рук карательных войск. Около 300 тысяч автохтонных жителей были вынуждены откочевать на территорию Китая и других государств. В-третьих, в начале 20-х и 30-х гг. XX в. казахский народ пережил один за другим два самых тяжелых потрясений в своей истории – массовые голоды, унесшие жизни почти половины населения республики. В-четвертых, с 1930 г. без всякого на то разрешения у местного населения сталинская тоталитарная система превратила Казахстан в огромную лагерную республику с КАРЛАГОм, СТЕПЛАГОм, ДЖЕЗКАЗГАНЛАГОм, АЛЖИРОм и т.д. В-пятых, в 1937–1938 годах был уничтожен практически весь цвет казахской интеллигенции, от которого, к сожалению, мы не оправились и по сегодняшний день. В-шестых, на территорию края в опустевший от голода, репрессии и откочевков, стали переселять целые народы, депортированные советским тоталитарным режимом.

Поэтому не случайно, в крае стали открываться один за другими лагеря – Карлаг, Степлаг, Джезлаг и другие. Один из них – известный на весь мир женский лагерь, прозванный в народе как «АЛЖИР», расположенный вблизи современной Астаны, в селе Малиновка (ныне – Акмол) будущего Целиноградского района Акмолинской области.

Здесь содержались женщины практически со всего Советского Союза, осужденные по политическим мотивам. В основном, это были жены, матери, дочери известных государственных и общественных деятелей страны. Как известно, в конце 30-х годов прошлого столетия в СССР сформировался сталинский тоталитарный режим, главным методом управления здесь стал террор и массовое заключения зачастую безвинных людей в концентрационные лагеря. Заключали в тюрьмы и женщин за то, что они состояли в родстве с политическими заключенными – «врагами народа».

Начавшаяся в 1937 году кампания по осуждению женщин ЧСИР (члены семей изменников Родины – З.К.) привела к необходимости создания специальных лагерей. Руководство страны понимало, что посылать женщин с такой статьей в общие лагеря не стоит. Первоначально на заседании Политбюро ЦК КПСС был принят документ с грифом «строго секретно», где НКВД было предложено «всех жен

осужденных изменников Родины, членов право – троцкистской, шпионско-диверсионной организации заключать в лагеря не менее чем на 5–8 лет». Местом организации этих лагерей должны были стать Нарымский край и тургайские степи Казахстана. В категорию «ЧСИР» включали также матерей, сестер и дочерей. Но в законодательных актах того времени, в названиях лагерей практически всегда употреблялся термин «жены изменников Родины». Более того, нередко это были даже не жены, а вдовы, так как мужья были уже расстреляны.

15 августа 1937 года вышел оперативный приказ НКВД СССР с подробным разъяснением рекомендаций относительно жен «изменников Родины». Здесь предусматривался весь процесс, начиная от ареста, включая пребывание в тюрьме, заведение следственных дел и объявления обвинительного приговора вплоть до отправления в лагерь. По данным рассматриваемого документа обязательному аресту подлежали лица, состоявшие в юридическом или фактическом браке с осужденными на момент ареста, а также жены, хотя и состоявшие с осужденными в разводе, но либо непосредственно причастные к контрреволюционной деятельности осужденного, либо укрывавшие осужденного, либо знавшие о контрреволюционной деятельности, но не сообщившие об этом соответствующим органам власти.

Одновременно с арестом производился тщательный обыск. При обыске изымались оружие, патроны, взрывчатые и химические вещества, военное снаряжение, множительные приборы, «контрреволюционная» литература, переписка, иностранная валюта, драгоценные металлы в слитках, монетах и изделиях, личные документы и денежные документы. Все имущество, лично принадлежащее арестованным, конфисковывалось. Квартиры арестованных опечатывались и позднее передавались другим лицам.

В тюрьмах и в лагерях сидели как беременные, так и женщины с грудными детьми. После ареста и обыска, женщины должны были конвоироваться в тюрьму, где на них заводились следственные дела, и выносилось краткое обвинительное заключение. Далее направлялись на рассмотрение Особого Совещания НКВД СССР. Теперь дело оставалось за малым – провести следствие и вынести приговор.

Здесь даже не оговаривался момент невиновности подследственной. Жены осужденных изменников Родины подлежали заключению в лагерь в зависимости от степени социальной опасности, не менее как на 5–8 лет. На деле же учитывалась социальная опасность не жены, а

мужа. Чаще женщины получали максимальный срок по этой статье – 8 лет, если ее мужа расстреляли. Если муж отбывал наказание в лагерях, то можно было получить и минимальный срок – 3 года.

Первоначально все женщины, осужденные как ЧСИР должны были отбывать наказание в Темниковском лагере поселка Явас Зубово-Полянского района Средневолжского края Мордовской АССР, но одно отделение не смогло разместить всех осужденных по этой статье. И в течение нескольких месяцев подобные отделения стали возникать и в других лагерях. Значительная их часть концентрационных лагерей находилась на территории Казахстана. На это имелись свои объяснения. Во-первых, суровый климат Казахстана, особенно его центральные и северные районы хорошо подходили для размещения заключенных. Во-вторых, после опустошительного голода начала 30-х годов XX века край представлял из себя регион с низкой плотностью населения. В-третьих, республика с богатыми природными ресурсами нуждалась в дешевой рабочей силе для выкачки сырья.

Крупнейшим из лагерей Казахстана стал Карагандинский исправительно-трудовой лагерь. Он был создан в 1930 году. Именно на его базе и был создан Акмолинский лагерь жен изменников родины (АЛ-ЖИР). Акмолинское спецотделение Карлага НКВД было образовано в декабре 1937 года. В 1936 году началось строительство барачков и формирование на этом месте детской колонии. А в августе 1937 года они были переселены в другие места. Началась подготовка к приему заключенных ЧСИР. Официально это было *Акмолинское спецотделение Карагандинского исправительно-трудового лагеря*. Но фактически оно являлось самостоятельной хозяйственной единицей. Оно имело свой расчетный счет и все приказы и распоряжения исходили непосредственно из Москвы.

29 декабря 1939 года оно было переименовано в 17-е Акмолинское отделение Карлага. В некоторых официальных источниках с этого момента оно стало именоваться как ИТЛ «Р-17», где буква «Р» являлась шифром Карлага во всесоюзном масштабе, а цифра «17» – порядковым номером, но уже в рамках Карлага. Но Алжир – это неофициальное название, придуманное женщинами, использовавшие первые буквы определения, оно и закрепилось за лагерем.

За период с 1938 по 1946 г. в Акмолинском спецотделении находилось 4482 женщины, осужденные как ЧСИР, а также 812 женщин, отбывавших наказание за период с 1941 по 1953 г. по другим полити-

ческим статьям. На 1 января 1939 г. в Акмолинском спецотделении находилось 4200 человек. А всего через Алжир прошли более 20 тысяч заключенных. Ученым еще предстоит точно определить точное количество узниц.

Первые этапы стали прибывать в Акмолинское отделение 6 января 1938 г. из Москвы, Оренбурга, Иркутска, Ростова, Украины, Белоруссии, Украины, Грузии, Армении, республик Центральной Азии. Узницы лагеря доставлялись в вагонах-«теплушках», площадь которого составляла 18 квадратных метров, вмещавшая более 75 больных и голодных женщин и детей. Здесь уже их ждали бараки, усиленный конвой и полная изоляция на 3-8 лет. Здесь размещались и выходцы из Казахстана. Со временем помещений не стало хватать. Поэтому позднее вновь прибывшие сами стали строить себе бараки в пургу и метель, в дождь и жару. Вместо матрасов использовали солому, которую настилали на деревянный настил. Дети в возрасте 1-1,5 года находились вместе с матерями, а потом отправлялись в детские ясли и дома. Лишь через 2 года матери имели право узнавать о судьбе своих детей.

Первоначально лагерь состоял из 6 барачков и нескольких служебных домиков. В течение месяца бараки заполнились до отказа, хотя они были рассчитаны на 250-300 человек. Численность заключенных составляло в 2 раза больше, чем было предусмотрено, т.е. около 500-600 узниц. В основном бараки состояли из двухъярусных нар, реже из трех, нередко приходилось размещаться даже и на полу. На высоте верхних нар находилось узкое продольное отверстие, заменявшее окно. В каждом бараке назначалась староста, на которую возлагались широкие обязанности: поддерживать порядок в бараке, улаживать конфликты между обитательницами барака, проводить вечернюю проверку, получать и распределять задания на работу, осуществлять связь между заключенными и лагерным начальством.

Очень часто узницы при 40 градусных морозах работали полураздетые, в результате чего получали обморожения и умирали. Питание было весьма скудным и однообразным. Пайка черного хлеба, черпак баланды, примерно чайная чашка «каши-размазни».

26 июня 1941 г. в Акмолинское отделение прибыл большой этап мужчин и женщин, осужденных за контрреволюционные преступления. С этого момента Алжир перестает быть чисто женским лагерем. В годы войны в отделение прибыли этапы осужденных не только по политическим мотивам, но и за чисто уголовные преступления.

Здесь отбывали наказания жены и родственницы высокопоставленных военных, общественных и политических деятелей бывшего Советского Союза: певица Лидия Русланова, актрисы Татьяна Окуневская, Наталья Сац, киноактриса Рахиль Плисецкая, дочь репрессированного Торекула Айтматова, сестры известного полководца Тухачевского, жена видного государственного деятеля Т. Рыскулова, жена поэта Беймбеа Майлина – Кунжамал, мать Булата Окуджавы, жены Бухарина и Блюхера, жена первого казахского режиссера Жумата Шанина – Жанбике, жена народного комиссара КазССР Атлаша Калменова – Баршын, дочь выпскника С.–Петербургского университета Сералы Лапина – Куландам, она же – жена второго секретаря Казкрайкома Султанбека Кожанова, жена Мирзояна – Ю.Тевосян и многих других. Многие из них погибли или были расстреляны. Например, жена Мирзояна сошла с ума, жена нарокома Х.Нурмаханбетова была расстреляна охранниками. Трое казахских женщин–узниц лагеря были расстреляны только за то, что они не уберегли теленка от падежа. В процентном отношении 55% узниц составляли – русские, 16,5% – еврейки, 12,7% – украинки, 2,4% – немки и 2% – казашки, всего представительницы 36 национальностей.

Главной отраслью хозяйства Акмолинского лагеря было швейное производство. В период Великой Отечественной войны швейная фабрика выполняла заказы по пошиву обмундирования для военнослужащих. Также было развито полеводство, огородничество, садоводство и бахчеводство и в небольших размерах занимались и животноводством. По итогам 1945 года Алжир из всех лагерей Карлага по производственным показателям занял 1 место.

Местное население с огромным сочувствием относилось к несчастным женщинам. В воспоминаниях узниц Алжира есть один весьма интересный и трогательный факт. Рядом с лагерем у озера местные казахи пасли овец. Желая как-то помочь замерзшим и полуголодным узницам, не боясь охранников, они оставляли продукты питания среди камышей, под высокой и густой травой, разными знаками давали узницам распознавать эти «тайники». Заключение женщины, находя продукты питания забирали в лагерь. Так, узница Платайс Гертруда рассказывала о помощи жителей аула Жанажол. Однажды во время работы к узницам подошли казахские аксакалы с коржунами (перекидными сумками), в которых были курты (сушеный творог), напоминающий камешки. Вдруг дети, которые находились со стариками стали

бросаться этими «камешками». Глядя на эту картину охранники насмешливо и издевательски приговаривали: «Вот видите, какие вы – враги народа. Вас не любят в Москве, вас не любят в казахском ауле, даже дети бросают в Вас камни». Они не могли знать, что это был самый настоящий деликатес степняков.

Известная поэтесса Раиса Голубева, со слов этой узницы, написала стихи «Драгоценный камень», в котором есть такие трогательные строки:

*А ночью в холодном бараке, // На оскверненной палачами земле,
Я, немка, молилась мусульманскому богу, // Но ничего не просила себе.
Я просила старикам-здоровья // Женщинам – матерям счастья
А особенно молилась за детей, // Чтоб не увидели они несчастья.
Я прошла все круги ада, // Потеряв веру и друзей,
Но одно я теперь твердо знаю, // Что только и так надо // Воспитывать детей.*

Казалось бы, отсидела в лагере свой срок, освободилась и делу конец. Нет, далеко не так. Политика репрессий на этом не заканчивалась, а продолжалась. Если срок пребывания в лагере заканчивался во время войны, узниц задерживали в лагере на правах вольнонаемных до окончания войны. Они продолжали трудиться. За невыполнение производственных норм они подвергались наказаниям. Женщины в лагере, считая дни до своего освобождения, верили, что после отбытия наказания их ждет новая жизнь. Но процесс освобождения узниц Алжира затянулся и принес бывшим узницам массу проблем. Освобождение женщин из лагерей происходило не какой-то единовременной акцией, а поэтапно. И зависело это не только от сроков наказания, но и от соответствующих директив НКВД СССР.

После окончания войны начался отъезд из лагеря только в строго назначенную зону, город, район с определенным режимом проживания. Начинались препятствия с пропиской, с жильем, а также с устройством на работу. Их везде преследовало клеймо «враг народа».

Только лишь во второй половине 50-х годов XX века почти все женщины, осужденные как ЧСИР, были реабилитированы. Дела по их обвинению были пересмотрены военным трибуналом, постановления Особого Совецания отменены, выданы справки о реабилитации.

Акмолинское спецотделение официально просуществовало до июня 1953 г. В этом же году Алжир в составе еще 6 отделений Карлага был передан Министерству Сельского Хозяйства и Заготовок. Сложна

была послевоенное обустройство узниц Алжира. Так, М.Л. Даниленко, освободившись из лагеря, поехала к себе на Украину. Там у нее остались родители и сын. Но голод, разразившийся в результате засухи в 1946 г. сделал свое дело. Ее приезд оказался весьма не кстати. Сын не признавал ее, родители не могли и не хотели помочь. Ее родственники продолжали жить под страхом наказания за родство с нею. Ей ничего не оставалось как вернуться в Акмолинск.

Из воспоминаний бывшей узницы Алжира К.И. Мальцевой: «Куда податься с двумя малыми детьми без крыши над головой, с небольшой суммой денег? В Алма-Ату, где остались друзья, дорога заказана. В Свердловск к родственникам тоже нельзя. Пришлось остаться в Акмолинске. Отправилась по предприятиям, но в отделах кадров косились на мою справку и давали от ворот поворот. Ночевала с сыновьями на вокзале. Перебивались с хлеба на воду. Тут и случилась беда – вокзальный вор украл последние деньги. Осталась без копейки в кармане. Наконец, повезло, взяли уборщицей в 28-ю школу. Разрешили поселиться здесь же. Правда, потом дали комнату в соседнем бараке. Умещались в ней кровать, стол, да топчан. Но и этому, куда как скромному жилью была рада. Зарплаты не хватало – из 250 (старыми) рублей высчитывали на государственный займ. Приходилось подрабатывать. Ходила на небольшую плату мазать стены, стирать. В школе ко мне относились с пониманием, жалели. Правда, некоторые учителя выражали свое презрение, мол, «тюремщица», «жена врага народа».

Женщины старались и после лагеря помогать друг другу. Устроившись на работу, получив угол, они уже звали своих подруг по лагерю. Даже некоторое время они все жили вместе. Так, в Акмолинске и близлежащих поселках осталось или позднее возвратилось немало количество женщин – бывших узниц лагеря. Некоторые остались там до конца своей жизни. Это был отнюдь не единичный случай, такая ситуация была характерна для многих женщин. Общая беда сблизила их навсегда. После освобождения те, кто остались в Акмолинске, часто собирались вместе. Из рассказа дочери М.И. Рачковой Галины: *«На праздники готовили много вкусной еды, ведь эти женщины столько голодали. Все праздники отмечали вместе».*

13.08.1990 г. вышел Указ Президента СССР « О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х годов». Этот указ стал началом по дополнительной реабилитации жертв репрессии.

Финалом работы по реабилитации всех осужденных по политическим мотивам стал Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», принятый 18.10.1991 г. Аналогичный Закон был принят в Казахстане 14.04.1993 г., « действие его распространялось на всех без исключения лиц, непосредственно подвергшихся после 25.10 (7.11) 1917 года политическим репрессиям, с целью реабилитации всех жертв этих репрессий, обеспечения максимально возможной в настоящее время компенсации причиненного им морального и материального ущерба». Дети, « находившиеся вместе с родителями или заменявшими их лицами в местах лишения свободы, в ссылке, высылке или на спецпоселении также признаются жертвами политических репрессий».

В последующем, Указом Президента Н.А. Назарбаева 1997 год был объявлен в республике годом общенационального согласия и памяти жертв политических репрессий. Общество узнало о существовании лагерей. В целях увековечения памяти жертв политических репрессий вышел Указ Президента Н. А. Назарбаева об установлении 31 мая *Днем памяти жертв политических репрессий*. В 1975 году там было образовано Целиноградское производственное объединение по птицеводству «Акмола-Феникс». В поселке функционировал небольшой мемориальный музей, содержащий экспонаты, рассказывающие о судьбах лагерниц. На тополиной аллее установлен памятный знак в память о томившихся в заключении женщинах. Знак представляет собой надколотую звезду красного цвета, а в глубокой трещине, как впившаяся в сердце заноза – черная решетка и колючая проволока. В 2007 г. Малиновка была переименована в поселок Акмол и стал районным центром Целиноградского района Акмолинской области. 31.03. 2007 г. на территории бывшего Алжира был забит первый кол, а уже 31.05.2007 г. при участии Главы государства Н.А. Назарбаева был открыт крупный музейно-мемориальный комплекс на месте Алжира. На его открытии приняли участие и бывшие узницы этого зловещего лагеря. В 2010 году Посольство Украины возвело свой небольшой обелиск в честь более 700 несчастных украинских женщин. Посольства разных государств проводят здесь совместные конференции.

В.О. Шаповалова,
Сан-Диего, США, Университет штата Калифорния

**«И ГДЕ ВОЗЬМУ БЛАГОРАЗУМЬЕ?»: «АВТОНЕКРОЛОГ»
ЕВГЕНИИ ЯРОСЛАВСКОЙ-МАРКОН**

Женские массовые протесты в ГУЛАГе изучены мало. Сопrotивление одиночек практически не изучены: в большинстве случаев сопротивленцы–одиночки погибали. Память об этих заключенных сохранилась только в официальных документах НКВД/КГБ, в записках, мемуарах и рассказах свидетелей. Женские одиночные протесты в лагерях были явлениями нечастыми, истории этих протестов обрастали невероятными подробностями и становились легендами. Авторские документы (эго–документы) женщин, которые решились на протест крайне редки. В этой работе я рассматриваю уникальный эго–документ, который был написан незадолго до расстрела автора.

16 июня 1931 года, в Соловецком лагере была расстреляна Евгения Исааковна Ярославская–Маркон. Поводом для расстрела послужил открытый протест и «террористический акт», направленный против начальника лагеря. В ноябре 1930 г. Ярославская–Маркон, стоя в бараке в рядах заключенных, услышала приказ о расстреле ее мужа, поэта Александра Ярославского. С криком «палачи, изверги, скоро вам всем придет такая же участь ... цель моей жизни в дальнейшем только приносить вред Советской власти, я уверена в ее скором падении»,⁴¹³ она ударила протезом сотрудника НКВД Никольского, зачитавшего приказ. Через несколько дней Ярославская–Маркон бросила заранее приготовленным булыжником в начальника лагеря Успенского, надеясь попасть в висок. Она промахнулась, булыжник ударил Успенского в грудь. Второй камень начальник отряда ВОХР выбил у нее из руки. Что привело Евгению Маркон к такому яростному и безумному протесту? Как ее жизненный опыт отразился на поведении в лагере? Источником сведений о ней является ее автобиография, написанная в женском штрафном изоляторе строгого режима на Заяцких островах. Автобио-

⁴¹³ Архив НИЦ Мемориал. Все цитаты – по копии документов в архиве Мемориала. Ирина Флиге опубликовала выдержки из дела Ярославской в журнале «Звезда». 2008. N 1 («Клянусь отомстить словом и кровью...»)

графия, точнее автобиографические записки, сохранились в следственном деле Ярославской–Маркон.

Записки носят исповедальный характер, но адресованы будущему вольному читателю, хотя автор знал, что первыми читателями будут сотрудники НКВД: Ярославская сделала оговорку, что «пишет не для следственных органов». Она понимала, что будет приговорена либо к очень длительному сроку заключения, либо к расстрелу: «...мне и терять нечего. Вот почему я откровенна».

Ярославская–Маркон называет три основных фактора, «равнодействующие силы», которые сформировали ее как личность. В первую очередь, это отец, Исаак Юльевич Маркон (1875 – 1949) – известный ученый (ориенталист, гебраист), основатель журнала «Ха-Кедем», преподаватель и активный деятель еврейской общины в Петербурге/Петрограде, староста Хоральной синагоги. В семье Маркона тесно переплетались наука, религия и политика. Евгения была единственным ребенком в хорошо обеспеченной еврейской семье. Она принадлежала к маргинальной, лишенной многих прав группе населения. При этом она лично не испытывала несправедливости по отношению к себе: она училась в частной гимназии и семья ограждала ее от реальной повседневной жизни. Евгению вдохновляла история (достаточно вспомнить отчаянный героизм Маккавеев), а политика и революция стали ее новой религией. Революция казалась ей торжеством всеобщей справедливости и равенства. В феврале 1917 года Евгения стала инициатором освобождения *уголовных* заключенных из Литовского замка. Вскоре после прихода большевиков к власти Евгения «разочаровалась во всем этом коммунизме». К 1921 году она была твердо убеждена, что «революция в Кронштадте, а контрреволюция в Смольном». Тогда у нее возникла идея перманентной революции.

Роль родственников матери, железнодорожных магнатов Поляковых, («семьи революционно настроенной интеллигенции»), Евгения считает вторым фактором, сформировавшим ее характер. Третий фактор — влияние немецкой культуры, которое шло и от отца, и от бонны–немки, несомненно, важен и интересен. Ярославская пишет о любви к «немецкой литературе, немецкому языку, природе Германии, немецкому Рейну». От отца она переняла любовь и к реформации, и к немецким романтикам: «Гейне, Гофман были моими современниками». Конфликты между разумом и чувством, между законом и справедливостью, стремление к крайностям характерные для немецкого

романтизма привлекали многих⁴¹⁴. Идеи сопротивления силам узаконенной несправедливости пронизывают работы немецких романтиков. Именно немецкий романтизм определил идеологию Ярославской–Маркон. В творчестве поэта–биокосмиста Александра Ярославского Евгения увидела «поэмы, заново творящие мир». Она вышла замуж за поэта в 1922 г. Об их отношениях она пишет как о «любви отца и дочери, и великой дружбе двух друзей–соратников». В автобиографии Евгения подчеркивает, что была помощником поэта и лектора–пропагандиста: Ярославский много ездил по стране с антирелигиозными лекциями. В 1923 году Евгения попала под поезд, ей ампутировали стопы обеих ног и она ходила на протезах. Об этом событии Евгения упоминает мельком («событие настолько для меня ничтожное»). Инвалидность не останавливает ее: путешествия и странствия, о которых писал ее отец, стали реальностью для Евгении: «поезда, пароходы, мягкий и вкусный санный путь... Эх, об этом бы писать и писать!». Цикл ее очерков «По городам и весям», опубликованный в газете «Руль», отличен наблюдательностью, юмором, живым стилем.

Сразу же после ареста Александра Ярославского (май 1928 г.) Евгения начинает готовить его побег из тюрьмы. Ее творческой талант раскрывается именно тогда, когда рядом с ней нет наставника и ментора. Она продолжает игру в романтическую революцию, проигрывая в жизни роли романтических героев и героинь: и мальчишки – беспризорника, и продавщицы цветов, и «благородного вора», крадущего только у богатых, и переодетой гадалки, под видом которой героиня приближается к тюрьме, где заключен возлюбленный. Все свои «роли», мизансцены, действующих лиц (воров, проституток, сутенеров) Евгения описала зримо, динамично. Сцены смонтированы в «киноленту» веселых и опасных приключений. Евгения отмечает связь своей работы с кинематографом: «мне самой хочется “заснять” свою жизнь на бумаге».

О Соловецком лагере и протестах–демонстрациях, которые она устраивала там, пишут сотрудники НКВД в рапортах и приговорах. Ярославская–Маркон отказывалась работать, призывала заключенных к свержению Советской власти и к террористическим актам. В штраф-

⁴¹⁴ Ср. : «У них [немцев] нет баррикад, но у них философские системы, взрывающие мир, и поэмы, его заново творящие...» (Марина Цветаева, Собрание сочинений в семи томах. т. 4 кн. 2 Москва, 1997. С. 148.

ном изоляторе Евгения издавала рукописную газету–листок «Газета Урканская правда». Она была одинока в своем протесте. В легенду вошли расстрел «женщины без ног» и камень, брошенный в висок начальника лагеря.

В.А. Яркина

Красноярск, Гуманитарный инст. Сибирского федер. университета

ЖЕНЩИНА В УСЛОВИЯХ ИТЛ (НА ОСНОВЕ ВОСПОМИНАНИЙ Е. КЕРСНОВСКОЙ)

Проблема статуса женщины в годы советской власти привлекает внимание: считалось, что в то время как на Западе феминистки усиленно боролись за свои права, в СССР «женский вопрос» был решен. Конституции 1918, 1924, 1936 гг. провозглашали равноправие между мужчиной и женщиной. Это достижение легло огромной тяжестью на плечи женщин. Получив право голоса и право на образование, советская женщина одновременно получила и равные с мужчиной «права» на физические и моральные нагрузки, в т.ч. в местах лишения свободы, где женщин было немало. Чаще всего женщин осуждали за шпионаж, саботаж или 'просто' за то, что они были женами своих мужей.

Гендерный вопрос в условиях ГУЛАГа, нуждается в научном осмыслении. Однако работ по данной проблеме очень мало, в то время как тема репрессий одна из самых популярных среди историков XX в. В данной статье предполагается обратиться к изучению жизни Евфросинии Антоновны Керсновской, которая не только справилась со всеми испытаниями «на прочность», но и написала труд о том, « как это было». А так же выявить личностные качества, которые помогли ей в условиях ИТЛ остаться человеком и сохранить себя как женщину.

Евфросиния Антоновна родилась 26 декабря 1907 (8 января 1908) в Одессе в дворянской семье. Отец – Антон Антонович Керсновский, юрист. Мать – Александра Алексеевна Керсновская, преподаватель иностранных языков. Жизнь семьи была спокойной и размеренной: «...он мог спокойно читать в шезлонге в своем саду, который он так любил; рядом с ним — мама, у его ног — любимая собака, и кругом мирная картина: вековые дубы, лужайка, сад, виноградник». Но во время гражданской войны семья бежала Бессарабию в родовое поместье в деревне Цепилово, куда после прибыли войска Красной Армии и людей в «телячьем вагоне», – как говорила Е.А. Керсновская, отпра-

вили на восток. В заключении она находилась с 1942 по 1952 год. Что только не пришлось ей пережить за это время: каторжный физический труд, социальное давление «сверху», моральное унижение, и не только. Все это способствовало подавлению человека, как личности. В ее мемуарах часто прослеживаются такие слова как «стыд», «унижение». Были моменты, когда она была на грани: «Костры горят... Спотыкаясь и падая, ношусь от одного костра к другому... Перед глазами все плывет. Я голодна – до обморока, устала – до смерти. Нет, не могу! Хватаюсь за голову и с глухим стоном падаю в снег... Месяц зашел. В лесу совсем темно. Костры погасли. Я – никогда не справлюсь. Я побеждена». Но, не смотря на все трудности, Евфросиния Керсновская могла найти в себе силы, чтобы этому противостоять. Что помогало ей? Думаю, самой большой поддержкой и опорой, были воспоминания из детства, наполненные вниманием и заботой близких. Большую роль играли воспоминания связанные с семейными праздниками, домашним уютом: «Помнишь, как это было, когда ты жила дома? Папа, мама, да и вообще все — тебя поздравляли. Царила такая теплая, счастливая атмосфера... Как это могло быть, такое спокойствие, счастье?». В этих словах чувствуется надежда на то, что быть может, это все еще вернется. Позволю себе предположить, что только женщина может так бережно хранить все воспоминания, и видеть в них настоящую поддержку и опору, которых так не хватает в условиях лагеря.

Однажды в леспромхоз, где работала Евфросиния Антоновна, назначили нового начальника Хохрина, «взрослые мужики плакали, узнав об этом». Это был ужасный человек, которому доставляло удовольствие оскорблять и унижать людей. Но, Евфросиния всегда противостояла ему «главное было то, что я не скрывала своего возмущения при виде несправедливостей и, что хуже всего, вступала в спор с Хохриным, когда его распоряжения были нелепы, жестоки или глупы». В один из дней, после очередного унижения осужденных Хорхиным, Евфросиния не выдержала и была готова его убить. «Хохрин сидел за столом, и я чуть не наткнулась на него. Как долго стояла я за его спиной, сжимая в руках топор, не знаю... Было тихо. Я слышала, как колотится в груди сердце. Дьявол — покровитель Хохрина — надоумил его пересечь затылком к выходу. Его лысина была передо мной, но его мутных глаз я не видела. Нет! Я — не убийца! Нанести удар из-за спины я не смогла».

Евфросиния не смогла убить человека. Не смогла убить того, кто причинял людям столько боли и страданий. Не смогла потому, что была другая, не такая как он и как многие вокруг. Она была человеческой. Убить человека – значит убить себя. Потерять в себя веру как в порядочного и честного человека. «Папа! Я не убийца!» – повторяла она. Для нее было важно, сохранить ту Евфросинию, которой она была до своих «Университетов». И не раз ей не хватало сил, не раз смерть была так близко: «как-то механически, уже поднимая руку с пистолетом, держа палец на курке, я скользнула взглядом, и... Перед окном проходили телеграфные провода и чуть ниже – колебалась ветка тополя. Было небо. Были облака. Была ветка – зеленая, свежая. Были и ласточки. И все это – будет. Будет! А меня? не будет?! Нет. Нет. Еще буду!». Что помогало ей справиться с силами и жить дальше? Мне кажется, ей помогли справиться не только ценностно-смысловые установки, но и качества, которые присущи только женщинам. На мой взгляд, женщины морально сильнее мужчин и, в «переломный момент», могут объективно оценить ситуацию и увидеть цель, ради которой стоит жить. Судьба Евфросинии Антоновны Керсновской очень не проста. Но она с достоинством смогла пройти весь этот путь и сохранить в себе не только человека, но и настоящую женщину. Для меня, главный показатель то, что она смогла рассказать о том, что с ней было. Еще раз пережить все свои испытания и написать невероятную «Повесть о пережитом в 12 тетрадях и 6 томах. Сколько стоит человек». Заново пережила каждую секунду, каждый миг. Только сильная женщина, может рассказать о своей судьбе, ничего не скрывая и не боясь. После своих «Университетов», Евфросиния жила в Эссентуках. Выращивала свой сад. Ежедневно ставила на пороге миску с фруктами, овощами и запиской: «Для прохожих». Она человеческая. Заботливая и бескорыстная, какой должна быть женщина.

На мой взгляд, все истинные качества человека, его сущность, зачастую, проявляются в сложных стрессовых ситуациях. И каждый человек, в зависимости от своих ценностно-смысловых установок, от мировосприятия, по-разному воспринимает жизненные трудности, и не всегда может противостоять им. А Евфросиния Антоновна Керсновская смогла. Противостояла.

А. Харрис,

Бейлор, США, Университет Бейлора

**«ЛЕТАТЬ В НЕБЕ – РАЗВЕ ЭТО ЖЕНСКОЕ ДЕЛО?:
ГЕНДЕР И ОСМЫСЛЕНИЕ ЛЕТЧИЦАМИ ПЕРЕМЕН В ИСТОРИИ»**

Zuleikha Seidmamedova, an Azerbaijani navigator of the 46th Guards Night-Bomber Unit, begins her 1983 “Zapiski letchitsy” with an epigraph that challenges the woman’s place in aviation: “Летать в небе—разве это женское дело?” [“To fly into the sky---that’s hardly a woman’s business, is it?”].⁴¹⁵ She, in turn, responds to the challenge by portraying herself and her comrades as skilled pilots and heroic fighters. Seidmamedova and her peers, pilots in the 46th Guards women’s aviation regiment, faced this challenge three times. In the late 1930s, they fought for the right to fly, and became pilots, maintaining that women should be allowed to join the militarization movement, even if they were not allowed to attend military academies.⁴¹⁶ After the Nazi invasion, these aviators demanded to serve at the front, only to be either initially sent home or directed to nursing school. After Hero of the Soviet Union Marina Raskova received permission in October, 1941 to form three women’s aviation regiments, the recruited women performed heroically as combat pilots, exceeding expectations and proving definitively, they thought, that women had a right to wage war in the skies.

After the war, the Russian nation coped with women combatants by responding in manners that anthropologist Sharon MacDonald finds typical: their femininity was stressed and their roles as combatants were downplayed or, in other cases, the general public assumed that women combatants were either “unnatural,” or sexually immoral—in other words, “not fully women”⁴¹⁷. After the war, the state demobilized female combatants and officially began diminishing their soldierly role in the war myth, in part be-

⁴¹⁵ Зулейка, Сеидмамедова. Записки летчицы. Баку, 1969, 5.

⁴¹⁶See Reina Pennington, *Wings, Women, & War: Soviet Airwomen in World War II* Combat Lawrence, KS: University Press of Kansas, 2010 and Anna Krylova, *Soviet Women in Combat* Cambridge: Cambridge University, 2010 for background on the 1930s militarization movement and the cohort of women pilots who fought in World War II.

⁴¹⁷ Macdonald S., Holden P., Ardener S. (eds.) *Images of Women in Peace and War: Cross-Cultural and Historical Perspectives*. Madison, Wisconsin, 1987. P 7.

cause of widespread distrust on the part of Soviet citizenry, as detailed in journalist Svetlana Alexyevich's interviews with veterans⁴¹⁸. In a 1945 speech, the Soviet president Kalinin urged women to not be boastful of their feats and service⁴¹⁹. Reina Pennington notes that "even in fiction, there was an increasing tendency to minimize the role of the women participants in the post-war years"⁴²⁰. Postwar state needs and policy resulted in a representation of women soldiers in a manner corresponding to strictly-defined gender roles and as a result, women pilots found themselves on the periphery of collective memory. As the phenomenon that Nina Tumarkin has described as a state-orchestrated cult of World War II began to take shape in the early 1960-s⁴²¹, it became clear that armed women combatants and skilled aviators had been forgotten, rather than celebrated. After fifteen years of silence, these women began fighting back, actively engaging in a battle for cultural heritage, for a place in the nation's cultural memory, and for the metaphorical resurrection of lost comrades-in-arms. Beginning in 1960, these women began publishing memoirs, narrating their stories as combatants and representing themselves and their comrades as women who confronted and challenged boundaries to become defenders of their nation at its most dire hour. How do these women's memoirs and biographies reflect changing gender roles and expectations from the war period into the postwar decades? How do they negotiate gender in their publications as they attempt to fill what Suzanne Conze and Beate Fieseler have called "a blind spot in the history of the war?"⁴²².

The pilots' memoirs shed light on Soviet norms for gender during three distinct periods: the militarization period prior to the war during which most of the authors learned to fly, the wartime experience, and the period during

⁴¹⁸ Alexievich S. *War's Unwomanly Face*. Keith Hammond and Lyudmila Lezhneva, trans. Moscow, 1988. P. 8, 65, 89, 121, 189, 244.

⁴¹⁹ Kalinin M.I. *On Communist Education; selected speeches and writings*. Moscow, 1953. P. 428.

⁴²⁰ Pennington R. *Wings, Women & War: Soviet Airwomen in World War II Combat*. Lawrence, Kansas, 2001. P. 155.

⁴²¹ Tumarkin N. *The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia*. New York, 1994.

⁴²² Conze S., Fieseler B. *Soviet Women as Comrades-in-Arms // A Blind Spot in the History of the War / Ed. Robert W. Thurston and Bernd Bonwetsch*. Urbana, Illinois, 2000. P. 209 - 234.

which they were writing — which ranged from the 1960-s through the first post-Soviet decade. During the first two Soviet decades, Party officials and propagandists attempted to construct New Soviet Men and Women, leading to an unexpected questioning of gender and sex, both in actuality and in propaganda⁴²³. The women who came of age during the late 1930s and early 1940s encountered a multitude of examples of militarized women, encouraging them to take to the skies⁴²⁴. Almost all women pilots describe how Marina Raskova's memoir and the 1938 flight of the *Rodina* inspired them and demonstrated that women belonged in aviation. In her memoir, veteran Raisa Aronova explicitly places pilots within the culture of heroism in her memoir *Nochnye ved'mi* [*Night Witches*] when she remembers how in the 1930s she conceived of aviators as some type of magical-*bogatyri*⁴²⁵.

While the women unapologetically describe their enthusiasm for flight that characterizes the years before the war, they carefully explain their motives to fight the enemy in a non-traditionally feminine way once the war begins. They focus entirely on patriotic motives, detailing their love for their motherland and a hatred for the enemy, showing that rather than being "unnatural" or manly women, they were kind, normal girls who simply loved their country too much to sit at home missing the opportunity to defend it at the moment of national crisis, especially after witnessing the deaths of innocent women and children. While the veterans combined traditionally feminine qualities with warrior traits, constructing what Anna Krylova has described as non-oppositional, yet still binary gender identity,⁴²⁶ the women veterans represent themselves as every bit as skilled in warfare as their male peers, if not more. In fact, the veterans argue that their gender made

⁴²³ Goldman W. *Women, the State, and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life 1917–1936* (1993), Lilya Kaganovsky, *How the Soviet Man Was Unmade: Cultural Fantasy and Male Subjectivity under Stalin*. 2008; Krylova A. *Soviet Women in Combat*. 2010.

⁴²⁴ Journals such as *Rabotnitsa* offered feature stories on women of their mothers' generation, who had set the precedent by fighting in the Civil War. Anka the machine-gunner in 1935 film *Chapaev* symbolized these women and prompted the younger generation of women to arm themselves. Coverage of the Spanish Civil War showed Russian women additional examples of female fighters and aviator Marina Raskova demonstrated, with great acclaim, that women could excel as pilots.

⁴²⁵ Аронова П.Е. *Ночные ведьмы*. Москва, 1969. С. 7 – 8.

⁴²⁶ Krylova A. *Soviet Women in Combat*. Cambridge, 2010. С. 13–14.

them better pilots, as they would not drink or smoke before flying or because of their strength of will.

Marina Chechneva's incorporation of wartime texts into her postwar publications points to an evolution in gender expectations and identity from the war years into the postwar period. She chose Kravtsova's 1942 wartime march as *тче* epigraph for her 1968 biography *Летали девчата в гвардейском* [*Girls flew in a Guards Regiment*]. Her choice points to the representative function of this march in the regiment's collective identity during service as well as the women's memory of the war. The march captures how the women pictured themselves during the war, at the precise moment they were fighting the enemy: as young women and comrades-in-arms, but also as *bogatyri* [male knights] and eagles, always masculine characters in Slavic folklore. During the war, when the women were in the process of proving themselves equal to men, they employed masculine-gendered imagery to represent themselves. In contrast, in memoirs composed after the war, these memoirists represented themselves using traditionally feminine imagery: swallows in Chechneva's memoir "*Ласточки*" над фронтом [*Swallows over the Front*] and witches in memoirs (Aronova's *Ночные ведьмы*, Rakobol'skaia's and Kravtsova's *Нас называли нас ночными ведьмами*) and in the one film directed by a woman pilot veteran *В небе ночные ведьмы* [*Night Witches in the Sky*]. The swallow is a grammatically-feminine bird, the swallow, a symbol of kindness, happiness, peace, family contentment, and otherworldliness⁴²⁷ and the witch, rather than the masculine-gendered wizard, represents the archetypal crone—a powerful, wise character on the periphery of society. While they initially identified with unmarked, masculine characters, the women would later assume self-representational images that highlighted their femininity. This emphasis on their feminine gender identity both conforms to post-war expectations and responds to the mistrust of women who had served.

⁴²⁷ Иванова-Казас О.М. Птицы в мифологии, фольклоре и искусстве. С.-Петербург, 2006. С. 102 - 103.

In her work on autobiography, Shari Benstock argues that female autobiographers craft responses from the position of "The Other"⁴²⁸. Women pilots' memoirs indicate that as a whole, they had always been aware of their marked otherness in relation to male pilots but, as the years passed, they became more aware of how society misunderstood and ignored their status as women veterans. They want to be remembered by future generations precisely as heroic, womanly women who confronted and challenged boundaries to become skilled aviators and defenders of their nation in its most dire hour. By taking charge of their depictions through the crafting of first-person narratives, they attempted to push themselves out of the periphery, into a more central space in collective memory. Since women were excluded from combat after World War II, they became aware of the uniqueness of their experience as combat pilots, as a special cohort of women who had defended their motherland, and proved not their skills as pilots, while maintaining their traditional femininity.

K. Petrone

USA, University of Kentucky

**CHALLENGING SOVIET MILITARY MASCULINITY:
GENDER AND MOBILIZATION IN SOVIET AND POST-SOVIET RUSSIA**

This presentation explores the image of the Russian and Soviet masculine military hero in the twentieth century. Although it seems like this image of masculine military heroism is stable and enduring, I argue that it only seems so because the militaristic Russian, Soviet and post-Soviet states in turn were and are invested in this image of the masculine military hero and do a great deal of cultural work to maintain this ideal image while prohibiting and marginalizing alternative images.

Throughout the twentieth century (and even before) heroic tropes about the Russian and Soviet soldier seem fairly consistent. Heroes were extremely valiant and effective in battle but honorable and patient as well. They only used violence on the enemy and not civilians, non-combatants and the wounded. However, my recent research on Soviet memory shows

⁴²⁸ Benstock S. *Authorizing the Autobiographical in Feminisms: An Anthology of Literary Theory and Criticism* / Ed. by R.R. Warhol and D.P.Herndl. New Brunswick, NJ: 2003. P. 11 - 43.

that 1920-s discourse profoundly challenged dominant heroic tropes by acknowledging that “ordinary” Russian soldiers could engage in pillaging, rape, and murder of the innocent and that engaging in warfare placed honorable men in morally ambiguous situations. Soviet World War I discourse suggested that, far from being heroic, war destroyed the bodies, minds, and souls of the soldiers.

By examining publication histories and comparing multiple editions of the same works, I have been able to trace the disappearance of this counter-discourse through deliberate Soviet censorship in the middle of the 1930-s. Any hint of pacifism was rejected as “bourgeois” in the increasingly militarized Soviet culture of the 1930-s. Nor was it encouraged to challenge the heroism of war or blur the lines between the enemy soldier and the heroic soldier. Alarmed by the rise of the Nazis, Soviet leaders sanitized the discourse of war to recuperate earlier Tsarist images of an honorable and morally-certain soldierly heroism. During World War II, the notion that it was one’s moral duty to kill the bestial German enemies was also firmly entrenched in Soviet war discourse. Unlike in the 1920-s and early 1930-s, heroism in warfare against an evil enemy was depicted as a morally straightforward endeavor through the rest of the Stalin period.

Despite the unprecedented participation of women in combat in World War II, post-war discourse continued to prioritize the masculine soldierly ideal. During the Khrushchev and Brezhnev periods, the individual soldiers of World War II began to gain recognition (in contrast to Generalissimo Stalin) and so de-Stalinization generally strengthened this myth of the heroic masculine warrior, though on a more individual plane.

It was not until glasnost’ and particularly the war with Afghanistan that Soviet media once again challenged the heroic warrior ideal. The onset of glasnost’ opened up new possibilities about what could be said about war and soldiering. The seventeen minute black and white documentary *Homecoming* (1987) by Tatiana Chubakova, for example, highlights key perestroika themes about the Afghan war: grief, guilt, becoming morally and physically crippled due to the war, and how one might overcome the trauma of war and “improve this life.” This film challenges the heroic image of war, featuring a veteran blinded in one eye. The veteran describes other physical injuries that he had witnessed in Afghanistan, including legless and singed bodies. A second veteran admits that the soldiers’ wounds were not just physical, but that the war made soldiers into moral cripples. He laments the breakdown of morality in wartime when ordinary men became

“wolves” and “creeps,” and entered any house they wanted to in order to steal. This brief survey of what was permissible in war discourse points to the late 1980s as a critical juncture in the transformation of war discourse, when the loosening of censorship and the existence of an ongoing war in Afghanistan allowed for the reemergence of long-simmering themes about the ugliness of war and the moral complexity of soldiering.

But this is not the end of the story; some elements of post-Soviet culture sought to restore the military hero to central place, in movies such as the *Ninth Company* that reanimated notions of soldierly heroism and patriotism. This constant reinforcement of the soldierly ideal is one of the most important aspects of the twentieth century gender system in Russia and the Soviet Union. By examining the periods (at the beginning and the end of the Soviet era) when this image was unstable, we can gain insight into the construction of gender norms for both men and women.

РАЗДЕЛ 23. ГЕНДЕРНЫЕ ВЫЗОВЫ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: БЫТЬ ЖЕНЩИНОЙ И МУЖЧИНОЙ В ЭПОХИ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН

М.В. Хададова

Житомир, Украина, Житомирский гос. университет им. Ивана Франко

РОЛЬ ЖЕНЩИН В ПОЛЬСКОМ НАЦИОНАЛЬНО – ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ 30–60 гг. XIX в. В ЮГО–ЗАПАДНЫХ ГУБ. РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛЫНСКОЙ ГУБ.)

Вопросы польского национально-освободительного движения нашли свое отражение в трудах русских историков второй половины XIX – начала XX вв. Историография традиционно анализировала события, участниками и главными героями которых были мужчины. О женщинах, не менее активных участницах означенных событий, в лучшем случае мы имеем эпизодические упоминания, имеющие несколько пренебрежительную окраску, либо представленные в форме курьезного случая.

В советской историографии часто констатировались факты активного участия женщин в событиях, связанных с польским конспиративным движением, в том числе и на Волыни. Однако как отдельный предмет исследования указанная проблема не выделялась, а само

явление польской женской революционности практически не анализировалось.

Русский историк и писатель Николай Берг характеризовал польских женщин с нескрываемой симпатией. По его мнению, польская женщина «вечная, неугомонная неизлечимая повстанка... в ней есть что-то мужественное, удалое» О женщинах, как вдохновительницах повстанцев, писал Денис Давыдов, генерал-майор русской армии, участник ликвидации очагов восстания на территории Волынской губернии в 1830 году. По его мнению повстанцы были «подстрекаемы и руководимы женщинами, господствующими над ...мыслями и делами».

Именно в событиях ноябрьского восстания 1830 – 1831 гг. проявляется активное участие польских женщин Правобережной Украины. Они проводили сбор средств и агитацию среди украинского крестьянства, направленную на пополнение рядов повстанцев. Так девушки и молодые женщины из польских семей Волыни и Подолии принимали участие в «вербунках» – наборе в войско повстанцев.

Особый образец героизма показала графиня Стецкая. Когда русские войска захватили Владимир Волынский, она долгое время держала оборону своего дома. В это время отряд под командованием ее мужа уходил из города. После поражения ноябрьского восстания польская конспиративная деятельность на Волыни не прекращалась. Среди тайных организаций 30-х гг. XIX в. наиболее многочисленным было «Содружество польского народа», в рядах которого было много женщин. Шимон Конарский считал необходимым создание женской организации, призванной решить такие задачи: привлечение к активной деятельности молодежи обоего пола; заниматься сбором денег для нужд СПН; обращать внимание на положение крепостных крестьян, оказывать им помощь; распространять демократические идеи среди польского населения. Возглавила женскую организацию помещица Луцкого уезда Ева Филинская. Она стала автором «Правил» и «Устава» женского общества, программа которого основывалась на позициях христианской морали. При раскрытии СПН из 20 членов женского общества на Волыни – 9, среди них и Филинская, были сосланы в отдаленные губернии Российской Империи.

На начало 60-х годов XIX века пришелся новый подъем революционной активности польского населения Юго-Западных губерний Российской Империи. В одном лишь Житомире, согласно «Описи секретных дел канцелярии губернатора за 1860–1865 гг.», с конца февраля

ля до начала сентября 1861 г. зафиксировано возбуждение 60 дел, связанных с польскими патриотическими выступлениями, в которых принимали участие женщины.

Свои патриотические чувства дамы проявляли в том, что: принимали участие в панахидах в костёлах, в ходе которых распевались патриотические гимны, например «Boze cos Polska»; носили траурную одежду, украшения и атрибуты, наделенные определенным значением; поддерживали заключенных за участие в политических манифестациях, давали показания в суде с целью обеспечения им алиби.

Один из свидетелей подобных акций, профессор Киевского университета Виталий Шульгин писал о том что дамы облачились в траурные одежды, которые «украшали их придавая кокетливую прелесть», и далее: «женщины облакались в платья с плерезами, надевали белые гарибальдийки и конфедератки с черными перьями (что, надо сознаться, многим было к лицу, и это обстоятельство, конечно, усиливало патриотизм)».

Самые многочисленные демонстрации с участием «черних женщин» проходили в городах Волынской губернии.. Подобные формы проявления польского патриотизма не могли пройти незамеченными властями. В августе 1861 г. было принято решение про передачу дел о ношении траура в компетенцию полицейских судов.

В сентябре 1861 г. в Житомире произошло событие, которое получило название «крестовый поход черних женщин». Демонстрация была многолюдной, но преобладали женщины, настроенные очень решительно. Ситуация была настолько опасною, что в город были введены войска, а с 23 сентября объявлено военное положение.

С началом январского восстания 1863 г. среди польского населения Волыни царит патриотический подъем и надежда на победу повстанцев. Весной отряды инсургентов действовали и на Волыни. Незначительные стычки с правительственными войсками иногда заканчивались победами повстанцев. Волынские патриотки сняли траур и занялись сбором денежных средств, поскольку польским отрядам требовалась одежда, провиант, боеприпасы.

Но уже в конце апреля стало понятно, что поляки терпят поражение. Возросло количество раненых и пленных. Последних преимущественно конвоировали в Житомирский тюремный замок. Заботу об узниках также взяли на себя женщины. А после окончательного поражения восстания на Волыни волынские польки снова облачаются в тра-

ур. С начала июня и до конца августа 1863 г. официальные документы зафиксировали 50 дел о ношении траура житомирянками.

Особенности воспитания в польских семьях проявлялись в формировании у девушек собственной жизненной позиции, а мечты о «Великой Польше» воспитывали чувства патриотизма. Желая внести свою лепту в общее дело, женщины не только использовали традиционные для своего пола формы общественной деятельности – благотворительство, заботу о больных и немощных, воспитание и образование детей, но и обращались к радикальным формам борьбы – от манифестаций до вооруженного сопротивления.

Часто для достижения патриотических целей польки шли на нарушение существующих моральных норм. В высшем свете, даже в мещанской среде считалось непристойным для девушки или женщины выступать в суде, не говоря о том, чтобы фигурировать в уголовном деле или находиться в заключении. Но как указывают факты, польки не останавливались перед условностями, если дело касалось патриотических целей.

А.Н. Егоров

Череповец, Череповецкий государственный университет

ФОРМИРОВАНИЕ СФЕРЫ ГРАЖДАНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦ. XIX – НАЧ. XX вв. НА ПРИМЕРЕ СЕМЬИ ПОПОВЫХ

В современной историографии значительное внимание уделяется процессам формирования гражданского общества в дореволюционной России. Расширение сферы гражданской деятельности в пореформенную эпоху вызвало широкое участие женщин в этом процессе. Обращение к конкретно-историческому материалу показывает, что существенную роль стали играть супружеские пары связанные, помимо прочего, общностью общественных интересов. Одной из таких пар были супруги Александр Николаевич и Ольга Николаевна Поповы.

А.Н. Попов (1840 – 1910) окончил Николаевскую академию Генерального штаба, но отказался от военной карьеры, вышел в отставку и поселился в родовом имении Малечкино Череповецкого уезда Новгородской губернии. С началом земской реформы Попов полностью отдается общественной деятельности. В 1865 г. он избирается первым председателем Череповецкой уездной земской управы.

В 1865 – 1872 г. новгородское земство переживало бурный период. Это было время «горячих речей и широких планов», за которым последовала будничная повседневная работа. Наступил организационный период становления земств, и в лице Попова Череповецкое земство нашло своего «талантливого выразителя». В 1873 г. он избирается председателем Новгородской губернской земской управы, а затем дважды переизбирается на очередной срок. Его популярность как земского деятеля растёт. Обычно Попов не выступал в качестве оратора. Его сферой была практическая деятельность. Он организовал первую земскую (Колмовскую) колонию для душевных больных, Череповецкую учительскую семинарию, подготовил реформу добровольного страхования в Новгородской губернии и пр. В 1874 г. по его инициативе был созван 1-й Новгородский губернский съезд врачей и организованы статистические работы.

Попов оставался наиболее деятельным гласным и в Череповецком уезде. В 1878 г. корреспондент «Недели» писал: «череповецкое собрание шло как-то вяло благодаря неудовлетворительному выбору гласных; все дело пришлось нести на плечах А.Н. Попову, – и за секретарским столом, и в комиссии везде слышался его голос и скрипело его перо». Главное внимание в своей работе Попов уделял развитию народного образования – открытию новых сельских училищ, подготовке учительских кадров для сельских школ.

После убийства народолюбцами Александра II у Попова осложнились отношения с новгородским губернатором, которому давно не нравился демократизм председателя губернской управы. В 1882 г. из-за «административного воздействия» Попов уходит с должности председателя Новгородской губернской земской управы и переезжает в полученное по наследству имение в Краснинском у. Смоленской губ.

На Смоленщине Попов продолжает активную земскую деятельность. Приоритетным направлением его работы оставались культура, просвещение. Попов полагал, что если русскому мужику дать образование, приобщить его к передовой культуре, то изменятся и условия его жизни и сама жизнь. В собственном имении он создал ремесленную школу, народный театр, читальню, образцовый скотный двор, знаменитый в округе сад.

В апреле 1906 г. Попова избирают депутатом I Государственной Думы как кандидата от кадетской партии. В Думе он занимал левые

позиции в кадетской фракции, подписал проект «42-х» по аграрному вопросу и Выборгское воззвание с протестом против роспуска Думы.

Верным соратником Попова по общественной деятельности была его супруга Ольга Николаевна (1848 – 1907) – известная книгоиздательница, переводчица, журналистка, писательница. Она активно участвовала в работе съездов учителей, сотрудничала в их обществах. В 1877 – 1880 гг. Попова издавала совместно с мужем журнал «Воспитание и обучение», а в 1894 – 1895 гг. – журнал «Русское богатство».

В мае 1895 г. О.Н.Попова покупает журнал «Новое слово» (С.-Петербург). С октября 1895 г. А.Н.Попов становится официальным редактором журнала, но главную роль в редакции играл известный народник С.Н. Кривенко. «Новое слово» превращается в заметный научно-литературный и политический журнал, главный орган либерального народничества. Важнейший лозунг журнала – опора на действительность (экономическую, политическую, культурную). Исходя из существующих общественных условий, задачи интеллигенции виделись в подъеме экономического и культурного уровня деревни. Главный упор в реализации данной программы делался на развитие общественной самодеятельности и частной инициативы, активизации деятельности земских и крестьянских учреждений, различных кооперативных союзов. Вся земская работа А.Н.Попова является ярким примером реализации на практике данной программы.

Весной 1897 г. из-за недостатка средств О.Н.Попова перепродает журнал марксистам, которые использовали его для пропаганды своих взглядов. В декабре 1897 г. «Новое слово» закрывают постановлением Особого совещания четырёх министров «за вредную деятельность», что сказывается и на А.Н.Попове – его высылают из столицы под надзор полиции в свое имение в Краснинском уезде.

В 1894 г. О.Н.Попова начала книгоиздательскую деятельность, пригласив на должность главного редактора своего издательства известного просветителя и библиографа Н.А.Рубакина. Попова выпустила сочинения Н.А.Добролюбова, Н.В.Шелгунова, В.Г.Белинского, труды Сеченова, Ч.Дарвина, Г.Спенсера и др.

В 1895 г. Попова приобрела библиотеку А.А.Черкесова в С.-Петербурге, значительно пополнила её фонд новыми и популярными изданиями. Постепенно библиотека О.Н.Поповой приобрела устойчивый авторитет. Существовало мнение, что она являлась лучшей частной библиотекой в Петербурге. В 1898 г. Попова открыла книжный

магазин (Невский проспект, 54), при котором помещались склады издательств В.Д.Бонч-Бруевича, В.В.Вересаева, товарищества «Знание».

После смерти О.Н.Поповой (август 1907 г.) ее дело продолжил муж А.Н.Попов. По его предложению в 1908 г. было создано «Товарищество издательского дела и книжной торговли О.Н.Поповой», в которое вошли издательство, книжный магазин и библиотека. В 1894 – 1917 гг. издательство выпустило около 790 названий книг.

В память о супруге в 1908 г. А.Н.Попов приступает к созданию в своём имени Соболевской женской учительской семинарии. На свои средства Попов построил для нужд семинарии шесть двухэтажных корпусов, в которых размещались классные комнаты, библиотека, общежития, квартиры для преподавателей и технического персонала, столовая, базовая школа. При семинарии имелось учебное хозяйство и 20-гектарный сад, парковая зона с разнообразной растительностью. В ноябре 1910 г. в семинарии начались занятия, но Александр Николаевич не дожидаясь этого дня, скончавшись от сердечного приступа 20 мая 1910 г. Общественная деятельность семьи Поповых – яркий пример так и не завершённого процесса формирования гражданского общества в Российской империи.

И.В.Синова

С.-Петербург, СПб гос. университет экономики и финансов

ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ.

Гендерный анализ преступности, самоубийств и пьянства малолетних позволяет увидеть истоки различий в поведении между мальчиками и девочками, расширить понимание их причин и мотивов, а также условий, в которых формируется отклонение в поведении и определить особенности социализации подростков.

Юрист М.Н.Гернет писал: «если преступность взрослых сравнивают с приливающим и отливающим морем, то преступления детей – пенная влага приливающих волн. Не в пене сила, но и она обращается в волны». Статистика свидетельствовала, что в период с 1901 по 1910 год общая преступность выросла на 35%, а детская – на 112%.

Преступления, совершаемые мальчиками и девочками, имеют свои особенности и отличия по количеству, мотивации, способам совершения и последствиям. По количеству преступниц-девочек на про-

тяжении веков всегда было значительно меньше. Согласно итогам русской уголовной статистики конца XIX века преступления против собственности из 100 несовершеннолетних и малолетних совершали 68,7 % лиц мужского пола и 18,2% женского пола. У мальчиков основной причиной преступности являлись корысть и желание присвоить себе чужую собственность, а девочек увлекали преимущественно аффекты, вытекающие из сферы половой жизни.

Юрист С.К.Гогель на основании попечительских книг за 1910 год собрал материалы о личной и семейной обстановке малолетних правонарушителей. Он проанализировал их занятия, образование и причины, повлиявшие на развитие преступных наклонностей. Из 1155 человек 11 % составляли девочки. По роду проступков преобладали кражи, которые составляли более 90%, причём девочки совершали в основном домашние кражи. Остальные преступления составляли обман, нищенство и присвоение. Среди мальчиков встречались также случаи растраты, и даже мошенничества. 35% малолетних мальчиков, совершивших преступления употребляли спиртные напитки, а 10% девочек занимались проституцией. Рецидив для мальчиков составлял 13,6%, для девочек 2,7 %.

Одной из ключевых проблем начала XX в. стало увеличение числа детских самоубийств. На первом месте среди причин суицидов, связанных со страхом наказания у мальчиков стояла школа, на втором – хозяева ремесленных мастерских. Наибольшее их количество в средней школе наблюдалось «у мальчиков в период возмужания, а у девочек в тот период, когда девочки–подростки превращаются в молодую взрослую барышню».

Широкий резонанс в обществе вызвал суицид в Смольном институте, произошедший в апреле 1907 года, когда две воспитанницы выбросились из окна третьего этажа. «Мысль о самоубийстве не оставляла девушек продолжительное время и проявляясь в разговорах с подругами и в расспросах о разных способах, которые могут служить для этой цели... Кандаурова и Савенкова объявили своим подругам, что в эту ночь они лишат себя жизни; заявление это встречено было общим недоверием и даже вызвало пари об осуществлении высказанного намерения». Одна из девушек оставила стихи, в которых звучат обвинения в адрес института:

*«Ты ум мне помрачил,
Ты охладил мне кровь,
В гнилых стенах твоих,
Исполненная муки,
Томилась я.
...Прощай презренный дом...»*

Происходившие попытки воспитанниц лишиться себя жизни были связаны с девичьей впечатлительностью, возрастными романтическими переживаниями, отсутствием понимания с администрацией, слабыми успехами в учёбе, а то и просто заключались пари.

Причинами 30% суицидов, особенно среди мальчиков, которым рано приходилось начинать жить своим трудом становились нужда, безработица, бедность и другие проблемы социально-экономического характера. «40% самоубийств девочек и девушек составляли сексуальные причины. В их числе есть много «соблазненных» (некоторым не более 13 лет) есть молодые проститутки, которым их жизнь показалась невыносимой». Но девочки-самоубийцы далеко не все являлись жертвами «несчастной любви», гораздо больше влияли социально-экономические условия, а также рождение внебрачных детей.

Публицисты отмечали, что значительное количество самоубийств молодых девушек связано с «подчинённым положением женщин, как в сфере экономики, так и в сфере сексуальных отношении... Нормальное воспитание и нормальные отношения старшего поколения к созревающим в половом отношении девочкам-подросткам могли бы многие из этих самоубийств предупредить».

Способы подростковых суицидов также различались по гендерному признаку. Большинство мальчиков – 55,5% использовали повешение, а 66,7% девочек утопление. Примерно одинаковое число мальчиков (26%) и девочек (22,2%) отравились, 14,8% подростков мужского пола применяли огнестрельное оружие. У девочек таких случаев не встречалось, как и самоубийств, к которым их толкнул алкоголь. В целом мальчики использовали более жёсткие способы ухода из жизни.

Ещё одним проявлением девиации малолетних, было пьянство, которое «у детей встречается гораздо чаще, чем это принято думать». Из 43 опрошенных мальчиков в Петербургской школе в возрасте 8–11 лет с водкой были знакомы 37 человек, т.е. 86%. Перед обедом ежедневно пили от половины до одной рюмки 9 человек, по праздникам –

14 человек, были пьяны от водки 16, от пива – 17... В женском училище из 50 человек пили водку 10 человек, пиво и вино – 38.

По данным представленным на Всероссийском съезде по семейному воспитанию доктором Григорьевым, «из 182 мальчиков, в возрасте от 8 до 13 лет, со спиртными напитками были знакомы 166, т.е. 91,2 % причём 151 из них пили водку систематически... Из 159 девочек в возрасте от 8 до 15 лет, пили 149, т.е. 93,7%, из них некоторые «ежедневно», другие «уже давно», третьи «бывали пьяны». Как видно из приведённых цифр пьянство было характерным явлением как для мальчиков, так и для девочек, отличие было только в частоте и качестве употребляемых напитков.

В целом гендерный подход открывает новые возможности и перспективы для исследования девиантного поведения несовершеннолетних как социально-исторического явления.

О.Л.Помалейко

Минск, Академия МВД Республики Беларусь

ГЕНЕЗИС ЖЕНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦ. XIX – НАЧ. XX В.

Одними из первых на территории Северо-Западного края возникли женские благотворительные общества в Минске (1859) и Могилеве (1860). До конца XIX в. были зарегистрированы еще 18 организаций женщин. Пик активности женских инициатив пришелся на начало XX в. Несмотря на ряд проблем и препятствий различного рода, в шести северо-западных губерниях возникли как минимум 80 и продолжили свою деятельность 10 женских объединений. Это были как *общероссийские* (отделения «Российского общества защиты женщин» (РОЗЖ), «Российской лиги равноправия женщин»), так и *местные* комитеты, попечительства и общества. Среди последних значительный процент составляли *национальные* («Ковенское женское еврейское благотворительное общество» (1898), «Польский кружок равноправия женщин» в Вильно (190?), «Русский женский кружок» в Минске (1907) и др.). На структуру женских организаций, помимо национального аспекта, повлияла и конфессиональная ситуация в крае. Так, заявили о себе следующие объединения: *православные* (союзы благочестивых женщин, впервые возникшие в Полоцкой епархии в 1910 г., «Свято-Ольгинская община сестер просвещения», первая в Российской империи община

такого рода, основанная при Красностоцком монастыре в 1912 г.); *католические* («Общество католической женской прислуги имени святой Зиты» в Вильно (191?), кружки лиц женского пола при костелах) и *протестантские* («Дамское благотворительное общество Ковенского евангелического прихода» (1879), «Благотворительное дамское общество евангелическо-лютеранского вероисповедания» в Белостоке (1909).

Как и во многих других регионах Российской империи, одним из основных направлений деятельности женских организаций была благотворительность, охватывавшая здравоохранение, воспитание, образование, социальное обеспечение. В этих областях общественная инициатива женщин существенно дополняла, а иногда и заменяла деятельность органов власти. Женские благотворительные организации проводили разноплановую работу: открывали приюты, общежития и столовые; устраивали благотворительные концерты и спектакли; организовывали лекции; оказывали материальную и денежную помощь; создавали рабочие места. Учитывая, что помощь оказывалась различным категориям населения, из более чем 40 женских благотворительных организаций можно выделить: 1) организации, оказывавшие помощь широкому кругу нуждавшихся («Гродненское Еврейское Дамское Общество „Помощь падающим“ „Сеймейх Нейфлими“» (1899), «Шавельское женское еврейское общество пособия бедным» (1899); 2) общества, оказывавшие помощь детям («Общество «Дам-Патронесс в Белостоке» (1901), «Общество для призрения новорожденных детей у бедных евреев г. Минска» (1908); 3) организации помощи учащимся учебных заведений («Женское общество попечения об учениках «Талмуд-Торы» в г. Режице» (1910), «Дамское попечительство „Малбиш-Арумим“» в Орше (1912); 4) организации помощи осужденным и их семьям (дамские отделения «Общества попечительного о тюрьмах»); 5) организации помощи военным и их семьям, а также населению, пострадавшему от войны и стихийных бедствий (общины сестер милосердия, «Ковенский дамский комитет Российского Общества Красного Креста» (1897), 6) организации, оказывавшие помощь нуждавшимся женщинам («Дамский кружок для призрения бедных еврейских вдов гор. Минска» (1909), «Двинское еврейское дамское благотворительное общество вспомоществования бедным роженицам» (1911) и др.).

В начале XX в. наряду с благотворительными возникли и организации нравственно-этического направления, призванные «содействовать предохранению девушек и женщин от опасности быть вовлечен-

ными в разврат и возвращению уже падших женщин к честной жизни». К ним относились отделения РОЗЖ и «Общества улучшения участи женщин». Обозначенной проблемой также занимались дамские кружки в Вильно, Витебске, Могилеве, Пинске и Полоцке. Однако все организации и их учреждения имели скудные средства и кардинально повлиять на разрешение указанной проблемы не могли.

Успехи экономического роста и ряд социальных факторов предъявили требования к повышению образовательного уровня населения. Учитывая, что расходы государства на народное образование были мизерными, на помощь населению пришли различные общественные объединения. Например, Виленское (1904) и Минское отделения РОЗЖ, оказывавшие активное содействие обучению лицам женского пола, в том числе и профессиональному; «Общество трудовой помощи в г. Витебске и Витебской губернии» (1911), обучавшее девушек рукоделиям. Иные организации, как например: «Дамский кружок Софийского Православного братства в Гродно», «Могилевское женское благотворительное общество» в основном оплачивали обучение или снабжали учениц одеждой. Аналогичную помощь предоставляли всем детям независимо от пола еще пять женских организаций.

На территории рассматриваемых губерний нами не обнаружены женские организации, занимавшиеся трудоустройством, по типу московских и петербургских. В крае поиском рабочих мест для нуждавшихся наряду с прочими видами деятельности занимались: отделения РОЗЖ, женские благотворительные общества в Могилеве и Пинске.

События первой русской революции, изменения в политической системе, издание ряда законодательных актов активизировали женские массы и стимулировали появление: 1) организаций, занимавшихся защитой экономических, социальных и профессиональных прав женщин (союзов кухарок в Слуцке и Полоцке (1905), «Общества домашней женской христианской прислуги» в Гродно (1914)...) и 2) организаций, боровшихся за гражданское и политическое равноправие женщин (филиалов «Всероссийского союза равноправия женщин», «Российской лиги равноправия женщин», «Варшавского общества равноправия женщин»). В отличие от центра, в крае со стороны последних не зафиксировано ярко выраженных политических акций. В основном ими был сделан акцент на просветительскую деятельность через устройство общедоступных чтений, а также организацию вечеров. Новым явлением в политической жизни империи на рубеже веков ста-

ло функционирование политических партий. Под влиянием некоторых из них оказалась и часть женских организаций, например, русские женские кружки в Вильно и Минске. Перед ними была поставлена патриотическая цель. По мнению монархистов, они должны были сплотить российское общество. Таким образом, женские организации в шести северо-западных губерниях Российской империи на рубеже XIX – XX столетий получили довольно широкое распространение и активно заявили о себе на ниве общественной деятельности. Они, оперативно и эффективно реагируя на существовавшие и возникавшие проблемы, значительно укрепили и на качественно новом уровне расширили систему социальной помощи различным категориям нуждавшимся.

Т.Ю.Шестова

Пермь, Западно-Уральский институт экономики и права
**НАДЕЖДИНСКАЯ ОБЩИНА СЕСТЕР МИЛОСЕРДИЯ
ПРИ КРАСНОМ КРЕСТЕ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ
В КОНЦ. XIX – НАЧ. XX ВВ.**

Общество Красного Креста вело начало от Крестовоздвиженской общины сестёр милосердия, созданной в 1854 г. великой княгиней Еленой Павловной. В 1879 г. появилось название «Российское общество Красного Креста» (РОКК). В 1894 г. к пермскому губернатору П.Г.Погодину предложили создать общину сестер милосердия для военных целей. «Если к этому прибавить то огромное, доказанное в минувшую русско-турецкую войну значение ухода сестер милосердия и ту громадную потребность в сестрах, какую должна предъявить современная война при усовершенствовании вооружений и массе ожидаемых выбываний из строя раненых, то ясно станет, как необходимо Обществу Красного Креста стремиться в мирное время к организации возможно большего числа учреждений, где могли бы выработываться хорошие сестры». Средства пермского управления КК достигали 2500 руб. в год, что привело к отказу дофинансирования со стороны РОКК. Оно также предложило заключить соглашение с земствами и городами о субсидии за сестер, ухаживающих на их территории. За основу проекта устава общины был взят Устав РОКК от 14.03.1894 г. В пермский КК вошло не менее 75 человек. Больше влияние на общину было оказано женой следующего губернатора Д.Г.Арсеньева Надеждой Фердинандовной. В ее честь Община стала называться Надеждинской.

Главными задачами сестер был уход за больными и ранеными, в мирное время – работа на эпидемиях. В военное время все сестры поступали в распоряжение ОКК. Пермское управление КК руководило общиной, в его состав входила начальница общины. В ведении начальницы находились все сферы жизни Общины, старшая сестра отвечала за хозяйство. Возраст сестер милосердия составлял от 20 до 45 лет. Они должны были быть православными и иметь образование на уровне начального народного училища. При вступлении в общину требовалось подать прошение, свидетельства о благонадежности и о прививке оспы.

Испытуемые и сестры учились по Примерной программе от 19.02.1882 г., которая требовала как можно больше практики и сокращения лекционных часов. Туда входило много сведений о диетических блюдах – кашицы, кисели, бульоны. Учеба шла по муляжам Озу или Гибероских, «дабы слушательницы не касались трупов». Даже такой навык как «отсчитывание капель» требовал выработки. Все свободное время требовалось уделять рукоделию.

Обязательным условием документации были послужные списки, но опыт показывал, что они велись нерегулярно. Так, С.М.Дружинина проработала меньше года, и списка на нее не составляли, как и на А.Козьминых. Оставившие службу становились запасными сестрами.

Сестры жили в одном доме, обеспечивались питанием, одеждой, карманными расходами. Они носили коричневое платье, белые передник и головную повязку: на левой руке – белая повязка с красным крестом. Сестры носили нагрудный знак Красного Креста; испытываемым это запрещалось.

Большим социальным достижением было участие сестер в эмеритальной кассе КК, что позволяло получать пенсию по прошествии 15 лет работы, но в пермской общине сестры выплачивали только пенсионные вычеты в 12 руб. в год. «В 1907–1908 г. некоторые общины просили пересмотреть в сторону увеличения пенсии сестер милосердия и уменьшение срока службы», поэтому 2 года РОКК корректировал списки.

В апреле 1894 г. первые прошения подали А.Ф.Языкова, А.И.Асанова и М.А.Терентьева. Старшей сестрой была назначена Наталья Павловна Антипова, которая должна была подобрать помещение на 10–15 человек (дом А.П.Егоровой). В общину вошли Е.И.Панченкова, А.А.Тюленева и Л.А.Попова, а к сентябрю прием закрыли. Зарплата сестер составляла 7 руб. в месяц, старшей сестры – 25

руб. Н.П.Антипова вела общину, расплачивалась с прислугой, участвовала в подавлении эпидемий. Видимо это вызвало выделение 50 руб. на ее лечение в 1896 г.

В 1895 г. Община опубликовала рекламу ухода за частными лицами с платой по 15 руб. в месяц. Те не должны были приравниваться к обслуге и питались за общим столом. Если обращение с сестрой было недопустимым, семье отказывали в уходе навсегда.

Помимо Устава действовали «Временные правила Пермской общины» на основе аналогичного документа из Казани. Поправки касались распорядка дня, также исключалось общее участие в религиозных праздниках. К родным сестра могла навеститься только по выходным до 9 часов вечера. Родственники могли прийти только в приемную в период с 2 до 5 часов. Допускалось присутствие только родителей и женатых (замужних) братьев и сестер.

Жена губернатора Д.Г. Арсеньева видимо инициировала введение в Перми попечительства из попечительницы, заместительницы и 8 членов по примеру Казани, где в это время было 4 дамы попечительницы и 37 членов. 22.05.1898 г. пермское управление внесло в Устав изменение о попечительстве. Видимо, в конце XIX в. Россия начала наращивать свое присутствие на Дальнем Востоке. В 1899 г. пермские сестры милосердия А.М.Урсова, А.А.Калигина и М.Г.Волкова уехали на Дальний Восток на борьбу с эпидемией проказы. Отмечалось, что «начальствующие лица благоволят оказывать командированным сестрам возможное содействие».

Во время русско- японской войны Пермский лазарет действовал в Верхнеудинске (Улан-Удэ). В лазарете работала женщина-врач Н.А.Добрынина, а в Харбин была направлена жена врача Ю.А.Штейнфельд. Известно, что бывшая сестра Анна Балдина просила в 1906 г. назначить ей пособие по болезни, полученной ей во время службы на Дальнем Востоке. 31.08.1905 г. РОКК опубликовал «Инструкцию сестрам милосердия, возвращающимся с Дальнего Востока». Они должны были немедленно вернуться в свои общины. Не имеющие связи с общинами, обращались в СПб в «Бюро попечения о возвратившихся с театра сестрах». Оно открыло приют, где они были обязаны проживать, и предоставляло работу.

В Шадринском КК Кресте военное время руководила женщина З.А.Домашнева, но затем ее сменил председатель земской управы, и состав стал полностью мужским. Нижний Тагил в 1910 г. просил РОКК

разрешения на открытие общины сестер милосердия на участке, где во время войны находился лазарет и сохранились нужные постройки.

19.01.1906 г. была учреждена медаль Красного Креста в память русско-японской войны. В Пермской губернии ей были награждены А.И.Предтеченская, В.И.Волкова, бывшая старшая сестра А.М.Воеводова (серебряная и золотая медали) и о. Михаил Рыжков. Запасная сестра Дарья Матвеевна Шигинева просила выслать ей золотую медаль «за усердие», которой она была награждена приказом Главнокомандующего в 1905 г. Список членов КК в 1910 г. достиг 94 человек. Женщин в перечне было только 4 – бывшая старшая сестра В.И.Волкова, купчиха Е. И.Любимова, жена надворного советника О.Ф.Тупицына и жена врача А.И.Предтеченская.

Таким образом, после русско-японской войны число сестер милосердия выросло незначительно, а материальная база увеличивалась для резерва будущих военных нужд.

Г.Е. Боброва

Новокузнецк, Кузбасская государственная педагогическая академия

**ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В ИССЛЕДОВАНИЯХ
ФЕНОМЕНА ТОЛПЫ (ПО РАБОТАМ СОЦИОЛОГОВ
ФРАНКО-ИТАЛЬЯНСКОЙ ШКОЛЫ КОН. XIX – НАЧ. XX ВВ.)**

В XX – нач. XXI в. гендерная проблематика оказалась одной из наиболее востребованных в общественных науках. Однако интерес к социальной роли женщины появился значительно раньше и был связан, в частности, с изучением толпы и совершаемых ею преступлений, как характерной черты революционных эпох. В XIX в. феномен толпы оказался в эпицентре внимания французских (Г.Ле Бон, Ж.Г.Тард, О.Кабанес, Л.Насс) и итальянских (Ч.Ломброзо, Р.Ляски, С.Сигеле) исследователей, и концентрировался на свойствах толпы, механизмах коллективной агрессии. Ученые были озабочены необыкновенной силой экзальтации и кровожадности, которые демонстрировали женские толпы, и той весомой ролью, которую играли женщины в гетерогенных скопищах.

Заслуга в постановке проблемы женского фактора в революционных событиях принадлежала И.Тэну. По мнению французского историка, женщины приняли активное участие, как в подготовке революции, так и в ее событиях. Так, 5–6 октября 1789г., как следует из II тома

«Происхождения современной Франции» И.Тэна, именно женщины выступили в качестве авангарда. В отношении мужской части исследователь использовал интересный оборот: «...мужчины, – писал он, сопутствуют им»⁴²⁹. И.Тэн первым обратил внимание на свирепость и ярость, характеризующие поведение женщины в толпе. «Мы принесем на конце копья голову королевы», «Ее надо задушить и наделать кокард из ее кишок», «Где эта мерзавка? Надо съесть ее сердце» – вот отдельные фразы, которые приводил ученый, утверждая, что в возбужденной до крайности толпе, под влиянием общей заразы проявляется разнузданность пороков, которые раньше сдерживались остатками стыдливости. Заметим, что И.Тэн не исследовал глубоко механизмы агрессивного поведения женщин в толпе. Это сделали его младшие современники, имена которых уже прозвучали выше. Все они признавали видную роль женщин в революциях. Более того, Ч.Ломброзо и Р.Ляски настаивали на первостепенной роли женщин в восстаниях и бунтах, а Г.Тард называл их «ближайшими виновниками революций в цивилизованных странах». Способность женщин выступить в качестве дрожжей толпы, увлечь своим примером мужчин социологи франко-итальянской школы объясняли особенностями женской психики, преобладанием чувства над разумом.

По словам О.Кабанеса и Л.Насса женщины превосходят мужчин храбростью, самопожертвованием, жестокостью, иступленностью и изуверством. В силу своей преимущественно инстинктивной и раздражительной природы женщины, утверждали Ч.Ломброзо и Р.Ляски, склонны к преувеличениям, как в добре, так и во зле. На чисто физическое влияние, обусловленное особенностями в жестах, чертах лица и в самом строении тела, совмещенное с половым влечением, указывал Г. Тард. Психологическим механизмом, который приводит скрытые пружины женской природы в движение, ученые считали подражание. По мнению Г. Тарда, взаимное возбуждение в толпе напоминает бурные вспышки. В результате индивид утрачивает свои отличительные особенности, поле его сознания значительно сужается, происходит быстрый упадок нравственности, потеря индивидуальной свободы и растворение индивида в массе. Все указанные негативные процессы

⁴²⁹ Тэн И. Происхождение современной Франции. Т.2. Анархия. Под ред. А.В.Швырова. СПб, 1907. С.75.

протекают у женщин намного стремительнее, поскольку они, как утверждали О.Кабанес и Л. Насс, «в высшей степени податливы внушению и представляют легкую добычу для умственной заразы». Интересно, что исследователи указывали на роль, которую играют мужчины в этом падении женщин на несколько ступенек вниз по лестнице цивилизации. Так, Г.Тард признавал врожденное нравственное превосходство женщин и писал о развращающем влиянии на них мужчин. Характеризуя поведение женщин в толпе, французский социолог указывал, что в этом случае происходит подбор всего, что есть в них наглое, наиболее смелого, мужского. Ч. Ломброзо и Р.Ляски обращали внимание на тот факт, что, когда страсти разнузданы и поддерживаются мужчинами, женщины способны зайти гораздо дальше последних на пути безумия. Участие женщин в революциях означало, что они активно включились в политику. Для многих это было неожиданностью. До середины XVIII в. политическая деятельность была уделом аристократок. Даже на заре Великой французской буржуазной революции ничто, по словам О.Кабанеса и Л. Насса, не давало оснований предвидеть смелого вторжения простых парижанок в политику. Тем не менее, женщины вступили в революцию и с первых же шагов стали играть в ней весьма значительную роль. Данный феномен требовал оценки. Отрицательное отношение исследователей франко-итальянской школы к революциям вообще определило и негативную оценку роли женщин в них. Это нашло отражение уже в словосочетаниях, которые использовали ученые в отношении участниц революционных событий: боевые бабы, мегеры гильотины, роялистские фурии и мужеподобные ведьмы. «Все одинаковы, – заключали О.Кабанес и О.Насс, – когда начинают вмешиваться в политические дела». Апеллируя к радикализму женщин, их склонности к чрезвычайному моральному возбуждению, Ч.Ломброзо и Р.Ляски, О. Кабанес и Л. Насс заняли весьма осторожную позицию в отношении идеи равноправия полов, в том числе в политике. «Нельзя отрицать, – писали О. Кабанес и Л. Насс, – что подчас они (женщины – Г.Б.) были способны на великие самоотверженные подвиги и на геройские жертвы, но сколько одновременно проявлялось чудачеств, эксцентричности, изверства, творческих нелепостей? Невольно задумаешься, какая нужна осторожность при обсуждении вопроса о женском равноправии, и какой еще длинный путь предстоит совершить женщине для достижения столь желанного равенства с сильным полом».

Ю.С.Афанасьева

Сыктывкар, Сыктывкарский государственный университет

**ИСТОРИК ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ
(НА ПРИМЕРЕ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА А.М. ОНУ)**

Научная деятельность историка неотделимо от той среды, в которой он родился, вырос, там, где формировались его взгляды, она напрямую зависит от событий, происходящих в его Отечестве и мире. Через восстановление различных аспектов жизни человека и присущего ему способа восприятия действительности возможно глубокое изучение социокультурной истории общества. Выявление аспектов и результатов деятельности ученого, а также исследования его особого миропонимания способствует изучению вектора переходного времени.

В этой связи представляется показательным жизненный путь и научная деятельность историка, общественного и государственного деятеля Александра Михайловича Ону (1865 – 1935), поскольку его личность предстает в нескольких культурных пространствах, притом в переломный период российской истории. Перед нами и сын известного российского дипломата, дворянин, студент, участвующий в «беспорядках», и государственный чиновник, и исследователь, и преподаватель, и эмигрант. Осмысление разных жизненных пластов А.М.Ону вкупе с его историческими взглядами показывает пример личности переходной эпохи, характеристика черт которой выявляет типичный портрет русской интеллигенции.

Начало научной деятельности А.М.Ону приходится на рубеж 1880–1890-х гг. Новые условия российской действительности определяли проблематику и направления обществоведческой мысли, все-так или иначе откликнулись на противоборство сил революции и реакции. На повестку дня ставились вопросы эффективности самодержавной власти, реформ, проблемы социальных конфликтов в обществе.

Такая содержательная линия прослеживается и в творчестве А.М. Ону. Первой его научной работой стала статья, посвященная проблемам просвещенного абсолютизма в Австрии. Его внимание привлекли реформы Иосифа II, параллели с которыми он видел в политике российских самодержцев. Спустя некоторое время Ону обращается к теме революции, проводя аналогии уже с французской историей. Результа-

том многолетней работы стал труд «Выборы во Франции в 1789 г. и наказания третьего сословия с точки зрения их соответствия истинному настроению страны (СПб, 1908).

Рубеж XIX – XX вв. еще в большей степени актуализировал проблему соотношения единства и различия исторических путей Западной Европы и России. Экзамен на цивилизационную зрелость пришелся на период 1914–1917 годов. Взгляды А.М. Ону на происхождение Первой мировой войны и роли России в ней, вполне вписываются в канву общих настроений либеральных мыслителей. Революция 1917 г., разделившая страну на два лагеря, становится центральной темой в публицистике. Для участников политической жизни, оказавшихся в 1917 г. по другую сторону от радикальных идей и методов борьбы, ничего не оставалось как покинуть страну. К их числу относится и А.М. Ону, для которого эмиграция оказалась вынужденной.

В последние годы жизни при анализе мемуарного наследия дипломата, государственного деятеля Н.П.Игнатьева (1832 – 1908) он также обращал внимание на его предостережения о грозящих событиях. Ключевым в этих работах стало выяснение вопроса о дипломатических взаимоотношениях Российской империи и Европейского мира. Взгляды А.М.Ону дают представление о сути важнейших вопросов исторической науки. Ону–историк неотделим от Ону–очевидца. Эта особенность личности делает возможным изучение механизма взаимовлияния общественной и научной деятельности, политических и исторических взглядов. Она объясняет выбор проблематики исследования, постановку и решение тех или иных теоретических задач ученым, демонстрирует отражение времени во взглядах историка.

О.А. Волкова

Беларусь, Беларусский госуниверситет физической культуры

РАБОТНИЦЫ ПОЧТОВО–ТЕЛЕГРАФНОГО ВЕДОМСТВА МОСКВЫ И ПЕТЕРБУРГА В ГОДЫ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Женщины играли значительную роль в функционировании телеграфной службы. Впервые женщин стали принимать в почтово–телеграфное ведомство в 1865 г. после принятия правил о женской службе. Московский и петербургский телеграфы были одними из первых предприятий связи России, принявших в свой штат женщин. Правила ввели для женщин ряд ограничений. В телеграфистки могли по-

ступать вдовы и девицы не моложе 18 лет. Женщины не могли пользоваться никакими преимуществами по службе, не имели права на повышение в старшие телеграфисты и обер-телеграфисты, не могли заведовать телеграфными станциями. Имелись ограничения, касающиеся замужества. Женщины могли выходить замуж только за работников почтово-телеграфного ведомства. Работницы, нарушившие этот запрет, подлежали увольнению. В свою очередь, мужья должны были выполнять служебные обязанности заболевших жен.

Перемены наступили в связи с введением в 1904 г. новой инструкции о службе женщин в почтово-телеграфных учреждениях, которая сблизила юридическое положение женщин и мужчин. В циркуляре Начальника главного управления почт и телеграфов от 21.08.1904 г. № 144 «О распределении почтово-телеграфных чиновников по разрядам в зависимости от исполнения ими тех или других обязанностей» оговаривалось, что помощниками старших в конторах I–III классов могли быть морзисты (мужчины и женщины). Циркуляр от 28.04.1905 г. № 58 «О распределении почтово-телеграфных чиновников по разрядам в конторах I и II классов» подчеркивал необходимость привлекать «преимущественно» женщин к их обслуживанию. Женщины получили право повышения по службе вплоть до должности начальников почтово-телеграфных контор. Газета «Русское слово» 15.05.1905 г. сообщала: «Служащим женщинам-телеграфисткам в петербургском телеграфе дано разрешение выходить замуж за кого они хотят. До сего времени женщины-телеграфистки имели право выходить замуж только за телеграфных чиновников – в целях сохранения телеграфной тайны».

Почтово-телеграфное ведомство подчинялось министерству внутренних дел. Его работникам, считавшимися государственными служащими, было запрещено заниматься политической деятельностью. Кроме того, условия службы в почтово-телеграфных учреждениях являлись неблагоприятными для коллективных выступлений, а единичные протесты быстро и легко ликвидировались увольнением виновных. До 1905 г. имело место всего две попытки выступления-протеста. Так, на Петербургском телеграфе (ноябрь 1903 г.), вследствие задержки телеграммы на неделю из-за ошибки «неопытной» ученицы и контролера, министр внутренних дел П.Н.Дурново предложил обоим виновным подать в отставку, что вызвало «брожение» среди телеграфистов. Дальше составления телеграммы «на высочайшее имя» дело не зашло, контролер и ученица были оставлены

на службе. Однако и телеграфисты оказались вовлечены в революционные события. Началом послужила «петиционная кампания». На митинге почтово-телеграфных служащих Москвы (10 февраля 1905 г.) было принято решение подать начальству «докладную записку» с просьбой разрешить устроить общее собрание для выяснения своих нужд. В ответ из Петербурга спешно прибыл помощник начальника Главного управления почт и телеграфов Т.Кормилев, который призвал терпеливо ждать, пока власть позаботится об интересах почтово-телеграфных служащих. Весной 1905 г. Московский комитет РСДРП и ПСР распространили прокламации среди почтово-телеграфных служащих, призывая их примкнуть «ко всем трудящимся и эксплуатируемым», вступить в ряды партий, требовать свободы слова, стачек, союзов и собраний, «созванное народом на основе всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов Учредительное собрание». Толчком к росту политической активности почтово-телеграфных служащих послужил и Указ 18 февраля правительствующему сенату, который возлагал на совет министров «рассмотрение и обсуждение поступающих на имя наше от частных лиц и учреждений видов и предложений по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния». В течение двух месяцев значительное количество почтово-телеграфных контор (в том числе и Петербурга) составляло телеграфные петиции с изложением своих требований. «Мы уверены, – отмечалось в прокламации «чиновников Петербургской конторы», – что наши законные и умеренные требования будут удовлетворены. В случае отказа у нас есть верный способ воздействия – это всеобщая российская забастовка служащих нашего ведомства». В период всеобщей октябрьской забастовки Московские почтово-телеграфные учреждения не удалось закрыть. Начальник московского управления городских телеграфов доносил: «Телеграфные операции не были прекращены, хотя паника между чинами в кассе и аппаратной, ввиду прорыва толпы через охрану была чрезвычайно сильная, с обмороками и истериками». С 12 до 16 октября работа на почтамте и телеграфе производилась с перерывами.

В конце июля 1905 г. в Москве конспиративно возникло организационное бюро почтово-телеграфного союза. Инициатором его создания стал разъездной чиновник II отдела перевозки почт К.В.Парфененко. 14 октября в Москве на митинге работников связи объявили о

создании Всероссийского союза почтово-телеграфных служащих, состоялись выборы Центрального бюро. В него в качестве кандидата вошла А.С.Ракк. 24 октября газета «Вечерняя почта» сообщила об образовании союза и опубликовала проект устава. Целью союза провозглашалось улучшение материального и служебно-правового положения почтовых и телеграфных служащих, обеспечение защиты их корпоративных интересов. Выдвигались требования «полной гражданской свободы и народного представительства на основах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования без различия пола и национальности». Начальник Главного управления почт и телеграфов М.П.Севастьянов в циркуляре от 31 октября незамедлительно запретил союз. В ответ Центральное бюро призвало почтово-телеграфных служащих в знак протеста готовить забастовку. Затем, 15 ноября – 6 декабря 1905 г., состоялся Всероссийский учредительный съезд союза с участием 109 делегатов, в том числе 12 представителей Москвы и 4 – Петербурга. На съезде присутствовала представительница Всероссийского союза равноправия женщин, которая настаивала на беспартийности союза, предложение поддержали.

Участие работников почтово-телеграфного ведомства в общественно-политическом движении выразилось не только в стремлении создать профессионально-политическое объединение, но и в проведении с 15 ноября по 13 декабря 1905 г. Всероссийской забастовки почтово-телеграфных служащих. В нее включились связисты Оренбурга, Челябинска, Троицка, Верхнеуральска. Связь с Москвой и Петербургом была прервана. Москва по своему местоположению и местонахождению Центрального бюро и съезда стала организующим стачечным центром. Однако даже в Москве стачку поддержали не все служащие, так что организаторам пришлось прибегать к принуждению: на главном московском телеграфе в комнате, где работали аппараты Юза, разлили жидкость, выделявшую сероводород. Циркулировали слухи, что «на телеграфе работы окончены и там работает рота саперов». Но и после начала забастовки 15 ноября на Центральном телеграфе продолжала работать группа в 30–40 человек. Петербург забастовал одним из последних – 17 ноября. И здесь забастовка почтово-телеграфных служащих не стала всеобщей. Газета «Сын Отечества» сообщала, что 18 ноября на Главном телеграфе работало 30 «девиц», газета «Новая жизнь» число работавших в этот день определила

в 50 телеграфисток. С 17 по 21 ноября число бастовавших чиновников почтамта Петербурга определялось в 317 человек (29,4%).

Министерство внутренних дел было крайне озабочено политической активностью почтово-телеграфных служащих. 19 ноября 1905 г. П.Дурново телеграфировал московскому градоначальнику: «Прикажете арестовать и заключить под стражу всех известных вам, жандармскому управлению и почтово-телеграфному начальству подстрекателей и агитаторов по забастовке почты и телеграфа». 21 и 26 ноября произошли аресты «руководителей действиями других членов союза», среди которых оказалась дочь почетного гражданина О.Х.Неслер, А.С.Ракк и О.А.Люллей. С 30 ноября, после подписания приказа о поголовном увольнении бастовавших, стачка в почтамте стала угасать. В Петербург была послана телеграмма: «Работа кипит во всех экспедициях. Завтра, после молебна, почтамт будет открыт для публики». К началу декабря почтово-телеграфная забастовка в Петербурге была фактически ликвидирована: к 1 декабря на почтамте работали все, за исключением 105 уволенных. Когда разгоралось декабрьское вооруженное восстание в Москве, стачка близилась к концу. Глава почтово-телеграфной администрации Стеткевич доносил начальнику Главного управления почт и телеграфов М.П.Севастьянову 15 декабря: «Большое счастье, что почтово-телеграфная забастовка окончилась раньше, чем началась в Москве забастовка общая. Не будь к началу декабря изловлено Бюро союза, протянись забастовка еще несколько дней, и тогда, наши идиоты присоединились бы к стачечному комитету и направили бы свои действия против почтамта, защищать который по совершенному недостатку войск было бы некем».

Незначительное участие женщин из почтово-телеграфного ведомства в забастовочном движении связано не только с репрессиями, но и с прямым подкупом властями. В начале 1906 г., после ноябрьской забастовки, администрация провела тщательную фильтрацию личного состава ведомства по степени участия в забастовке. «Агитаторов» уволили. Бастовавшим «по малодушию» и не бастовавшим вообще, как заслуживающим «особого снисхождения», выплачивались разные по размеру пособия из специально выделенной суммы в 500 тыс. руб. «наградных». В Петербурге из 749 чиновников «наградные» получили 613 человек, в том числе 308 телеграфисток. Более того, власти оценили благонадежность женщин. Газета «Русское слово» от 8 февраля 1906 г. сообщала: «В телеграфную школу при главном управлении

почт и телеграфов Петербурга решено в настоящее время принимать исключительно женщин. Объясняется это тем, что главная администрация считает женщин способным и благонадежным элементом».

А.А. Воробьев

Могилев, Могилевский гос. университет им. А.А. Кулешова

ЖЕНЩИНЫ НА ВЫБОРАХ В ОРГАНЫ ВЛАСТИ И ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СЕВ.-ЗАПАДНОМ РЕГИОНЕ РОССИИ В 1917 Г.

Февральская революция 1917 г. не только привела к смене власти в России, но и к изменению положения женщин, которые до того времени были лишены демократических прав и свобод, в том числе избирательных прав. Пользуясь демократизацией общества, женщины России активно включились в общественно-политическую жизнь. В 1917 году, вместо старых органов власти и городского самоуправления, стали образовываться новые, которые формировались на выборной основе. В процессе этой смены женщины, как всей тогдашней России, так и ее Северо-Западного региона приняли достаточно активное участие. Впрочем, вначале, на наш взгляд, следует локализовать территориальные границы указанного региона. Они отличаются от распространенных в исторической литературе границ Северо-Западного края, как в дореволюционной России называли территорию нынешней Республики Беларусь. Всего белорусских губ. было пять: Виленская, Витебская, Гродненская, Минская и Могилевская. В ряде случаев в состав этих губерний входили территории, на которых проживали не только белорусы. Так, в состав Витебской губ. входили Люцинский, Режицкий и Двинский у., где проживало немало латгальцев (родственной латышам балтской народности), на территории Виленской губернии проживало много литовцев, а Гродненской – поляков. Вместе с тем, в Северо-Западный край не включались Смоленская и Псковская губ., которые, как и белорусские губ., были населены потомками самого многочисленного восточнославянского племенного союза кривичей. Псковскую губернию населяла северная ветвь кривичей, а Смоленскую – южной ветви. Центральная ветвь кривичей, получившая название полочан (по главному городу Полоцку), населяла Витебскую и, частично, Могилевскую и Минскую губ.. Население всех пяти указанных губерний говорило на близком диалекте русского языка. И по сей день в деревнях современных Смоленской и Псковской областей Рос-

сийской Федерации крестьяне говорят, как и в соседних белорусских областях (Витебской, Могилевской и Минской) на своеобразном диалекте, который у белорусов называется «трасянкой». Уже после захвата власти в России большевиками у них были планы создания либо Северной, либо Западной области, в состав которых должны были войти все указанные нами ранее губ.: Виленская, Витебская, Гродненская, Минская и Могилевская, Псковская и Смоленская. В связи с этим нелишне будет напомнить, что даже создание КП(б)Б (т.е. Коммунистической партии большевиков Беларуси) и провозглашение СССБ (Советской Социалистической Республики Беларусь), позже называвшейся БССР, произошло именно в Смоленске. Думается, этническая близость населения пяти белорусских и двух соседних русских губ. и то, что эти их особенности учитывали многие ученые и политические деятели, позволяет нам локализовать границы Северо-Западного региона именно в границах тогдашних семи соседних губ. Правда, в ходе Первой мировой войны немецкие войска полностью оккупировали Гродненскую губернию, почти полностью (за исключением Вилейского, Дисненского и Ошмянского уездов) – Виленскую губ. и небольшую часть Минской. В условиях военного времени деятельность женских организаций в Северо-Западном регионе была существенно затруднена. Это было обусловлено тем, что по территории Минской и Витебской губ. проходила линия фронта, а Могилевская, Псковская и Смоленская губернии являлись ближайшим тылом Северного и Западного фронтов русской армии.

Тем не менее, на территории фронтовой Витебской губ. летом 1917 года группа женщин-избирательниц представила на выборах в городскую думу уездного центра города Дрисса (ныне это город Верхнедвинск, районный центр Витебской области) свой отдельный избирательный список. Это было по тем временам столь удивительное явление, что председатель Дриссенской городской избирательной комиссии Ширкевич даже направил о нем докладную записку Витебскому губернскому комиссару Временного правительства Волковичу. В Дриссенскую городскую думу было избрано 20 человек: 9 человек – от списка № 1, один человек – от списка № 2 два – от списка № 3, три – от списка № 4, три – от списка № 5, два – от списка № 6. К сожалению, не было указано, какой номер имел женский список, поэтому не представилось возможным выяснить, сколько же мест он получил в Дриссенской городской думе. Больше фактов столь значительного участия

женской части населения Северо-Западного региона в выборах в местные органы власти и самоуправления отмечено не было. Зато женщины региона получили возможность участвовать в выборах в новый парламент России – Всероссийское Учредительное собрание.

В Псковском избирательном округе (в его состав входила вся Псковская губ.) в выборах в Учредительное собрание участвовал кандидатский список Островского отдела Всероссийской лиги равноправия женщин, который был зарегистрирован Псковской губернской избирательной комиссией под № 9. В него входили: 1. Шишкина-Явейн П.Н., Петроград; 2. Журавская З.Н., Петроград; 3. Ефименко А.Я., Петроград; 4. Закута О.Г., Петроград; 5. Щепкина Е.Н., Петроград. Таким образом, в составе кандидатского избирательного списка Всероссийской лиги равноправия женщин не было ни одной жительницы не только Островского уезда Псковской губернии, но и вообще жительниц этой губернии. В список, вероятнее всего, входили женщины, которые создавали и входили в руководство указанной общественной организации. Женский список не пользовался популярностью у жителей Псковской губ., да и у солдат Северного фронта русской армии, которыми губерния была буквально наводнена, так как штаб Северного фронта располагался в Пскове, тоже. Солдаты негативно отреагировали на участие женского избирательного списка в выборах во Всероссийское Учредительное собрание. Островская уездная избирательная комиссия отметила факт насильственных действий солдат по отношению к представительнице лиги равноправия женщин, которую они сначала подвергли публичным оскорблениям, а потом не дали возможности расклеивать предвыборные плакаты кандидатского списка.

По итогам выборов во Всероссийское Учредительное собрание в Псковской губернии женский избирательный список получил самое малое количество голосов. Естественно, ни одна женщина не была избрана депутатом Учредительного собрания. Ничего удивительного в этом, на наш взгляд, не было, так как в тогдашнем обществе взгляды на равноправие между мужчинами и женщинами еще только начинали формироваться.

Л.Г. Березовая

Москва, Российский государственный гуманитарный университет

**ЖЕНЩИНА В СТИЛЕ МОДЕРН:
МИФОЛОГИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА**

Ключевое слово, которое так часто употребляли его создатели, – новый: «новое искусство», «новый трепет», «новая поэзия». Соответственно – новая во всем женщина: в облике, поведении, занятиях, отношении к мужчине. Серебряный век, предъявив новый художественный язык, основанный на линии «удар бича», изобретенный В. Орта, изменил и визуальное восприятие облика «новой женщины».

Анна Ахматова – одна из признанных «моделей» Серебряного века. Впечатления о ее облике едины в признании его полного соответствия стилистике нового искусства: «строгое лицо послушницы из староверческого скита», «пишет стихи, все молчит, ходит то в темном ситцевом платье вроде сарафана, то в экстравагантных парижских туалетах». Г. Адамович был поражен внешностью поэтессы: «Никогда не приходилось мне видеть женщину, лицо и весь облик которой повсюду, среди любых красавиц, выделялся бы своей выразительностью, неподдельной одухотворенностью, чем-то сразу приковывавшем внимание. Позднее в ее наружности отчетливее обозначился отенок трагической...».

Галерея образов А. Ахматовой включает, во-первых, портреты «в цвете», самый известный из которых в «ренессансных» желто-синих тонах принадлежит Н. Альтману, а самый необычный – улыбающаяся юная Анна – сделан З. Серебряковой. Вторая группа ее портретов – карандашные наброски, почти абрисы, в которых единая «волна» модерна применена к Ахматовой в любом ее возрасте. Один из таких пленительных рисунков сделан в 1911 г. А. Модильяни.

Портретную галерею женщин модерна создавали художники «Мира искусства» (Сомов, Бакст), вернувшись к традициям женского портрета XVIII в. с его манерностью, маскарадностью, аллегориями. В таком стиле решен один из редких для модерна портретов маслом – «Дама в голубом» К. Сомова. Ренессансные черты просматриваются в манерно выгнутой руке с маленькой книжкой, похожей на молитвенник, в глубоком синем цвете муарового платья, в присутствии на картине примет

XVIII в. (парк, водоем, кавалер), придающих маскарадный характер портрету. Лицо дамы – всеведущее и трагическое лицо женщины XX в.

Облик женщины модерна повлиял и на рекламу. На рекламных плакатах А. Мухи образы женщин воплотили новые идеалы красоты: это брюнетки или рыжеволосые красавицы, мечтательные и раскованные, окруженные развевающимися шарфами, кудрями, цветущими лианами. Шедевром заслуженно считается плакат В. Серова к выступлению балерины А. Павловой в 1909 г. в Париже в рамках «Русских сезонов» Дягилева. На зыбком сине-зеленом фоне углем и мелом прорисована летящая фигура прославленной балерины, словно погруженная в подводную среду. Образ балерины серьезен, торжественен, трагичен, невесом.

Ценности культуры нового XX в. формировали и новые поведенческие нормы. Стремление модерна к оригинальности, доходящей до экстравагантности, поддерживали женщины, чуткие к моде и новинкам. Появился мотив сексуальности, раскованности, демонстративно независимого поведения. «Приличные» женщины стали, сидя, класть ногу на ногу, избавляться от корсета, предпочитая «естественные» развевающиеся одежды, курить «пахитоски» и танцевать аргентинское танго. Из этой серии был монокль З. иппиус, ее развевающиеся одежды, ритуал кофепития, ярко-рыжие волосы и независимые манеры. По отзыву А.Белого, она напоминала то рисунки модерниста О.Бердслея, то «осу в полный рост». Ее описание А.Белым предельно живописно: «Ком вспученных красных волос (коль распустил – до пят) укрывал очень маленькое и кривое какое-то личико; пудра и блеск от лорнетки, в которую вставился зеленоватый глаз; перебирала граненые бусы, уставясь в меня, пята пламень губы, осыпаяся пудрою; с лобика, точно сияющий глаз, свисал камень на черной подвеске; с безгрудой груди тарахтел черный крест; и ударила блестками пряжка с ботиночки; нога на ногу; шлейф белого платья в обтяжку закинула; прелесть ее костяного, безбокого остова напоминала причастицу, ловко пленяющую сатану».

Женщины стали бывать в местах, которые прежде были закрыты для них. А. Ахматова была постоянным посетителем знаменитого ночного кабачка «Бродячая собака» в Петербурге, не делая различия между своим поведением и своих собратьев по богеме. Она посвятила этому кабачку два своих стихотворения «Все мы бражники здесь, блудницы» и «Да, я любила их, те сборища ночные».

Новизна социальной роли женщины начала XX в. состояла в отходе от традиционных социальных ролей: жена, мать, любовница. Теперь женщины ищут самовыражения в общественном признании в качестве артисток, художниц, писателей, поэтов, журналистов. В. Холодная стала первой российской кинозвездой, никогда не выступавшей на театральной сцене. Взлет живописи модерна обеспечила целая плеяда великолепных женщин-художников: Е. Поленова, А. Остроумова-Лебедева, З. Серебрякова, Н. Гончарова и др. Н. Тэффи вспоминала, как ликовала А. Ахматова после чтения своих стихов В. Брюсову, когда «он сказал, что до сих пор признавал только двух поэтесс – Сафо и Мирру Лохвицкую. Теперь он узнал третью – меня, Анну Ахматову».

Новая социальная роль женщин модерна определяла и изменение их взгляда на мужчин, и больший рационализм. Мужчины Серебряного века подчас выглядят более романтичными, нежели женщины (подведенные глаза Кузмина, веер Гумилева, комнатная собачка князя Юсупова, желтая кофта Маяковского). В ответ на восхищение А. Белого картиной гаснущих в камине углей З. Гиппиус предлагает ему просто «подложить поленьев», чтобы камин не угас. Расширилась сфера деловых и дружеских отношений между мужчинами и женщинами, особенно в структуре богемного образа жизни, в творческой общности. З. Гиппиус называла А. Блока «мой лунный друг», утверждая что «наши отношения можно было назвать дружбой... лунной дружбой».

Парадокс заключался в том, что усиление сексуальных мотивов в искусстве и культуре давало возможность демонстрации любовных отношений, открытости чувства. Гиппиус рассказывала о жене М. Соловьева (брата знаменитого философа Вл. Соловьева). Весной 1903 г. М. Соловьев простудился и тяжело заболел. «Ольга не отходила от него до последней минуты. Закрыв ему глаза, она вышла в другую комнату и застрелилась. Вместе их отпевали и хоронили. Ольга была очень религиозный человек и – язычница. Любовь была ее религией».

Чувства женщин по отношению к мужчинам становятся более искренними и открытыми. Не случайно женщины начала XX в. оставили небывалое количество воспоминаний и мемуаров о своих близких мужчинах: мужьях, братьях, отцах, любовниках.

K. Ekonen
Helsinki, University of Helsinki

**SIGNS OF CHANGE: THE 'NEW WOMEN' MODERNIZING
RUSSIAN SOCIETY (1900–1920)**

The aim of my presentation is to discuss the scholarly potential of the concept of the 'new woman' for researching the changes of the beginning of 20th century in Russian culture and society. I will begin by presenting the most significant results of the western 'new woman' research, i.e. the ideas about the 'new woman' discourse as a way of producing and discussing changes in social life and values. In the western culture the 'new woman' was a phenomenon of real life and it was also a figure of (often popular) literature. The concept of the 'new woman' has several and even contradictory manifestations. However, the common feature for all 'new woman' interpretations was the rejection of woman's traditional role as was defined by her own ambient society. The figure of the 'new woman' became a carrier of hopes and fears; it became a manifestation and a sign of changing values and practices and therefore it became also a vehicle of discussions about society and culture.

In my paper I will ask how the results of the western new woman research can be applied for analyzing Russian culture and society. My examples come from the cultural and political turning points of the Russian history, from the early 20th century.

The concept of the 'new woman' was used in political battle both by socialist and so called bourgeois women's movement, by Aleksandra Kollontai and by Ariadna Tyrkova-Williams. The new woman phenomenon can be perceived both in the circles of modernist and popular culture. Zinaida Gippius' behaviour is a good example of the 'new woman' life strategies. The same can be said about Anastasiia Verbitskaia's life strategy and about the heroines of her novels.

I will argue that the 'new woman' is a concept, which allows us to see the big changes not as separate phenomena, but as related to each other. Furthermore, my argument is that the concept of the 'new woman' allows us to see the continuances from Imperial Russia to the Soviet order with the utopia of new Soviet man and new Soviet woman.

In case my paper will be included to the conference programme I can present it either in English or Russian.

Ю.С. Русова

Москва, Московский педагогический гос. университет

А.М. КОЛЛОНТАЙ О НОВОЙ ЖЕНЩИНЕ В НОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Александра Михайловна Коллонтай – советский партийный деятель, дипломат, публицист, первая в мире женщина – посол; член первого большевистского правительства — народный комиссар государственного призрения. А.М.Коллонтай — автор ряда книг и статей, многие из которых посвящены проблемам женского равноправия: «Социальные основы женского вопроса» (1908), «Общество и материнство» (1916), «Семья и коммунистическое государство» (1918).

Развитию концепции новой женщины А.М.Коллонтай посвятила также свою беллетристику, например повести «Большая любовь» (1927), «Василиса Малыгина» (1923) и рассказ «Любовь трёх поколений» (1923), в которых она описывает раскрепощенных женщин, не желающих связывать себя семьёй.

Взгляды на женщину нового, передового общества А.М.Коллонтай выразила в статье «Новая женщина», опубликованной в 1913 году. Новая женщина стремится стать полноправным членом общества и поэтому руководствуется следующими принципами: победа над эмоциями, выработка самодисциплины; отказ от ревности, уважение свободы мужчины; требует от мужчины не материального обеспечения, а бережного отношения к своей личности. Новая женщина — самостоятельная личность, её интересы не сводятся к дому, семье и любви. Подчинение разуму любовных переживаний. Женщины должны служить интересам класса, а не обособленной ячейке общества. Отказ от фетиша «двойной морали» в любовных отношениях. Новая женщина не скрывает своей сексуальности. А.М.Коллонтай считала, что вместе с победой коммунистических принципов и идеалов в области политики и экономики неизбежно должна совершиться и революция в мировоззрении, в чувствах, в строе души трудового человечества. Александра Михайловна исследует тему любви как социально-психического фактора. «Загадка любви», то есть вопрос взаимоотношений полов, – загадка старая, как само человеческое общество. На разных ступенях своего исторического развития человечество по-разному подходило к ее разрешению. «Загадка» остается, ключи меняются. Эти ключи зависят от эпохи, от класса, от «духа времени».

Общественный строй, построенный на сотрудничестве, требует, чтобы данное общество обладало способностью людей переживать «симпатические чувствования» — чуткость, сочувствие, отзывчивость. Все эти «чувствования» вытекают из одного общего источника: способности любить не в узко половом, а в широком значении слова.

Постепенно из биологического инстинкта любовь усложнилась, обрастая все новыми духовно-душевыми переживаниями. Из явления биологического любовь стала фактором психосоциальным.

Для объяснения сложности новой любви А.М.Коллонтай вводит понятие Эроса, причем различает несколько его типов. Эрос, в греческой мифологии, поэзии и культуре — бог любви. «Эрос бескрылый», в понимании Александры Михайловны, — это голый инстинкт воспроизводства. Он поглощает меньше душевных сил, чем требовательный «крылатый Эрос», любовь. В момент революционной борьбы эпоха «крылатого Эроса» сменяется эпохой «Эроса бескрылого». Кроме того, А.М.Коллонтай заявляет, что современному человеку некогда «любить». В обществе, основанном на начале конкуренции, при борьбе за существование, неизбежной погоне за куском хлеба или карьерой, не остается места для культа Эроса. Мужчина опасается отравленных стрел Эроса, могущих отвлечь его от «главного» в жизни. Перед женщиной, особенно живущей самостоятельным трудом (а таких 30–40% во всех культурных странах), стоит та же дилемма: любовь или профессия? Положение женщины-профессионалки осложняется еще одним привходящим моментом — материнством.

Такая многогранность любви при господстве буржуазной идеологии и буржуазно-капиталистического быта создает ряд тяжелых и неразрешимых душевных драм. Уже с конца XIX века она стала излюбленной темой писателей-психологов. «Любовь к двум» даже «к трем» многих занимала и смущала своей «загадочностью». Эту сложность души, это раздвоение чувства пытался еще в 60-х годах объяснить русский мыслитель-публицист А.Герцен в своем романе «Кто виноват?». К решению этой проблемы подходил и Чернышевский в своей социальной повести: «Что делать?».

А.М.Коллонтай говорила, что ключ к разгадке — в руках пролетариата. Распутать эту сложную проблему чувства может только идеология и быт нового трудового человечества. Одного женщина любит «верхами души», с ним созвучны ее мысли, стремления, желания; к другому ее властно влечет сила телесного родства. К одной женщине

мужчина испытывает чувство бережливой нежности, заботливой жалости, в другой он находит поддержку и понимание лучших стремлений своего «я». А.М.Коллонтай отмечает, что все современное воспитание женщины направлено на то, чтобы замкнуть ее жизнь в любовных эмоциях. Напротив, надо распахнуть перед женщиной широкие врата всесторонней жизни, надо закалить ее сердце, надо бронировать ее волю. Пора научить женщину брать любовь не как основу жизни, а лишь как ступень, как способ выявить свое истинное Я. Пусть и она, подобно мужчине, научится выходить из любовного конфликта не с помятыми крыльями, а с закаленной душой. «Уметь в любую минуту сбросить прошлое и воспринимать жизнь, будто она началась сегодня» — таков был девиз И.Ф.Гете. А.М.Коллонтай выделяет три основных положения многогранных любовно-товарищеских переживаний: 1) равенство во взаимных отношениях, 2) взаимное признание прав другого, без претензии владеть безраздельно сердцем и душой другого, 3) товарищеская чуткость, умение прислушаться и понять работу души близкого и любимого человека.

Но есть и еще одно отличие от прежних идеалов. Буржуазная мораль требовала: все для любимого человека. Мораль пролетариата предписывает все для коллектива. Женщины должны служить интересам класса, а не обособленной ячейке общества. В 1920 г. А.М.Коллонтай возглавила Женотдел при ЦК РКП (б). Она обратилась к нерешенным проблемам русского феминизма – сексуальные, репродуктивные права женщин, право женщин на развод, на аборт, на рождение ребенка вне брака без социальных последствий. Это ей принадлежат идеи о равноправном партнерстве в браке, о ценности сексуальных отношений в жизни женщины, о необязательности оформления брака, об освобождении женщин от быта. Она считала, что женщина должна только родить ребенка, а его воспитание – дело государства. Она рассматривала материнство как социальную обязанность женщины перед государством. Идеи А.М.Коллонтай остаются современными и до сих пор. Ее называли «Демон 8 Марта», «Валькирия революции», «Эрос в мундире дипломата», «Сексуальная революционерка», «Женщина красных». При этом А.М.Коллонтай была женщиной, которая любила и страдала в эпоху непростого революционно-военного времени.

Н.В. Страхова

Ярославль, Ярославский гос. университет им. П.Г. Демидова

**ОБРАЗ А.М. КОЛЛОНТАЙ В ГАЗЕТАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ
в 1920 – 1930 гг.**

Личность А.М.Коллонтай, вошедшей в историю дипломатии как первая женщина – полномочный представитель Советского государства за рубежом, обращает на себя пристальное внимание исследователей на протяжении долгих лет. В данной работе речь пойдет об образе женщины-дипломата, созданном скандинавской печатью в 1920 – 1930-е гг. Создание привлекательного имиджа посланника влияет и на представления о государстве в целом. Александра Михайловна прекрасно понимала роль средств массовой информации и охотно шла на контакт с журналистами. В качестве основного источника нами был использован комплекс норвежских, шведских и датских газет. В Российском Государственном Архиве Социально-Политической Истории (РГАСПИ) в личном фонде А.М. Коллонтай хранятся материалы печати североευропейских стран за 1920 – 1930-е гг. Также, обширная подборка датских, шведских и норвежских газет отложилась в Архиве Внешней Политики РФ. Периодическая печать, являясь, по своей сути, тенденциозным и пристрастным источником, дает возможность отследить образ А.М. Коллонтай, созданный скандинавской печатью. Для формирования всестороннего представления об имидже советского дипломата мы привлекли просоветские («Арбейдербладет», шведская и норвежская «Социал-Демократ») и антисоветские по настроениям («Тиденс Тейн», датская и шведская «Дагблад», «Национен», «Политикен») издания североευропейских стран. Состав жанровых материалов обеих групп близок: в основном, доминирует небольшие заметки, обзоры, информационно-новостные сводки. Крайне редко встречаются репортажи, интервью, очерки. Как правило, они размещены на последних страницах газет.

При изучении образа, создаваемого европейскими газетами, следует учитывать целый ряд факторов. Прежде всего, само исключительное положение советского государства, которое являлось единственной социалистической страной в окружении капиталистических держав. С одной стороны, данное обстоятельство приводило к противопоставлению другим государствам, с другой – вызывало повышен-

ный интерес. Кроме того, особую роль играло революционное прошлое Александры Михайловны. Здесь следует учитывать обе стороны одной медали. С одной стороны, власти европейских государств видели в ней политического преступника. Показателен случай, произошедший с А.М.Коллонтай на норвежско-шведской границе в 1922 г. По ее воспоминаниям, шведский таможенник не позволил ей пересечь границу, она была вынуждена около двух часов ждать особого решения шведских властей. Потом таможенник, извинившись, пропустил советского дипломата со словами: «Вы, наверное, не помните, но я арестовывал Вас на этом же самом месте». С другой стороны, интеллектуальная элита Дании, Норвегии, Швеции была хорошо знакома с А.М. Коллонтай по эмиграции. Та же самая А.М. Коллонтай неоднократно подчеркивала, что личные связи помогали ей в продвижении интересов страны. Изучая, как складывался образ Александры Михайловны в печати северо-европейских стран, нельзя не учитывать и особенности внешней политики этих государств. В 1920 – 1930-е гг. господствовала концепция зависимости так называемых «малых стран» Европы от крупных европейских держав. Норвегия, Дания, Швеция относились к малым странам, чьи лидеры откровенно заявляли о следовании в фарватере политики Антанты. Да и советские правящие круги прекрасно осознавали данный факт. Зачастую скандинавские газеты просто перепечатывали материалы из других европейских и американских изданий.

Чаще всего скандинавские газеты публиковали материалы, характеризующие текущие взаимоотношения. При этом заметно: «Арбейдербладет» и обе «Социал-Демократ» давали информационно-новостные сводки, а «Тиденс Тейн», датская и шведская «Дагблад», «Национен», «Политикен» пестрели весьма нелицеприятными оценками советских действий. Практически не сообщалось о переговорах, которые велись с советскими лидерами правительствами этих стран. Просоветски настроенные газеты давали информацию о меняющемся положении женщин в РСФСР, позитивных изменениях в быту, открывшемся доступе к культурным ценностям. Появлялись и публикации об А.М.Коллонтай, первой советской женщине-дипломате. На страницах этих газет Александра Михайловна рисовалась не только как грамотный квалифицированный работник, но и как представительница нового типа советской женщины.

«Тиденс Тейн», датская и шведская «Дагблад», «Национен», «Политикен» концентрировали внимание на морально-нравственном облике советского полпреда. Здесь использовались интервью А.М. Коллонтай, в которых акценты смещались в сторону раскрепощения взаимоотношений полов и свободного сексуального поведения новой женщины. Периодически появлялись материалы о поведении самой мадам Коллонтай. Целый ряд публикаций освещал попытки совращения А.М.Коллонтай истинных норвежских и шведских христианок. Приводились свидетельства молодых медсестер о том, как Александра Михайловна рассказывала им о «плотской любви мужчины и женщины, склоняя невинных девушек к подобным контактам». Так переключалось внимание публики.

Анализируя публикации скандинавской печати, видно: в Дании, Норвегии, Швеции сложился определенный образ первой советской женщины-дипломата. С одной стороны, ее показывали как квалифицированного работника, элегантную и интересную даму, с другой стороны – как роковую женщину, ведущую весьма свободный образ жизни. Общество стремились шокировать странными подробностями жизни мадам Коллонтай, на первый план выводили неординарные аморальные с точки зрения буржуазного социума поступки. При этом всех последующих полпредов сравнивали именно с А.М. Коллонтай.

Ch. Chatterjee

Лос-Анджелес, Калифорнийский Государственный Университет

ЖЕНЩИНА В КРАСНОМ: ЯЗЫКИ РЕВОЛЮЦИИ В АМЕРИКАНСКОМ ВООБРАЖЕНИИ, 1917–1939

Большевики пришли к власти в 1917 году, вооруженные вещественными доказательствами о зависимом положении женщин в обществе, рядом определенных рекомендаций о том как их обернуть в полноправных участниц социалистической революции, а также кадрами феменисток, которые были готовы осуществить эти цели. Так как и материальные условия и политическая обстановка в стране после 1917 года сделали проблематичным для Большевицкого руководства реализовать большинство их задач, вскоре после революции, значительная доля силы и политической воли были перенаправлены на создание официальной пропаганды для женской половины населения в стране и зарубежом.

Большевики окончили катастрофически-разрушительную Гражданскую войну 1921 г. в состоянии полной уверенности в силе их идеологии. Они были убеждены, что их идеи о перестройке гендерных отношений в обществе и о переформулировке женской субъективности могли бы быть применены на международном масштабе. В результате, они провели существенную акцию в цели создания официальной пропаганды направленной на женщин живущих в стране и зарубежом. В этой работе, я предпринимаю трех-уровневое исследование направленной на женщин Большевистской пропаганды и очерчиваю пути по которым она была распространена в США с 1917 по 1939 г. В дополнение к изучению общественных и архивных документов Коминтерна и CPUSA, я также анализирую незапланированные виды влияния Советской пропаганды на личность и политические взгляды Американских коммунисток, туристов и их политических оппонентов.

Коммунистки как Роза Пастор Стоукс, Вера Бух, Пэгги Деннис, Агнес Смедлей, Элизабет Герли Финн и многие другие, были сдержаны в дискуссии их жизни и взглядов в связи с политическими условиями, вызванными Холодной Войной. Более того, за исключением Эммы Голдман и Агнес Смедлей, только немногие из этих женщин привлекли серьезное внимание академиков. Многие не писали об своем прошлом вообще, в то время как другие опубликовали их мемуары только в последние десятилетия. Если женщины-революционеры были героями как в России так и в Советском Союзе, и только недавно стали отодвигаться на задний план либеральными феминистками, Американские коммунистки до сих пор борются с обвинениями об измене стране за «Московское золото» и о предании их собственного феминистского движения за рабочий класс мира. Маккартизм и антагонизмы Холодной Войны, очевидно, сделали очень сложным принять Американских коммунистов без предубеждений. В этой работе я утверждаю, что интеллектуальные рамки о государстве и нации исказили наше понимание этой когорты, и в связи с этим, я использую концепт революционной личности в целях глубокого понимания политических взглядов, решений и мотиваций Американских коммунистов.

В то время как большинство Американцев были не уведомлены о пропаганде CPUSA направленной на женщин, путевые заметки таких просоветских Американских туристов как Луиза Браянт, Элла Уинтер, Джессика Смитт, Луи Фишер, Морис Хиндус и Сьюзен Кингсбери пользовались большой популярностью. Эти мужчины и женщины писали

похвальные путевые очерки, монографии, газетные статьи и художественные произведения о Советских суперженщинах – амазонках, которые легко совмещали карьерные достижения с семейными обязательствами и с общественной работой. Пока эти посетители Советского Союза восхищались «большевистской феминистской политикой» у себя дома, консерваторы и идеологи правого крыла использовали те же самые идеи чтобы доказать, что Большевики целеустремленно хотели разбить основы буржуазной семьи и нарушить «естественные» отношения между мужчинами и женщинами. Эти критики приводили устрашающие примеры “эмансипированных Советских женщин”, как Александра Коллонтай, чтобы обвинить Советский Союз и продвинуть свои анти-феминистские взгляды. Консерваторы ярко обрисовывали кошмары «советской свободной любви и злосчастье исчезновения традиционной семьи» чтобы опорочить коммунизм и феминизм. Эти пылающие политические дебаты живущие в американской среде распространили большевистские представления о феминистской утопии далеко за пределами узкой аудитории, изначально выбранной педагогически-соориентированным руководством Коминтерна. Эта работа адресует создание и распространение гендерных рамок феминистской утопии и дистопии (антитеза утопии – *прим. ред.*) большевиков, и анализирует, как люди использовали языки социалистического феминизма для того, чтобы обозначить свои позиции в системе межнациональных дискуссий.

А.В. Всеволодов

Череповец, Череповецкий государственный университет

ПАРАДОКСЫ МИХАИЛА ГУСЕВА:

ШТРИХИ К БИОГРАФИИ ПРАВОСЛАВНОГО ПРОЛЕТАРИЯ 1920–Х ГГ.

Выдвижение наиболее активных приверженцев большевистской идеи на роль элиты в условиях социальных трансформаций в после-революционном обществе маркировалось, по С.В. Ярову, их особой пролетарской сословностью. Приближение к ней было возможно и для некоторых представителей «эксплуататорских классов». Так, у выходцев из среды православного духовенства вживание в амплуа пролетария порой сопровождалось полярной сменой идентичностей, превращавшей бывшего клирика из проповедника евангельских истин в активиста атеистической пропаганды. Этот процесс в пределах персональ-

ной истории может быть изучен в двух аспектах – 1) индивидуальной биографической траектории, последовательно описывающей канву основных жизненных событий в конкретике географического пространства; 2) внешних и/или используемых самим индивидом текстуальных способов идентификации.

Источниковую основу нашего исследования составили материалы одного из личных собраний, хранящихся в настоящее время в Череповецком музейном объединении.

А.Я. Тарасюк

Тюмень, Тюменский государственный университет

ЖЕНСКАЯ ИНИЦИАТИВА в 1920 гг.

И БОРЬБА С БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ (НА МАТЕРИАЛАХ ГБУТО ГАТО)

Изучение истории женского движения в ранний период становления советского государства, анализ общественных инициатив по наиболее актуальным социальным проблемам могут оказать реальную помощь в осознании современных социальных проблем, близких и понятных женщинам. Безусловно, одной из таких проблем являются вопросы материнства и детства, детской безнадзорности, девиантного поведения. Беспризорничество – очень сложное социальное явление. Гражданская война лишила многих детей родителей, но далеко не все из них были сиротами. Многие уходили из дома в виду сложных материальных условий либо оказывались брошенными. Только в Сибирском крае к 1923 году было 20.000 неустроенных детей. С момента установления советской власти проблема ликвидации детской непризорности постоянно приковывала к себе внимание крупных государственных и общественных деятелей и постоянно обсуждалась на страницах печати, конференциях, съездах, совещаниях работников просвещения, социального обеспечения, медицинского обслуживания, представителей правоохранительных органов. Представители теории «моральной дефективности» (П.Г.Бельский, А.И.Граборов, Н.П.Гришаков, Т.П.Симеон и др.) доказывали доминирующую роль наследственной компоненты в процессе развития человека. По их мнению, она распространяется не только на его морфологические, биохимические особенности, но и на высшие психические свойства, формируя моральную конституцию индивида, систему выбора тех или иных этических ценностей и норм. Противоположную позицию занимали педаго-

ги–марксисты (Л.С.Выготский, А.В.Луначарский, Н.К.Крупская, А.С.Макаренко, С.Т.Шацкий и др.), заявлявшие, что дефективность ребенка порождается не дурной наследственностью, а деструктивными социальными условиями (гражданская война, разруха, голод, наследие старого мира), при изменении которых от дефективности не остается и следа. Руководство советской республики, помимо разработки и внедрения нормативно–правовых актов, касающихся борьбе с беспризорностью, стремилось вовлечь в данную работу женское общественное движение (в первую очередь женотделы). ВЦИК и Наркомпрос РСФСР издали закон "Об организации дела борьбы с детской беспризорностью". Согласно данному закону, разрешалось назначать опеку по отношению к детям, передавать их на договорных началах в крестьянские семьи или ремесленникам и кустарям, которые обязывались их содержать и научить своей специальности. По закону следовало оказывать адресную материальную помощь детям, находившимся на грани нищеты и беспризорности, кроме того, взрослых подростков следовало направлять на государственные заводы, где они могли освоить ту или иную профессию.

Оказание адресной помощи проходило через органы опеки, Наркомпроса и Женотдела. Наркомпрос РСФСР узаконил на производстве бронь для подростков из детских домов. 30 апреля – 6 мая 1923 г. была объявлена Неделя беспризорного и больного ребенка, когда повсеместно проводились денежные отчисления, тарелочные сборы в московских театрах, собирался 10–процентный налог с выручки буфетов. К началу 1925 г. в РСФСР было создано около 200 трудовых коммун для подростков, наиболее успешными из которых были трудовые коммуны А.С. Макаренко. Активное участие в воссоздании ячеек принимали делегатки тюменского женотдела, особое внимание акцентируя на том, что все средства ячеек будут оставаться на местах и распределяться в соответствии с нуждами детей. На 1 октября 1925 г. членами общества являлись 384 человека, которые ежемесячно жертвовали символические суммы в размере от 10 до 40 копеек. Основные средства поступали от организаций. В постановлении ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 8 марта 1926 г. «Об утверждении положения о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР» из всей массы беспризорных наиболее нуждающимися в полном обеспечении и воспитании признаются категории беспризорных–бездомных и беспризорных–заброшенных. Борьба с детской беспризорностью включа-

ла как изъятие детей с улицы, так и своевременное оказание помощи нуждающимся детям безработных и городской бедноты. В Тюмени был введен институт патронажных семей. Патронажными родителями были женщины. Деткомиссия, при активном участии женотдела, к 1926 г. увеличила оборотный капитал, помимо традиционной работы, сумев подготовить 500 комплектов детской одежды и постельных принадлежностей. Обследования, проводимые делегатками женотдела, свидетельствовали о том, что вновь созданные социальные учреждения сами часто располагались в ветхих строениях, а их фонды были мизерными. Отсутствовали квалифицированные специалисты социальной и образовательной сфер. Женщины, наиболее заинтересованные в ликвидации проблемы беспризорности, организовывали коммуны и активно участвовали в создании новых детских домов. Дети с улицы попадали в приемники-распределители и дома ребенка. В обследованиях этих учреждений в большинстве случаев отмечалось, что условия содержания были плохими, не хватало одежды, белья, мебели, ребята часто болели и смертность среди них была очень высока. «У воспитателей, как отмечали инспектирующие «Дом ребенка» в Тобольске, взгляды на детей, как при прежнем правительстве, дети незаконнорожденные или подкидыши не имеют права на жизнь». Аналогичной была ситуация в других детских домах. Почему родители отказывались от детей? Виной тому была не только сложная политическая и экономическая ситуация, разруха и война, но и то состояние растерянности, страха перед будущим, образовавшееся в смутное революционное время. Спустя годы, уже повзрослевший Григорий Лебедев захотел воссоединиться с семьей. Перед самым выпуском из детского дома он получил письма от матери и младшей сестры. «Все слова, которые ты писал – они оплаканы. Приезжай, сынок!» писала мать. Сестра в коротком письме, пыталась объяснить брату мотив поступка матери: «Гриша, дорогой братишка, ты знаешь, как нас нужно было поднять в голодный год, а она у нас старенькая». Трудно беспристрастно анализировать подобные документы. Они являются штрихами субъективной истории отдельных людей, из которой складывается общая история государства. Вырисовывается облик женщины 1920-х годов. Противоречивый облик, включающий в себя черты нового времени и социальной борьбы на фоне большинства неправых и бессловесных женщин, которые остались безымянными и забытыми. Неоспоримым остается тот факт, что руководство советского государства стремилось

всячески использовать инициативу женского общественного движения в борьбе с беспризорностью. Вплоть до 1930-х гг., когда остаточное явление было уничтожено карательными мерами.

О.А. Гоманенко

Волгоград, Волгоградский государственный университет

ЖЕНСКИЙ ТРУД НА ПРЕДПРИЯТИЯХ РЕЧНОГО ТРАНСПОРТА НИЖНЕЙ ВОЛГИ В 1941 – 1943 ГГ.

В годы Великой Отечественной войны обострилась проблема обеспечения речного транспорта СССР рабочей силой, что было вызвано массовой мобилизацией в армию мужчин. Осуществлялись мероприятия по привлечению домашних хозяек, подростков и других членов семей речников. Вследствие чего в 1941 г. больше стало уделяться внимания подготовке плавательским специальностям женщин и подростков. Обучение осуществлялось индивидуально на рабочем месте путем прикрепления к квалифицированным рабочим.

За лето 1941 г. по Нижневолжскому речному пароходству (НВРП) была подготовлена 251 женщина, из них 159 получили штатные должности, а в зимний период они также участвовали на ремонтных работах. 177 женщин для флота и пристаней обучалось по таким же специальностям, как и мужчины (рулевые, матросы, масленщики, кочегары, бункеровщики, нормировщики). Для заводов было подготовлено 74 женщины (токари, маляры, электросварщики и др.).

Всего в 1941 г. НВРП по различным специальностям проходило учебу 3319 речников, что почти на 1000 человек меньше, чем в навигацию 1940 г. Это обстоятельство еще больше осложнило обстановку не только кадровую, но и в целом на водном транспорте Нижней Волги, т.к. массовый призыв в армию и сокращение штатов влиял на выполнение перевозок пароходством. Вследствие нехватки грузчиков в разгрузке и погрузке судов участвовало местное население, воинские части, частично предприятия, которым поступали грузы (клиентура), а также непосредственно судовые команды, в т.ч. жены речников.

В военных условиях быстро набрать новых рабочих стало возможным с помощью принудительных мер – трудовой мобилизации. По Указу Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» от 13 февраля 1942 г. признава-

лось необходимым мобилизовать трудоспособное городское население в возрасте: мужчины 16 – 55 лет, женщины 16 – 45 лет. От мобилизации освобождались 16 – 18-летние лица, которые призывались в школы фабрично-заводского обучения (ФЗО), ремесленные и железнодорожные училища, а также женщины, имевшие детей в возрасте до 8 лет. В соответствии с Указом от 19 сентября 1942 г. предельный возраст женщин, подлежащих мобилизации, повышался с 45 до 50 лет.

Проблема снабжения промышленности и транспорта кадрами стала одной из главных в деятельности коллегий наркоматов, которые добивались наиболее правильной расстановки людей, эффективного применения труда женщин и молодежи. В системе Народного комиссариата речного флота (НКРФ) за 1942 г. было подготовлено 8199 человек училищами и 4610 школами ФЗО. Подготовка, в частности, новых женских кадров по НКРФ в 1942 г. в среднем составляла 23% к общему числу обучающихся. Всего же в этот год в системе Наркомата работало 62408 женщин (в 2,5 раза больше, чем до войны), составлявших более трети всех работающих в этой отрасли хозяйства. К началу второй военной навигации в Поволжье на водном транспорте насчитывалась 5081 женщина.

По состоянию на 1.02.1942 г. на флоте и предприятиях Нижневожского речного пароходства работало 1950 женщин (в т.ч. 964 на пристанях, 383 на флоте и 603 на предприятиях пароходства), что в 1,6 раза больше, чем до войны. К началу навигации 1942 г. количество женщин в НВРП увеличилось до 2707 (т.е. на 40%): 1048 на флоте, 1659 на предприятиях, в т.ч. 130 грузчиц. Причем численность женщин, работавших на флоте, возросла более чем в 2,5 раза по сравнению с февралем.

К 1942 г. на Сталинградской транзитной пристани за период с начала войны было принято на работу 150 женщин, в т.ч. 50 жен призванных в армию речников. Значительно возросло количество женщин, занимавших командные должности: на флоте – 20, на пристанях – 26. Возможность большего использования женщин в пароходстве ограничивалась недостаточным количеством детских учреждений. В НВРП на февраль 1942 г. имелось 9 детских садов на 590 человек.

В дни военной навигации 1942 г. Управление Нижневожского речного пароходства (УНВРП) часто обращалось в Сталинградский обком ВКП(б) и Военный округ с вопросом о выделении нужного числа грузчиц. К открытию навигации 1942 г. для обеспечения минимального

